

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕНЬ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МОНГОЛОВЪ.

СОВРАНЫ И ИЗДАНЫ

СЪ ПРЕЛОЖЕНІЕМЪ ПРИМѢЧАНІЙ О ХАРАКТЕРѢ НАРОДНОЙ ПѢСЕННОЙ ПОЭЗИИ
МОНГОЛЬСКИХЪ ПЛЕМЕНЬ, СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПРИЕМАХЪ
СТИХОСЛОЖЕНІЯ У МОНГОЛОВЪ

А. Позднѣвымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).

1880.

27253.13

Subscription fund.
I.

Печатано по опредѣленію факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго Университета, 4-го февраля 1880 г.

Декань *В. Васильевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1 — VI
Возстановленный текстъ халхаскихъ, ѳлѳтскихъ и бурятскихъ пѣсенъ, представляемыхъ въ изслѣдованіи	1— 48
Предварительныя замѣчанія о значеніи и общемъ характерѣ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ	45— 74
Пѣсни Халхаскихъ Монголовъ	74—134
Пѣсни ѳлѳтовъ	134—185
Пѣсни Бурятъ забайкальскихъ	185—268
Пѣсни Бурятъ добайкальскихъ	268—297
Замѣтка о литературныхъ стихотвореніяхъ монгольскихъ пле- менъ	297—319
Различныя приемы монгольскаго стихосложенія	319—346

Habent sua fata libelli.

Предлагаемая книга силою обстоятельствъ является предъ читателями совершенно не въ той формѣ, въ которой должна была она явиться по моему первоначальному плану. Дѣло въ томъ, что, составивъ во время путешествія своего по Монголіи, Чжунгаріи и степямъ Забайкалья сборникъ образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ, я, намѣреваясь предпринять изъ Иркутска обратный путь въ Россію по Монголіи же, счелъ за лучшее не подвергать свои коллекціи всѣмъ неудобствамъ тяжелаго восьми-мѣсячнаго передвиженія подъ открытымъ небомъ и на спинѣ верблюда, а передалъ ихъ Восточно-Сибирскому Отдѣлу Императорскаго Географ. Общ. для пересылки въ Петербургъ. Возвратившись изъ Монголіи, я надѣялся найти свои коллекціи уже въ Петербургѣ, но вмѣсто нихъ меня ожидало здѣсь извѣщеніе, что переданныя мною книги и рукописи были своевременно отправлены въ Петербургъ, затѣмъ почтовымъ вѣдомствомъ возвращены снова Отдѣлу и 24 іюня сгорѣли вмѣстѣ съ зданіемъ Отдѣла въ страшный пожаръ г. Иркутска. Такимъ образомъ, вмѣсто обширнаго сборника, который давалъ значительныя средства къ уясненію характера народной литературы и могъ служить богатымъ матеріаломъ для изслѣдованій современной намъ живой рѣчи монголовъ, у меня осталось въ рукахъ не болѣе полусотни пѣсенъ, да около ста пословицъ, поговорокъ и загадокъ, записанныхъ во время обратнаго пути по Монголіи. Зная одна-

ко, что и этот сборник превосходит своею величиною и достоинством все известное намъ количество памятниковъ устного, народного творчества монголовъ, я тогда же рѣшился обнародовать его въ печати, приложивъ къ тексту и переводу пѣсень краткій литературный очеркъ пѣсенной поэзіи монголовъ вообще и, въ видѣ примѣчаній, замѣтки объ особенностяхъ народного языка монголовъ, насколько выясняли то представляемыя мною пѣсни. Было уже готово около двухъ-третей моего изслѣдованія въ означенномъ планѣ, какъ получилъ я новое увѣдомленіе изъ Иркутска, которымъ давали мнѣ знать, что мои «случайно уцѣлѣвшія отъ пожара» коллекціи представлены Отдѣлу и въ непродолжительномъ времени будутъ высланы въ Петербургъ снова. Въ февралѣ я получилъ эти сборники народной литературы халхаской, ѳлотской, и бурятской и нѣсколько прежде того древнѣйшій памятникъ монгольской письменности — Юань-чао-ми-ши. Это обогащеніе побудило меня на первыхъ же порахъ расширить свое изслѣдованіе особливо въ изложеніи наблюденій надъ составомъ языка монгольскихъ племенъ: текстъ Юань-чао съ его обширностію и, хотя нѣсколько своеобразною, но отмѣнною опредѣлительностію китайскаго іероглифическаго письма, известные намъ памятники квадратной письменности монголовъ, принадлежащій библиотекѣ С.-Петербургскаго Университета богатый сборникъ монгольской литературы XVIII вѣка, наконецъ приобретенныя мною позднѣйшія литературныя произведенія монголовъ вмѣстѣ съ собранными образцами ихъ устного творчества давали къ тому полную возможность. Я расширилъ свои примѣчанія и увеличилъ количество образцевъ, представляемыхъ мною пѣсень; но въ апрѣлѣ, когда былъ уже напечатанъ монгольскій текстъ этой книги, я получилъ еще часть своихъ коллекцій, при чемъ мой сборникъ народной литературы обогатился главнымъ образомъ по отдѣлу пословиць, поговорокъ и загадокъ халхаскихъ и бурятскихъ (всего 515 образцовъ). Понятно, что въ это время, когда начато уже было печатаніе книги, новая передѣлка изслѣдованія была невозможна, — я рѣшился оставить его та-

кимъ, какимъ оно тогда представлялось; желая же обнародовать массу имѣющагося у меня матеріала, который долженъ былъ послужить какъ основою для моихъ собственныхъ изслѣдованій по языку, такъ и могъ представить для другихъ средство къ изученію народной литературы и языка монголовъ, я положилъ измѣнить планъ всего своего труда. *Habent sua fata libelli*; — книга, вмѣсто того чтобы быть моимъ законченнымъ изслѣдованіемъ о народной литературѣ монгольскихъ племенъ, обратилась только въ часть ея и, по отношенію къ преслѣдуемой мною цѣли, пожалуй, не можетъ быть названа иначе какъ введеніемъ.

Согласно этому, вновь составленному плану, я намѣренъ издать свое изслѣдованіе и матеріалы для онаго въ четырехъ выпускахъ. Первый изъ нихъ, нынѣ представляемый читателямъ, заключаетъ въ себѣ образцы пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ въ количествѣ 85 и характеристику этого рода твореній у монголовъ вообще. Я старался выяснитъ здѣсь общій духъ пѣсенной поэзіи монголовъ, изложить основные мотивы монгольской пѣсни, указать способы ихъ развитія и опредѣлить какимъ образомъ извѣстный мотивъ могъ найти свою основу въ народной жизни того или другаго монгольскаго племени, а равно въ силу какихъ обстоятельствъ получилъ онъ ту или другую сторону развитія. Чтобы придать возможно большую полноту своему очерку, я выбиралъ самыя характерныя черты изъ всего, имѣющагося у меня матеріала для сужденій о пѣсенной поэзіи монголовъ и такимъ образомъ построилъ свое зданіе не на однихъ представляемыхъ образцахъ, но и на тѣхъ, изданіе которыхъ войдетъ въ составъ втораго выпуска этого изслѣдованія. Читатели поэтому не найдутъ новыхъ темъ въ пѣсняхъ, имѣющихъ быть представленными во второмъ выпускѣ: по содержанію онѣ будутъ служить только подтвержденіемъ того, что говорится въ настоящей книгѣ и если я съ своей стороны все таки намѣренъ предпринять ихъ обнародованіе въ печати, то это потому, что остающіяся у меня неизданными пѣсни могутъ представить собою большій матеріалъ для желающихъ взглянуть на пѣсенную поэзію монголовъ съ

другой какой либо стороны и во вторых потому, что онѣ несомнѣнно открываютъ собою новый и богатый источникъ для монгольскаго языковѣденія. Еще болѣе цѣннымъ именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи представляется для меня третій выпускъ, въ содержаніе котораго войдутъ пословицы, поговорки и загадки монголовъ. Этотъ послѣдній выпускъ нынѣ почти приготовленъ мною къ печати и работы надъ нимъ болѣе всего побудили меня къ измѣненію общаго плана изданія своего труда. Такимъ образомъ богатство данныхъ для лингвистическихъ изысканій, которое представляетъ собою языкъ пословицъ и поговорокъ, побудили меня прежде всего изъять совершенно свои примѣчанія къ настоящему выпуску. Содержаніемъ ихъ было, по преимуществу, изложеніе моихъ наблюдений и изысканій о происхожденіи, существѣ и видоизмѣненіяхъ грамматическихъ формъ монгольскаго языка; но, являясь въ видѣ примѣчаній къ издаваемому тексту и находясь такимъ образомъ въ безусловной зависимости только отъ этихъ 85-ти пѣсенъ, мои изслѣдованія по языку конечно не могли быть изложенными здѣсь во всей своей полнотѣ и опредѣленности. Я сознавалъ, что каждый новый выпускъ потребовалъ бы отъ меня новыхъ примѣчаній и всѣ они вмѣстѣ имѣли бы все таки видъ безсвязной массы данныхъ, на основаніи которыхъ трудно было бы сдѣлать какіе либо лингвистическіе выводы только въ силу того, что эти данныя не имѣли у себя ни какой системы. Все это побудило меня не разбрасывать своихъ замѣтокъ по лингвистикѣ въ отдѣльныхъ выпускахъ, а собравъ ихъ въ одно цѣлое, представить въ стройной системѣ, уже послѣ изданія всѣхъ матеріаловъ, въ четвертой книгѣ этого труда, которая потому будетъ ничѣмъ инымъ, какъ историческою грамматикою монгольскаго языка.

Обращаясь теперь къ настоящему труду, я вполне сознаю, что онъ, какъ по своему содержанію, такъ и по зависящей отъ содержанія формѣ изложенія, весьма во многомъ не сходствуетъ съ тѣми изслѣдованіями произведеній народнаго творчества, которыя появлялись у насъ и къ которымъ уже привыкли мы за

послѣднее время. Сочиненія этого рода обыкновенно заключаютъ теперь въ себѣ критическій разборъ народныхъ произведеній съ цѣлью опредѣлить для каждаго изъ нихъ мѣсто и время происхожденія, выяснитъ — принадлежитъ ли извѣстное произведение къ числу памятниковъ оригинальнаго народнаго творчества, или же оно заимствовано у какого либо другаго народа и у какого именно. При такихъ задачахъ современныя наши изслѣдованія народныхъ произведеній естественно должны наполняться разнаго рода историческими соображеніями и представлять собою сборники научнаго сличенія и сопоставленій разбираемыхъ образцовъ съ такими же памятниками всемірной литературы; но мнѣ казалось, что въ изслѣдованіи памятниковъ народнаго творчества монголовъ еще не приложимы, или по крайней мѣрѣ не такъ полезны и важны подобныя изысканія. Для насъ прежде всего необходимо имѣть представленіе объ общемъ характерѣ народной поэзіи монголовъ, а между тѣмъ кто до сего времени основательно, т. е. съ изложеніемъ доказательствъ, говорилъ когда либо хотя бы то о содержаніи монгольскихъ пѣсенъ? Собрать все, что было у насъ написано въ отрывистыхъ, короткихъ и малоказательныхъ сказаніяхъ путешественниковъ по сему предмету, можно было думать, что любимыя темы монгольской пѣсни суть воспоминанія о минувшихъ славныхъ временахъ, воспѣваніе доблестей древнихъ героевъ и хвала вѣрному и постоянному другу монгола — коню; но на дѣлѣ оказывается, что эпическія пѣсни положительно у всѣхъ монгольскихъ племенъ можно находить только какъ рѣдкость, а воспѣваніе похвалъ коню далеко уступаетъ свое мѣсто изліяніямъ благоговѣйныхъ чувствъ передъ буддою. Вотъ почему я и счелъ нужнымъ установить правильный взглядъ на содержаніе монгольской пѣсенной поэзіи, указавъ главнѣйшія темы монгольскихъ пѣсенъ и выяснивъ отношеніе и связь ихъ съ жизнью и бытомъ народа: безъ этого знанія основнаго характера народныхъ пѣсенъ мы не могли бы, мнѣ кажется, и отличить оригинальной пѣсни отъ заимствованной и передѣланной, или даже переводной сполна.

Не могу не сказать далѣе, что при изученіи образцовъ народнаго творчества монголовъ мое вниманіе занимали главнымъ образомъ изслѣдованія по языку; оттого настоящій трудъ, равно какъ и два послѣдующіе за нимъ выпуска «образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», представлялись для меня лично не болѣе какъ матеріаломъ, на которомъ должны основаться мои лингвистическія изслѣдованія. Читатель знаетъ теперь, что матеріалы для изученія увеличивались у меня постепенно, что прошло уже довольно времени съ той поры, какъ оконченъ этотъ трудъ и что въ это время мною былъ разработанъ еще цѣлый отдѣлъ народной литературы. Я не скрою, что эти новыя изслѣдованія привели меня и къ новымъ заключеніямъ, которыя уже теперь даютъ мнѣ возможность видѣть нѣкоторыя погрѣшности и опущенія въ настоящемъ трудѣ; для примѣра я укажу хоть на самую важную мою оплошность въ транскрипціи, по которой я не отмѣчалъ ничѣмъ глухихъ гласныхъ звуковъ, а между тѣмъ они играютъ важную роль въ различныхъ видоизмѣненіяхъ какъ отдѣльныхъ слоговъ, такъ и цѣлыхъ словъ и даже при взаимныхъ сочетаніяхъ словъ въ рѣчи. На эту то сторону труда, т. е. какъ на матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій, я и попросилъ бы благосклонныхъ читателей, знакомыхъ съ монгольскимъ языкомъ, обратить по преимуществу свое вниманіе и всякое дѣльное замѣчаніе ихъ будетъ принято мною съ глубокою благодарностію.

А. Позднѣевъ.

25-го ноября
1880 г.

دیس ل چھو تھ م شتم :

" ۛ سرتن تھ م لڑا کی " س رورل چھو تھم " سسکن یس
 خورم م " یسکی رے شتمسہ ؛ سسکن رکن م شتم کی " جس
 رورل چھو تھم ل " یس ر قس م م " یسکی رے شتمسہ ؛ س
 تھ م لڑا کی " سسکن تھم تھم تھم ل " سسکن کی یس سول و
 یسکی رے شتمسہ ؛ رھس م تھ م لڑا کی " رورل یس م تھم تھم ل
 رورل و " ل رے م م " یسکی رے شتمسہ ؛ سسکن ل تھ م
 لڑا کی " سسکن م یس م تھم تھم ل " سسکن م یس م خورم م
 یسکی رے شتمسہ ؛ "

" ۛ یس م م سسکن یس کی " یسکن یس م م یس
 رے م م " یس " ل سسکن یس رے و ؛ یس م م سسکن
 یس کی " یسکن یس م م " سسکن رے م م تھ م م م م
 سسکن رے و ؛ سسکن یس م م " سسکن یس ل " سول سسکن

متتسکون وه ؛ ستسکسو ستسسو سک ستسسون " ستسسو ستسسو سک ستسسون " ستسسو ستسسون سک ستسسون " ستسسون ستسسون
 متتسکون وه ؛ ستسستسکو ستسسون " ستسستسکو ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون سک ستسسون " ستسسون ستسسون سک ستسسون
 متتسکون وه ؛ ستسسون ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون
 ستسکون وه ؛

" © ستسکو ستسسون وه سک ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون
 ستسسون ستسسون سک ستسسون ؛ ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون
 ستسسون ستسسون وه ستسکون سک ؛ ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون
 ستسسون " ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون
 ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون
 ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون ستسسون " ستسسون

۴۰ | ۱
 ۲۰ | ۱
 ۳۰ | ۱
 ۴۰ | ۱
 ۵۰ | ۱
 ۶۰ | ۱
 ۷۰ | ۱
 ۸۰ | ۱
 ۹۰ | ۱
 ۱۰۰ | ۱
 ۱۱۰ | ۱
 ۱۲۰ | ۱
 ۱۳۰ | ۱
 ۱۴۰ | ۱
 ۱۵۰ | ۱
 ۱۶۰ | ۱
 ۱۷۰ | ۱
 ۱۸۰ | ۱
 ۱۹۰ | ۱
 ۲۰۰ | ۱
 ۲۱۰ | ۱
 ۲۲۰ | ۱
 ۲۳۰ | ۱
 ۲۴۰ | ۱
 ۲۵۰ | ۱
 ۲۶۰ | ۱
 ۲۷۰ | ۱
 ۲۸۰ | ۱
 ۲۹۰ | ۱
 ۳۰۰ | ۱
 ۳۱۰ | ۱
 ۳۲۰ | ۱
 ۳۳۰ | ۱
 ۳۴۰ | ۱
 ۳۵۰ | ۱
 ۳۶۰ | ۱
 ۳۷۰ | ۱
 ۳۸۰ | ۱
 ۳۹۰ | ۱
 ۴۰۰ | ۱
 ۴۱۰ | ۱
 ۴۲۰ | ۱
 ۴۳۰ | ۱
 ۴۴۰ | ۱
 ۴۵۰ | ۱
 ۴۶۰ | ۱
 ۴۷۰ | ۱
 ۴۸۰ | ۱
 ۴۹۰ | ۱
 ۵۰۰ | ۱

ویر ل یخه، مخلصه و هکمتن ؛ حکایت عدین عدینهم " سر م سر م سیکس ن " حکم م مصلح مصلحهم امن "

عسر وحسن ل یسکیرم " حکایت هسک ویر ل ن " یسین مصلح ل سون ل ؛ یسر یسو م مصلحهم "

یسار م مصلحهم " یسین م زکرم م مصلحهم مصلح مصلحهم " یسار مصلحهم " یسار مصلحهم وکرم ن " یسکرم

وکرم مصلحهم ل ؛ هسک مصلحهم مصلحهم " هسک ویر ل عدی کوه " هکن مصلحهم مصلحهم " هسک مصلحهم مصلحهم "

هسکرم مصلحهم " هکن مصلحهم مصلحهم ؛ عدی وکرم مصلحهم " حکایت عدین عدینهم ؛ زسین مصلحهم ل

مصلحهم ل کوه زکرم کوه وکرم ن " زین عدین مصلحهم امن مصلحهم " زکرم مصلحهم " حکایت عدین عدینهم ؛ زسین مصلحهم ل

مصلحهم ؛ حکم مصلحهم هسک امن " سر مصلحهم مصلحهم کرم " حکایت هسک عدینهم " حکایت عدین م مصلحهم ن سر

مصلحهم مصلحهم م مصلحهم ؛

م "

م " هسک ویر م مصلحهم " سر م عدین مصلحهم " هسک مصلحهم م مصلحهم " یسار مصلحهم مصلحهم ؛

هسک م مصلحهم ؛ مصلحهم مصلحهم " سر ل مصلحهم مصلحهم " سر ل مصلحهم مصلحهم " مصلحهم

وکرم مصلحهم " وکرم مصلحهم یخه م ؛ یسار مصلحهم " مصلحهم مصلحهم مصلحهم " مصلحهم مصلحهم ن مصلحهم "

مصلحهم مصلحهم ؛ وکرم مصلحهم یخه م ؛ مصلحهم مصلحهم ؛ مصلحهم مصلحهم " مصلحهم مصلحهم " مصلحهم

مضبوط رهبري ګو " نيمون من سره وي " ودا سگن ديو د ؛ سگر د پورا د ايسس د " ستر وده
 منسو " سولا عن دم ويخند د " دزيغ وده ويخسو " ودا سگن ديو د ؛ بدن عستم بستويو " |
 سوپويسو سو ودا وي " ستر سپر دم سيويو " سدهو سو ودا وي " ودا سگن ديو د ؛ نخبر
 روح کن ويخس ماري ل " خيبدن ستر سغ " صلاح دم اروه " ستر وواوين عيسغ " وهن ل نيلو گشت ل ؛ " ؛ |
 " ٤ " غو ل فلما دم ددس ديشو " مکن سرتن ګو دمسدن ديشو " مکن موم ګو ترستن
 ديشو " مکن سگر يشنو د ؛ د ستر مکن ويخبر وچستر مکنم ل " " ميسيس مکن ويخبر ديشو مکن ل " |
 مکنس و مکن سگر ووي " مکن م ريس م ووي ؛ د ستر مکن وچستر مکنم ل " عنو رختو مکن " ميسيس
 مکن عکشم عنو يشا مکن " مکنس مکن ريس مکن عنو ديم مکن " مکن م عنو ريس مکن ريس ؛ مکن
 عنو د ميسيس رهبر " ميسيس کشت د ميسيس رهبر " ميسيس مکن ستر " ل کن رهبر " مکنو سگر
 يشنو د ؛ ميسيس دم عنو ستر مکن عنو ميسيس ل " و عنو " مکنس و مکن ميسيس ل " و عنو " ستر
 رهبر ګو يشنو ل و عنو " مکن مکنس رهبر مکنس ل و عنو ؛ مکن دم مکن ميسيس دم سوو " |
 عنو د ميسيس يکر مکن مکن " مکن م مکن ل مکنو مکن " مکن مکن مکنس مکن مکن مکن ؛ |
 ستر مکن وچستر ل دن کشتون يسيس ل " ميسيس مکن مکنس ن کشت و ن سويستيس ل " ميسيس سگر دن

حقيق وان حوسك ل.، معيون م جوعلا ن حيق وان مستحشم ل ؛ طهر مرون رحتو دن محكم ون مستين ل.،
 معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل.
 حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. " معيون مرون حيسا ل. "

٥-١٠ | عندهم هوى الكرابى عشير اشقى. - علاهم موحدهم وطهم على ذين. - شللى كوة لهماه عشير. - سولانو كوتينون
 كمللى بلندن على ؛ بخلاص وبنق الكفهر عشير. - يعمدن بلغمم عشير اشقى. - بلخنن قوتينون بعولش رعدين. - بخلاص

٦- | وضممته بضم م ملام وان ؛ علاص رهتيرم بضم م ملاملا. - علاصون بضم م ملاملا وضممته بضم م ملاملا. - يعول
 كقبلم اشقى سولانو كوتينون كمللى بلندن على ؛ بخلاص بلغمم بخلان الكرتيرم بخير عمير ولاملا. - بخير

كلم ودموم قحلق روم ذين. - بخلاصم كقبلم بضم م ملاملا. - بخلاصم كقبلم بضم م ملاملا. - بخلاصم كقبلم بضم م ملاملا.
 بضممته كقبلم ودموم. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا.

بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا.
 بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا.

بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا.
 بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا. - بخلاصم بضممته بضم م ملاملا.

" ۛ) دشتيكن طيرن دم و سن ل كو " هوروكم يهتتم طر خيڤ " تگشتكوت درل طيرن دم دسر ل دسر " تسررتشم
 طورسرتن دشم كو دسرل ون ؛ خزاره دشتكن دم و تهور سن ل كو " دكمر و طيروسرم دسرل م رورم سن "
 يهورن طيرتشم طيرن كو نعتيشتم " سرورع يينو دهمكن وهيرل ؛ دسرلشكر خيرون م تهور سن ل كو "
 نرعو وهسو طيو دشتنر ون ؛ دهمكن سترير دم دسرل طرلر دسر " ديلر ديم وهكسو كو دهمسرت
 طيشتم دكمر كو " هوروسم يسيو يينو دهمكن وپن ؛ دسرلشكر نهور م تهور سن ل كو " نرعو وهسو
 طيو طين ل دشتنر ون ؛ دركير دهمسرت هوروكم يهتتم وكر عو رنل دسرل " دسرلشكر دهمر ووب ون
 يهتشم " دهمر دن دهمسرت هوروكم سسن طر خيڤ " دنعو دهمكرو طيو طين ل دشتنر ون " وب وهوي تهور
 دككسو دم دم طين ل ؛
 "

" ۛ) دهمكن سرتين دم دسرل دنو " ديلم دسرل ون نعتيشتم " دم و تهور سن ل كو " دمن ل دهمسرت
 دكمر دسر ؛ دهمكن دهمسرت وهتشم سن نعتيشتم ل " ين ل طير و دكمن ل " ديلر تكتيكن دسرل ؛
 دشتن دم دهمكن ديلر كو " هورول يهتتم دهرتمك ل دن ل طير و دهمسرت " وپر ل دهمر سرت ل ؛ طين ل دن دم
 ديلر دسر " ديلم وهتشم وهتشمك ل " دسرلشم دهمسرت دهمر كو " ديلم يهتتم دهرتمك ل ؛ ديلر دم
 دسرل كو " دسرل نعتيشتم وهتتم ل " دسرلشم ديلر وهتشم " دهمسرت دمن سرتيرون " دهمكن دهمسرت سترير كو "

۱۵
 —————
 وصریح فرماید که در این دو باب «وحدانیت و وحدت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»

«وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»
 «وحدانیت» در این دو باب «وحدانیت» در مورد یکتا بودن حق تعالی فرموده است «وحدانیت»

سویا کم یختیغ سقو یسمس " یختیغ کنن یسمس یختیغ وینن عا " سمسمس رسن کریم سمسمسمسم وینن ؛
دنسستم سمسمسم کنسرت " کم سمسم " دنسم رسن عا کم یختیغسم " یختیغن سمسم یختیغ وینن " سمسم
رسن کریم سمسمسمسم وینن ؛ یخن رسن وختیغن رسن " یخن کم یخن کنن وختیغم وینن " یختیغم یختیغ دن
سمسمسم رسن " سمسمسم و یخن کنن سمسمسم وینن ؛ سمسمسم رسن وختیغن رسن " کنن کم یخن کنن وختیغم
وینن " سمسمسم یختیغ دن سمسمسم رسن " سمسمسم و یخن کنن سمسمسم وینن ؛ یختیغ رسن وختیغن رسن " وینن
یختیغم و یخن کنن وختیغم وینن " یختیغ یخن وختیغمسم ل رسن " سمسمسم و یخن کنن وختیغمسم وینن ؛
= وختیغمسم رسن وختیغن رسن " وینن کم یخن کنن وختیغم وینن " وینن ل کنن دن سمسمسم رسن " سمسمسم و
| یخن کنن سمسمسم وینن ؛
= وختیغمسم رسن وختیغن رسن " وینن کم یخن کنن وختیغم وینن " وینن ل کنن دن سمسمسم رسن " سمسمسم و
| یخن کنن سمسمسم وینن ؛

" ل " سمسمسمسم سمسمسم رسن ل وینن " سمسمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم وختیغمسم " سمسمسمسم
یختیغمسم وختیغمسم سمسمسم ؛ سمسمسم سمسمسم " سمسمسمسمسمسمسمسم سمسمسم " سمسمسم سمسمسم سمسمسم وینن کم
سمسمسمسمسمسم سمسمسم ؛ سمسمسم سمسمسم " سمسمسمسمسمسمسمسم سمسمسم " سمسمسمسمسمسمسمسم سمسمسم وینن کم
سمسمسمسمسمسم سمسمسم ؛ یخن کم سمسمسم سمسمسم " سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم
وختیغمسم " دنسمسمسم یختیغمسم سمسمسم ؛ سمسمسمسم و سمسمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم سمسمسم کم

۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |

۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |

۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |
 ۱۴ | ۱۴ |

سياست دن ل هغهسو. سون ستم و سيمو کو. ستم ل سندن پيچڪمس؛ جن فن جيئو سمنوڙيم. سندن يمن ل
 يجماع. سمن ستم و ستمو کو. سيمو سيمو ستمو ستمو؛ سولاً فن جيئو سمنوڙيم. سيمو يمن ل نميٺ سمن
 سون ستم و ستمو کو. سيمو سمن ستمو ستمو؛ ستمو يمن ل فن ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو
 ستمو ستمو م ستمو ستمو. ستمو ستمو ستمو ستمو؛

22. جن فن ستم م ستمو؛ ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو

ستمو ستمو؛ ستمو ستمو م ستمو. ستمو کو ستمو ستمو ستمو؛

23. جن ستم ل. ستمو ستمو ل. ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل

ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو

ستم م ستمو ستمو ستمو ل. ستمو ستمو م ستمو ل ستمو م ستمو م ستمو م ستمو م ستمو م ستمو م ستمو م

ستم ل. ستمو ستمو ل. ستمو ل ستمو؛ ستمو ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل ستمو ل

ستمو ل ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو

ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو

ستم ل ستمو؛ ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو ستمو

دگستسوم يتيمو يحر ينسکبم .. حکن کفن کفن دپهشتن .. حيو ٲسو دن ٲسکرم محرن .. حصر نمر
 سرنم کن .. محرن محرن ينسکبم ل. درون ل. سهجم ومحمد ل. و مر ل ٲنف. و مر ل ٲنف ؛ ٲسپن م
 دهو ل ٲسکبم .. ٲسپو ٲسرس دن ومهدمستم .. ينسبم کو محرن دهو محرن .. ٲسحن سنسنتم ٲ محرن ل.
 منم م و مر ل کم حرم دن .. نخر نمر کو سنسنتم ل و .. حمر نمر دهم دهم کسبم .. حمرن
 محرن نهم ل .. درون ل .. درون ل .. سهجم ومحمد ل. و مر ل ٲنف ؛ ٲسکبم حل حرم ٲسکبم ..
 دن ومهدمستن ينسکبم کسبم .. سهجم محرن من دن م .. سنسنتم ٲنف ل دن حکول .. محرن م نر
 ينسکبم کسبم .. حکن نهم دهو دن .. نندع محرن دنسرم کسبم .. عدل ٲنف نمر ل .. درون ل .. درون ل ..
 سهجم ومحمد ل. و مر ل ٲنف ؛ ٲسکبم مرم ومهدم ل .. وکلن وحده دهم کسبم ..
 ٲسپو حمر کو حمرنم .. ٲن دهو کو ٲون و .. ومهدم مرم حمرن کسبم .. دهمسو م حرون ٲسو
 ٲن .. نمر ومکو محرن ٲ .. عدل ٲسو سجم .. درون ل .. درون ل .. سهجم ومحمد ل. و مر ل ٲنف ؛
 حرون دسو سنسنتم ون .. نمر ٲ مرم نمر کرم .. حرون ٲسرح محرون کو .. حرون حمر ل سنسنتم ..
 درون ل درون ل سهجم ومحمد ل. و مر ل ٲنف ؛ ٲسکبم ل.

محرنم م قسم ؛

الحسن

الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

الحسن
الحسن
الحسن

اجرای بعضی رتبه می و عدالت را هم در حقیقت به رعایت عدالت کمال کمال می رسد و بس که عدالت رتبه رتبه : .

۲۰ - ۱) تشریح این مبحث . بحث در باب عدالت است و باید که در این مبحث : که عدالت است

و عدالت . که عدالت عدالت عدالت . که عدالت عدالت عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت .

عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت . که عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

۲۱ - ۱) تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت .

تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت .

۲۲ - ۱) تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت .

تشریح این مبحث و بحث در باب عدالت :: عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت .

عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت . عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت عدالت .

۱۹ - ۱۰ |
 ۲۰ - ۱۱ |
 ۲۱ - ۱۲ |
 ۲۲ - ۱۳ |
 ۲۳ - ۱۴ |
 ۲۴ - ۱۵ |
 ۲۵ - ۱۶ |
 ۲۶ - ۱۷ |
 ۲۷ - ۱۸ |
 ۲۸ - ۱۹ |
 ۲۹ - ۲۰ |
 ۳۰ - ۲۱ |
 ۳۱ - ۲۲ |
 ۳۲ - ۲۳ |
 ۳۳ - ۲۴ |
 ۳۴ - ۲۵ |
 ۳۵ - ۲۶ |
 ۳۶ - ۲۷ |
 ۳۷ - ۲۸ |
 ۳۸ - ۲۹ |
 ۳۹ - ۳۰ |
 ۴۰ - ۳۱ |
 ۴۱ - ۳۲ |
 ۴۲ - ۳۳ |
 ۴۳ - ۳۴ |
 ۴۴ - ۳۵ |
 ۴۵ - ۳۶ |
 ۴۶ - ۳۷ |
 ۴۷ - ۳۸ |
 ۴۸ - ۳۹ |
 ۴۹ - ۴۰ |
 ۵۰ - ۴۱ |
 ۵۱ - ۴۲ |
 ۵۲ - ۴۳ |
 ۵۳ - ۴۴ |
 ۵۴ - ۴۵ |
 ۵۵ - ۴۶ |
 ۵۶ - ۴۷ |
 ۵۷ - ۴۸ |
 ۵۸ - ۴۹ |
 ۵۹ - ۵۰ |
 ۶۰ - ۵۱ |
 ۶۱ - ۵۲ |
 ۶۲ - ۵۳ |
 ۶۳ - ۵۴ |
 ۶۴ - ۵۵ |
 ۶۵ - ۵۶ |
 ۶۶ - ۵۷ |
 ۶۷ - ۵۸ |
 ۶۸ - ۵۹ |
 ۶۹ - ۶۰ |
 ۷۰ - ۶۱ |
 ۷۱ - ۶۲ |
 ۷۲ - ۶۳ |
 ۷۳ - ۶۴ |
 ۷۴ - ۶۵ |
 ۷۵ - ۶۶ |
 ۷۶ - ۶۷ |
 ۷۷ - ۶۸ |
 ۷۸ - ۶۹ |
 ۷۹ - ۷۰ |
 ۸۰ - ۷۱ |
 ۸۱ - ۷۲ |
 ۸۲ - ۷۳ |
 ۸۳ - ۷۴ |
 ۸۴ - ۷۵ |
 ۸۵ - ۷۶ |
 ۸۶ - ۷۷ |
 ۸۷ - ۷۸ |
 ۸۸ - ۷۹ |
 ۸۹ - ۸۰ |
 ۹۰ - ۸۱ |
 ۹۱ - ۸۲ |
 ۹۲ - ۸۳ |
 ۹۳ - ۸۴ |
 ۹۴ - ۸۵ |
 ۹۵ - ۸۶ |
 ۹۶ - ۸۷ |
 ۹۷ - ۸۸ |
 ۹۸ - ۸۹ |
 ۹۹ - ۹۰ |
 ۱۰۰ - ۹۱ |

وخلص۔ اُنکا کلموں اِسٹرا واپس آئی اُنہیں۔ اُنکے علاوہ اِسٹرا واپس واپس آئی۔ کلموں اُنکے
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔

اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔

وخلص نام و مستم :

"وخلص نام و مستم" اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔
 اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔ اُنکے اِسٹرا اِسٹرا اِسٹرا۔

سچيسو ماريونو روه دن ستيفيسون وه ؛؛ ضيفع م روكه ل نيسيم كو " ضيفوف م سرتيسير ل پيرم كو "

سدم كو جيڪو سچيسو سمر ل و م " سچيسو ماريونو روه دن ستيفيسون وه ؛؛ ضيفوف م سدم ون ماريون " وهسو

هوتيم روريزون " وهسو م صيفو نوسيمسن " ينيو سمن روريزون ؛؛ ماريون م سدم ون ماريون " ماريون

هوتيم روريزون " وهسو و صيفو نوسيمسن " ينيو سمن روريزون ؛؛ " " ؛؛

ڪي ") رورل ماريون سچيسو سدم " وهسو م ماريون وهسو م روريزون وهسو ل ون ل سدم " وهسو و

سدم م روكهيو م روريزون ؛؛ م رورل ماريون سچيسو سدم " سدم م ماريون وهسو م روريزون " سچيسو سدم ون ل

سدم " سدم ماريون م ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون م روريزون م روريزون

سدم ل رورل سدم " وهسو م م رورل ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون م روريزون

سدم م روريزون وهسو " سدم ماريون م رورل ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ " " ؛؛

سدم م روريزون وهسو م رورل ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون م روريزون

سچيسو ماريون سچيسو ؛؛ سدم م رورل ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون

سدم " م سچيسو م " سچيسو ماريون سچيسو ؛؛ سدم م رورل ماريون سچيسو سدم م روريزون ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون

سچيسو وهسو ماريون سچيسو " م سچيسو م " سچيسو ماريون سچيسو ؛؛ سدم ماريون سچيسو سدم م روريزون

جدوهوم رفح کو حدریا کان " حدریا ویشم ویشکن سنی " دم سکوک دم " جدوهوم یوهون عدتلا یهکن ل ؛
 یمن دشم حصر کو " دم سکوک دم " یهکم یوریا وهسمر " ل " یعدن ویر " دم عدلا کو " دم سکوک دم "؛
 جهوم " ل یمن سسمر " ل ؛ سکتم حصر کو " دم سکوک دم " مسر " ل یوریا وهسمر " ل " عدن ل ویر " ل دم
 عدلا کو " دم سکوک دم " جهوم " ل یمن سسمر " ل ؛ حدرن حرم حصر کو " دم سکوک دم " حکنن یوریا
 وهسمر " ل " عدن ل ویر " ل دم عدلا کو " دم سکوک دم " جهوم " ل یمن سسمر " ل ؛ حدرن حصر کو "؛
 دم سکوک دم " حدرن یوریا وهسمر " ل " شلا ویر " ل دم عدلا کو " دم سکوک دم " جهوم " ل یمن سسمر " ل ؛ " ؛
 " ؛ " عشر دشم عدکن " اسپن حدرن وهکن " عشر کدر عدلا دم دم نویشم " یبغ عدم وهمر دم ؛
 | سرس عدلا یهکم سنی " سیدین من جدوهوم عد " سیکم جدوهوم عدکن ویر " ستن طرفسلا ویدیر دم ؛ یسسم
 عدلا یهکم سنی " یوریکوهسمر ل یمن دم " یسپن حدرن ودم کن دم " یسکن حدرن عدتلا کن دم ؛
 یسکنسکو عدلا یمن کو " یسعدک حدرن دوهسن " یسپن حدرن عدلا یسکنسکو عدلا یمن کن دم ؛
 سکر حدرن حدرن " ستم یبع یعدن کو " سیدیم حدرن دوهسو " ستن حصر عدتلا کن دم ؛ سشم عدلا
 سنی ل عدی " من ل جدوهوم عدی من دم " یسکنسکو عدلا دیکم عدی " سدیم وههوک دم سوهسج دم ؛ عدم عدلا
 سنی ل عدی " حدم وههوم عدی من دم " عدلا کو عدلا دیکم عدی " سکوک وههوک دم سوهسج دم ؛ یسدم

دختر هم داتسکس، پنم درل دتتر تان دز " پورل دوف وهریم کن " یسکم جسر ران ل کن تان دز ؛
وتدین حورن عیوف کن " ویشین حورن یسلا تان دز " واکسره یسوم دتتر کن " وهر که درل وهرل دز ؛ " ؛
دز " ؛ ویشین عسکن دوفل که " یسوم ویتکن وورل دز " یان ل هم ندرم وهرتیمتو " یسز " ل یسول ن
دوف دسره ؛ ستر هم عسکن دوفل که " ندرم ویتکن وورل دز " نهرم کم ندرل وهرتیمتو " عسوم
یسول دوف دسره ؛ ستر هم یسوم دوفل دوف " ویشین دز وهرتیمتو عسکشیر " وهرل دز یسوم
دوفل عو " ستر عور " دز واکسره ؛ عو هم یسوم دوفل دوف " عورم وهرتیمتو عسکشیر " ؛
دن دز یسوم دوفل دوف " عورل وورل دز دز واکسره ؛ " ؛
دز " ؛ دز یسکن دسکول " عکن هم دزوم واکسره " دز نهرم سیکم د " سکولج حورن عسکشیر ل ؛
عسکرل تان ل یسوم " عکلا عو دز وورل دز " عوه ویشیم وهریم د " عکن عورم ویتیمتو ؛
وهرتیمتو واکسیر " وهریم دز ل یسول " دوف وهرتیمتو و ل کن " وسن دوف دز ل دوف ؛ وهرتیمتو
وهرن هم وهرم که " عکن که وهر دز وهرتیمتو " عسکرل ویشیم وهریم د " وهریم وهریم وهرتیمتو ؛ عور
وسم دتتر کن " دز دز ل وهرن وهر " سکولج عسکرل دز ؛ واکسیر دت ل د واکسیر دت دز وهریم
وسم ل وهرتیمتو ل " وهریم وهریم ندرل دز ؛ واکسیر عسکرل " ؛ عور وهریم دت که " عورم دز دز وهریمتو " ؛

ومنتسب م صخرکم . سیتسب عمن صمراخ کن . سیتسبترتن دن وپیشن ل ؛ ستر " ل وبعلا رحن کن " صخرول
 ۱۰۰ دن حسن ل . وفسر کن م پیم وکشم " ففوکرن نیو کشتن ل ؛ " " ؛
 ۱۰۱ (۱) سق دم طعشر بهنتم کو . سیکر نلا ل رحن کپشون " سز ل نیومر سیکر " صخرول کن یخترهون ؛
 ۱۰۲ یسرعسلا م حمن کو . یسرم وکشم صسلا وب " یختر وکشم " یسرون دم حمن عر ؛
 ۱۰۳ حمن عر سق نسو کن . حمن صمرو دم حنکن " عر حمن ل سق حمر کو " حشر رحن دم
 ۱۰۴ حنکن ؛ صرن عر یختر کن " صرن یسرم صسلا ون " صخرول کن یخترهون " سیکرکن کن رنکن ل ؛
 ۱۰۵ حنکن عر یختر کن " سترم یسرم صسلا ون " صخرول کن یخترهون " سیکرکن کن رنکن ل ؛
 ۱۰۶ وحنم وفسر م عر کو . رنکنون رن کسلا عر " رنلا حشر ن خیریم " رنم رنکسکو دم یسرن ؛ یسرن ل
 ۱۰۷ وفسر م عر کو " حمن یسکو کسلا ون " یسرن ل حشر ن خیریم " یسفر صولا دم یسرن ؛ خیر
 ۱۰۸ یسرم کو کسلا کو . ختر و حمر " ل یسرن ل " خیر ریح کو یسرن کو " حمر دم حمر " ل وکمر ل ؛
 ۱۰۹ حنم یسرم کو کسلا کو . کیم و حمر " ل یسرن ل . حنم ریح کو یسرن کو " حمر دم حمر " ل یسرن ل ؛
 ۱۱۰ صخرول و یختر سق " صلا یسرم صرتکون " ومنتسب م صخرول سق " صلا وحنن ل صخرنسون ؛ " " ؛
 ۱۱۱ (۲) حنکن دن رننورن " سیکر یسرن ل ختر ون " حنکن دن رننورن " سیکر کو یسرن ل دم یختر ون ؛

مړم کو " پیدم و پدم ل ورسن ل " پوښن هم شته " پیدم نمر شتم ولسن ل ؛ دینکار ښیو صاحبم "
 دویا ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "

٤٢ " ٥٠ " ٥٢ " ٥٤ " ٥٦ " ٥٨ " ٦٠ " ٦٢ " ٦٤ " ٦٦ " ٦٨ " ٧٠ " ٧٢ " ٧٤ " ٧٦ " ٧٨ " ٨٠ " ٨٢ " ٨٤ " ٨٦ " ٨٨ " ٩٠ " ٩٢ " ٩٤ " ٩٦ " ٩٨ " ١٠٠ "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "

دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "

دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "

دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "
 دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم " دیم ښیو ولسم "

وڪرڻن جون هجو ڪر ۽ سڪڻن ڪرڻن لاءِ سڪڻن هجو هجو هجو ڪر " سڀيڪو سڪڻن لاءِ "

 سڀيڪو ڪر وڪرڻن جون هجو ڪر ۽ پڪڻن هجو هڪٻئي سان ڪر " پڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ٽنهن هجو

 هڪٻئي سان ڪر " ٽنهن هڪٻئي سان ڪر ۽ سڀيڪو سڪڻن لاءِ سڪڻن ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هجو هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

 هڪٻئي سان ڪر ۽ سڪڻن هڪٻئي سان ڪر " ڪرڻن هڪٻئي سان ڪر "

وهولا هو ؛ وهسكن هر مهون وهربا " هرورپم رهزرا هكسرا " رهزدرهن نمزهن هرر هيكسهو " رهزهون كن سدررب هر
 وهولا هو ؛ وهكشم هكتمن بهشردن ل " هرر هررا وهسو سنو هو " وهكشم هكهويع وهكسكن " وهو هرر هكهكمن هكهو
 هنو هو ؛ رهسكن هر هيكلم رههرم ل " رهكلم هررا وهسو هنو هو " هرر هكهويع وهبن كن " هرورپم هكهكمن
 هكهو هنو هو ؛ سن ل هكتمن بهشردن ل " هسهكو رهكلم وهسو هنو هو " هسهكمن هرر هكهويع وهبن هبن "

؛ ؛ ؛

| " " هكهوهرس هكشر هكهويعنلا م " هبن هرر هكهكمن دن هكهولا ه " ههسسه رهوهكمن هكسرهن " هرر
 هكشر ن هكهولا ه ؛ سرتسن ل نهك م هرر هنو " هكهكيس هكهوهر هكهويعنلا كن " هون هكشر هو هكهوهرس "

| هسن هكهوهر وهبن كن ؛ وهسكن ل هرر هكشر هيرر سنو " بهرتنن ههسسه هكهوهر هن " وهكسو هكشر هو هكهوهرس "

بهن هرر هكهوهر وهبن كن ؛ هكهوهر هكهوهر دن هسهسهن هرر " هبن هرر هكهوهر هن وهكهوهرسكهوهر " هكهوهر هكهوهر
 هكهوهر هن " هرر هكهوهر هن ل هكهوهر هن ؛ هكهوهر هكهوهر هرر هرر " هكهوهرس هكهوهر ههسهن " هكهوهر هرر
 هكهوهر هكهوهر ههسسه " هكهوهرس هكهوهر هكهوهر هن هن ؛ ههون ههسسهس هكهوهر هن ل " هكن وهكهوهر هرر هنو
 بهر كهكشمهسسه " هكهوهر هكهوهر هرر ههسسه " هكهوهرسكهوهر رهزدرهن هكهوهر ؛ بهن هرر هكهوهر هكهوهر م هن
 هكهوهر هكهوهر هن ل هكهوهرهو " بههسسهس هكهوهر م هكهوهر هكهوهر هن " بهن هرر كهوهر ل هرر هكهوهرهن ؛ بهرتنن رهون ل

یختم سقو، شخبر ل وږ خوځمدم ځمکشون، " دځن ځمځم یخبر یخبره دږ " دځمځمځم یخبر یخبره ځمکشون ځ: دځر
 سځم و یخبر دځر، " دځن وځمځو ځمځمځمځم ځمځم، " دځمځم ځمځم ځمځمځم ځ وږ، " دځر وځمځم دځر یوځمځون دځ ځ:
 سځم یخبره و یخبر دځر، " سځمځن وځو دځمځم ځمځم، " سځمځم دځمځم دځر یوځمځمځم، " سځمځمځم و یخبر یخبره ځو
 دځمځمځون دځ ځ: دځر یوځو دځر دځمځمځم ځ، " دځمځم دځمځم وږ، " دځمځم دځر یخبر یخبره یخبر یخبره
 سځمځمځم دځمځم دځمځمځم دځ ځ: "

۵۱ | " ځ سځم دځر ځمځمځم ځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځمځم دځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځمځم

۵۲ | سځم و یخبر دځر ځ: سځمځو دځم دځمځو وځر وږ، " سځمځم دځمځم ځمځم ځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځمځم

| دځم یخبر یخبره ځ: دځم یوځو ځمځمځم، " سځمځو دځم یخبر یخبره سځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځمځم ځ

دځمځم ځ: دځمځمځو ځو ځمځمځم ځمځمځم دځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځم، " دځمځم دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم

دځمځم دځمځمځم ځ: دځمځم دځمځمځم ځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم

دځمځمځم دځمځمځم ځ: دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم

دځمځمځم دځمځمځم ځ: دځمځم ځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم

دځمځمځم دځمځمځم ځ: دځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم، " دځمځمځم دځمځمځم دځمځمځم

عدلا ون " سعتم نبيهم صاعدهم " عيضا حويضا فويها " حرم من ون سعير " ل ؛ محم ل ل تا وشر نكنن ؛
 نبيهم من عدلا ون " نرفع دعوا كنن يخرن " خير ل محمكي خير دن " خيرهم محمدين ل ؛ محم ل ل تا
 وشر نكنن ؛ فكميرتن صميرن ن سعيرشم " وسم و نكمير ن سعيرشم " فمير نبيهم سعيرن ن " وسم
 فميسو فميرتن ؛ "

٥٥ " ل تقوم سنن صيركنن " صكي عيسيم حمن صمير عدريو ل " يحم صرن ل وكمكمير يسيشم يصرن
 وشرم وكمكمير ديواجين " يكمير دن صرورم وحمير ل ؛ حمميرن نضرن صرن ون ل كنن " يخرن نضرن صرن
 دنتم " كنن " صريرع نذيرين من صريرع كنن " وكمكي حمن كنن ل من عيرن كنن " عيركم ديواجين صيريرين " |
 |
 وكمكمير دن صرورم وحمير ل ؛ سيركي نمر من صيرم ن من " سيرو صميرن نهم نهم سعيرشم " سعير
 سيركي من صميرن " سعيرن من نهم نهم نهم نهم ؛ ل ل حكم من صمير وشر ن من صير " حكنن من
 يسمير يسمير وكمير ل عدريو وشر ن من صمير حمرن " سعيركي حمرن سعير حمرن سعير حمرن نمر دن
 يخرين ؛ حيرين صكي تقوم حكنن " حمرن و سعيركم من وشرن " حمرن صيريرن ديواجين " حمرن
 يصرين يسيوه " حمرن ن نمر ل من سعير " سعيرن من حمر وحمير وكمير كي " سعيركي عيسيم
 حمرن " سعير وحميرن صيرين صيريرين نهم وشرن ل ؛ "

О пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ.

Кажется ни одинъ изъ восточныхъ народовъ не пользовался такимъ большимъ вниманіемъ европейцевъ какъ монголы. Ихъ исторія переводилась едва ли не со всѣхъ тѣхъ языковъ, которыми говорили данники Чингисъ хана и его потомковъ и издавалась въ Европѣ едва ли не всѣми тѣми письменами, которыя были въ употребленіи въ обширной монархіи Чингиса. Ярлыки, письма и надписи на скалахъ, камняхъ и монетахъ монгольскихъ хановъ, особливо нѣкоторые, обращали на себя серіозное вниманіе ориенталистовъ и въ большинствѣ случаевъ разбирались и переиздавались по два и по три раза, всякій разъ, конечно, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ историческихъ фактовъ и вдвое большимъ числомъ догадокъ и предположеній. Письмена, которыя находили на этихъ ярлыкахъ, монетахъ и надписяхъ, подвергались самому строгому изслѣдованію, возбуждали споры, въ которыхъ ученые то серіозно уясняли минувшій бытъ монголовъ, кропотливо выбирая, въ доказательство истинности своихъ мнѣній, строки изъ многотомныхъ сказаній восточныхъ историковъ, то щеголяли другъ передъ другомъ проникательностію и остроуміемъ, и, выводомъ изъ одного положительнаго факта десятка проблеммъ, прогоняли свою кабинетную скуку. Такимъ образомъ мы можемъ въ настоящее время слѣдить исторію монголовъ даже въ тѣ отдаленные періоды, когда они были извѣстны подъ именами Хун-ну и Мо-хэ, а изъ эпохи Чингиса мо-

жемъ опредѣлять не только года и мѣсяцы, а даже дни извѣстныхъ событій; мы отчетливо представляемъ себѣ быть монголовъ того времени, знаемъ ихъ домашнюю утварь, бранные доспѣхи, знаемъ ихъ гражданскіе и военные обычаи, способъ сраженій, ихъ воззрѣнія на окружающее и взглядъ на самихъ себя, знаемъ не только характеристику всего народа, но пожалуй и выдающихся частныхъ личностей. Страннѣе всего то, что эти успѣхи въ изученіи исторіи монголовъ и богатство знаній о характерѣ и бытѣ этого народа не только не стоятъ въ связи съ серіознымъ изученіемъ монгольскаго языка и литературы, но можно сказать почти діаметрально противоположны ему. Въ числѣ знаменитыхъ оріенталистовъ запада мы не знаемъ ни одного монголоведа. Правда, что Клапротъ въ своей «Asia polyglotta» брался даже за сравнительное языковѣдѣніе въ монгольскихъ нарѣчіяхъ, что Абель-Ремюза въ своихъ «Recherches» написалъ цѣлый трактатъ о литературѣ монголовъ и даже съ прибавленіемъ грамматики монгольскаго языка; но всякій, кто изучалъ монгольскій языкъ болѣе или менѣе основательно и кому пришлось притомъ познакомиться съ многочисленными нарѣчіями этого языка, не усумнится сказать, что наивность сужденій этихъ корифеевъ оріентализма на западѣ и блѣдность сообщаемыхъ ими дѣйствительныхъ знаній о монгольскомъ языкѣ равны дерзости, съ которою брались они судить и сообщать свѣдѣнія о томъ, чего совершенно не знали сами. Основательное изученіе монгольскаго языка пачато только въ Россіи: мы можемъ съ гордостію произносить имена Бобровникова и Ковалевскаго, давно уже не сомнѣвались, что рано или поздно Европа обратится къ трудамъ нашихъ монголоведавъ и тѣмъ болѣе не сомнѣваемся въ этомъ теперь, когда намъ уже положительно извѣстно намѣреніе англичанъ перепечатать лексиконъ Г. Ковалевскаго. Тоже самое можно сказать и относительно знакомства европейцевъ съ нарѣчіями монгольскаго языка, хотя изученіе ихъ началось можно сказать только три съ небольшимъ десятка лѣтъ, да и ограничивалось до сего времени только изслѣдованіями языка Олѣ-

товъ. Въ этомъ отношеніи достаточно сравнить только изданіе Сиддиту-кѳора на западѣ Юльгомъ и проф. Голстунскимъ въ Россіи, чтобы видѣть разницу и превосходство въ филологическихъ познаніяхъ нашего профессора предъ ученымъ запада.

При такой бѣдности изученія языка монголовъ естественно, что и изданія на этомъ языкѣ у насъ не многочисленны. Въ Европѣ не появлялось до нынѣ еще положительно ничего, кромѣ текстовъ древнихъ грамотъ, снимковъ съ надписей на каменныхъ памятникахъ и лаконическихъ фразъ пайцзэ; въ Россіи было издано двѣ лѣтописи и нѣсколько отрывковъ изъ разныхъ сочиненій въ хрестоматіяхъ. Надъ всѣмъ этимъ доселѣ царить появившійся еще въ 1829 году трудъ академика Шмидта; хотя по нашему мнѣнію онъ далеко не совершененъ и давно требовалъ бы провѣрокъ и переизданія даже какъ текстъ, не говоря уже о переводѣ, въ которомъ академикъ иногда руководствовался больше своимъ соображеніемъ и воображеніемъ, чѣмъ дѣйствительными фразами, или отдѣльными словами Сананъ-Сэцэна. На все это намъ могутъ конечно возразить о незначительности монгольской литературы вообще, ея малоинтересности и односторонности, хотя и трудно предположить, чтобы истинный ученый находилъ въ чемъ бы то ни было мало интереса. Но прежде всего мы не можемъ согласиться даже и съ тѣмъ, чтобы литература монголовъ была дѣйствительно незначительна; что же касается интереса, то говорить о немъ дѣло весьма условное: и почему не предположить, что нѣкоторыми изданіе текста и перевода хоть бы сочиненія «Тонилхуйнъ чимэкъ», особливо въ томъ видѣ, въ которомъ пріобрѣтенъ онъ мною, или знаменитаго Цзонхавинскаго «Лам-рим'а» (монг. Мурун-цэргэ) можетъ быть почитаемо, и не безосновательно, гораздо болѣе интереснымъ и полезнымъ, чѣмъ текстъ и переводъ Сананъ-Сэцэна въ изданіи Шмидта? Монгольскую литературу обвиняютъ въ односторонности ея буддѣйскаго направленія. Это справедливо отчасти; но развѣ ученые запада да и русскіе не написали громаднхъ томовъ о буддизмѣ, почерпая свои свѣдѣнія съ языковъ санскрит-

скаго, тибетскаго и китайскаго? А между тѣмъ судить о буддизмѣ и трактовать о его догматахъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ, прочитаннымъ на помянутыхъ языкахъ, было крайне не научно. Буддизмъ, какъ неоднократно замѣчалъ о томъ нашъ проф. Васильевъ, въ каждой странѣ принималъ мѣстный колоритъ, и, соглашаясь съ этимъ положеніемъ, мы думаемъ, что было бы гораздо полезнѣе, оставивъ притязаніе на общее изложеніе догматики буддизма, ознакомиться съ его особенностями въ той или другой странѣ, а въ томъ числѣ и въ Монголіи. Наконецъ, въ оправданіе незначительности монгольской литературы нужно прежде всего сказать то, что невозможно же требовать отъ кочевника такого же богатства изданій, которое является и къ которому привыкли мы въ Европѣ; а съ другой стороны путешествіе по Монголіи доказало автору этого изслѣдованія, что монголы далеко не совершенно бездѣтельны въ литературѣ и не смотря на незначительность средствъ, которыми располагалъ онъ, ему удалось пріобрѣсти и лѣтописи, относящіяся по изданію къ самому послѣднему времени и такія же историческія сочиненія, біографіи частныхъ лицъ, переводные съ китайскаго и оригинальные романы, путешествія, переводныя съ тибетскаго и оригинальныя сочиненія по буддизму и пр. и пр. Итакъ всѣ трактаты о незначительности монгольской литературы сводятся скорѣе къ нашему не знанію ея, обвиненіе же противъ нея въ односторонности ея буддійскаго направленія, кажется, по меньшей мѣрѣ страннымъ; возможно ли обвинять литературу за то, что въ данное время въ ней существуетъ извѣстное направленіе и не одинаковый ли интересъ представляетъ для ученаго литература, къ какому бы направленію она ни принадлежала?

Изъ всего сказаннаго, кажется, дѣлается достаточно яснымъ, что во 1-хъ) литература монголовъ для насъ положительно не извѣстна, за исключеніемъ не многихъ историческихъ памятниковъ и двухъ образцовъ монгольскихъ лѣтописей, и что во 2-хъ) наше извѣстное относится только къ письменнымъ памятникамъ народныхъ воззрѣній, жизни и быта. Но обуславливается

ли только заключеннымъ въ письменность литература монголовъ, хотя и это составило бы громаднѣйшій матеріалъ для изслѣдованія и изученія? Конечно нѣтъ: всякій литературный народъ непременно имѣетъ кромѣ письменной, такъ сказать, ученой литературы еще и устную, чисто народную, являющуюся почти всегда въ формѣ пѣсни, или по крайней мѣрѣ въ стихотворной формѣ. Этотъ послѣдній родъ литературныхъ произведеній за симъ всегда бываетъ тѣмъ богаче и обширнѣе, чѣмъ менѣе развита грамотность въ народѣ, чѣмъ однообразнѣе уровень умственнаго развитія въ различныхъ классахъ общей народной семьи. Справедливость этого положенія подкрѣпляется фактами, сохраняемыми для насъ исторіею всеобщей литературы, хотя тутъ едва ли и нужно требовать уясненій и доказательствъ: ибо гдѣ же въ самомъ дѣлѣ можетъ быть богатство народной пѣсенной поэзіи какъ не тамъ, гдѣ князь и пастухъ живутъ одною общею жизнію, имѣютъ одни интересы и говорятъ однимъ языкомъ? Такимъ образомъ основываясь на этомъ положеніи мы можемъ а priori ручаться въ отношеніи монголовъ, что устная литература ихъ должна быть весьма обширна. Должно думать, что таковою она являлась бы и на самомъ дѣлѣ, если бы условія страны и быта народа, да наконецъ и самый характеръ его способствовали всецѣлому сохраненію того, что произведено и воспѣто творческимъ духомъ народа. Нѣтъ ничего гибельнѣе для сохраненія съ памяти народа его устной литературы какъ перемѣщеніе съ одного мѣста на другое; а между тѣмъ въ Монголіи въ настоящее время едва ли есть семьи, которыхъ не коснулось бы переселеніе, то и дѣло производимое маньчжурами, да наконецъ и монгольскими родовыми князьями. Въ настоящее время Чахаровъ также не трудно встрѣтить на самой сѣверной окраинѣ Халхи, какъ ѳлѣтовъ у Долонь-нѣра, или по сосѣдству съ кочевьями Харачиновъ. Производится эта перетасовка, какъ уже было сказано, то по требованію китайскаго правительства, то наконецъ по условіямъ народныхъ обычаевъ: достаточно напримѣръ выйдти ѳлѣтской княжнѣ за-мужъ за харачинскаго, или бариньскаго тайчжи,

чтобы за ней послѣдовало десять, пятнадцать семей данниковъ ея отца. Понятно, что при этихъ переселеніяхъ воспоминанія о старинѣ отдаляются въ народѣ новыми впечатлѣніями и наконецъ совершенно изглаживаются изъ его памяти, благодаря отсутствію обстановки, пробуждавшей ихъ прежде по ассоціаціи. Самая кочевая жизнь монголовъ не мало убиваетъ ихъ устную литературу и тому, кто началъ бы заниматься собраніемъ и записываніемъ этого рода памятниковъ, пришлось бы слышать чуть ни отъ каждаго рассказчика, что онъ знаетъ извѣстный рассказъ только на половину, потому что училъ со словъ того-то, но не могъ докончить всего за перекочевку. Такъ постепенно гаснутъ въ памяти народа произведенія стариннаго творчества ихъ предковъ, современныя же произведенія встрѣчаются черезъ чуръ рѣдко, ибо въ настоящее время, больше чѣмъ когда либо, монголы находятся въ условіяхъ самыхъ неблагоприятныхъ для поэтическаго творчества. Голодъ и холодъ, гнетущая бѣдность, давленіе чужеземной администраціи и наконецъ убивающій всякое стремленіе и порывъ къ мірской жизни буддизмъ, все это такіе факторы въ жизни, которые далеко не заставляютъ пѣть человѣка, а напротивъ подавляютъ въ немъ всякую живую струну сердца. Естественно посему, что народныя произведенія устной литературы можно находить только съ большимъ трудомъ у монголовъ и что сохранившихся памятниковъ ея теперъ должно быть значительно меньше, чѣмъ можно было предполагать о существованіи ихъ а priori. Мнѣ лично пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ этой недостаточности. Правда, я не затруднюсь пересчитать десятки монгольскихъ поэмъ и сказокъ, большинство изъ нихъ у меня записано; но я видѣлъ, что эти произведенія должны существовать далеко не въ той формѣ, въ какой они мнѣ передавались: изъ десяти стиховъ, только три, четыре говорилось риемованныхъ, отъ поэтическихъ картинъ въ этой передачѣ оставались только жалкіе отрывки. Осматривая свои записи въ настоящее время, я вижу только двѣ три сказки и былины достойныхъ изданія и если я въ свое время все таки записывалъ все передаваемое мнѣ, то имѣлъ

при этомъ единственную цѣль ознакомленія съ безчисленными изгибами языка и, пожалуй еще, изученія монгольскихъ мѣровъ. Пѣсни, какъ произведенія болѣе краткія, полнѣе сохранились въ памяти народа, но и здѣсь нельзя не замѣтить того же смѣшенія: часто одна половина пѣсни совершенно не вяжется съ другою, и видимо перенесена въ нее изъ какого либо другаго такого же произведенія, еще чаще въ пѣсняхъ не достаетъ рѣимъ, отдѣльныхъ стиховъ, или наконецъ и цѣлыхъ строфъ, какъ то можно предполагать по смыслу.

При такой трудности дѣльнаго и мало мальски полного собранія образцевъ народной поэзіи, особливо разсматриваемой въ связи съ незначительнымъ изученіемъ монгольскаго языка ориенталистами вообще, естественно, что въ Европѣ до сего времени поэзія монголовъ составляла положительную terra incognita. О существованіи у монголовъ пѣсенъ и сказокъ правда можно было знать изъ сказаній нашихъ ученыхъ путешественниковъ и туристовъ, съ десятокъ пѣсенъ и пословицъ оказалось даже и записаннымъ со временъ Палласа въ 1769 году до Ровинскаго въ 1874 г., но этимъ и ограничивалось все наше знакомство съ поэзіею монголовъ, о сборникахъ народной литературы при этомъ само собою разумѣется не можетъ быть и рѣчи. Не смотря однако на такую бѣдность данныхъ, любопытный и наблюдательный умъ европейцевъ успѣлъ и на основаніи ихъ сказать нѣсколько словъ о поэзіи монголовъ. Еще въ 1837-мъ г., въ журналѣ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* появилась статья Габеленца «Einiges über mongolische Poesie», которую авторъ составилъ главнымъ образомъ на основаніи выписокъ изъ Сананъ-Сэцэна. Мы не будемъ ничего говорить объ этой статьѣ, ибо, написавъ ее, Габеленць отдалъ должную дань своему времени, хотя для насъ онъ и не преминулъ затемнить свою заслугу, возведя отрывочныя фразы сухой лѣтописи Сананъ-Сэцэна на высокую степень монгольскаго эпоса. Впрочемъ, Габеленць ничего не говорилъ о содержаніи поэзіи монголовъ и разсматривалъ ее только со стороны законовъ стихосложенія, такъ что вся его

статья, написанная на 16 страницахъ, изъ коихъ 14 заняты примѣрами, можетъ быть выражена въ одномъ предложеніи: приема монгольскихъ стихотвореній находится въ началѣ каждаго стиха. Что касается народной поэзіи монголовъ, то объ ея содержаніи не говорилъ еще никто; да и если бы сказалъ что либо, то навѣрное неправильно. Я говорю такъ прежде всего потому, что судить о содержаніи народной поэзіи монголовъ по тѣмъ даннымъ, какія имѣлись у насъ до сего времени, положительно не возможно. Европейскіе путешественники вообще и особливо туристы являються на востокъ съ своими предвзятыми, европейскими понятіями и въ большинствѣ случаевъ, кажется, и не хотятъ смотрѣть на дѣйствительность, а ищутъ только то, что имъ нужно: пѣсня — непременно должна быть или быговою, или историческою, сказка — непременно обрисовывающею какой нибудь мифъ и т. д. Посмотрите на стихотворенія, записанныя Тимковскимъ, или пѣсню, записанную Ровинскимъ; вы видите, что онѣ намѣренно выбраны изъ десятка другихъ не записанныхъ и оставленныхъ безъ перевода. Но можетъ ли даже цѣлый сборникъ, составленный такимъ образомъ, быть въ самомъ дѣлѣ матеріаломъ для истиннаго сужденія о народной поэзіи и еще болѣе служить пособіемъ къ уясненію исторіи и характера народа? Конечно нѣтъ. Можно составить цѣлый сборникъ пѣсенъ, которыя будутъ мѣтко рисовать народный бытъ, его недостатки и достоинства, будутъ въ совершенствѣ соответствовать народной пѣснѣ по языку и построенію и за всѣмъ тѣмъ все таки не будутъ народными. Такого рода пѣсни бывають у каждаго народа: онѣ выходятъ отъ своего творца, живутъ въ устахъ двухъ, трехъ десятковъ человѣкъ, но не сродняются съ народомъ, не бывають приняты имъ, а потому и остаются неизвѣстными ему. Спрашивается теперь, могутъ ли такого рода пѣсни назваться народными и можно ли на основаніи ихъ судить о народѣ? Отвѣтъ конечно отрицательный; а между тѣмъ мы едва ли ошибемся если скажемъ, что только такой сборникъ пѣсенъ и могъ быть составленъ до сего времени изъ обнаруженныхъ въ Европѣ произведеній этого рода народной лите-

ратуры монголовъ. Неоспоримо также, что народныя пѣсни, какъ и самый народъ, имѣютъ свою исторію: однѣ изъ нихъ измѣняются, обновляются, принимаютъ новыя формы; другія отживаютъ свой вѣкъ, постепенно угасаютъ, по мѣрѣ того какъ въ народѣ слагаются новыя убѣжденія, и наконецъ дѣлаются совершенно чуждыми народу, когда онъ начинаетъ жить новою духовною жизнью. Отсюда еще ограниченіе понятія народности пѣсенъ, принимая въ соображеніе которое, мы считаемъ ошибочнымъ представленіе Тимковскимъ военной пѣсни Халхасовъ сэцэцъ хановскаго аймака*), какъ характеристичной для монголовъ того времени. Только долговременное наблюденіе надъ отношеніемъ народа къ извѣстнымъ пѣснямъ можетъ привести къ истинному заключенію объ ихъ народности. Еще Гомеръ совершенно справедливо сказалъ:

Τὴν ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι
ἤ τις ἀκούοντεςσι νεωτάτη ἀμφιπέληται **).

слѣдовательно ручательствомъ за современность пѣсни для народа служить прежде и больше всего ея количественное употребленіе, степень распространенности въ народѣ. Только тогда, когда пѣсня расходуется, мы можемъ сказать, что она любѣ народу, что она выражаетъ его современный духъ, что она — народная.

Трехлѣтнее пребываніе въ Монголіи дало мнѣ возможность собрать и записать до 300 различныхъ монгольскихъ пѣсенъ и этотъ сборникъ имѣетъ для меня особенную важность потому, что я записывалъ только то, что мнѣ *приходилось* слышать: я не заставлялъ пѣть ни халхаса, ни ѳлѳта и даже когда затягивалъ пѣвецъ какую либо пѣсню, я иногда спрашивалъ его, почему онъ поетъ ее и что ему особенно въ ней нравится. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что мнѣ казалось имъ только и можно для

*) Путешествіе въ Китай, ч. 3-я, стр. 307.

***) Одисея I, 351—2.

иностранца уяснить себѣ, что именно въ пѣснѣ народнаго; при томъ же у монголовъ, какъ и вездѣ, весьма часто случается, что пѣсня поется только потому, что пѣвецъ находитъ пріятную для себя гармонію въ ея напѣвѣ. Гибельный пожаръ въ Иркутскѣ едва ли не лишилъ меня сборника пѣсенъ чахарскихъ, въ которыхъ гораздо болѣе жизни и сатиры, чѣмъ въ жалкой пѣсенной поэзіи Халхи. Я не преминулъ бы теперь же представить образцы ихъ, если бы имѣлъ ихъ подъ руками и надѣюсь познакомить съ ними публику, какъ только Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества перешлетъ мнѣ мои коллекціи, оставшіяся въ его рукахъ. Въ своемъ трактатѣ о законахъ стихосложенія у монголовъ я буду приводить примѣры и изъ чахарскихъ пѣсенъ, но это печальные отрывки выхваченные мною наскоро въ то время, когда въ минуты досуга отъ наблюдений, я въ степяхъ Монголіи приводилъ нѣсколько въ порядокъ свои разбросанныя знанія о литературѣ различныхъ племенъ единого монгольскаго народа.

Значеніе и необходимость изученія народной литературы для историка и психолога уже были такъ многократно разсматриваемы и доказываемы, что я считаю излишнимъ снова подробно говорить объ этомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу не замѣтить, что народная литература, кажется, нигдѣ не принесла бы такой услуги и нигдѣ не была бы такъ важна, какъ въ объясненіи исторіи монголовъ. Кто не скажетъ, что произведенія народной литературы вообще и особливо пѣсни суть истинныя и непритворныя выраженія мысли и чувствованій народа; что они суть образы, въ которыхъ народъ рисуетъ намъ свой характеръ и истинную картину своего быта въ каждую данную эпоху и что потому самому изученіе пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія можетъ представить намъ исторію внутренняго существа и духовной жизни народа? Имѣя въ виду именно это свойство пѣсенъ, я и сказалъ, что онѣ нигдѣ бы не

могли имѣть для насъ такого интереса, какъ у монголовъ; потому что въ самомъ дѣлѣ было бы весьма поучительно прослѣдить по нимъ какъ этотъ храбрый народъ, нѣкогда подчинившій себѣ и державшій въ своихъ рукахъ едва не полъ міра, постепенно опускался, какъ мало по малу угасли его духовныя силы и какъ наконецъ достигъ онъ до того ничтожества, въ которомъ видимъ мы его въ настоящее время? Да и былъ ли онъ дѣйствительно тѣмъ храбрымъ, мужественнымъ и пылкимъ по духу народомъ, какимъ представляемъ мы его себѣ въ періодъ его завоеваній? Все это вопросы, которые конечно могли бы быть вполне разрѣшены на родною литературою монголовъ и на которые теперь мы можемъ отвѣчать только гадательно по монографіямъ и историческимъ памятникамъ ихъ иноплеменныхъ данниковъ, даже безъ всякой надежды найти истинное свидѣтельство достовѣрности нашихъ заключеній въ собственныхъ твореніяхъ монгольскаго народа. До сего времени намъ не извѣстно ни одного памятника изъ древняго монгольскаго творчества, да безъ сомнѣнія ни одинъ изъ нихъ и не сохранился до нашихъ временъ, потому что едва ли возможно допустить существованіе хотя бы одной только пѣсни въ устахъ кочеваго народа въ теченіе четырехъ, пяти вѣковъ, а о письменныхъ памятникахъ этого рода не можетъ быть и рѣчи. Можно конечно возражать, что это послѣднее положеніе также гадательно, что еще въ недавнее время нашему соотечественнику удалось отыскать памятникъ древней литературы монголовъ, о существованіи котораго мы также не могли думать до самаго времени его открытія, — я говорю о пресловутомъ монгольскомъ текстѣ Юань-чао-ми-ши; но въ этомъ случаѣ нельзя забывать о той весьма важной особености народовъ крайняго востока, по которой всѣ они вообще относятся съ необъяснимою небрежностію къ произведеніямъ народнаго творчества. Даже Китайцы, составившіе себѣ громкую славу богатствомъ и разнообразіемъ своей литературы, въ этомъ случаѣ ни чѣмъ не разнятся отъ своихъ кочевыхъ сосѣдей и, не смотря на завѣщаніе Конфуція собирать и изучать сказанія и пѣсни народа, не имѣютъ у себя

рѣшительно ни одного сборника своей народной литературы. Само собою разумѣется, что еще менѣе мы можемъ предполагать у нихъ составленіе подобнаго сборника *монгольскихъ* пѣсень даже и въ періодъ владычества Юаней; что же касается до существованія Монголіи при Минахъ, то какъ ни бѣдны по этому предмету свѣдѣніями историческія сказанія китайцевъ, они все таки говорятъ, что монголы, возвратившіеся на сѣверъ по изгнаніи изъ Китая, совершенно забыли буддизмъ и письменность. Тоже говорятъ и источники монгольскіе *). Такимъ образомъ изгнанные изъ Китая монголы не могли записывать своихъ народныхъ твореній уже потому, что забыли свою письменность. Предположимъ однако, что сказанія китайцевъ и буддійскихъ монаховъ въ этомъ случаѣ преувеличены, что грамотность во все не была забыта монголами, а только пришла въ упадокъ; но и тогда вѣроятность записи какого либо народнаго творенія возрастетъ весьма мало по той напыщенной педантичности, которая, какъ кажется, всегда была неразлучна съ духомъ грамотныхъ монголовъ и присуща ему до настоящаго времени. Для насъ кажется почти невозможнымъ предположить, чтобы народу не было любо его произведеніе, чтобы онъ не находилъ удовольствія въ пѣсняхъ, всегда представляющихъ ему гармонію родныхъ его звуковъ, всегда полныхъ эстетическаго изображенія его собственнаго чувства, остротъ его собственной мысли; а между тѣмъ достовѣрно, что монголы во все не дорожатъ этими своими произведеніями, или по крайней мѣрѣ не хранятъ ихъ, запечатлѣвая въ письменности: они не имѣютъ пѣсенниковъ и къ самому записыванію пѣсень относятся съ очевиднымъ презрѣніемъ. Объяснить это презрѣніе мы не можемъ ни чѣмъ другимъ какъ только педантичностью. Монголы считаютъ недостойными кисти пѣсни и народныя сказки; имъ нужно поученіе, нужны трактаты о возвышенныхъ пред-

*) Нэйчжи Тойнъ Л. 108; Эрдэнийнъ эрихэ гл. 48; Эрдэни цзу-инъ тухэ Л. 13-й; Чжибцзунъ дамба ламайнъ Л. 2-й; Чжанчжа гэгэну намтаръ т. 2-й стр. 205.

метахъ и возвышенныхъ личностяхъ, или наконецъ нужна важная личность автора. Этимъ только мы и можемъ объяснить появленіе въ литературѣ монголовъ нелѣпныхъ фантазій и баснословія буддизма. Такимъ образомъ мы не имѣемъ и едва ли можемъ ожидать отъ монголовъ памятниковъ ихъ древняго народнаго творчества и потому въ трактатѣ о монгольской поэзіи необходимо должны ограничиться сужденіемъ о ней по изслѣдованію позднѣйшихъ образцовъ ея. Заключение объ относительной старинѣ той или другой пѣсни можетъ быть выводимо только на основаніи соображеній законовъ жизни и развитія народовъ вообще и нѣкоторыхъ весьма не многихъ частныхъ указаній на событія изъ исторіи того или другаго монгольскаго племени.

Каковъ же общій духъ монгольской народной пѣсенной поэзіи и каковъ характеръ народныхъ монгольскихъ пѣсенъ? Характеръ народныхъ пѣсенъ вообще долженъ соотвѣтствовать и всегда дѣйствительно соотвѣтствуетъ характеру народа, составившаго ихъ: при этомъ конечно имѣетъ весьма важное значеніе обстановка народа, его жизнь и положеніе въ средѣ другихъ народовъ, его окружающихъ и входящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, наконецъ самая страна и природа, среди которой народъ живетъ и которая по необходимости имѣетъ вліяніе на внутренній міръ и чувствованія человѣка. Монгольскія пѣсни въ этомъ случаѣ не составляютъ исключенія изъ общаго правила и представляютъ чистѣйшее выраженіе народнаго духа монголовъ. Такъ какъ выше уже было замѣчено, что за отсутствіемъ образцовъ древней поэзіи монголовъ, навсегда унесенныхъ отъ насъ временемъ и за неимѣніемъ въ большинствѣ случаевъ никакихъ указаній на происхожденіе пѣсенъ мы совершенно не можемъ разсматривать монгольскихъ пѣсенъ въ хронологической послѣдовательности ихъ происхожденія, что для насъ посему существуетъ только современное творчество народа, то отсюда естественно вытекаетъ и то, что мы должны говорить только о духовномъ развитіи и настроеніи монголовъ въ ближайшее къ намъ время. Но что могли бы мы сказать положительнаго даже объ этомъ бли-

жайшемъ къ намъ періодѣ? Мы имѣемъ только самое общее представление о жизни монголовъ безъ малѣйшихъ свѣденій о частностяхъ и деталяхъ этой жизни. Правда прибрѣтенные мною памятники позднѣйшей монгольской исторической литературы значительно поясняютъ намъ жизнь и дѣятельность монголовъ подъ владычествомъ маньчжуровъ, но все это по сухости и лаконичности сообщаемыхъ свѣдѣній только въ незначительной степени можетъ послужить къ уясненію характера монгольскаго народа а вмѣстѣ съ тѣмъ и монгольскихъ пѣсенъ. Постараемся однако произвести свое изслѣдованіе хотя и на основаніи этихъ общихъ данныхъ.

Достовѣрно извѣстно, что монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая, все время жили въ тѣхъ самыхъ однообразныхъ, непривлекательныхъ и бѣдныхъ по природѣ степяхъ, въ которыхъ живутъ и нынѣ и также перекочевывали съ лѣтниковъ на зимовку и съ зимовокъ на лѣтники, какъ кочуютъ и теперь, что они еще тогда принялись за тотъ же родъ занятій, который практикуютъ и до настоящей поры, однимъ словомъ въ матеріальномъ отношеніи были въ той самой обстановкѣ, въ которой живутъ они и теперь. Такимъ образомъ знакомство съ современнымъ состояніемъ монголовъ если не въ совершенной, то въ достаточной полнотѣ можетъ перенести насъ на цѣлыя 500 лѣтъ назадъ и возбудить представление объ ихъ тогдашней жизни и міросозерцаніи. Кочевникъ, провождавшій жизнь свою въ немногосложныхъ занятіяхъ скотоводствомъ или охотой, уже въ силу этихъ своихъ занятій ищущій удаленія отъ близкихъ сосѣдствъ и потому еще болѣе одинако скитавшійся по безлюднымъ степямъ, монголъ естественно не могъ привыкнуть къ шумной и общественной жизни. Удаленіе отъ общества было одною изъ главныхъ причинъ конечно и удаленія отъ гражданственности: монголъ жилъ простою, нестѣсненно обществеными обязательствами и условленными приличіями жизнью, ему свободно дышалось и онъ такъ втянулся въ эту свободу, что его не привлекали ни какія удобства и блага общественной жизни. «Хэрийн байн гэрійн байнаса дэрэ», т. е. «степной богачъ лучше богача осѣдлаго», говорилъ монголъ въ

своей пословицѣ и, вѣрный своему взгляду, онъ остался кочевникомъ — скотоводомъ, пренебрегая всѣми другими занятіями и всякимъ другимъ образомъ жизни, потому что они не согласовались съ его понятіями о личной независимости и свободѣ. Ему душно было заковать себя въ узкія рамки общественной жизни, гдѣ по неволѣ приходится нести на себѣ тяготы другаго: онъ покорялся предъ всѣми жизненными невзгодами, предпочиталъ свое одиночество въ трудѣ, не имѣя для себя ни отъ кого помощи, но и не работая на другаго; съ людьми онъ сходилъ только для того, чтобы развлечься въ ихъ обществѣ, пожить общеою радостью или раздѣлить общую печаль. Этотъ характеръ обыденной жизни и общественныхъ отношеній монголы сохраняютъ постоянно и до настоящаго времени. «Довольствуясь только необходимо нужнымъ, говоритъ Бель, путешественникъ начала XVIII вѣка, и не ища излишняго, монголы живутъ по самымъ простымъ и самымъ древнимъ обычаямъ» *). Тоже можно сказать о нихъ и въ наше время: вольный пастухъ или охотникъ, монголъ донинѣ чуждается общественной жизни, проводитъ большую часть времени въ своей семьѣ и только изрѣдка ѣздитъ къ своимъ знакомымъ подѣлиться своими новостями и потолковать о слухахъ. Можно думать, что эта разобщенная жизнь и составляетъ причину нѣкоторыхъ, весьма привлекательныхъ, духовныхъ сторонъ монгола, таковы, безграничная преданность и любовь къ домашнему очагу, постоянно сохраняемый взаимный миръ сосѣдей и привязанность между товарищами и друзьями. Несомнѣнно затѣмъ, что эти чувствованія были у монголовъ еще сильнѣе въ старое время и еще болѣе чѣмъ теперь находили тогда свой отголосокъ въ ихъ пѣсняхъ; оттого то мы и встрѣчаемъ теперь у монголовъ на ряду съ чопорными твореніями, воспѣвающими благодѣянія родителей въ будійскихъ фразахъ, пѣсни, касающіяся того же предмета, но дышашія простотою чувства и однообра-

*) Jean Bell d'Antermony. Voyages de puis St.-Petersbourg en Russie, dans diverses contrées de l'Asie T. I, p. 173.

зіемъ въ построеніи. Эти послѣднія пѣсни кажется могутъ быть не безосновательно признаны старѣйшими изъ монгольскихъ пѣсень. Пѣвецъ выражаетъ въ нихъ свою любовь къ друзьямъ и братьямъ, — чувство, возбужденное въ немъ плѣняющими его картинами и звуками природы, онъ весь поглощается этимъ чувствомъ и стремится выразить его въ эстетическихъ формахъ слова. Впрочемъ образами прекраснаго эти пѣсни не богаты, что въ свою очередь весьма легко объясняется тою монотонностью степи, которая окружаетъ монгола, тою незначительною подвижностію, въ которой проводитъ онъ свою жизнь, и тѣми бѣдными знаніями, которыя наполняютъ его душу. Характеристичною особенностью при этомъ въ монгольскихъ пѣсняхъ является то, что монголь совершенно не стѣсняется ни этою бѣдностью окружающей его природы, ни недостаточностью своихъ знаній: въ своемъ твореніи онъ не усумнится приписать имя горы — рѣкъ, прозваніе лѣса—озеру и т. д.; истощится у него вовсе запасъ именъ, переберетъ онъ всѣ знакомыя ему имена рѣкъ и горъ, онъ будетъ давать тому и другому имена описательно; ему все равно, лишь бы только можно было выразить свое основное чувство любви къ близкимъ ему людямъ въ формахъ благозвучныхъ для слуха, лишь бы подобрать риѣму въ отдѣльныхъ стихахъ. Кто не найдетъ въ этомъ нѣкоторой аналогіи съ нашими дѣтскими пѣснями, въ которыхъ подчасъ не видишь ничего, кромѣ пустой болтовни и игры словами и созвучіями.

ханъгай голыин эхин-дү
хән хөхө донъгодона
хайргай сайхан нүхүдэн
мэндү гэчжи дүланам
үндүр гэхчійн улан-дү
цзулцага хөхө донъгодона
эмэгэн бурал эчжійгэн
мэндү гэчжи дүланам
ару голыин эхин-дү
алтан горголтэй донъгодона

алдарту сайхан абайган
мэндү гэгжи дүланам
хэрүлүн голын эхин-дү
хөхө шубу доньгодона
хүбүн бага дүнэрэн
мэндү гэгжи дүланам
үлүнүтү голын эхин-дү
уньгэин шубу доньгодона
уйын сайхан нүхүдэн
мэндү гэгжи дүланам.

Переводъ.

На истокахъ рѣки Хангая
Кукуеть царь кукушка;
О своихъ любезныхъ и добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На горѣ, называемой высокою,
Кукуеть птенецъ кукушка;
О своей старушкѣ сѣдовласой — матушкѣ
Я слышу, что (она) здорова.

На истокахъ сѣверной рѣки
Поеть фазанъ (= золотой соловей);
О своемъ имени томъ и добромъ батюшкѣ
Я слышу, что (онъ) здоровъ.

На истокахъ рѣки Кэрулена
Кукуеть кукушка;
О своихъ ребяткахъ — младшихъ братьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

На истокахъ рѣки Улунту
Поеть разноцвѣтная птица;
О своихъ сверстникахъ добрыхъ друзьяхъ
Я слышу, что (они) здоровы.

Я съ охотою призналъ бы эту пѣсню прабабушкою всѣхъ со-
временныхъ монгольскихъ пѣсенъ и думаю, что въ самомъ дѣлѣ
едвали можно усумниться въ ея относительной старинѣ, потому
что въ ней выражается чистая душа монгола, чуждая навѣтовъ

всѣхъ буддійскихъ бредней; эта поэзія — плодъ простой неискаженной природы, въ ней нѣтъ ничего сверхъ естественнаго, причудливаго, необузданно-фантастическаго, однимъ словомъ нѣтъ ничего такого, что создано потомъ у монголовъ буддизмомъ: здѣсь видны только любовь къ природѣ и родинѣ, любовь къ семьѣ и своему кругу, а эти дѣтски чистыя и невинныя чувства *несомненно* лежали въ основѣ развитія всего духовнаго строя монгольской жизни, всего міросозерцанія монголовъ. Да и можно ли заподозрить въ самомъ дѣлѣ нравственное извращеніе въ народѣ, который живетъ буквально господиномъ окружающей его природы, не раздражается дрязгами и коварствомъ общественной жизни, не имѣетъ ни какой нужды прибѣгать къ какимъ либо хитростямъ и обманамъ собрата, который изначала привыкъ къ ограниченности въ своихъ потребностяхъ и никогда не былъ избалованъ нѣгою жизни? Трудно предположить при этихъ условіяхъ нравственную порчу въ человѣкѣ и мы дѣйствительно встрѣчаемъ у древнихъ писателей самыя похвальные отзывы о тогдашнемъ монгольскомъ народѣ. Стефанъ Орбеліани слѣдующимъ образомъ характеризуетъ монголовъ: «это народъ безъ Бога и религіи, но соблюдавшій естественныя законы, ненавидѣвшій грязныя пороки и всѣ гнустныя дѣянія, благомыслящій другъ къ другу, усердный и покорный къ властителю своему, справедливый въ своихъ сужденіяхъ и дѣлахъ» *). Но любя, свое, монголъ не любилъ чужбины и новизны: онъ былъ и до нынѣ существуетъ кочевникомъ, но онъ никогда не терпѣлъ движенія и перемѣнъ, а напротивъ всегда былъ преданъ родному кочевью, всегда горѣлъ желаніемъ къ знакомымъ людямъ, знакомой дѣятельности, знакомой обстановкѣ и пр. Таниху үгэй ноин—бара, таниху үгэй гацзәр—таму», т. е. незнакомый начальникъ—тигръ, незнакомая мѣстность—адъ, говоритъ онъ въ своей пословицѣ и такимъ образомъ выражаетъ свою крайнюю преданность старинѣ, свое расположеніе къ минувшему и настоящему, однимъ словомъ къ извѣстному. Что ле-

*) Стеф. Орбеліани — стр. 294-я.

жало въ основѣ этого расположенія къ знакомому и нерасположенія къ неизвѣстному, мы не будемъ разбирать подробно, но самый образъ сравненія неизвѣстнаго съ предметами ужаса — тигромъ и адомъ, не даетъ ли прямыхъ указаній на то, что въ основѣ этого нерасположенія къ неизвѣстному лежитъ страхъ. Монгольъ страшился и страшится новыхъ людей и новой мѣстности, никогда не желалъ бчутиться въ новой обстановкѣ, потому что всегда боялся и боится не совладать со всѣмъ этимъ: онъ боится за свое счастье, за свою свободу и даже больше—за свою жизнь. Вотъ гдѣ лежитъ основа его удаленія отъ новизны и любви къ старому, знакомому, извѣстному. Какъ бы ни было плохо это старое, оно для него всегда лучше, выше и дороже, потому что онъ сроднился съ нимъ, привыкъ къ нему. «Дѣло пассивной привычки, говорить въ своемъ описаніи Монголіи нашъ знаменитый путешественникъ Пржевальскій, у монгола стоитъ на первомъ планѣ. Энергія духа не воскресаетъ въ немъ при встрѣчѣ съ неизвѣданными трудностями; онъ всегда выбираетъ средства только избѣгнуть ихъ, но не побороть. Здѣсь нѣтъ гибкаго, мужественнаго духа европейца, способнаго примѣняться ко всему, бороться со всѣми невзгодами и побѣждать ихъ; тутъ передъ вами неподвижный, консервативный характеръ азіатца, полный пассивной апатіи ко всѣмъ разъ зауроченнымъ невздамъ и совершенно чуждый всякой активной энергіи».....*) Дасасан гацзарын дабу цэбйлон, даса үгэй гацзарын торгò цэбйлон болбайги, дабунаса дэрэ үгэй, — «въ привычной странѣ грубый холстъ (кажется) мягокъ, а шелкъ незнакомой мѣстности, хоть онъ и мягокъ, не лучше холста». Удивительно ли, что послѣ такой привязанности монгола ко всему окружающему, ему трудно разстаться съ родными кочевьями, что оставленіе имъ роднаго крова и улуса составляетъ событіе во всей семьѣ и что покинувшій свою ставку монголь о ней только и думаетъ на чужбинѣ: родныя кочевья и родныя лица напоминаются ему всеиъ и

*) Пржевальскій. Монголія и страна таггутовъ, т. I, стр. 42-я.

вездѣ, какъ въ предыдущей пѣснѣ, гдѣ въ голосѣ каждой птицы пѣвецъ слышитъ вѣсть о здоровьи лицъ, имъ покинутыхъ. Вотъ пѣсня ярко рисующая картину разлуки монгола съ домою и чувства, наполняющія его душу въ это время.

буртахтайн үндүр дабан-ду
больчимур шубу цуархай
больчим холо гацзар-ту
болцэр-тан ячжи хүрхү-би
далбактайн үндүр дабан-ду
дальбиря шубу цуархай,
данган холо гацзар-ту
тэмэцэт ячжи хүрхү би.

ахта цаган тэмэн-дү
ачалачжи мордойя
аба эчжи хояран
ухилульчжи мордойя

инггэ цаган тэмэйги
эмэлүльчжи мордойя
эчжи аба хоиран
ухилульчжи мордойя

ботоготайхан тэмэйги
буйлүлэчжи мордойя
бурал цаган эчжійгэн
ухилульчжи мордойя

хуриган цаган хонирэн
хоримначжи мордойя
холо ойро улусан
ухилульчжи мордойя

түльгэн түльгэн хонирэн
түлэйлүльчжи мордойя
түрүльин олон улусан
ухилульчжи мордойя.

чжиргалангтай-чи болба ла
цэянай эчжи-дү мині хүрмэр-ши
чжибэртэй-чи болба ла
чжилга нутук-ту мині хүрмэр-ши

хүндүтэй-чи болба ла
хбхшин э́чи-дү́ миннi хүрмэр-ши
хүйтүн мэтү́ болбачи
хүндүй нутук-тү́ миннi хүрмэр-ши.

Переводъ.

На высокомъ перевалѣ Буртактайнъ
Жаворонки — утомленные;
Въ условленную, далекую мѣстность
Какъ доѣду я къ назначенному сроку?

На высокомъ перевалѣ Далбактайнъ
Оперившіеся птенцы — утомленные;
Въ подлинно далекую мѣстность
Какъ доѣду я, отправившись?

На бѣлаго верблюда-мерена
Положивъ вьюки, поѣду я;
Своихъ батюшку и матушку
Доведа до слезъ, поѣду я.

Бѣлую верблюдицу
Заставивъ осѣдлать, поѣду я,
Своихъ матушку и батюшку
Доведа до слезъ, поѣду я.

Верблюдицу, имѣющую верблюженка,
Зануздавъ, поѣду я;
Сѣдовласую свою матушку
Доведа до слезъ, поѣду я.

Изъ бѣлаго своего ягненка
Устроивъ обѣдъ (буквально—пирушку), поѣду я
И близкихъ, и дальнихъ людей
Заставивъ плакать, поѣду я.

Кроткою, тихою овечкою
Одаривъ каждога, поѣду я;
Множество своихъ родныхъ
Доведа до слезъ, поѣду я.

Хоть былъ бы я счастливымъ,
Не пріѣхать мнѣ къ моей родимой матушкѣ,
Хоть былъ бы я обладателемъ вѣтра,
Не пріѣхать мнѣ въ зеленя, родныя кочевья.

Хоть былъ бы я почтеннымъ,
 Не прѣхать мнѣ къ моей старушкѣ-матушкѣ;
 Хоть былъ бы я какъ холодный вѣтръ,
 Не прѣхать мнѣ въ обширныя родныя кочевья.

Добавлять что либо въ объясненіе этой картины едва ли нужно; замѣтимъ только, что, уѣзжая изъ дому, монголь считаетъ далекимъ даже разстояніе какихъ нибудь 50—75 верстъ: въ чужомъ хошунѣ онъ уже чувствуетъ себя неловко, а другой аймакъ для него настоящая чужбина. Это замѣчаніе можетъ быть одинаково отнесено ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ. У нашихъ Хоринскихъ Бурятъ р. Ононъ считается символомъ отдаленности и въ Агинской степной Думѣ выраженіе «на Ононъ» равносильно нашему народному «на край свѣту бѣлаго», хотя Ононъ протекаетъ отъ помянутой Думы всего въ какихъ нибудь 70—80 верстахъ. При проводахъ, какъ видно изъ пѣсни, слѣдуютъ долгія прощанья и отъѣзжающій уже и не надѣется вернуться на родину, такимъ ужаснымъ кажется ему путешествіе. На чужбинѣ монголь иначе и не можетъ представить себѣ жизнь, какъ крайне тяжелою, вѣчно печальною, проводимою въ постоянныхъ слезахъ.

ичжилѣн санасан морин-ни
 эмэлѣн шилэхэн ханъгинат
 эчжійгэн санасан абагайнар
 нюлмүсү дусулган ханъгинат.

адуган санасан морин-ни
 ахтабчи шилэхэн ханъгинат
 абайган санасан абагайнар
 архийн дундү ханъгинат

нутук бэдэрисэн галун-ни
 нүрийги харачжи ганъгонат
 нутуган санасан абагайнар
 нюлмүсү дусулган ханъгинат

гацзар бэдэрисэн галун-ни
 ганъган харачжи ганъгонат

гацзаран санасан абагайнар
архійн дундү хангынгинат.

Переводъ.

Вспомнившій свои (родные) табуны конь
Звучить, потрясая своимъ сѣдломъ;
Молодицы, вспомнившія свою матушку,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Вспомнившій свой табунъ конь
Звучить, потряхивая привѣсками (сѣдла);
Молодицы, вспомнившія своего батюшку,
Всхлипываютъ среди пира (буквально—водки).

Гусь, искавшій пристанища,
Гогочетъ, увидавши озеро;
Молодицы, подумавшія о своихъ кочевьяхъ,
Всхлипываютъ, проливая слезы.

Гусь, искавшій мѣста,
Гогочетъ, увидавши свои берега;
Молодицы, подумавшія о своей землѣ,
Всхлипываютъ среди пира.

При такой нерасположенности къ странствованіямъ и чужбинѣ, при такой преданности и любви къ своимъ роднымъ кочевьямъ, естественно, что монголь большую часть своей жизни проводилъ на однѣхъ и тѣхъ же мѣстахъ, переходя только съ известной лѣтовки на знакомую зимовку; онъ былъ кочевникомъ, мѣняющимъ свое мѣстожительство, но не скитальцемъ, не знающимъ куда онъ идетъ, гдѣ остановится и долго-ли будетъ жить на мѣстѣ своей стоянки. Монголу извѣстенъ былъ районъ его кочевокъ: съ раннихъ лѣтъ онъ изучалъ въ немъ каждую горку и каждый ручеекъ и за симъ уже привыкалъ къ этой мѣстности такъ, что не хотѣлъ съ нею никогда разстаться. Спрашивается однако, что же дѣлалъ монголь не живя въ обществѣ, не имѣя понятія о широкой общественной дѣятельности, не ведя на дому у себя никакого хозяйства, требующаго бдительнаго надзора и своевременнаго хлопотливаго ухода, занимаясь однимъ только ско-

товодствомъ, или точнѣе охраненіемъ своихъ стадъ, ибо объ уходѣ за скотомъ, какъ намъ извѣстно, онъ также никогда не имѣлъ понятія? Здѣсь открывается намъ другая черта характера монгола, безъ сомнѣнія воспитавшаяся и развившаяся въ его природѣ уже подъ вліяніемъ первой, — я говорю о созерцательномъ направленіи присущемъ духу монголовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть естественнѣе какъ не то, что въ душѣ монгола, проживавшаго весь свой вѣкъ въ широкой, раздольной степи, всегда однообразно тянувшейся предъ его глазами и только по мѣстамъ ограничиваемой увалами и приземистыми горками, не выдававшего ничего кромѣ этой степи, зарождалась мысль такая же широкая какъ эта степь. Одинокая жизнь въ этомъ раздольи круга, тишина, возмущаемая развѣ только шелестомъ колеблемой вѣтромъ травы, все это могло способствовать лишь тому, чтобы монголъ болѣе и болѣе входилъ въ самого себя. Карауля свои стада, онъ прислушивался къ этому шелесту травы, журчанью ручейка, треску кузнечиковъ, щебетанію птичекъ; онъ видѣлъ кропопливый трудъ и торопливую дѣятельность насѣкомыхъ, онъ обращалъ вниманіе на вѣчное теченіе солнца и луны, на постоянно смѣняющіяся облака и въ его душѣ возникало представленіе о жизни цѣлаго міра, въ которомъ кипѣла дѣятельность, въ которомъ все куда то стремилось. Къ чему и для чего, по какимъ законамъ совершается этотъ круговоротъ жизни? Вотъ вопросы, которые зарождала въ душѣ монгола степь и отвѣты на нихъ были всегда также неясны, какъ небольшія горки, виднѣвшіяся въ синевѣ ея далекаго горизонта. Еще далѣе и эта мысль заставляла его сосредоточиться въ самомъ себѣ, искать въ себѣ связи съ природой и сравнивать съ нею жизнь человѣка, слѣдя за нимъ со дня появленія его на свѣтъ до паденія неподвижнымъ и бездыханнымъ трупомъ. Въ чемъ эта тайна бытія, откуда его начало и гдѣ его заставляющій сжиматься сердце конецъ? Отвѣты опять неопредѣленны, мрачны, унылы и неприглядны какъ и самая жизнь кочевника. Такимъ представляется мнѣ вліяніе степи на духовную жизнь и дѣятельность монгола и

справедливость этого тѣмъ болѣе кажется мнѣ несомнѣнною, что монгольская степь едва ли не на всѣхъ посѣщавшихъ ее кладетъ одно и тоже впечатлѣніе. «Видъ монгольскихъ степей, говорить въ своихъ «вспоминаніяхъ» Гюкъ, не пробуждаетъ ни радости ни грусти, но смѣсь того и другаго, какое то меланхолическое, религиозное ощущеніе, которое возвышаетъ душу, не отвлекая ее совершенно отъ земли» *). У Тимковскаго и Ковалевскаго видъ монгольскихъ степей также порождалъ созерцательное настроеніе духа; но первый изъ нихъ скупъ на описанія своихъ чувствованій вообще **), втораго же степь очевидно заставила пережить тѣ минуты, въ которыя человѣкъ чувствуетъ себя частью общаго міроваго круга и душа его какъ бы проникаетъ всю окружающую природу и сливается съ ней ***). Нужно-ли говорить послѣ сего что на монгола, какъ на менѣе развитаго и поглощеннаго общественными интересами, а потому и болѣе близкаго къ природѣ, степь могла производить еще больше впечатлѣнія, а при своемъ постоянномъ вліяніи на его душу образовывать въ ней и склонность къ созерцаніямъ? Обратимся однако къ пѣснямъ и посмотримъ дѣйствительно ли это такъ, дѣйствительно ли созерцательное направленіе присуще духу монголовъ; потому что составляя характерную черту цѣлага народа, оно необходимо должно отразиться въ его пѣсняхъ. Можно сказать, что созерцательнымъ характеромъ проникнуты почти всѣ творенія монголовъ и что почти въ каждомъ изъ нихъ проглядываетъ какое-то уныніе, какая то тоска души, мучимой неразрѣшенностью вопросовъ жизни; но этого мало, мы находимъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ даже цѣлыя пѣсни съ такимъ рядомъ вопросовъ. Пѣвецъ обращается въ такихъ пѣсняхъ и къ солнцу, и къ лунѣ, и къ животнымъ, однимъ словомъ ко всей природѣ, отсюда представляются ему вопросы и отсюда ищетъ онъ на нихъ отвѣта.

*) *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie* par M. Huc. Т. I p. 59.

***) Тимковскій. Путешествіе въ Китай чрезъ Монголію Т. I стр. 214.

***) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай ч. I стр. 20.

наран байзыш гэгхэрэ,
ороход ын яхаб?
нагхан байзыш гэгхэрэ,
отольхо ын яхаб?

гхарà байзыш гэгхэрэ
ороход ын яхаб
нагхан байзыш гэгхэрэ
отольхо ын яхаб

сагхан байзыш гэгхэрэ
хайлахò ын яхаб
нагхатан байзыш гэгхэрэ
мордохò ын яхаб.

улэн байзыш гэгхэрэ
хороход ын яхаб
үгхүтэн байзыш гэгхэрэ
мордохò ын яхаб.

Переводъ.

Скажешъ: солнце, стой ты!
Что же значить его захожденіе?
Скажешъ: вѣкъ, постой ты!
Что же значить, что онъ старѣеть?

Скажешъ: луна, стой ты!
Что же значить ея захожденіе
Скажешъ: вѣкъ, постой ты!
Что же значить, что онъ старѣеть?

Скажешъ: снѣгъ, останься ты!
Что же значить его таяніе?
Скажешъ: старцы, останьтесь вы!
Что же значить ихъ отправленіе (смерть)?

Скажешъ: облако, стой ты!
Что же значить, что оно скрывается?
Скажешъ: волосатые (старики), стойте вы!
Что же значить ихъ отшествіе (смерть)?

Эта пѣсня по составленію принадлежитъ Иркутскимъ Бурятамъ, уже давно считающимся только выходцами изъ Монго-

ліи и шаманистамъ по вѣрѣ, но я нарочито привелъ ее какъ лучшее свидѣтельство характера монгольскихъ племенъ вообще; при томъ моею цѣлью было главнымъ образомъ показать естественное направленіе монгольской мысли къ созерцанію, доказать, что оно во все не было навѣяно на душу монгола буддизмомъ, а всегда лежало въ его душѣ и развивалось почти единственно при вліяніи быта монгола и природы его окружающей. Можно сказать даже, что буддизмъ не развилъ въ монголахъ созерцательность, а уменьшилъ ее; потому что онъ умиротворилъ беспокойный духъ монгола, давъ ему болѣе или менѣе удачныя отвѣты на тревожившіе его вопросы. Отсюда же намъ дѣлаются до нѣкоторой степени и болѣе понятны причины успѣха буддизма въ Монголіи. Своимъ возвышеннымъ ученіемъ о совершенствѣ духовной природы человѣка, буддизмъ пробудилъ въ монголѣ самосознаніе и указалъ ему ясную цѣль жизни, къ которой долженъ стремиться человѣкъ; ученіемъ о тлѣтворности матеріи онъ глубоко потрясъ и безъ того уже впечатлительную по природѣ душу монгола: сгруппировавъ въ одно цѣлое всѣ превратности человѣческой жизни и жизни міра, которыя по частямъ еще и прежде поражали душу монгола, онъ нарисовалъ ему страшную картину уничтоженія и муки, передъ которою монголъ падалъ въ безсилія противоборства мысли и дѣятельности; наконецъ обѣщаніемъ сверхъ естественной помощи могущественныхъ буддъ на пути спасенія онъ вселилъ въ неразвитомъ и потому естественно робкомъ монголѣ увѣренность въ возможности счастья въ будущей жизни — въ блаженномъ царствѣ Сукавади. Последнее буддизмъ конечно не преминулъ очертить причудливыми и привлекательными красками, болѣе всего подходящими къ духу монгола. Въ такомъ видѣ являлось ученіе этой религіи собственно для народа, ибо народу были и конечно всегда будутъ чужды высшія философскія идеи и основы буддизма. Такимъ образомъ, пришедши съ самаго начала по духу монголовъ и овладѣвая ими все больше и больше по мѣрѣ того какъ падала политическая самостоятельность этого народа, буддизмъ наконецъ всецѣло сроднился съ этимъ наро-

домъ, когда онъ началъ совершенно падать подъ гнетомъ Китая и постоянно повторяющимися физическими бѣдствіями. Предотвратить то и другое, бороться съ этимъ гнетомъ и этими бѣдствіями монголь не могъ, у него не хватало для этого ни силъ, ни умѣнья, ни ловкости; понятно, что въ этомъ безсиліи и страданьи, этомъ безъисходномъ положеніи на землѣ, для него было утѣхою мечтать о счастіи хоть даже не въ этой, а только въ будущей жизни. Теперь буддизмъ уже торжествовалъ, приобрѣвъ возможность предписывать какія ему угодно правила народу съ полною надеждою, что онѣ не останутся безъ исполненія. И вотъ онъ прежде всего увеличиваетъ число своихъ обязательныхъ сыновъ, вербуетъ людей въ духовное званіе и въ настоящее время достигъ уже того, что въ Халхѣ $\frac{5}{8}$ мужскаго населенія сдѣлалось ламами и каждая женщина, достигнувъ 50-ти-лѣтняго возраста принимаетъ обѣты монахини, если уже не приняла ихъ раньше. Проповѣдуя величайшее уваженіе къ жизни и не дозволяя убивать даже животное, буддизмъ не только смягчилъ, но и совершенно уничтожилъ прежній воинственный духъ монголовъ: онъ убилъ въ нихъ всякую энергію жизни своею проповѣдью о ничтожествѣ этого міра, и теперь монголь, подъ предлогомъ совершенствованія своего внутренняго существа, а на самомъ дѣлѣ пожалуй и просто по лѣни, проводитъ цѣлую жизнь ничего не дѣлая и бессмысленно повторяя шесть пресловутыхъ слоговъ. Замѣчательно, что это сантиментальное направленіе теперь такъ уже вѣлось въ душу монголовъ, что слѣдующая пѣсня ихъ въ самомъ дѣлѣ совершенно характеризуетъ идеалъ жизни по мысли и чувству почти каждой особи.

аглага хадайн мухур-ту
 амур гахцара сѹмнай
 алус хэрэгѣн бѹтѣхчи
 ашида дѣдѹйн чжиргалтай би.
 ѹбѹтбѣчи цзобохѹ ѹгѣй
 ѹхѹнѣ гѣчжй гѣмшихѹ ѹгѣй

үнэн сэтхильйги барихчи
энъкэ *) сэйхан чжиргалтай би.
харамлачжй хуряху эд үгэй
хагацачжй ядаху эд үгэй
хатү сэтхильйги барихчи
хабутай сэйхан чжиргалтай би.
ноилахдаху алба үгэй
номогатгаху дайсун үгэй
номын мұрыйги санахчи
үнэрэ **) сэйхан чжиргалтай би.
нюр хараху үнъгэ үгэй
нэрэ цзэху орон үгэй
нэбтэ номыйги шүтүхчи
нигэ йэхэ чжиргалтай би.

Переводъ.

(Тотъ кто), сидя спокойно и одиноко
На утесѣ уединенной скалы,
Исполняетъ свои отдаленныя нужды,
Обладаетъ вѣчнымъ и высочайшимъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто можетъ) хоть бы и заболѣлъ — не страдать,
Думать о смерти и не скорбѣть,
(Кто) право мыслить
Обладаетъ мирнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто) не имѣетъ вещей, которыя (онъ) собиралъ бы коры-
столюбиво,
Не имѣетъ вещей, съ которыми не хватить (у него) силъ раз-
статься,
(Кто) твердо мыслить,
Обладаетъ прочнымъ и прекраснымъ наслажденіемъ.
(Тотъ кто) не имѣетъ службы, въ которой являются правители,
Не имѣетъ врага, котораго нужно умиротворять,
(Кто) думаетъ о путяхъ священнаго закона,
Обладаетъ по истинѣ прекраснымъ наслажденіемъ.

*) По другой редакціи это слово замѣнено словомъ «үнэрэ» — по истинѣ.

**) По другой редакціи это слово замѣняется словомъ — «насуда» — вѣчно.

(Тотъ кто) не имѣеть красоты, чтобы засматриваться на лицо,
Не имѣеть мѣста, чтобы выставять свое имя,
(Кто) проникается надеждою на священное ученіе
Обладаетъ великимъ наслажденіемъ.

Таковы были стихіи, вліявшія на образованіе характера современныхъ монголовъ и представленная пѣсня есть наивѣрнѣйшій образецъ того равнодушія къ жизни, той усталой лѣни, той апатіи и той вялой неподвижности, которая поражаетъ теперь каждаго при встрѣчѣ и знакомствѣ съ монголомъ. Такимъ образомъ, выражая общее направленіе народнаго духа, пѣсня эта необходимо характеризуетъ и общее направленіе современной народной поэзіи у монголовъ. Никто не станетъ возражать, что въ большей или меньшей степени представленныя условія жизни относятся одинаково ко всѣмъ монгольскимъ племенамъ; если же это такъ, то и создавшійся подъ вліяніемъ ихъ характеръ народа и направленіе его пѣсенной поэзіи необходимо должно быть до извѣстной степени одинаково. За всѣмъ тѣмъ не возможно предположить, чтобы различныя племена не отличались между собою въ частностяхъ и на нихъ то мы теперь обратимъ наше вниманіе, рассматривая какія особенности замѣчаются въ поэзіи каждаго племени, въ чемъ сходятся и различествуютъ образцы ихъ творчества при единствѣ ихъ общаго направленія? Само собою разумѣется, что эти разности могли создаться только при вліяніи различныхъ обстоятельствъ жизни и всецѣло зависятъ отъ нихъ; поэтому то наше разсмотрѣніе необходимо должно будетъ по мѣстамъ касаться исторіи каждаго отдѣльнаго племени.

Пѣсни Халхаскихъ монголовъ.

Изъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, входящихъ въ составъ нашего изслѣдованія, Халхаскіе Монголы, кажется, самый не поэтический народъ. Пѣсенъ эпическаго характера они не имѣютъ теперь вовсе, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехлѣтняго пребыванія почти исключительно въ странѣ Халхасовъ, я ни разу не

слыхалъ ни одной такой пѣсни. У Тимковскаго записана одна военная пѣсня, носящая на себѣ нѣкоторый оттѣнокъ народнаго эпоса, но въ разговорахъ съ монгольскими пѣвцами я никогда не слыхалъ отъ нихъ, чтобы пѣсня эта была извѣстна современнымъ Халхаскимъ Монголамъ. Объяснить это странное явленіе отсутствія историческаго эпоса въ халхаскихъ народныхъ пѣсняхъ довольно трудно, хотя конечно не невозможно, ибо если даже и предположить, что эпическія пѣсни сохранились въ народѣ и что я былъ только несчастливъ въ нахожденіи ихъ, то и тогда необходимо должны быть причины, по которымъ онѣ являются на столько не распространенными въ народѣ, что почти вовсе чужды устамъ его. Всматриваясь въ народный характеръ и исторію Халхасовъ можно находить два главнѣйшихъ обстоятельства, подавившихъ халхаскій эпосъ: одно изъ нихъ это то, что Халхасы слишкомъ давно уже перестали жить самостоятелною политическою жизнію; второе—принятіе ими буддизма, убившаго у нихъ стремленіе ко всякаго рода подвигамъ, заставившаго ихъ съ ужасомъ смотрѣть на минувшее прошлое, славное для монголовъ только войною и геройствомъ въ набѣгахъ, да наконецъ едва ли не подавившаго въ нихъ и любовь къ родинѣ. Какому изъ этихъ обстоятельствъ должно быть отдано преимущество, и какое изъ нихъ потому нужно считать главною причиною, сказать не рѣшаемся положительно: не сомнѣнно, что въ послѣднее время онѣ дѣйствовали совокупно съ одинаковою силою, но по первоначальному преимуществу едва-ли не принадлежитъ буддизму. За недостаткомъ историческихъ данныхъ мы не можемъ указать времени, съ котораго Халхасы перестали существовать самостоятельно, хотя намъ и не безызвѣстно, что сами китайцы подчиненіе халхаскихъ аймаковъ относятъ къ періоду 1636—1639 г. *) 1688-й годъ, въ который совершилось официально подданство Халхасовъ маньчжурскому дому, конечно не можетъ быть указанъ съ этою цѣлью, ибо намъ достовѣрно из-

*) Ванъ гунг-уд'ун илэтхэлъ шастиръ. Тетр. 62-я Л. 4-й.

вѣстно, что еще въ первомъ году правленія Тай-цзуна (1636) Халхасы посылали дань Маньчжурамъ. Правда она была представляема во видѣ подарковъ, тѣмъ не менѣе въ 1637 году Маньчжурами былъ обнародованъ указъ, обязывавшій Халхасовъ ежегодно доставлять такъ называемыхъ «девять бѣлыхъ» *) и ни одинъ изъ халхасовъ хановъ не возражалъ на это возложенное на нихъ обязательство. Шунь-чжи уже преспокойно распоряжался Халхасами и въ 1655 году раздѣлил Халху сначала на 8 хошуновъ, а потомъ на два крыла; въ Халхасахъ мы снова не видимъ ничего кромѣ раболѣпнаго подчиненія нововведеніямъ и какого то страннаго тяготѣнія къ жизни въ зависимости отъ другихъ; — имъ какъ будто хотѣлось подставлять свою шею подъ это ярмо подчиненія. Китайцы характеризуютъ Халхасовъ этого періода въ слѣдующихъ словахъ: «сначала Халха господствовала въ сѣверной степи, но потомъ вполне предалась ламамъ и изученію тарни и пренебрегла военнымъ дѣломъ; къ тому же аймачные начальники предались пьянству и тѣмъ сами себя губили **). Такимъ образомъ Китайцы, отъ которыхъ собственно мы можемъ ожидать самыхъ положительныхъ свѣденій объ этой эпохѣ, паденіе гражданскаго строя Халхасовъ ставятъ въ зависимости и почти какъ прямой результатъ развитія буддизма. Что это дѣйствительно такъ, и что буддизмъ въ самомъ дѣлѣ тогда уже всецѣло овладѣлъ душою монголовъ, подтвержденіе того мы находимъ не только въ лѣтописяхъ того времени, испещренныхъ только сказаніями о построеніи монастырей, но даже и въ образцахъ народной литературы той эпохи. Въ монгольской лѣтописи Эрдэнийнъ эрихэ въ числѣ событій, относящихся къ 1696 г., помѣчено слѣдующее: «Въ тотъ годъ ойратскій Галданъ бѣжалъ и умеръ, а Халхасцевъ возвратили на р. Толу. Три халхаскихъ хана, ваны, бэйлэ, бэйсэ и тайчжи, возвратившись каждый въ свои жилища кочевья и устроившись, по старому соединились на

*) Эрдэнийн эрихэ гл. 41 листъ 77-й.

***) Шэнь-у-цзи, III цзюань.

сеймѣ. Когда приготовили пиръ, то Пунъ-хуръ тонъ-наръ, снарядивъ лошадь, пустилъ ее въ бѣгъ вмѣстѣ съ другими лошадьми. Она опередила всѣхъ и дарханъ-цинъ-ванъ, восхваляя ее, составилъ стихи «Тумэни эхи»^{*}). Должно замѣтить, что гѣсня эта была въ тоже время записана, и что она до нынѣ непремѣнно поется во время скачекъ лошадей на сеймѣ халхаскихъ ноиновъ, извѣстномъ подъ именемъ «долон хошунай цулган» и долженствующемъ бывать въ Ургѣ черезъ каждые три года. Вотъ ея слова.

эрдэнигү хүмүнэй бэйбйги олбт,
эдэгэр бурү үйлэсэ цайлүлат,
энэ ба хойту хойр ябудалыйги
сайтур бүтэхүйги шүтүлтэй-цэ

шачжин номыйган туладә
амин цзүрхэн тальбичжи
сайхан түрүйгән туладә
агой чинэр шүтүлтэй-цэ.

олон цасал актайган доторосо
ольчжи чжиксахой-ду хүлүгыйн байдалтай
үсүргэхүй надум-дү
үлэмчжи гө морй би

татат байхуйн цак-ту
дасан дэмнүлэт,
тальбят ирэхүйн цакту
тасурхай тэрюльчжи ирэхчи
тэрэ түмэни эхи морй би.

дүргэрэхүй йэхэ дүтай
дүрбүн йэхэ чжигүртэн цзоныйган сара-дү
дүргэрэн эргисэн и миньган
толи-ту гольшик буритунай-цэ

арбан цаган буинар
цагыйган нүхцэчжи
амурь чжиргал таварь басә басә учирахү
олон моринай цэбцзай батудахуйн бэлэк болтогай

^{*}) Эрдэнийн эрихэ гл. 42 листъ 93-й.

үцээхүй-дү, ламайган гэнэн-ни үцээчи
соносхой-ду үхчитэй номьин дүн-ни соносчи
Сэтхийл-дэн сайтур ханъянчжи
йосоту хүсэлни тэрэ би.

эрхим дэдү ламайган адисар
эцэн дэдү йэхэсийн мани түрүйн түшилгэни батутчи
алиба сайхан тавар үйблэчи
цээ! цэнгэчи чжиргахой мани бэлэк болтогай.

Переводъ.

Получивъ драгоцѣнное человѣческое тѣло
И избавившись отъ такихъ несправедливыхъ дѣлъ,
Должно (намъ) заботиться о надлежащемъ исполненіи
Дѣяній настоящихъ и для будущаго.

За свои вѣру и ученіе
Положивъ свою жизнь и душу,
Ради своего прекраснаго правленія
Должно (намъ) стараться изъ всѣхъ силъ.

Изъ среды многихъ снаряженныхъ лошадей
Нашлась имѣющая видъ арамака при сравненіи (съ дру-
гими)

(И) Для скачки
Самая прекрасная лошадь.

Привыкшая подаваться
Въ то время какъ держать,
Прибѣгающая напередъ отдѣльно
Въ то время какъ пустять,
Это — лучшая изъ десятковъ тысячъ лошадей.

Шумные и громкозвучные
Четыре большіе крылатые, въ лѣтнее время
Шумное вращаніе ихъ
Полно тысяче лучезарной щеголеватости.

Да будетъ это залогомъ, чтобы, проводя свое время
Въ десяти бѣлыхъ добродѣтеляхъ,
Мы снова и снова сходились въ мирѣ, спокойствіи
и довольствѣ
И были бы крѣпки подошвы множества лошадей.

При смотрѣніи видѣтъ ликъ ламы,
При слушаніи слышать голосъ благозвучнаго ученія,
Быть совершенно довольнымъ въ своихъ мысляхъ
Это и есть истинное пожеланіе.

Да будетъ же это залогомъ, чтобы благословеніемъ
нашего верховнаго ламы
Утвердились основы правленія нашего повелителя
и верховныхъ вельможъ
И мы, со всякимъ благополучіемъ, переходя изъ по-
колѣнія въ поколѣніе,
Ликовали и радовались.

Смотря на содержаніе этой пѣсни можно прежде всего удив-
ляться, что это похвальная рѣчь скаковой лошади; потому что
въ ней столько же говорится о скаковой лошади, сколько объ
отношеніяхъ человѣка къ религіи и государству и, наконецъ,
представляется почти невѣроятнымъ, чтобы эта пѣсня состав-
лена была въ то время, къ которому она дѣйствительно отно-
сится по своему составленію. Мы знаемъ, что передъ симъ Хал-
хасы вынесли страшную борьбу съ Ёлѣтами, что въ этой борьбѣ
оказали услуги и отличились нѣкоторые изъ ихъ нойновъ, что въ
этотъ же періодъ войнъ Халхасы вступили въ подданство къ
Маньчжурамъ, были на нѣсколько лѣтъ отторгнуты отъ родныхъ
кочевьевъ и теперь, когда возвратились они на родину, и устраи-
ваютъ первое народное торжество, одинъ изъ представителей ихъ
народныхъ поэтовъ слагаетъ такую пѣсню! Для него какъ будто
не существовало прежнихъ бурныхъ событій, онъ забылъ не-
давніе подвиги своихъ собратьевъ, его не поражаетъ даже воз-
вращеніе на родину, онъ остается безучастнымъ ко всему этому
и вся рѣчь его поглощена объясненіемъ обязанностей къ ламѣ и
вѣрѣ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ вѣрноподданническихъ словъ
о своемъ государѣ. Какой же эпосъ можетъ быть ожидаемъ отъ
такого народа, который совершенно молчитъ о своихъ герояхъ
и событіяхъ даже въ то время, когда въ душѣ его такъ живо
впечатлѣніе о нихъ, когда все существо его казалось должно
было бы быть такъ сильно поражено недавно минувшимъ прош-

лымъ?! Вме́стѣ съ симъ эта же пѣсня свидѣтельствуе́тъ и о степени распространѣнія буддизма у Халхасовъ того времени и ихъ преданности его ученію. Иначе, впрочемъ, это не возможно и предположить: Сананъ сэцэнъ хунъ-тайчжи, описывая въ своей лѣтописи жизнь монголовъ, еще за 120 лѣтъ до этого времени, т. е. приблизительно съ 1576 г., уже перестаетъ говорить о монголахъ какъ о народѣ, живущемъ свѣтскою, гражданскою жизнію, и всѣ сказанія его или прямо излагаютъ событія, рисующія успѣхи буддизма въ Монголіи, или же на половину переполнены съ описаніемъ буддинскихъ вѣрованій, сужденій и обрядовъ монголовъ*). Такимъ образомъ, еще за 120 лѣтъ до времени — подданства Китаю, буддизмъ уже очевидно руководилъ дѣйствіями монголовъ какъ въ политической, такъ равно и въ общественной и домашней ихъ жизни. Кромѣ этого, уже чисто фактическаго доказательства о положеніи буддизма въ Монголіи, мы можемъ судить объ его тогдашней силѣ и по развитію его въ настоящее время, потому что въ самомъ дѣлѣ какой бы то ни было религіи необходимо не мало усилій и времени для овладѣнія сердца́ми своихъ поклонниковъ на столько, чтобы $\frac{5}{8}$ всего населенія страны подѣлать монахами, даже и въ томъ случаѣ, если бы съ этимъ званіемъ она не требовала исполненія духовныхъ обѣтовъ, а только отрѣшала, какъ и вездѣ, отъ права на гражданскую дѣятельность. Но развѣ это мыслимое дѣло въ какой бы то ни было религіи? Всякая изъ нихъ на своихъ жрецовъ налагаетъ извѣстныя обязанности, ограниченія, требуетъ отъ нихъ преимуществъ въ религіозной дѣятельности и проч. Положимъ, что все это можетъ быть не исполняемо, однако и для этого нужно время и, мнѣ кажется, что даже не мало времени требуется на то, чтобы заглушить въ вѣрующемъ человѣкѣ сознаніе о необходимости исполненія духовныхъ обязанностей и заставить его легко смотрѣть на нихъ. А между тѣмъ монголы дошли уже до этого состоянія: ихъ ламы, вопреки обѣтамъ безбрачія, живутъ открыто

*) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen, p. 225.

съ женами и имѣють дѣтей; пьютъ вино какъ воду, хотя будда въ старину одно изъ своихъ безчисленныхъ перерожденій спеціально посвятилъ на проповѣдь о грѣховности пьянства *); приносятъ подарки, стоящіе десятки тысячъ рублей **), хотя первое правило ламы — крайняя нестяжательность; наконецъ они прославились даже и какъ разбойники: — въ 1794 году пекинское правительство лишило правъ на дальнѣйшія перерожденія гобійскаго Ноинъ-хутухты за его разбой съ своими шабинарами ***). За всѣмъ тѣмъ лама всетаки остается ламою: въ дѣтствѣ онъ изучаетъ священныя книги и пріобрѣтаетъ болѣе или менѣе обширныя познанія объ ученіи буддизма; возмужавъ, онъ, по крайней мѣрѣ наружно, старается казаться погруженнымъ въ дѣла вѣры: часто вздыхаетъ, говоритъ о священномъ, читаетъ молитвы, перебираетъ четки, и т. д. и т. д. Что же могла получить при господствѣ такого ханжества въ народѣ, народная пѣсенная поэзія? Само собою разумѣется, что будучи вѣрнымъ выраженіемъ народнаго духа, она стала изображать народныя религіозныя воззрѣнія. Такимъ образомъ народныя пѣсни превратились въ молитвы, съ разнообразнымъ содержаніемъ то хвалы, то прошенія, напр.

абуралтү дэдү ламà миннì
амурлинъгбйн байдалтай
арбан цзүггійн бурхан ни
абуран тэтхүн соирхà.

гэйгүлүхчй Дамдин дорлик
гэгэн дошхйн дүритгэй
гэмтэн хамук дайсуныйги
ганцахан сайгур дарубà.

*) Ба бурун'у бурханъ бахши эртэ бодисатва тэнърийн эрхин хомхату Хормуста болон мэндүлэхсэн'у домог. Рукопись с.-петербургской университетской библиотеки, № 1576.

**) Путешествіе Чжэбцзун дамба хутухты въ Эрдэни Цзу. Листъ 7-й. На монгольскомъ языкѣ рукопись въ моей библиотекѣ. — Позднѣевъ. Ургинскіе хутухты, стр. 28.

***) Эрдэнийн эрихэ. Гл. 44. Листъ 138.

хамугаса үлэмжй
харабтур хөхө үньгүтэй
хара дархан нэрэтэй
хан больчжи сүба.

хүрэнъ сарал ямайги
хөлгө болгочжи цаларбай
хончжир сансар бүхүнийги
хүчжйн шорөгөр дарубай.

цусун далайн доторо
сольбйн гурбун нүдүтэй
сула цаган шүдүтэй
цокту номыйн сакусун.

хүрү хадийн доторо
хурум цзандан ильдүтэй
хүрэн болот цзүрүхэтэй
гайхамшихтай шүтэн.

шарбалцзатала ширгэчжи
шүдү бэййн ирцзайчжи
шарийн шачжиндй дайсуныйги
шамдачжи сайтур дарубай.

Переводъ.

Спасительный высокій лама мой
Имѣеть спокойный видъ;
Будды десяти странъ
Помилуйте и спасите!

Просвѣщающій Дамдинъ-дорликъ
Имѣеть блестящій, свирѣпый видъ,
Всѣхъ враговъ, приносящихъ вредъ,
Онъ одинъ совершенно сокрушилъ.

Имѣющій видъ черносиній,
Превосходный изъ всѣхъ (черносинихъ),
Онъ носятъ имя черный мастеръ
И сдѣлался царемъ. *

На козу изкрасна пепельной масти
Онъ сѣлъ и поѣхаль;
Все нечистое и матеріальное
Онъ сокрушилъ пепломъ курительной свѣчи.

Среди кроваваго моря
(Стоить) имѣющій три круглые глаза и
Оскаленные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Въ срединѣ скалы изъ обнаженныхъ камней,
Съ мечемъ изъ дерева цзанданъ,
Съ сердцемъ изъ темно-бурой стали,
Удивительный предметъ вѣры.

Всматриваясь до выпученія глазъ,
Обнаживъ свое тѣло и зубы,
Враговъ желтой вѣры
Онъ быстро и совершенно сокрушилъ.

Таковы пѣсни, слагаемыя ламами. Онѣ обыкновенно воспѣваютъ бурхановъ, буддъ и бодисатвъ и непременно въ высокопарныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ заученыхъ молитвъ и богослужебныхъ номовъ. Знакомый съ буддійскою литературою монголовъ не усумнится сказать откуда заимствуется и содержаніе такихъ пѣсень, какъ представленная о Дамдинъ-дорликѣ: ему тотчасъ же припомнится изучаемый всѣми ламами обрядникъ принесенія балиновъ сакѹсунамъ, въ которомъ предъ началомъ молитвы всякому бурхану напередъ предлагаются правила какъ созерцать этого бурхана: тамъ говорится, что для созерцанія нужно представить пространство міра то пустымъ, то полнымъ человѣческой, или лошадиной крови, то безграничнымъ моремъ, въ которомъ волнуются трехугольныя, или четырехугольныя волны, то, наконецъ, представить составленную изъ извѣстныхъ камней скалу, или изъ какихъ нибудь металловъ гору; на этомъ морѣ или на этой горѣ повелѣвается созерцать божество съ такимъ то лицомъ, со столькими то руками, со столькими то глазами, стоящимъ въ такой то позѣ и пр. и пр., однимъ словомъ бурханъ описывается совершенно такъ, какъ въ представленной нами пѣснѣ.

Среди кроваваго моря
(Стоить) имѣющій три круглые глаза,

Оскаленные бѣлые зубы,
Величественный хранитель ученія.

Что это дѣйствительно такъ, и что содержаніе религиозныхъ пѣсенъ Халхасы дѣйствительно заимствуютъ изъ богослужебныхъ книгъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ за симъ и взаимное сличеніе религиозныхъ пѣсенъ. Разбирая и сравнивая ихъ между собою, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя воспѣваютъ буддъ, занесенныхъ въ Халху ученіемъ изъ Индіи и Тибета, гораздо болѣе опредѣленности чѣмъ въ тѣхъ, которыя имѣютъ своимъ предметомъ другаго рода божествъ, т. е. жившихъ въ Монголіи и даже живущихъ въ ней теперь бодисатвъ — гэгэновъ. Причину этого, какъ мнѣ кажется, прежде всего можно видѣть въ томъ, что составители пѣсенъ сверхъ молитвъ, изъ которыхъ извѣстны имъ точныя, опредѣленные и болѣе или мѣнѣе разнообразныя сказанія о воспѣваемыхъ ими божествахъ перваго рода, пользуются еще наглядностію изображеній этихъ бурхановъ съ литыхъ статуй или живописныхъ изображеній и такимъ образомъ могутъ описывать всѣ подробности ихъ по рисунку, тогда какъ ни того ни другаго не имѣютъ они въ отношеніи къ своимъ живымъ божествамъ. Впрочемъ, за исключеніемъ подробностей внѣшняго изображенія, найти въ пѣсняхъ что либо особенное относительно изложенія внутреннихъ личныхъ свойствъ, или какихъ либо подвиговъ извѣстнаго бурхана, однимъ словомъ найти легендарную буддійскую пѣсню положительно невозможно. Я полагаю, что это обусловливается съ одной стороны незначительностію знаній Халхасовъ, а съ другой ихъ преданностію къ буквѣ писанія и не терпимостію къ понятіямъ о предметахъ ихъ вѣрованій, не заключеннымъ въ письменность. Не изучая ничего кромѣ молитвъ, содержащихъ въ себѣ только краткое и отвлеченное изображеніе свойствъ бурхановъ, Халхасъ естественно имѣетъ о нихъ только общее понятіе; а отъ того и все то, что говоритъ онъ объ одномъ божествѣ, можетъ быть безошибочно перенесено на другое, такъ какъ все это сказанное

обыкновенно состоитъ изъ общихъ отвлеченныхъ понятій объ отношеніяхъ божества къ природѣ, послѣдователямъ желтой вѣры и врагамъ ея. Народныхъ религіозныхъ воззрѣній и вѣрованій Халхасы не привносятъ въ свои пѣсни и это несомнѣнно только потому, что проповѣдники буддизма, съ самаго начала введенія его въ Халхѣ, научили народъ заимствовать религіозныя вѣрованія только изъ книги, изгоняли изъ умовъ народа всякое шаманское представленіе о буддійскихъ божествахъ и всѣми силами старались распространить въ народѣ грамотность. Мы знаемъ, что Шиддиту габжу въ первые же годы по введеніи Абатай ханомъ буддійской вѣры, отправилъ молодыхъ людей изъ Халхасовъ къ Чахарамъ для обученія грамотѣ, а въ Халхѣ основалъ комиссіи для перевода религіозныхъ книгъ на монгольскій языкъ *); естественно отсюда, что народъ халхаскій съ перваго же раза получилъ богатство готовыхъ образовъ для представленій о своихъ новыхъ божествахъ и потому не нуждался въ олицетвореніи ихъ и созданіи для нихъ какихъ либо новыхъ формъ. Въ послѣдствіи, когда въ Халхѣ усилилось почитаніе гэгэновъ и увеличилось количество ихъ, Халхасы перенесли на нихъ тѣже свойства, какія приписывались и бодисатвамъ индійскимъ и тибетскимъ, но само собою разумѣется, они не могли облечь ихъ въ тѣ внѣшнія формы, въ какихъ представлены имъ были эти послѣдніе бурханы. Не находя ничего особеннаго во внѣшнемъ видѣ своихъ живыхъ боговъ, Халхасы невольно должны были воспѣвать ихъ нравственную природу и ограничиться похвалами ихъ добродѣтели и святости; отъ того всѣ пѣсни про монгольскихъ хутухъ до того общи по мысли и выраженіямъ, что если въ пѣснѣ не находится собственнаго имени, то совершенно невозможно опредѣлить, въ честь какого хутухты она составлена. Какъ на курьезъ, происшедшій отъ этой общности, можно указать на извѣстный въ средѣ монго-

*) Эрдэни-цзу-йн тэухэ. Л. 13-й. — Эрдэнийнъ эрихэ. Гл. 39-я. Л. 76-й.

ловъ споръ, возникшій на одномъ изъ халхаскихъ сеймовъ между Тушѣту ханомъ и кэшиктенскимъ владѣтельнымъ тайчжи*) изъ за одной пѣсни, составленіе которой каждый приписывалъ своему хошуну. Пѣсня эта начинается слѣдующими словами:

*) Кэшиктэнскій хошунъ находится въ средѣ такъ называемыхъ внутреннихъ монголовъ и принадлежитъ къ Цзу-уда'скому сейму. Земли его располагаются къ с.-в. отъ Гу-бэй-коу (Молтоши халга) и отстоятъ отъ этого прохода на 570 ли, а отъ Пекина на 810 ли. Съ востока на западъ все владѣніе Кэшиктэнъ имѣетъ протяженіе 334 ли, а съ юга на сѣверъ 357 ли; граничитъ оно на востокѣ съ хошунами Онотскимъ и Баринь; на западѣ съ Хучить и съ чахарскими пастбищными землями простаго сивяго знамени; на югѣ съ Онютскимъ и на сѣверѣ съ Учжумуцинскимъ хошунами. Владѣтельныхъ князей этого хошуна китайцы начинаютъ считать съ нѣкоего Шаралда, который былъ внукомъ Очирь-болота, сына Даянъ сэцэнъ-хана и первый получилъ титулъ Мэргэнь нояна; съ этого же времени якобы и хошунъ получилъ названіе — Кэшиктэнъ. Отъ сына Шаралдаева Дармы родилось три сына: Сономъ, Бабунь и Тулей. Всѣ они признавали свою зависимость отъ Чахаровъ. Въ 8-мъ году правленія Тянь-цуна (1644), когда умеръ Ликданъ, Сономъ съ принадлежащимъ ему народомъ пришелъ поддаться. Въ 6-мъ году правленія Чунь-дэ тайчжи Шири, Булузу и Йондонъ, въ мѣстности Динь-цза, сражались съ войсками Миньцевъ, разбили ихъ и многихъ плѣнили. Въ 9-мъ году правленія Шунь-чжи кэшиктенскій хошунъ получилъ раздѣленіе на сумуны и для управленія надъ сумунами были поставлены чиновники, а хошунный цзасакъ, получилъ степень тайчжия 1-й ст. Въ 27-мъ г. правленія Канси, когда открылись войны Гадана съ Халхою, изъ Кэшиктеновъ были взяты служилые люди, которые должны были отправлять обязанности по содержанію почтовыхъ станцій и охранять мѣста, находящіяся у сунитскихъ карауловъ; въ это время одинъ изъ тайчжиевъ ихъ, по имени Мэргэнь харби, прославился разбитіемъ одной изъ частей арміи Гадана. Изъ своей командировки въ кочевья Сунитовъ Кэшиктэны возвратились уже въ 35-мъ году Канси, когда императоръ самъ пошелъ воевать Гадана. Съ тѣхъ поръ кэшиктэнскій хошунъ уже почти не выступалъ въ исторіи и большинство сказаній о немъ можетъ привести насъ къ одному только заключенію, что съ того времени хошунъ этотъ постоянно гнететъ крайняя бѣдность, такъ что существованіе его населенія должны были по временамъ поддерживать сами Китайцы. Первый примѣръ сего мы видимъ въ 5-й годъ правленія Юнъ-чжена (1728), когда кэшиктэнскому хошунному правительству были выданы Китайцами деньги для раздачи бѣднымъ хошуннымъ обитателямъ. Въ болѣе близкое къ намъ время Гюкъ, проѣзжавшій кочевьями Кэшиктеновъ, чрезвычайно картинно рисуетъ намъ жалкое положеніе этого хошуна. (Мэнгу-ю-му-цзи. Цзяунъ III г. 23—24; Илэтхэлъ шастирь, кн. 25, л. 18; Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, T. I, pag. 20—33).

илагүхсан эрхэтү далай лама
илэтэ тоглохсон богдò минй
илгал үгэй очир дара
имакта намайгань үрүшийё.

Переводъ.

Побѣдоносный и могущественный Далай лама,
Всесовершенный святитель мой,
Несравненный скиптродержецъ,
Милосердуй всегда обо мнѣ своемъ.

Я считаю излишнимъ приводить эту пѣсню сполна, хотя она и записана въ моемъ сборникѣ, потому что она не заключаетъ въ себѣ ничего характеристичнаго и продолжу, что весь споръ основался на томъ, что Кэшиктэны пѣли вмѣсто «богдò минй» — «богдò Мйла», т. е. поставляя вмѣсто личнаго мѣстоименія собственное имя уважаемаго ими святаго и на этомъ основаніи все, что содержала въ себѣ пѣсня относили къ Мйла-райбѣ; Халхасы напротивъ, читая «богдò минй», относили содержаніе пѣсни къ Далай ламѣ, титуль котораго находится въ первомъ стихѣ. Обстоятельство это ясно свидѣтельствуется, насколько содержаніе пѣсенъ соотвѣтствуетъ спеціальности посвященія ихъ тому или другому хутухтѣ. Но могутъ сказать, что эта пѣсня относится къ далекому для монголовъ Далай-ламѣ, или къ жившему назадъ тому семь вѣковъ Мйла-райбѣ, что Халхасы не знаютъ этихъ личностей и потому, воспѣвая ихъ, по необходимости говорятъ о нихъ въ общихъ фразахъ; поэтому то, чтобы не остаться бездоказательнымъ, я, въ подтвержденіе высказаннаго мною замѣчанія, привожу пѣсню, составленную въ честь ургинскаго хутухты при призваніи его на каөдру:

барүн цзү-ду мэндүлэсэн
бэльчир дүритэй богдойган
бара болон цзалачжи
батү цаган дугань-ду
баиртай сайхан цзаларүльчи
байху-бидэ ханубай.

далан дабхурыйн аньгирту
да йэхэ хурьнь дү
дамчжик-үгэй шүтүсэн
даранатайн гэгэн-нэ
даган барихой дэтхачжи
даньшик мандал үргүйб

олон галабын цанаса
ухтуху-ин йөрөл тальбичжи
уршиктү хэрчигэй бидэн-ни
олон түрүл түдүм-дэн
уйтхар үгэй эцээлэчжи
олон галабту сүтугай
бсор-үгэй орчиланьду
уйтхар үгэй тэнүсэн
онца нүгүль-тү маньйги
очир дара лама мини
одоритхү болтогай.

итэгэл үгэй төрөсөн
энэ цагийн амитан-ни
эртэйн йөрөл тухчидэр
эцээлэн барихойя мөндүлэсэн
итэгэл богдо лама чй
илэрхэй түргэннэ абурá
сайн мугьийн эргилтэ
салхинаса түргэн
сансарьин хурдуйн эргилтэ тунэсэ түргэн
саба йиртынцү-ду
самурасан бидэн-ни
сайтур барин соврха

бурхан бүгүдэйн хуряньгуй
богдо лама чамаду
бодй хутук олтоло
буцал-үгэй сүцзүгэрэ
бүгүдэр итэгэнэм.
бодй хутук олгул

эцигэ баньчэнь богдойган
рикдун дакбо болху-дү
эртэнэй йөрөлийн хүцэр
итэгэл чамайган дагачжи

эндэл үгэй түрүйг
эрхин йөрөл бүтүтэгэй
гинэхүй цэболоньтү орчилань-ду
хилинцэтү бидэн-ни
хир үгэй айладулар нүгүлэсчи
гэгэн номьин бэй'йги
гэнэттэ түргэн олгүл
энэ сайхан буинар
энэ байхчи цаяндү
эрхим богдо чинихэн
эрхим номьин аршан-ни
энэ даруй хүргэхүйн
эрхим хоби болтогай.

Переводъ.

Родившагося въ западномъ Цзу (Тибетѣ)
Свѣтоноснаго своего святителя
Сопровождая, призвали мы;
Радостно и благопристойно принеся
Въ крѣпкій, бѣлый храмъ,
Всѣ мы удовлетворились.

За непосредственно почитаемымъ
Въ семидесяти-этажномъ Ангирту
И въ большомъ Курени
Гэгэномъ Даранаты
Привыкнувъ слѣдовать,
Поднесемъ (ему) дансукъ мандалъ.

Изъявивъ желаніе встрѣчи
Издалека многихъ періодовъ;
Безпечально управляя
Въ каждомъ изъ многихъ перерожденій
Нами грѣшными и злыми,
Да живетъ онъ много лѣтъ.

Насъ, блуждавшихъ безпечально
Въ несвязномъ орчиланѣ
И стяжавшихъ одни только грѣхи,
Да руководить
Лама нашъ Вачжра-дара.

Родившійся чтобы, по древнему предопредѣленію,
Принять и управлять
Блуждавшихъ безъ предмета вѣры
Живыхъ существъ этого времени,
Вѣра и святой лама
Спаси явно и скорѣе.

Круговращеніе добра и зла
Быстрѣ вѣтра,
А круговоротъ міра быстрѣ его;
Нась, волновавшихся
Во вмѣстилищѣ мірскомъ,
Изволь принять благопристойно.

Тебѣ святителю ламѣ
И сокращенію всѣхъ буддъ
До пріобрѣтенія святости
Всѣ мы будемъ вѣровать
Съ неизмѣннымъ благочестіемъ;
Дай найти намъ святость боди.

Когда твой отецъ святитель Баньченъ
Будеть происходящимъ изъ царскаго рода,
То силою древнихъ предопредѣленій
Да послѣдуемъ мы за тобою — своею вѣрою
И возродимся безошибочно.
Да исполнится важнѣйшее желаніе.

Милосердую своею чистѣйшею мыслию
О насъ груховныхъ
Въ возмущенномъ и мучительномъ матеріальномъ мірѣ,
Дай найти поскорѣе
Свойства свѣтлой духовности.

По силѣ этой прекрасной добродѣтели
Да исполнится верховная участь
Немедленнаго причастія
Верховнаго духовнаго напитка
Твоего, великій святитель,
Въ настоящей нашей судьбѣ (жизни).

Пѣсня эта составлена собственно въ честь *седьмого* монгольскаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, но кто не скажетъ, что она можетъ быть отнесена къ каждому изъ нихъ, за

исключеніемъ двухъ перерождавшихся въ Монголіи? Въ ней нѣтъ ни какихъ частныхъ указаній на дѣятельность и заслуги Чжэбцзунь-дамбы для Монголіи, ни какихъ упоминаній о современныхъ обстоятельствахъ, однимъ словомъ ничего кромѣ имени и отвлеченныхъ выраженій, могущихъ быть одинаково произнесенными не только предъ всякимъ хубилганомъ Чжэбцзунь-дамба ламы, но и предъ всякимъ бурханомъ, предъ всякимъ гэгэномъ и предъ всякимъ хутухтою. Я уже указалъ отчасти основу этой общности, теперь укажу еще одну черту, могущую служить причиною сему и ясно проглядывающую болѣе или менѣе въ каждомъ Халхасѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ халхаскомъ народномъ поэтѣ. Въ рѣчи монголъ всегда старается объ отборности выраженій: онъ увлекается красотою фразы, вычитанной въ книгѣ и готовъ наговорить бездну околесицы, лишь бы только вернуть ему эту фразу и блеснуть ею въ своемъ собственномъ произведеніи. «Даръ краснорѣчія и особенно удачное употребленіе аллегорій, сравненій и афоризмовъ будды, говоритъ Ковалевскій, считается высшею степенью образованности между монголами; людей, обладающихъ такимъ талантомъ, они готовы признавать за существа высшей природы» *). Удивительны-ли послѣ сего заботы халхаскихъ авторовъ о томъ, чтобы въ твореніяхъ ихъ заключалось побольше фразъ, заимствованныхъ изъ признаваемыхъ ими за образцовыя сочиненій? А отсюда за симъ естественна и та общность сужденій и изложенія, которою дышетъ большинство монгольскихъ народныхъ произведеній. Съ другой стороны въ сужденіяхъ Халхасъ поражается возвышенною, отвлеченною мыслью, или высокимъ нравственнымъ идеаломъ, безотчетно воспринимаетъ ихъ, старается удержать ихъ въ своей памяти, о нихъ единственно думаетъ, о нихъ только и говоритъ. Но повторяю, все это усвоется у него совершенно механически, какимъ то невыразимо рабскимъ и неподвижнымъ духомъ: разобрать эту увлекшую его мысль, или этотъ идеаль, обсудить ихъ основы,

*) Ковалевскій. Путешествіе въ Китай, т. I стр. 33.

рассмотрѣть ихъ свойства и выяснитъ ихъ отношеніе къ дѣйствительности и истинѣ, — за все это Халхасъ не беретса. Величайшее несчастье Халхасовъ состоитъ именно въ этомъ безотчетномъ и всецѣломъ увлеченіи ихъ идеею и отъ того жизнь и дѣйствительность, которыя являются всегда ниже идеи, кажутся имъ ничтожными, недостойными вниманія и слова. Отсюда вытекаетъ весь педантизмъ, которымъ дышетъ почти каждое произведеніе творческаго духа Халхасовъ, здѣсь же коренится и причина отсутствія въ этихъ произведеніяхъ жизненнаго элемента. Онѣ проповѣдуютъ идею, отвлеченность и потому кажутся сполна составленными изъ нравоученій, какъ бы съ цѣлю передачи жизненныхъ правилъ, но онѣ чужды дѣйствительной жизни. Таковы всѣ пѣсни, распѣваемые Халхасами на пирушкахъ и никогда не найдется въ нихъ чертъ народной бытовой жизни, изложенія самыхъ простыхъ, обыденныхъ обстоятельствъ.

бурханъ бахшійн номлосдн
 номьин чинар хундүтэй
 богдо дэдүсыйн хайраласан
 сахил санвар хундүтэй
 богдо тандан мургүйѣ
 ахта моринай сайхан-ни
 унучжи байчжи таниху,
 аха дүгыйн сайхан-ни
 ханилачжи байчжи таниху.
 байн алдар минн цза!
 сайн морийган унабала
 холд гацзар ойрхон би
 хурдун дайсун-ни дарубала
 холд ойро амур би.
 байн алдар минн цза!
 цзүдүрсэн морин-дү
 цзүлгуйн ного холд би,
 цзөрю үшю хүмүн-дү
 нүхүр хани холд би
 байн алдар минн цза!

алтан мүнъгуйн сайхан-ни
арчичжи байчжи таниху,
аба эчжійн сургалбийги
чинъначжи байчжи соносху
байн алдар минн цза!

хайр чулу хагарабала
хабсураху ни бэрхэ би
хайран амйган алдабала
түрүхү ни бэрхэ би
байн алдар минн цза!

пайман хүлтэй ширэн дэрэ
намсарай хан цзalachжи
тахилан үргүчжи
олон бүгүдэрэ цуглачжи
бүрин-нэ хамтү чжиргайя.

Переводъ.

Важна сущность ученія,
Проповѣданнаго буддою учителемъ;
Важны обѣты и духовныя обязанности,
Дарованные святыми высокими.

Поклоняюсь вамъ святымъ!

Добрыя качества мерена
Узнать, посидѣвъ (верхомъ на немъ);
Добрыя качества братьевъ
Узнать, подружившись съ ними.

Охъ мои богатство и слава!

Какъ сядешь на свою хорошую лошадь
И далекая мѣстность близка,
Какъ поразишь быстрого врага
И вдали, и вблизи покойно.

Охъ мои богатство и слава!

Для утомленной лошади
Далека луговая трава,
Для своенравнаго и упрямаго челоуѣка
Далеки друзья и пріятели.

Охъ мои богатство и слава!

Доброкачественность золота и серебра
Будемъ узнавать почистивши,
Наставленіе батюшки и матушки
Будемъ слушать со вниманіемъ (букв. прислушиваясь).
Охъ мой богатство и слава!

Гольшь, коли расколется,
Трудно соединить его;
Бѣдную жизнь свою какъ потеряешь,
Трудно возродиться въ ней.
Охъ мой богатство и слава!

На восьминожный престолъ
Посадимъ Намсарай хана,
Поднесемъ свои жертвы,
Соберемся всѣмъ множествомъ
И въ совершенствѣ вмѣстѣ повеселимся.

Если таково большинство халхаскихъ пѣсенъ, то конечно мы не имѣемъ права не считать ихъ и *народными*. Объяснить отсутствіе въ нихъ свѣтскаго содержанія можно конечно прежде всего тѣмъ, что большинство самихъ Халхасовъ принадлежитъ къ духовному званію, а подъ вліяніемъ этихъ монаховъ такими же, если не религіозными дѣйствительно, то ханжами становятся и свѣтскіе люди. «Монголы, говорятъ въ своихъ «воспоминаніяхъ о путешествіи по Татаріи» Гюкь, очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ непрерывно и земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого они живутъ въ этомъ мірѣ какъ бы не принадлежа ему *). Такой отзывъ я не почитаю нисколько преувеличеннымъ и къ своему объясненію причинъ этого явленія добавлю еще, что у Халхасовъ не только нѣтъ возможности слышать свѣтскій разговоръ въ обществѣ, но и самая литература, которою питаются умы ихъ молодежи, да и всего народа, далека свѣтскости. Любимѣйшія изъ произведеній Халхасовъ, Улигэр'ун далай, Улигэр'ун-ном, Эрдэнійн-санъ, или Субашидди, Арад'и тэчжигэхчи дусул, все это такія произведенія, которыя напол-

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Нис. Т. I, p. 48.

нены единственно буддйскими сказками, объясняющими нравственные истины. Извлеченія изъ этихъ сказокъ часто воспѣваются въ пѣсняхъ Халхасовъ; но замѣчательно, духъ ламства настолько вѣлся въ существо Халхасовъ, что даже тѣ пѣсни, сюжеты которыхъ заимствованы очевидно изъ индйской литературы, гдѣ носили они въ большинствѣ случаевъ чисто мірской, бытовой характеръ, у Халхасовъ получили опять таки ламскій, религиозный оттѣнокъ. Для примѣра мы представляемъ слѣдующую пѣсню.

Ѡмно цзүгэсэ ирэсэн галү
 үндүр хангай-ду цзусухчй галү
 үргүн усун-ду ганъгахчй галү
 үнидэ эндэ сүнү-та?

Үлэ үгэй байтала боро орола
 үсэсэн үгэй байтала утан манарла
 үцзэсэр байтала хада болбо,
 өрөйн хисэн эльбэк болбо

Үлэ-үгэй боро чини хирү гэнэ,
 үсэсэн үгэй утан чини мананъ гэнэ,
 үцзэсэн хада чини мүсү гэнэ,
 өрөйн чини хисэн үйлэ гэнэ.

түрү йосойги түшисэн хүмүн,
 түбшин чжиргалыйги эдлэсэн хүмүн,
 түйлбэрилтэ үгэй аргатай хүмүн,
 түдэчжи эндэ сүнү-та?

үгүсэнѣн нэхэчжи абула би чини
 үцзэсэр байгат сохорла би чини
 үбүль хүйтэн-дү дарна би чини
 үмчи үгэй болот хосорна би чини

уридуйн буин үгүсэнѣн абхү
 нүгүльийги үцзэбэчи мэдэхү үгэй сохор
 үбүльийн сара үтүльхү насү
 үмчи үгэй хосун хойтуин сүнэсү.

Үлэ үгэй боройги югар халхалана?
 үсэсэн үгэй утайги югар амурагулна?
 үцзэсэн хадайги югар эбдэнэ?
 өрөин эльбэгийги югар аргацагана?

ᠡᠯᠡ ᠦᠭᠡᠢ хирᠦᠢᠭᠢ ᠦᠳᠦᠷ халхалайᠢ
ᠦᠰᠡᠰᠢᠨ ᠦᠭᠡᠢ мананᠶаса нэхэчиᠢ цэайлайᠢ
ᠦᠴᠡᠰᠡᠨ мᠦсунᠡсэ халᠦᠨ гаᠴᠢᠭᠠᠷ нисуйᠢ
ᠪᠦᠷᠢᠨ ᠦᠢᠯᠡᠢᠭᠢ эдлэчиᠢ нимгэрэгᠦлᠦйᠦ.

Переводъ.

Прилетѣвшіе съ южной стороны гуси,
Проводящіе лѣто на высокомъ Хангаѣ гуси,
На широкихъ водахъ крикающіе гуси,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Дождь пошелъ, а между тѣмъ облаковъ не было,
Дымъ распространился, а между тѣмъ не поднялся,
Выросла (цѣлая) скала, въ то время какъ я смотрѣлъ,
Вышло много, а дѣлалъ самъ (одинъ).

Безоблачный дождь твой говорятъ — роса,
Не поднявшійся дымъ твой говорятъ — туманъ,
Видѣнная тобою скала говорятъ — ледъ,
Дѣланное тобою говорятъ — дѣяніе.

Законы и правленія основавшій человекъ,
Наслаждавшійся мирнымъ довольствомъ человекъ,
Неисчерпаемо ловкій человекъ,
Долго ли здѣсь проживете вы?

Получилъ я свое данное,
Слѣпымъ я былъ, гляючи,
Зябну я въ зимнемъ холодѣ,
Истощаюсь я безъ наслѣдія.

Прежняя добродѣтель — получить данное,
Хоть и видѣлъ грѣхъ — не вѣдящій слѣпецъ,
Зимніе мѣсяцы — старческій вѣкъ,
Пуста безъ наслѣдія — будущая душа.

Чѣмъ отвратимъ безоблачный дождь,
Чѣмъ успокоимъ не поднявшійся дымъ,
Чѣмъ разрушимъ видѣнную скалу,
Какое употребимъ средство противъ своего избытка?

Отвратимъ полуднемъ безоблачную росу,
Убѣжимъ отъ безоблачнаго тумана,
Улетимъ въ теплую сторону отъ видѣннаго снѣга,
Совершая свои дѣянія, будемъ обуздывать (ихъ).

Кто не замѣтитъ въ формѣ этой пѣснѣ сходства со всѣми тѣми произведеніями народнаго древне-германскаго, славянскаго и наконецъ русскаго творчества, которыя, какъ утверждаютъ подробно изслѣдовавшіе ихъ Бэнфей и изъ русскихъ проф. Веселовскій и Буслаевъ, имѣютъ одинъ общій источникъ по своему содержанію—индійское сказаніе о Викрамадитѣ? Дѣйствительно пѣсни и рассказы этого происхожденія во многихъ случаяхъ носятъ на себѣ одинъ характеръ — мудреныхъ вопросовъ и рѣшающихъ ихъ удачныхъ отвѣтовъ; только у большинства помнанныхъ народовъ эти вопросы касаются почти исключительно видимой природы и окружающихъ пѣвца предметовъ: въ нашихъ пѣсняхъ парень спрашиваетъ дѣвицу, или наоборотъ дѣвица парня, въ малороссійской сказкѣ фигурируетъ въ той же роли дѣвка семилѣтка, но загадки ихъ вертятся вокругъ домашняго очага и почти не заходятъ въ міръ нравственный. У Халхасовъ, какъ видно изъ представленной пѣсни, дѣло также начинается съ видимыхъ предметовъ, но тотчасъ же переносится къ буддійскому ученію о дѣлахъ, смерти и перерожденіяхъ. Все это безъ сомнѣнія позднѣйшія приставки ламъ, которые ни преминули дать свои толкованія и росѣ, и туману, и скаламъ. Всего яснѣе это ламское вліяніе обнаруживается чрезъ сличеніе подобной же пѣсни, записанной мною въ двухъ редакціяхъ: ѓлѣтской у Дурбѣтовъ, близъ оз. Убса, и халхаской въ Ургѣ. Сравнивая обѣ эти редакціи, не трудно замѣтитъ какъ ламство измѣняло обыкновенныя мірскія сужденія и рѣчи въ выраженные высокопарнымъ слогомъ тенденціи буддизма, и придти къ заключенію, что содержаніе отвѣтовъ въ ургинской редакціи несомнѣнно позднѣйшее и представляетъ наслоеніе буддійскихъ понятій на первоначальную чисто житейскую основу. Вотъ эта пѣсня въ ѓлѣтской редакціи:

чжиргалантү дэлгэр зунан сарадү
 чжигүртэн төрөсөн шубун чй мнй
 гададу йэкэ далайн захаса
 ганггинат дэбэсэр юнду ирэнэй-чи

эргичжй байху дөрбөн цак-тү
ильчитэй халхун зунай сара-дү
эргэни бүтүсэн салькин-ни күцэр
эргичжй будак нур-тан ирэ би.

зоричжй күсүсэн нур-тан ирэт
зоригор амур цэнггэчжй сүгāt
зокистдй намурын дулахан сара-дү
ганьгинāt дэбисэр юнду харинай чй?
өндөр улайн оргил дэгүрәсә
өлөн цасу бударāt
үбүльдэн кийтэн болхү гэм мани
өсөсөн дулахан нур-тан харинай би

үнидэн сүху-дү чжиргалтай байтала
үбүль сүхүдү дулахан байтала
хойтөн хабурын эсэргэн цак-тү
чжикдэлэт дэбисэр юнду ирэнэй-чй
чжигүргэн төрөсөн шубү гэчи дү
чжиргал зоболонь байху-йн төлө
өбөгөн ламā тā минй
зөнбглөт өтөлькөйн кэрэк юнай би?

өтөлдөйө гэчжй өтөлькү биши
уйлэйн эркэр өтөльдөк бишү
үни мөрөдөн асүгāt
сүкчи өбөгөн намайган юнду цэнэнэ чй
цэнэнэчжй кэлэкү үгэ биши
цэцэркэй бартам сананай бишү
өбөгөн ламā танийган өтөлөсөн чинй
асүсан билэй би.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Ты моя, рожденная крылатою, птичка
Съ береговъ вѣшняго, великаго моря
Зачѣмъ прилетаешь, крича и махая (крылами)?

Въ перемѣжающіеся четыре времени,
Въ теплые лѣтніе мѣсяцы,
По вѣтру, происшедшему отъ древности,
Кружась, прилетѣла я къ озеру, на которое обыкновенно
слетаю.

Прилетѣвъ къ своему желанному озеру,
Поживъ наслаждаясь по волѣ и въ спокойствіи,
Въ прекрасные, теплые осенніе мѣсяцы
Зачѣмъ возвращаешься ты, крича и махая (крылами)?

Изъ за окружности вершины высокой горы
Разсѣиваются облака и снѣгъ;
Думая, что зимою будетъ холодно,
Возвращаюсь я къ своему родному, теплому озеру.

Коль утѣшительно для долгаго житья,
Коли тепло для зимняго житья,
Зачѣмъ прилѣтаешь ты, плавно рѣя крылами,
Въ послѣдующее время будущей весны?

Ради того, чтобы у птицъ, рожденныхъ крылатыми,
Было бы наслажденіе, было бы и безпокойство;
Но вы мой старичекъ лама
Какая нужда вамъ старѣть и дряхлѣть?

Не старѣешь, говоря, дай состарѣюсь,
Не старѣется ли по силѣ дѣяній?..
Объ этомъ съ своей стороны спрашивая,
Меня сидящаго старика зачѣмъ унижаешь ты?

То не рѣчь, сказанная ради униженія,
А (плодъ) надменной, гордой мысли,
Тебя своего старичка, ламу
О твоей старости спросила я.

Въ халхаской редакціи эта пѣсня воспроизводится въ слѣдующихъ словахъ:

чжиргалтай дэлыгэр цзунайн сарадү
чжибэгүртэн шубүн та мині
гададухи йэхэ далайн цзахаса
ганьгинат дэбисэр юнду ирэ би
эргихү цзогатай цзунайн гурбүн сарадү
эргэныйн тальбисан йөрблйин хүцэр
сэрюхүн туньгалак далай-ду найралат
цэнггэхү манай йосутай билэй.
эсэргэнэтэ намурыйн гурбүн сарадү
эгнэчжи буцахү танай янахиб?

үндүр улаин оргил дэрэсэ
үлэ цасу будараху-дү
үсүсэн дулахан нутук-ту
үбүльцэйт сүху манай йосутай билэй
эсэргэнэтү хабурийн гурбун сарадү
эгнэчжи буцаху танай тэрэ янахиб?
чжикдэлэ түрүсэн
чжигүртэн шубу бидэ чи хэрэк үгэй,
цзохистай дүрим бэхэр сүсан
цзоригар үсүсэн үбүгүн ахай та минн
цзанучжи үтүльхү танай тэрэ янахиб
би биши, гурбун йиртынцуйн цзам тэрэ.

Переводъ.

Въ мѣсяцы благодатнаго, обильнаго лѣта
Вы мои, крыматыя птички
Съ береговъ вѣшняго, великаго моря,
Зачѣмъ прилетѣли, крича и махая (крылами)?
Въ три лѣтніе мѣсяца, принадлежащіе къ коловратному ве-
селью,

По силѣ древле положенныхъ предопредѣлений,
У прозрачнаго и прохладнаго моря
Надлежитъ намъ веселиться и наслаждаться.
Напротивъ, въ три осенніе мѣсяца
Вы возвращаетесь, почему?
Когда съ вершины высококой горы
Распространяются облака и снѣгъ,
Въ родной, теплой странѣ
Надежитъ намъ жить на зимовкѣ.
Въ три мѣсяца будущей весны
Вы снова возвращаетесь, почему?
Мы то, рожденныя заурядъ,
Крыматыя птички не (велико) дѣло,
Но вы, мой старичекъ, дядюшка, взрослій на волѣ,
Жившіи приличнымъ образомъ и прочно,
Ваша ворчливая старость — она почему?
Не я (одинъ) таковъ путь трехъ міровъ.

Какъ видно, представленная халхаская редакція пѣсни го-
раздо короче, да и менѣе обработана и стройна, чѣмъ существуетъ

она у Ёлѳтовъ; но я не могу представить, чтобы въ ней были какіе нибудь пропуски, потому что всякій разъ, когда приходилось мнѣ слышать въ Халхѣ эту пѣсню, она являлась именно въ томъ видѣ, въ какомъ здѣсь представляется. Еще раньше меня Г. Ровинскій представилъ переводъ этой пѣсни въ запискахъ о своихъ странствованіяхъ по Монголіи *); какъ ни неточенъ и ни воленъ переводъ его, мы однако можемъ догадываться, что слышанное имъ было тоже самое, и въ той же мѣрѣ, что и записано мною. Объяснить эти пропуски и краткость халхаской редакціи сравнительно съ ёлѳтскою конечно прежде всего можно сочувствіемъ къ пѣснѣ народа; ибо несомнѣнно, что народъ бережетъ, развиваетъ и совершенствуетъ все согласующееся съ его личнымъ вкусомъ и напротивъ совершенно не радитъ о существованіи того, къ чему относится онъ равнодушно. Пѣсня, о которой ведемъ мы рѣчь, не пользуется ни большою распространенностію, ни сочувствіемъ у Халхасовъ: все это можетъ быть только потому, что въ ней сравнительно мало упоминаній о любимыхъ предметахъ халхаской пѣсни—ламѣ и буддѣ, не смотря на то; что Халхасы уже и переиначили ее нѣсколько на общій тонъ своихъ пѣсенъ. Это то я и хотѣлъ показать для подтвержденія общности буддійскаго характера въ современныхъ халхаскихъ пѣсняхъ. Сравнивая двѣ представленные редакціи, я отдаю преимущественное старшинство и большую народную чистоту ёлѳтской именно потому, что она простѣе, наивнѣе и въ тоже время дѣльнѣе и глубокомысленнѣе халхаской. Нѣтъ сомнѣнія конечно, что и эта ёлѳтская редакція, если только эта пѣсня создавалась дѣйствительно подъ вліяніемъ такихъ твореній какъ Арчжи-Бурчжи или сказанія о Викрамадитѣ, уже далеко не первая, простонародная, а на вѣрное прошедшая, и уже неоднократно, чрезъ руки ламъ а потому получившая отгѣнокъ ихъ сужденій и взглядовъ; за всѣмъ тѣмъ она все таки носить въ себѣ болѣе простоты и человѣчности, чѣмъ халхаская. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ

*) Вѣстникъ Европы. Т. IV. Іюль, 1874 г. стр. 299-я.

быть простѣе и естественнѣе первыхъ отвѣтовъ птицы на вопросы старца ламы? За чѣмъ прилетѣла она изъ за моря? Такъ, — повѣтру; За чѣмъ улетаетъ осенью? Думаетъ, что зимою будетъ холодно. Дальнѣйшіе вопросы птицы уже вызываютъ отвлеченныя разсужденія старца; но они крайне не многосложны и это въ свою очередь свидѣтельствуеть, что отвлеченность не въ характерѣ пѣсни, она обращается снова къ жизненной сторонѣ и для сего дѣлаеть чрезвычайно живой оборотъ. Старецъ разсуждаетъ о причинахъ конечности матеріальнаго, но не будучи въ состояніи рѣшить положительно вопроса, какъ будто оскорбленный тѣмъ, что пернатая собесѣдница его предложила ему такую трудную задачу, переносить разговоръ на то, какъ осмѣлилась птица унижать его. На это слѣдуетъ мудрое замѣчаніе птицы, что она не хотѣла унижать его своею рѣчью, но что всѣ вопросы этого рода суть плодъ горделивой мысли, бесполезно пытающейся разрѣшить таинственные законы природы. Нравоученіе, съ цѣлью котораго составлена пѣсня, отсюда понятно само собою. Со всѣмъ не то видимъ мы въ халхаской пѣснѣ. Здѣсь прежде всего нѣтъ ни одного основательнаго отвѣта: во всемъ господствуетъ какая то неопредѣленность, какъ будто ничему не можетъ быть дано естественнаго рѣшенія, какъ будто ничто не совершается на свѣтѣ и въ природѣ по простѣйшимъ, вполне понятнымъ человѣку соображеніямъ и законамъ; во всемъ видится присутствіе какихъ то таинственныхъ предопредѣленій, которыя не постижимы человѣческому уму и разрѣшаются только высшей невѣдомой силой, которой человѣкъ долженъ безотчетно подчиняться. Птица здѣсь не летитъ уже такъ себѣ, куда гонить ее вѣтеръ, а рѣзвится лѣтомъ, потому что такъ ей *«надлежитъ по силѣ древнихъ предопредѣленій»*; она улетаетъ на зиму не потому что думаетъ избѣгать зимняго холода, а по какой то неопредѣленной необходимости; старикъ не разсуждаетъ долго, не затрудняется отвѣтомъ, его не досадуетъ трудность задачи и онъ не старается отвергнуться отъ положительнаго отвѣта, а напротивъ отвѣчаетъ и разрѣшаетъ все дѣло положительно буддійскою фра-

зою о судьбахъ орчила. При такомъ характерѣ само собою разумѣется не является ни какихъ нравоченій; иначе сказать пѣсня потеряла свое ясное назначеніе, свой опредѣленный смыслъ. Наконецъ характеръ равнодушія и апатіи однимъ словомъ самой крайней пропитанности идеями буддизма видѣнъ не только въ общемъ содержаніи пѣсни, и еще болѣе проглядываетъ въ частныхъ выраженіяхъ. Возьмемъ хоть для примѣра понятіе о лѣтѣ. Въ ѳлотской пѣснѣ оно рисуется съ его обыкновенными, привлекающими человѣка атрибутами теплоты (ильчитѣй дулахан); Халхасецъ придаетъ лѣту также эпитетъ «полнаго наслажденій», но уже одно слово — наслажденіе (цзога) вызываетъ у него эпитетъ «эргиху» т. е. измѣнчивый, превратный; онъ не даетъ себѣ изъяснить симпатію даже и къ дѣйствительно прекрасному въ матеріи, — согласно ученію буддизма, все на землѣ кажется ему пустою.

Но можетъ возникнуть вопросъ, ужели въ самомъ дѣлѣ буддизмъ на столько овладѣлъ душою Халхаса, что убилъ въ ней сочувствіе ко всему кромѣ ламы и будды. Мы видѣли, что монголы способны были увлекаться окружающею ихъ природою, питали сильную привязанность и любовь къ родинѣ и семьѣ, ужели и эти чувства поглощены у нихъ буддизмомъ и уже угасли на столько, что не находятъ себѣ отголоска и мѣста въ ихъ пѣсняхъ? Отвѣчаемъ, нѣтъ, они не угасли совершенно, но духъ буддизма все таки преобладаетъ надъ ними. Чувствованія, возбуждаемые природою и семьею теперь уже никогда всецѣло не овладѣваютъ душою Халхаса, они вызываютъ только его завѣтную мысль о буддѣ.

үндүр ханьгайн цэцэк ни
 элдэб үнэгэр нэйлэчжн
 цзунайн гурбун сара-дү
 үнэрэ сайхан нутук-ла
 үндүр сайхан бургасун ни найгулцзанà
 ая, түүнэй доторò
 алтан горголтэй чжиргэнэ
 харгбйн үндүр модон-дү

хөхө шубу донгодона
ая тўни соносчи
ламайган санана
тэрэ бйн дундаса
элдэб гөрбсү доголокдана
тунгалак сайхан усун-ду
элдэб шубу донгодона
маргадайн унгэгэтэй цэолиг
ногбн хүргэнэ
цэолбн сальхи хүдүльбэлэ
сайхан үнүр ангыланан
үндүр сайхан улан-дү
элдэб модо ургучжи
намур болху цак-тун-ни
үрэ чжимис долбасуранан
дэдү гурбун эрдэнийн
үнэрэ ачийги харюлху дү
ямар санан санабала
түрбэл-үгэй бүтүнэ
тэнгэр гадзар адали
тэйми сайхан ордн-дү
шачжин номыйги хичьчи
бүгүдэрэ чжиргайя.

Переводъ.

Цвѣтки высокаго Хангая,
Соединившись различными цвѣтами,
Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ
По истинѣ прекрасное мѣстопробываніе!
Плавно покачивается высокій, прекрасный тростникъ;
Ахъ, въ срединѣ его
Щебещеть фазанъ (= золотой соловей)!
На высокой пихтѣ
Кукуетъ кукушка;
Ахъ, слушая ее,
Вспоминаешь своего ламу!
Изъ середины этого лѣса
Слышенъ крикъ различныхъ звѣрей;
Въ чистой прекрасной водѣ

Поютъ различныя птицы.
Лугъ, имѣющій цвѣтъ маргада,
Доставляетъ зелень;
Шелохнется легкій вѣтеръ,
Пахнетъ благовоніемъ.
На высокой прекрасной горѣ
Ростутъ различныя деревья;
Когда наступитъ осень,
Они приносятъ плоды.
При истинной благодарности
Къ высочайшимъ тремъ драгоцѣнностямъ,
Какое не задумалъ бы желаніе
Немедленно исполняютъ.
Въ такой прекрасной странѣ
(Гдѣ) небо и земля одинаковы,
Заботясь о вѣрѣ и ученіи,
Всѣ возвеселимся.

Читая такое произведеніе, невольно припоминаешь тѣ псалмы Давида, въ которыхъ онъ, описывая природу и поражаясь ея грандіозностью и гармоніей, воспѣваетъ величіе и славу ея Творца. У Халхасовъ нѣтъ этой хвалы создателю, хотя, можетъ быть, только потому, что они не имѣютъ другаго понятія о творцѣ природы, кромѣ неотвратимаго и неопредѣленнаго рока, но за то таже природа напоминаетъ Халхасу о предметѣ его поклоненія — ламѣ. Характеръ отношенія къ природѣ, выражаемый въ халхаскихъ пѣсняхъ, совершенно одинаковъ съ псалмами Давида. Тѣ и другія творенія уже не смотрятъ на природу дѣтскимъ, наивнымъ взглядомъ, не олицетворяютъ ее, какъ это замѣчается у всѣхъ первобытныхъ народовъ, а напротивъ смотрятъ на нее сознательно, какъ на бытіе низшее человѣка, грандіозное и величественное, но не имѣющее у себя ни чудесныхъ силъ, ни разумно сознательной дѣятельности. Въ своихъ пѣсняхъ Халхасъ не обращается къ природѣ съ просьбою о сочувствіи его горю или его радостямъ, не повѣряетъ ей своихъ сердечныхъ тайнъ, не призываетъ ее въ свидѣтели истинности и правдивости своихъ поступковъ, какъ все это видимъ мы въ

поэзіи другихъ народовъ, и если мы находимъ что Халхасъ обращается къ природѣ, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда его въ самомъ дѣлѣ поражаетъ ея прелесть, или ужасаетъ ея безобразіе. Все это несомнѣнно можно объяснить только самымъ сильнымъ вліяніемъ на духовное существо Халхасовъ буддійскихъ понятій, изгнавшихъ у нихъ всякое шаманское, одухотворяющее природу представленіе о матеріальномъ мірѣ. Тотъ же буддизмъ, кажется намъ, можетъ объяснить за симъ и то, почему не обращаясь къ природѣ матеріальной, Халхасъ однако въ своихъ пѣсняхъ разговариваетъ съ птицами и звѣрями, и даже, какъ мы видѣли, ведетъ съ ними чисто философскія разсужденія; все это естественно вытекаетъ изъ ученія о переселеніи душъ: въ попугаѣ, въ жаворонкѣ, въ лошади можетъ быть таже разумная душа человѣка, а бесѣда съ турпаномъ, если только человѣкъ знаетъ языкъ его, по вѣрованіямъ монголовъ, положительно всегда можетъ быть благотворна и поучительна, ибо въ турпановъ обыкновенно перерождаются ламы. Наконецъ, вліяніе буддизма на упадокъ олицетвореній неодушевленной природы въ пѣсняхъ кажется тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что оно всецѣло замѣчается въ народныхъ твореніяхъ тѣхъ монгольскихъ племенъ, среди которыхъ буддизмъ распространился сравнительно меньше и особливо у Иркутскихъ Бурятъ.

Вторая любимая тема монгольской народной пѣсенной поэзіи — воспѣваніе семьи и родителей, съ развитіемъ у Халхасовъ буддизма, также необходимо получила у нихъ другой отгѣнокъ. При разсмотрѣніи современныхъ халхаскихъ пѣсень прежде всего ярко бросается въ глаза то обстоятельство, что въ нихъ гораздо чаще встрѣчается изліяніе нѣжныхъ чувствъ и заботъ о матери, нежели объ отцѣ. Причину этого открыть не трудно: Халхасъ зачастую не знаетъ своего отца, или по крайней мѣрѣ не можетъ считать его своимъ отцемъ открыто. Извѣстно, что лама, хотя бы и завѣдомо для всѣхъ жилъ онъ съ женщиной, всетаки считается безбрачнымъ; самъ онъ никогда не назоветъ себя женатымъ, никогда не скажетъ, что у него есть дѣти и даже дома онъ ни-

когда не называетъ своихъ сына и дочь сыномъ и дочерью, величая ихъ просто по имени. При томъ же не связывая себя съ женщиною ни какимъ религіознымъ обрядомъ, онъ легко оставляетъ ее съ своими дѣтьми, будучи совершенно убѣжденъ, что, во имя данныхъ имъ обѣтовъ безбрачія, его не покараетъ за этотъ, такъ сказать, разводъ и общественное мнѣніе. Естественно, что вся любовь Халхаса къ родной семьѣ ограничивается теперь по большей части только любовью къ матери, которая всегда признаетъ своего ребенка своимъ, никогда не постыдится выразить ему своей близости и своей ласки, всегда окружаетъ его своими заботами, и добровольно никогда не покинетъ его. Вотъ почему въ халхаскихъ пѣсняхъ почти не видно выраженія нѣжнаго, роднаго чувства къ отцу: отцу приписывается въ нихъ скорѣе роль наставника, руководителя, или даже просто роль протектора; его домашняя дѣятельность въ отношеніи къ сыну ограничивается одними наставленіями, ничѣмъ не отличающимися отъ наставленій книги, или всякаго посторонняго добраго чело- вѣка.

цзэрликтэй гѣчи шилэ-дү
цзэрлик бугу дудан
цзэргэцэчжи ирэхү-дү мни
богдойн хойр цзагал би
алтай гѣчи шилэ-дү
арбан бугу дудан
адалитхачжи ирэхү-ду мни
абайн хойр цзагал би.

Переводъ.

На пригоркѣ называемомъ Цзэрликтэй
Кричитъ дикій изюбрь;
Какъ приду поровняюсь,
Это два наставленія святителя.

На пригоркѣ, называемомъ Алтай,
Кричатъ десять изюбрей;
Какъ приду сравняюсь,
Это два наставленія родителя.

Такого рода сопоставленія могутъ только свидѣтельствовать о почтеніи дѣтей къ слову отца, но духъ пѣсни больше всего убѣждаетъ въ отсутствіи у Халхасовъ того нѣжнаго чувства къ отцу, которое вселяется въ души дѣтей любовью, ласками и заботами его еще въ пору ихъ ранняго дѣтства. Наставникъ дома, отецъ является какъ протекторъ въ общественной жизни; установивъ же сына, онъ какъ будто больше не заботится о немъ, по крайней мѣрѣ въ пѣсняхъ ему никогда не приписывается ни скорби о несчастіяхъ сына, ни радости объ его успѣхахъ, ни тоски въ разлукѣ съ нимъ. Все это атрибуты матери, которая является въ пѣсняхъ всегда исполненною самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ.

алтан шарà наран ни
улан-дан туярат
алà бага бэйѢ миннì
абайган эргүмчжэр
 тэбкэр шарà наран ни
 тэнгирь-дэ туярат
 тэнэк бага бэйѢ миннì
 абайган эргүмчжэр
эргì булугыйн аршанаса
эргихү цзám-ду хүртэйѢ
эмгэн болосдн эчжì миннì
энъкэрлэт дуршичжì сүна-л-дà
 харгì булугыйн аршанаса
 харихү цзám-ду хүртэйѢ
 харил болосдн эчжì миннì
 хайралат саначжì сүна-л-дà
боргил булугыйн аршанаса
буцахү цзám-ду хүртэйѢ
бурал болосдн эчжì миннì
болцзорлат саначжì сүна-л-дà.

Переводъ.

Золотое, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свою гору;

Шаловливое, маленькое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Квадратное, желтое солнце
Бросаетъ лучи на свое небо;
Глупое, малое существо мое
(Обусловливается) высокимъ положеніемъ моего отца.

Святой воды крутояраго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка-старушка
Сидитъ, вспоминаячи съ нѣжной любовью.

Святой воды бурливаго источника
Вкусимъ на обратномъ пути;
Моя матушка, приближающаяся къ смерти,
Сидитъ, вспоминаячи съ любовью.

Святой воды шумнаго источника
Вкусимъ на возвратномъ пути;
Моя матушка сѣдовласая
Сидитъ, раздумывая, назначая срокъ.

Въ этой пѣснѣ ясно выражается различіе чувствъ Халхаса къ отцу и къ матери: объ отцѣ онъ говоритъ почти равнодушно, не выражая ни своихъ чувствъ къ нему, ни его желаній въ отношеніи къ себѣ; мать, напротивъ, по представленію пѣвца сына, горитъ всегдашнею любовью къ нему и, нѣжно привязанный къ ней этимъ чувствомъ, онъ спѣшитъ доставить ей отраду свиданіемъ. Онъ проѣзжаетъ мимо святыни, не останавливается напиться святой воды и только потому, что мать его представляется ему теперь сидящею и раздумывающею, назначая сроки его пріѣзда. Можетъ быть это чувство любви къ матери осталось только единственнымъ, искреннимъ и вольнымъ чувствомъ Халхаса, ибо какъ ни занята его мысль и какъ ни привязанъ онъ къ буддизму и ламству, то и другое въ его пѣснѣ дышетъ или чѣмъ то напускнымъ, или унижающимъ человѣческую природу, или, наконецъ, изрѣкается какъ законъ, съ которымъ долженъ человѣкъ собразовать свои чувства, желанія и поступки; но выраженіе чувства любви къ матери въ пѣснѣ Халхаса всегда яв-

ляется такъ естественно, свободно, дышетъ такою силой, что въ сравненіи съ нимъ, кажется, не можетъ быть поставлена ни одна изъ симпатій Халхаса.

усун-ду-ни умшичжи,
лусуд-и тахиху магат үгэй,
улус-гун-ни умшичжи
обо тахиху магат үгэй.

байгулусан дацаныйги
бадарлачжи бутэдэк
баньди бумбо хүмүнийги
доромчилчжи болодок үгэй

сухай гэчи модон ни
шиньху үгэй улахан
сургалтайхан хүмүн ни
сургал үгэй сурдак би.

цзандан гэчи модон ни
цзалур үгэй шилухун
цзаятайхан хүмүн ни
цзагал үгэй сурдак би.

уятайхан хэрэрэ
урту холо цзорийя
унтасан ноиран цэльмэчжи
эчжийгэн мэндүйги мэдэйб.

гөрөтэйхэн хэрэрэ
хэдүй холо цзорийя
хэбтэсэн ноиран цэльмэчжи
эчжийгэн мэндүйги мэдэйб.

харалат байхчи хад манай
хаягара цзамтай би
хаиртай бага эчжи манай
ханьгинат хүнъгинат сүна-да.

хүхүрэт байхчи хубчи манай
хүтүлэрэ цзамтай би
хүрхэй бага эчжи манай
хүнъгинат ханъгинат сүна-да.

Переводъ.

Читають надъ водою,
Вѣроятно чествуютъ драконовъ;
Читають въ народѣ,
Вѣроятно чествуютъ обѣ.

Построенный дацанъ
Обыкновенно строится, собирая подаянія;
Банди, духовнаго человѣка
Унижать не возможно.

Кустарникъ кизильника *)
Красенъ и безъ киновари;
Человѣкъ, способный къ ученію,
Научится и безъ наставленій.

Дерево пзанданъ
Прямо и безъ правіла;
Человѣкъ, одаренный счастіемъ,
Научается и безъ указаній.

На привязанномъ карькѣ
Поѣдемъ далеко, далеко;
Разсѣявъ свой сонливый сонъ,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

На сосворенномъ карькѣ
Поѣдемъ въ такую даль;
Разсѣявъ свою лежливую сонливость,
Освѣдомимся о здоровьи своей матушки.

Чернѣющая скала наша
Съ дорогою по низу своего косогора;
Любезная моя маленькая матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

Синѣющійся лѣсистый хребетъ нашъ
Съ дорогою на своемъ перевалѣ;
Болѣзная моя матушка
Сидитъ, вздыхаючи.

*) *Сулдй, сулд.* Потанинъ въ своемъ путешествіи по з. Монголіи называетъ это растеніе *Tamagix*. (Неизданныя ещ. Зап. Географ. Общ. Ч. II, стр. 135).

Такимъ образомъ только воспоминаніямъ о матери Халхасъ предается всецѣло своею душою, только они одни дышатъ въ его пѣсняхъ чистымъ, беззавѣтнымъ чувствомъ, полною вѣрою, искреннею любовью, не омрачаются тяжелыми сомнѣніями, не прерываются другими какими либо пожеланіями; все прочее едва-ли способно такъ овладѣвать душою Халхаса. Въ пѣсняхъ, обращенныхъ къ возлюбленнымъ, Халхасы болѣе флегматичны, болѣе подозрительны, чѣмъ веселы довѣріемъ и любовію и это направленіе, мнѣ кажется, весьма естественно, потому что у нихъ, какъ и у всѣхъ монгольскихъ племенъ, ни парень ни дѣвица ни когда не вольны жениться и жить вмѣстѣ по желанію во первыхъ, а во вторыхъ ни парень ни дѣвица ни когда не могутъ разсчитывать на вѣрность и преданность другъ другу. Преимущество мужскаго населенія предъ женскимъ, громадное число богатыхъ и франтовитыхъ ламъ, развившаяся въ послѣднее время свобода нравовъ и легкость взглядовъ на отношенія женщины къ мужчинѣ, все это противорѣчитъ преданной искренней и полной любви двухъ существъ. «Эрѣ хун хулагайнаса гарху йосу угэй, эмэ хун хуйласа гарху йосу угэй т. е. мужчинѣ уходитъ отъ воровства — не порядокъ, а бабѣ уходитъ отъ бл.....ва не порядокъ» говорятъ современные Халхасы въ пословицѣ, выражая свой взглядъ на свободныя отношенія мужчины къ женщинѣ и характеризуя съ этой стороны общее направленіе своего вѣка. Ясно, что при этомъ направленіи любящій мужъ никогда не можетъ быть убѣжденъ въ вѣрности своей жены и жена въ вѣрности мужа, что влюбленной парочкѣ оно даетъ богатый источникъ для ревниваго чувства и мучительныхъ подозрѣній, что чувству любви у Халхасовъ не сопутствуетъ блаженство и наслажденіе, а горькая дума о томъ, что въ минуты разлуки мой любезный, или моя любезная обнимаетъ другое, ненавистное мнѣ существо. Страннѣе всего то, что свобода отношеній мужчины и женщины встрѣчаетъ у Халхасовъ легкій взглядъ только тогда, когда эти отношенія обнаруживаются только какъ проявленіе животнаго чувства и вовсе не пользуется терпимостью, когда любящіе другъ друга мужчина

и женщина свободно сходятся на постоянную жизнь. Для ламы этот проступок еще не так важен, но для свѣтскаго или, какъ говорятъ монголы, «чернаго» человѣка, онъ влечетъ за собою позоръ и порицаніе сосѣдей.

сэтэртэй бахан шаргайги
архалат сойчжи унудак бишү?
сэтхильийн инагар сүйя гэхүнни
олонай хэлэ хочжитай бишү?

Переводъ.

На посвященнаго богамъ маленькаго рыжку
Не сядишься ли, выстоявъ на привязи?
Намѣревающихся вступить въ сожитіе по (собствен-
ной) сердечной дружбѣ,
Не осудить ли языкъ толпы?

Этотъ взглядъ народа на семейныя связи несомнѣнно имѣетъ вліяніе на внутреннюю жизнь сердець любовниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на характеръ любовныхъ пѣсень Халхасовъ: онъ невольно долженъ приносить въ эти пѣсни грусть и раздумье влюбленнаго пѣвца, для котораго совмѣстная жизнь съ предметомъ своей любви естественно должна быть загадкою даже и въ то время, когда онъ находитъ къ себѣ взаимное сочувствіе. Для такой жизни Халхасу необходимо нуженъ бракъ, а онъ не можетъ быть устроенъ иначе, какъ только по согласію и выбору отца, матери и родныхъ жениха, за тѣмъ нужно еще чтобы согласовались всѣ ламскія примѣты, нужно чтобы было еще согласіе родныхъ невѣсты и пр. и пр. Такимъ образомъ Халхасъ можетъ любить избранницу своего сердца, можетъ сойтись съ ней до самыхъ близкихъ отношеній безъ всякаго порицанія со стороны народа, но жить съ нею постоянно онъ не можетъ, а слѣдовательно не можетъ быть и удовлетворенъ, не можетъ быть и покоенъ, и радостенъ.

дагaн дагaн харайгaн
даньдaн унучжй болодoк үгэй
дамуйн ханиласaн амарaк байбaчи
дагaлaт мордочжй болодoк үгэй.

шихирьин амтa-ни
цзангaрa идэчжй болодoк үгэй
чжинггэт ханиласaн амарaк байбaчи
цзэргэлэт мордочжй болодoк үгэй.

Переводъ.

На двухлѣтняго моего карьку
Совершенно таки нельзя сѣсть;
Будь милая близко сошедшаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать вслѣдъ (т. е. жениться на ней).

Сладкйй вкусъ сахара
Нельзя ѣсть какъ захочется,
Будь милая беззавѣтно слюбившаяся,
А нельзя заставить ее ѣхать рядомъ (т. е. жениться
на ней).

Эта боязнь за невозможность совмѣстной жизни такъ или
иначе проглядываетъ въ каждой любовной пѣснѣ Халхасовъ.

цээгүй! тэдэ-үгэй гүйгэт ирэхчи
дураху сайхан шарга чини
чжигүртэн шубунар дэнчжигэт ирэхчи
юнай хурдун мори би.

акта моринай алхадалтай-ду
артак торгонай бүтай-ду
амарак чинихэн чжисуйги үцээчжй
сэтхиль минй сэргэнэ

алак моринай алхадалтай-ду
алтан горголтайн чжиргэльтэн-дү
амарак чинихэн чжисуйги үцээчжй
сэтхиль минй сэргэнэ

цэбйра үгэй инак билэ
цзүрхэнэсэ илгал үгэй
түгэр цзойралат бодоху-ду
юнай сонин амарак би

саба үгэй инāk билэ
сэтхилыйн чини сайхан-дү
түбдэчжй сүчжи ядамнай
түргэнэрэ мордочжй үлцзанай
харагдахчй хангыайн шилэ-дү
хамугыйн бара илэхэн байтала
хамук бүхүни далдалаху
харангыой манант байдак-ла.

цзорисон хэрэгэн бүтэмнэй
цзоригара хамтү чжиргахойн бэлэк
хэрэк үйлэн бүтэмнэй
хэмчжэни үгэй чжиргайя.

Переводъ.

Вотъ такъ! Не замедливъ прибѣжавшій
Худощавый, хорошенькій твой соловко,
Прибѣжавшій, поровнявшись съ пернатыми птицами,
Что это за быстрый конь!

Во время шаганья мерена,
Въ манистахъ изъ струистой матеріи,
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Во время шаганья пѣгой лошади,
При пѣнии фазана (= золотого соловья),
Увидавъ твое, милая, личико,
Встрепенется мое чувство.

Есть не сравненный другъ,
Безразличный отъ (своего) сердца;
Какъ подумаешь, сравнивая съ нимъ,
Что это за новость любезный?!

Есть не постоянный другъ,
При симпатіи къ нему твоей души
Не можешь сидѣть и вытерпѣть,
Поскорѣ поѣхавъ, увидишься.

На пригоркѣ виднѣющагося Хангая
Видно все окружающее, а между тѣмъ
Способный все закрыть,
Мрачный туманъ существуетъ.

Исполняется свое задуманное предпріятіе
Признакъ общаго веселья по желанію;
Исполняются свои дѣла
Безгранично повеселимся!

Это объясненіе въ любви, стоящее о бокъ съ мыслью о томъ, что на свѣтѣ «существуетъ все закрывающій туманъ», лучше всего доказываетъ какъ близко подозрѣніе душѣ влюбленнаго халхаса, какъ опасается онъ за свое счастье. Какъ народъ впечатлительный, Халхасы вообще любятъ женщинъ сильно, страдаютъ, болѣютъ душею, хотя и нельзя не сказать, что въ большинствѣ случаевъ это чувство ихъ бываетъ порывисто, оно скоро проходитъ и женщина въ сердцѣ Халхаса легко уступаетъ свое мѣсто предметамъ постоянной его преданности — буддизму и родинѣ.

бартай сэргэк борбйган
барят сойчжи унумнай,
үндүр ханьгайн шилэ-дү
өрөйн дурара хатарийа
гахца амарак тэрэ минн
гацзарьйин холд морилаху-дү
доторо цзүрханэй дундаса
толи мэтү илэрхэй
цокту бахан чамайган
цокца бэйбнэй доторосо
почимак санаху нн
цөцзанай үргүсү адалн
сананай дурара болбсай
салалта үгэй сүгасай
сайхан амугулангара
сансараса гарху болтогай

Переводъ.

На ретиваго, горячаго сивку
Сѣвши поймавъ, да выстоявъ,
На пригорокъ высокаго Хангая
Выгду рысью по своему желанію.

Единственный другъ она моя,
Какъ отправится въ дальнюю сторону,
Изъ середины сердца — внутренности
Ясна какъ зеркало.
О тебѣ ясной маленькой
(Я тревоженъ) всею существомъ,
Тревожное мышленіе
Какъ спицы шиповника.
Сдѣлалось бы по желанію,
Жили бы мы не разлучно,
Благомъ и спокойствіемъ
Да выйдемъ изъ сансары.

Странно однако то, что при всей незначительности браковъ по любви, и при той не свободѣ браковъ какая существуетъ у монголовъ вообще, у нихъ почти нѣтъ пѣсенъ съ жалобами на несчастные браки и Халхасы въ частности въ самомъ дѣлѣ живутъ по большей части согласно и счастливо въ семьѣ. Обусловливается это конечно съ одной стороны тою свободою отношеній, которою отличается монгольская жизнь, а съ другой и еще болѣе беззавѣтнымъ уваженіемъ всѣхъ вообще монголовъ къ личности родителей. Вступивъ въ бракъ, Халхасъ и Халхаска могутъ жить по прежнему свободно, лаская своихъ возлюбленныхъ, отдавая имъ всецѣло душею и тѣломъ; мужъ въ отношеніи жены и жена въ отношеніи мужа совершенно могутъ ограничиваться только исполненіемъ своихъ внѣшнихъ обязанностей, взаимно заботясь о покоѣ и довольствѣ другъ друга. Все это исполняютъ они по долгу, наложенному на нихъ родителями, считая грѣхомъ или даже невозможностію отступленіе отъ того, что признано ими за благо. Только самая несчастная, суровая жизнь вызываетъ жалобы монгола или монголки и тогда дѣйствительно положеніе рисуется совершенно несчастнымъ. Вотъ примѣръ такой пѣсни:

намайган гѣчжи санабала
найман цзун найн гацзар угѣ үгэй да
алта мунъгуйги абуйя гѣчжи
абдар хордк чини дурбэй да?

алус холò үггүйг гэчжи
ашиктай санā чини амур бий-да?
хадām эчжйин чини хайра ямарā-б-да?
хадām эчжйин хайрāни хэлэбэлэ
харганā модонāй үргүсүн ордй да
хүргэнэй чини хайра ямарā-б-да
хүргэнэй чини хайрāни хэлэбэлэ
тәнһсэн ташурāн дэрэ
гуулгэт байн-да
алтā мүнтьгүйни буцāt үгбй да,
амарāk ху́хэнтн буцāt аб да
абадāн хэлэхтн айгāt байнда
амарāk эчжи мини
ая, чй мини мэдэ-да!

Переводъ.

Когда бы обо мнѣ своей ты думала,
Ты не отдала бы меня за 880 верстъ,
Намѣреваясь взять золото и серебро,
Наполнила ли свои сундуки и ящики?
Намѣреваясь отдать въ далекую даль,
Спокойна ли твоя жадная мысль?
Каковы ласки твоей свекрови?
Сказать ли о свекровьиныхъ ласкахъ, —
То верхушки спиць хараганы,
Каковы ласки твоего зятя?
Сказать ли о ласкахъ твоего зятя, —
Бѣгать по толстой плети.
Возврати-ка ты ихъ злато, серебро,
Возьми-ка назадъ свою милую дочь,
Говорить своему батюшкѣ — опасаюся,
Любезная моя матушка,
Ты моя, знай-ка.

Пѣсни такого рода встрѣчаются весьма рѣдко: онѣ исключе-
ніе изъ общаго правила, такъ же точно какъ, зная по наблюде-
ніямъ жизнь монголовъ, я почитаю за исключеніе и подобныя
отношенія супруговъ. Мнѣ кажется за симъ, что въ основѣ та-

кихъ отношеній, каковыя привносятся въ жизнь монголовъ выше-представленною пѣснею, лежитъ прежде всего то, что женщина въ данномъ случаѣ является взятою «за 880 верстъ»: она не своя, не принадлежитъ къ родному хошуну, а это, какъ мы увидимъ ниже, имѣетъ весьма важное значеніе и вообще на взгляды и отношенія у Халхасовъ. Однохошунецъ всегда хорошъ, всегда принимается какъ родной; оттого и жена, которую въ большинствѣ случаевъ берутъ изъ своего хошуна, всегда можетъ пользоваться расположеніемъ, тѣмъ больше что, по обычаямъ, отъ нее ничего и не требуется кромѣ исполненія внѣшнихъ обязанностей. Другое дѣло—женщина, взятая изъ чужаго хошуна: положеніе ея дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ бываетъ несчастно и это не у однихъ только Халхасовъ, а, кажется, одинаково и у всѣхъ другихъ монгольскихъ племенъ (см. Бентковскаго «Женщина - калмычка» въ Сбор. Стат. св. по Ставро. губ. III, 97). У Бурятъ, по словамъ Щапова, жена взятая изъ чужаго дальняго рода, является въ хотонѣ «настоящею рабынею» *). И такъ вотъ на чемъ зиждется счастье супружеской жизни Халхасовъ: супруговъ прежде всего связываетъ родовой союзъ, единство происхожденія, единство родины, затѣмъ связь ихъ скрѣпляетъ вѣра въ ненарушимость счастья всего, что удостоилось родительскаго благословенія, наконецъ ихъ связываетъ если не любовь, то привычка и дружба. По первому разу женщина часто является у нихъ невольницей, рабою; но эта покорная раба постепенно мало по малу очаровываетъ своею послушностію мужа такъ, что онъ, считая себя неограниченнымъ властелиномъ, въ концѣ концовъ находится почти въ полномъ распоряженіи своей невольницы.

Пѣсенъ, которыя были бы сложены про чужія народности, всѣ вообще монголы имѣютъ очень мало безсомнѣнія потому, что они мало и приходятъ въ соприкосновеніе съ иноземцами. Болѣе другихъ извѣстны среди монголовъ конечно Китайцы,

*) Изв. Сибир. Отд. 1875 г. №№ 3 и 4, стр. 139.

Тибетцы и Русскіе; но насколько ограничены понятія Халхасовъ объ этихъ иноземцахъ достаточно яствуетъ изъ того, что для халхаскаго монгола на примѣръ понятіе Русскій равносильно понятію европейецъ и хотя Халхасамъ хорошо извѣстно о существованіи Англіи и Франціи какъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ, тѣмъ не менѣе Англичане и Французы, появляющіеся иногда въ степяхъ Халхи, принимаются Халхасами и извѣстны у нихъ подъ тѣмъ же именемъ — Русскихъ. Весьма вѣроятно, что этому не мало способствуетъ и то, что какъ европейцы, такъ и американцы ѣздятъ иногда по Халхѣ и особливо Ю. Восточной Монголіи подъ именемъ Русскихъ; но намъ нѣтъ дѣла вдаваться въ изслѣдованіе причинъ смѣшенія монголами различныхъ европейскихъ народностей; для насъ важенъ только фактъ смѣшенія, на основаніи котораго мы можемъ думать, что монголамъ естественно трудно уловить характерныя черты Русскаго, а отсюда и представленія ихъ необходимо должны быть чрезвычайно общи, ограничиваться одною внѣшностію; наконецъ самыя сужденія о европейскихъ народахъ, ихъ обычаяхъ и нравахъ, ихъ странахъ и богатствахъ, сбивчивы и поверхностны. Европейцы и американцы, или по халхаски — Русскіе, являются въ Халху по большинству случаевъ какъ торгаши металлическими вещами, Китайцы привозятъ матеріи и драгоценные камни, оттого Россію, въ которую Халхасы никогда не заѣзжали, они представляютъ себѣ страню непрерывныхъ рудниковъ, изъ которыхъ гребутъ лопатами золото, серебро и другіе металлы. Понятія объ образѣ жизни другихъ, собственно азіатскихъ народностей и обитаемыхъ ими странахъ, каковы Китайцы и Тибетцы, у Халхасовъ конечно правдивѣе, потому что Халхасы часто сами посѣщаютъ эти страны и еще чаще приходятъ въ соприкосновеніе съ этими народностями у себя-дома; но все таки нельзя не сказать, что понятія эти смутны, что они заключаютъ въ себѣ гораздо больше вымысла и фантазій, чѣмъ дѣйствительности. «Түмүрийн хан — ордс-ту; чулүнай хан — хитат ту, номын хан — түбүт-тү», т. е. царь желѣза — въ Россіи, царь камня — въ Китаѣ, а

царь ученія — въ Тибетѣ, говорятъ монголы въ своей пословицѣ и на этомъ основываются ихъ главнѣйшія представленія о помянутыхъ народностяхъ. Тибетъ, какъ мѣсторожденіе Чжэ-бцзунъ Дамба хутухты и жилище Далай ламы, представляется набожнымъ монголамъ какою то священною странюю, полною храмовъ и монастырей съ вѣчно совершающимися въ нихъ службами и неумолкаемымъ шумомъ отъ пѣнія духовныхъ пѣсенъ и игры на музыкальныхъ инструментахъ, обильною святынями на столько, что всѣ жители ея блаженны. Всѣ Тибетцы преданы буддизму и почти ничего не дѣлаютъ кромѣ чтенія буддійскихъ книгъ, они ревниво охраняютъ свою чистоту и свои святыни и всѣми силами души стремятся къ соединенію всего священнаго въ своей странѣ. Отдѣльныхъ пѣсенъ про Тибетцевъ впрочемъ у Халхасовъ, кажется, не существуетъ вовсе и всѣ помянутыя черты выбраны мною изъ отдѣльныхъ строфъ и небольшихъ отрывковъ, попадающихся въ различныхъ пѣсняхъ Халхасовъ. Вотъ для примѣра одна изъ такихъ пѣсенъ.

үргүн төлайн хобб-дү
 үнгэгэ бүрийн шубу бй
 энэ богдбйн хурь-дү
 хэлэ бүрийн амитаң бй

дүрбэлчжйн шарà чжүцзанара
 дүтүйн цзамар цзалабай
 дүрбүн аймагыйн хат-ни
 думда цзалат мургубэй

улан шарà хүчжй-ни
 хурьн дүрэт тонглабай
 улан шарà хүхур-ни
 охторгдй дүрэт тонглабай

литан хамббйн тангут-нар-ни
 харамсаху янъцзатай
 харамсабачи яху-би
 халхайн хоби яхибай

хөхө нур-ту тососдн
 хөсхөнэй актà таргүн бй

х᠋ᠣᠷᠬᠡᠢ мᠡᠯᠡмᠡᠭᠡᠷ бᠣᠭᠳᠣᠶ᠎ᠠ
хᠤᠶᠡᠲᠠᠨ сᠡᠷᠢᠨᠡᠷ цᠡᠰᠠᠯᠠᠪᠠᠶ

эрхэмшик бᠠᠬᠠᠨ хᠦᠷᠦᠨ чини
ичжилйгᠡᠨ хойнᠣсон тэмгᠦльнэй
эрхэмшик бᠠᠬᠠᠨ тэрᠡ минн
эчжйгᠡᠨ хойнᠣсон даганай

ами насᠦ уртудахᠤᠶᠢᠨ гэм-ни
аюшйᠢᠨ чжинань тальбибай
далай ламайн адисара
тавар хамтᠦ чжиргайя.

Переводъ.

На берегу широкой Толы
Находятся разноцвѣтныя птицы;
Въ этомъ монастырѣ святителя
Находятся существа всѣхъ языковъ.

На четырехугольныхъ, желтыхъ носилкахъ
Пріѣхалъ онъ ближайшей дорогой;
Ханы четырехъ аймаковъ
Принесли (его) всредину (храма и) поклонились.

(Дымъ) красно-желтыхъ курительныхъ свѣчъ
Распространился, наполнивъ монастырь,
(Дымъ) красно-желтаго ладана
Разошелся, наполняя небо (т. е. пространство до неба).

Тибетцы изъ Лигана, Кама и Уй
Имѣютъ завистливый видъ;
Хоть и завидуютъ, что дѣлать?!
Жребій Халхасовъ таковъ!

Жирны мерены подводъ его,
Соприкасающихся Хуху-нору,
Болѣзнаго и нѣжненькаго своего святителя
Привезли по холоду и прохладѣ.

Избалованный, маленькій гнѣдко твой
Плетется позади своихъ (лошадей съ которыми свыкся);
Онъ, мой изгнѣженный малютка,
Слѣдуетъ за своею матерью.

Ради увеличенія лѣтъ жизни
Онъ совершилъ послѣдованіе Аюши;
Благословеніемъ Далай ламы
Всѣ мы по желанію повеселимся!

Такъ выступаютъ вообще въ монгольскихъ пѣсняхъ Тибетцы. Какъ и въ представленномъ примѣрѣ, о нихъ упоминается обыкновенно кратко: выставляется одна, много двѣ черты ихъ характера, да и о тѣхъ говорится, какъ бы мимоходомъ. Все это безсомнѣнія обусловливается тѣмъ, что не смотря на близость церковныхъ отношеній, существующихъ между Монголіею и Тибетомъ, эти два народа сходятся между собою очень мало. Тибетцы въ настоящее время почти не посѣщаютъ Монголіи, и если приходятъ вмѣстѣ съ Чжэбцзунъ-дамба ламою, то и живутъ при дворѣ его, или при особыхъ кумирняхъ, держась въ недоступномъ величіи для народа. Для халхаскихъ ламъ они служатъ вѣроучителями, а отсюда естественно и общее уваженіе къ нимъ Халхасовъ; послѣдніе безотчетно благоговѣютъ передъ Тибетцами и всякое дурное слово о Тибетѣ считаютъ какъ-бы оскорбленіемъ своей святыни.

Совершенную противоположность въ этомъ отношеніи представляютъ Китайцы. Являясь въ Халху въ большинствѣ случаевъ какъ торговцы, они невольно входятъ въ соприкосновеніе съ народомъ, а сталкиваясь съ нимъ необходимо возбуждаютъ къ себѣ его ненависть. Эксплуатацію своихъ интересовъ со стороны купцовъ, гнетъ и поборы со стороны правительства, — вотъ единственные результаты, которые видитъ Халхасецъ отъ своихъ сношеній съ китайскою націею и онъ ненавидитъ ее всѣми силами своей души. Такимъ образомъ если Китайцы, въ своей литературѣ говоря о монголахъ, зачастую относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, а въ разговорахъ подтруниваютъ надъ ихъ простотою и, по выраженію Гюка, величаютъ себя «*mangeurs des Tartares*» *); то въ свою очередь и со стороны монголовъ они пользуются не болѣе лестнымъ мнѣніемъ. Насмѣшки и брань состав-

*) *Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 201.*

любятъ главнѣйшее содержаніе народныхъ монгольскихъ пѣсень про Китайцевъ. Въ нихъ соединяется все ненавистное и смѣшное для Халхаса, собираются всякаго рода отступленія отъ усвоенныхъ обычаями монголовъ порядковъ и все это приписывается Китайцу, чтобы только выставить его смѣшнѣе и постыднѣе. Въ большинствѣ случаевъ конечно говорится тутъ мѣткая правда, но иногда въ порывѣ ненависти монголы соединяютъ имя Китайцевъ даже и съ такого рода обстоятельствами, къ которымъ сыны небесной имперіи не причастны ни душой, ни тѣломъ; какъ на примѣръ видно то въ слѣдующей пѣснѣ:

бунъханъ бунъханъ байшинъ дан
 бѹк болосон чжанакъ
 бурхан номьйн ѳмонѳсѳ
 туйтхэр болосон чжанакъ
 тукъ дэльтэй сарал чини
 тугульйн цээлэйн дэрэ уятай
 тогѳ банцзаль хоир ни
 тогѳной цэунтэй лабшатай
 гинчжи чирэсэн нохѳи чини
 гэрыйги тѳрѳт хуцажжи гэнэ
 гэдэсуйги цатхасан чжанакъ чини
 хэкирэт хокират унтажжи гэнэ
 тархини нисасан тахя чини
 табун чжинъ-ду дугарчи гэнэ
 татай хэбтэсэн начик чини
 тунэй дугар ябула гэнэ.

Переводъ.

Китаецъ, ставшій букою
 Въ своемъ домѣ (похожемъ) на могильный склепъ;
 Китаецъ, ставшій помѣхою
 Передъ Буддою и ученіемъ!

Имбющій свалывшуюся гриву буланка твой
 Привязанъ за веревочку (къ которой привязываютъ) телятъ;
 Башмаки и набрюшникъ твой
 Развѣшаны по лѣвой сторонѣ очага.

Волочащая цѣпь собака твоя,
Говорять, лаесть (бѣгая) вокругъ дома.
Китаецъ твой, насытившій брюхо,
Говорять, спать, прихрапывая.

Твоя курица, взлетѣвшая на насѣсть,
Говорять, кричить въ пятую стражу;
Твоя Начикъ (собств. женск. имя), полюбовно лежавшая,
Говорять, ушла по ея крику.

Замѣчательно однако, что при всей своей ненависти къ Китаю, Халхасы совершенно не имѣютъ у себя пѣсенъ, выражающихъ какое либо чувство неприязни къ китайскому правительству: ни жалобы на судьбу, ни тяготы гнета, ни еще болѣе ничего, выражающаго желаніе освободиться отъ этого гнета никогда не встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ; въ нихъ нѣтъ даже и осмѣиванія китайскихъ правителей и чиновниковъ, хотя въ глазахъ народа эти послѣдніе конечно должны были бы стоять ни чуть не выше всѣхъ другихъ Китайцевъ. Пржевальскій, замѣчая эту черту монголовъ въ отношеніяхъ ихъ къ своимъ правителямъ вообще, находитъ въ этомъ подтвержденіе своего мнѣнія, что «дикая необузданная природа монгола требуетъ простора лишь своимъ дѣтскимъ привычкамъ и совершенно равнодушна къ страшной деспотіи въ соціальной жизни» *); но этого мало, и мнѣ кажется, что въ основѣ разсматриваемаго явленія лежитъ еще присущій монголамъ, какъ и всѣмъ, стоящимъ на низшей степеніи развитія народамъ, какой то неопредѣленный страхъ предъ правителями и князьями, убѣжденіе въ ихъ сверхъестественномъ избраніи и потому неприкосновенности ихъ особы. «Эцзэн ханайги холò гэчжи битэгэй дайра, эрэ хуныйги мӯ гэчжи битэгэй болчилò», т. е. «не порицай хана, думая, что онъ далекъ; не поработай мужшину, полагая, что онъ худъ», говоритъ монгольская пословица, и въ ней вполне выражаются Халхасы, потому что ихъ дѣйствія въ данномъ случаѣ являются совершенно соглас-

*) Пржевальскій. Монголія и страна Тангутовъ. Т. I, стр. 53-я.

ными съ убѣжденіями, сложившимися у нихъ еще въ глубокой древности. Вѣрованіе, что мужчина стоитъ выше женщины, что правители народа, цари и князья суть дѣйствительные избранники высшей, мудро и цѣлесообразно управляющей міромъ силы коренится у нихъ вѣками; оттого и противоборство правителямъ, этимъ избранникамъ судьбы по понятіямъ Халхасовъ, почитается не только напраснымъ, но и грѣховнымъ; — таково, говорятъ они, предопредѣленіе всемогущаго рока, распоряжающагося жизнью и дѣятельностію людей. Неоспоримо, что эти понятія существовали у Халхасовъ еще въ самое древнее время, буддизмъ же еще болѣе способствовалъ укрѣпленію ихъ. Таковы причины, по которымъ Халхасъ безропотно переноситъ теперь всѣ тяжести, налагаемыя на него правительствомъ.

хүндүйн цагън чулү
хэдүй хүндү болбачи
йэхэ далайн дольгин-дү
эрхэ биши шильчжирэдэк
хүнэй гахца үрэ ни
хэдүй эрхэ болбачи
гүрүнэй ханай албан-ду
эрхэ биши мордодок
аргали гөрбсөнөй цзулцага,
алус харайху болбачи
уланай орбон-дү
арга-үгэй гөрбдök
абà эчжійн үрэ ни
амарак эрэ болбачи
абай ханай албан-ду
арга үгэй мордодок
эчжійн минн өгбсөн
эрэн шарà маюцза
эцзэн ханай хотон-дү
эмэль дэрэн эльгэсэй
абайн минн өгбсөн
алтан шарà нумун би
абай ханай хотон-дү
гальчжир үгэй эльгэсэй

одон сарайн түүгэл-ни
охторгойн маний чимэк бй
олон ноидыйн чүүлгэн ни
түрүүин маний чимэк бй.

Переводъ.

Бѣлый камень пещеры,
Какъ бы ни былъ онъ тяжелъ,
А въ волнахъ великаго моря
Непремѣнно выбивается;
У человѣка единое дѣтище,
Какъ бы ни было оно изнѣжено,
А на службу къ правителю царства
Непремѣнно отправляется.
Дѣтенышъ дикаго аргали,
Хоть и далеко онъ прыгаетъ,
А въ разсѣлинахъ горъ
По неволѣ обходить;
Дѣтки батюшки да матушки,
Хоть и милы и мужественны,
А на службу батюшки царя
Непремѣнно отправляются.
Матушкой моею данную
Пестрожелтую сумку
Въ ханскомъ городѣ государевомъ
На верху сѣдла привѣсить бы!
Подаренный моимъ батюшкой
Золотой желтый лукъ
Въ городѣ батюшки царя
Пристягнуть бы не на кривь, вкось!
Сіяніе звѣздъ и луны
Украшеніе нашихъ небесъ;
Собраніе многихъ князей
Красота нашего правительства.

Вотъ характеръ современной военной пѣсни Халхасовъ: они не воспѣваютъ своихъ князей и богатырей, какъ это находимъ мы въ пѣснѣ, представленной Тимковскимъ *), не ждутъ дивнаго

*) Путешествіе въ Китай. Ч. III, стр. 307.

Тимура, чтобы подь его покровительствомъ вспомнить свое старое, славное время, какъ то видимъ мы въ пѣснѣ, записанной Гюкомъ *), а напротивъ, увлекаются только мелочью, — какъ бы пристегнуть покрасивѣе пеструю сумку, да повѣсить не на кривь вкось свой лукъ. О битвахъ за родину Халхасы и не думаютъ, да кажется и страшатся теперь настоящей то битвы. Какъ кипитъ бранью ихъ сердце, какъ оно полно мужества и огня, лучше всего доказываетъ пословица: «хѣсун буйги хорин хѣн айна», т. е. «незаряженаго ружья двадцать человекъ боятся». Еще безотраднѣе кажется то, что Халхасъ теперь уже не думаетъ о службѣ своему народу, а ѣдетъ къ Гүрүнэй хан'у, т. е. маньчжурскому императору. Можно заключать отсюда, что у Халхасовъ даже и не существуетъ мысли объ освобожденіи отъ постыднаго рабства: они чувствуютъ его тяжесть, но сознаютъ себя бессильными, чтобы сбросить его, — свое положеніе они считаютъ неотвратимымъ предопредѣленіемъ рока, противъ котораго невозможно бороться и которому необходимо должно подчиниться. Родовыхъ князей Халхасы теперь уже отвыкли считать своими верховными владыками, они не гордятся службою въ ихъ рядахъ, какъ мы видимъ то въ пѣснѣ, записанной Тимковскимъ, и даже не говорятъ объ этой службѣ, считая себя, хотя можетъ быть и не по желанію, а только изъ за честолюбія, китайскимъ войскомъ. Впрочемъ я ни чуть не прочь и отъ той мысли, что халхаскія войска защищаютъ вполне сознательно и честно своихъ китайскихъ властителей; потому что они почти настолько же близки душѣ ихъ, какъ и свои родовые князья. Я говорилъ уже, что Халхасъ понимаетъ родину черезъ чуръ узко: люди чужаго хошуна для него уже не свои, а чужаго аймака — совершенные иностранцы. Распри князей, которыя сѣяли встарину, да и теперь еще время отъ времени продолжаютъ посѣвать между халхаскими князьями Китайцы, довели уже народъ до того, что онъ почти каждаго чужехошунца считаетъ за своего

*) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Huc. T. I, p. 89.

заклятаго недруга; оттого во всей Халхѣ нѣтъ ни единодушія, ни сознанія родства и братства: каждый хочетъ выслужиться, роя подъ другимъ яму, одинъ ненавидитъ другаго, позволяетъ себѣ надъ нимъ всякаго рода насмѣшки, оскорбленія, униженія и т. д. Само собою разумѣется, что и эта черта не преминула найти себѣ выраженіе въ народныхъ пѣсняхъ, хотя опять-таки всѣ насмѣшки и остроты въ этомъ случаѣ не касаются князей, а согласно коренному убѣжденію монголовъ обращены на низшую, безотвѣтную половину общества — женщинъ.

туин голыйн модойги
түймүр идэсэн ясань-бий?
тушѣтү ханай хүүхэн
тэмбү идэсэн ясан бй?

цзабхан голыйн модо
цзалалтү үгэй сайхан
цзасактү ханай хүүхэн
уцээлтү үгэй сайхан.

Переводъ.

Какъ случилось, что пожаръ уничтожилъ
Деревья по рѣкѣ Туи?
Какъ случилось, что сифились заѣль
Тушѣту-хановскихъ дѣвушекъ?

Деревья по рѣкѣ Цзабханъ
Безъ правіла хороши;
Цзасакту-хановскія дѣвушки
Не наглядно хороши.

Это оскорбленіе, брошенное на весь аймакъ, ясно показываетъ, какъ разрозненно живутъ теперь между собою Халхасы, какъ слабо въ душѣ ихъ родственное, единоплеменное чувство и какъ трудно предположеніе о соединеніи ихъ снова въ единое, нераздѣльное цѣлое. Политика Китая, кажется, сдѣлала съ ними свое дѣло: матеріальное истощеніе страны прежде всего убило мужество и нравственныя силы Халхасовъ; распри и раздоры

породили у нихъ разъединенность родовъ, а за симъ естественно появилась неувѣренность въ своихъ силахъ; какъ средство самосохраненія возникли козни другъ противъ друга и каждый началъ носить въ себѣ явную, или скрытую зложелательность къ своему собрату. Однимъ словомъ исторія Халхасовъ въ этомъ случаѣ есть новое и лучшее подтвержденіе словъ Гомера:

Ἵμισυ (γάρ) τ' ἀρετῆς ἀποαίνονται εὐρύοπα Ζεὺς
 Ἀνέρος εὖτ' ἄν μιν κατὰ δούλιον ἦμαρ ἔλθῃσιν *).

Буддизмъ dokonчилъ это дѣло убійства Халхасовъ, такъ что новое возвращеніе ихъ къ политической жизни намъ кажется положительно не возможнымъ и напротивъ все какъ будто свидѣтельствуемъ о скорой смерти этой народности. Уже и теперь Халхасъ не живётъ, а только въ періодъ своего существованія на землѣ извращаетъ свою природу и страдаетъ душою и тѣломъ. Черезъ три года послѣ появленія на свѣтъ, онъ дѣлается ламою и балованнымъ ребенкомъ; съ десяти до семнадцати заучиваетъ нѣсколько молитвъ и усваиваетъ себѣ науку ханжества, притворства и обмановъ; въ двадцать лѣтъ начинается у него жизнь полная разгула и лишеній, крайней неумѣренности и грубыхъ чувственныхъ наслажденій; все это въ одинъ десятокъ лѣтъ дѣлаетъ изъ него изнѣженнаго и изтасканнаго лежня, для котораго тяжела всякая дѣятельность. Подъ старость Халхасецъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, ищетъ дѣйствительно утѣшенія въ буддѣ и изнываетъ душою о сдѣланныхъ грѣхахъ. Вотъ примѣръ пѣсни этого періода:

цзэ-гуйѣ, цзэ-гуйѣ, абуран сопрха ламà мини, ламà мини!
 ангха бага насун-дан
 ачиту ламà-дан учират
 асарал-дуни дашурмани
 арюн сүцзүггэр шүтүсән үгэй
 эгэль адали үцзэсэн-дэн

*) Одиссея XVII — 332.

эцүсыйн хэрэк минн хоцорла
онгөрбсони хойно саначжи,
өрбйн бэйб-дэн гомодона.

цэ-гүйб, цэ-гүйб, абуран соирха ламà минн, ламà минн!
тусатай царлигыйги чинн соносбачи
тоилтай эсэ абусанар
томо үгэй нүхүт-тэй ханилат,
тонилху-йн сүнэсүйги орхина
харин гали барисан-дэн
хамук хэрэгэсэ хоцорба
ахиху ирэхүй-дү
арга үгэй доторосо цзобона

цэ-гүйб, цэ-гүйб, абуран соирха ламà минн, ламà минн!
улус үхүхүйги үцзэбэчи
улатай цзүрүхэнйн доторосо
үйтхар эсэ түрүсэнэр
удахан сүху шик санатала
идэр-дү-ни эщичжи ябусара
эйми болхүйги мэдэсэн үгэй.
улам насү ахихүй-ду
урумчи үгэй санакдана

цэ-гүйб, цэ-гүйб, абуран соирха ламà минн, ламà минн!
сансарыйн цзоболонгыйги мэдэбэчи
самү муньхагар соктүрät
санан-ду үгэй ябусар
санвар танггаригыйги орхиба
насунай бага-ин омогар
найман ном-ду хуртала би,
тэрсүт цзангначжи ябусан-дэн
тэстэши үгэй гэмшинэ

цэ-гүйб, цэ-гүйб, абуран соирха ламà минн, ламà минн!
амитан эхэ-дэн мэдэбэчи
амян дотгор санасан-дэн
абурал үгэй хонийги чи
алүльчжи михайги идэбэ
өрбйн гэчжи санасан-дэн
үдүй хилинцэ хурабай
энэрийль үгэй яхисан дэн
элихэ минн эмхинэ.

цэ-гүйѢ, цэ-гүйѢ, абуран соирха ламà минì, ламà минì!
будан шик хсун орчилангыйги
бодотай баричжì ябусан-дан
бурū цэам-ду тōрōт
були цзоболонгту болбай би
хсун эсэ унусан-дан
хочжимхан чй ямар болху билэ
энэ хойту хоирыйги
эцигэ богдò айлàт.

цэ-гүйѢ, цэ-гүйѢ, абуран соирха ламà минì, ламà минì!
номой цзалху алгасангойгар
ном-й эсэ хисэн дэн
тэнсэлэху сэтхиль түрүхуй-дү
дэмэй цзога дүлабай

цэ-гүйѢ, цэ-гүйѢ, абуран соирха ламà минì, лама минì!

Переводъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ своемъ раннемъ младенцевѣ
Сопелся я съ благодатнымъ ламой,
Но не влекся къ его милосердію,
Не полагался (на него) съ чистымъ благоговѣніемъ;
Въ моихъ грубыхъ возрѣніяхъ
Погибли мои конечныя дѣла
И думая о загробномъ
Тревожусь я въ себѣ самомъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Твою благую рѣчь я слышалъ, но
Не принялъ ее всецѣло,
Сдружившись съ глупыми друзьями,
Оставилъ я душу спасенья;
А между тѣмъ держа огонь,
Остался я отъ всякихъ дѣлъ;
И приходя къ уничтоженью,
Безсильно мучусь самъ въ себѣ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть и видалъ я смерть людей,
Но изъ среды грубаго сердца

Не возрождалося тоски.
Какъ будто долго жить, я думалъ и,
Истошаваясь въ юныхъ силахъ,
Не зналъ о томъ, что будетъ такъ;
Когда жъ прошелъ по малу вѣкъ,
Мнѣ мнится дѣло безъисходнымъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть зналъ я о мученьяхъ міра
Но пьяный пылкимъ неразумьемъ,
Я жилъ не приводя на мысль (т. е. эти мученія)
И отвергъ клятвы и обѣты;
По свойству краткости жизни,
Я заблуждался въ восьми номахъ;
Проживъ же какъ еретики,
Теперь крущусь невыносимо.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Хоть признавалъ я за свою мать живыхъ существъ,
Но размышляя лишь о жизни,
И беззащитную овечку
Велѣвъ убить, я мясо ѣлъ.
Я думалъ, — это, вѣдь, свое,
И собралъ эстолько грѣховъ;
Въ моихъ безжалостныхъ дѣяньяхъ
Изныла внутренность моя!

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Миръ, какъ туманъ пустой,
Считалъ я истиннымъ и въ жизни,
Родившись на пути грѣховномъ,
Сталъ вздорнымъ и несчастнымъ;
Не понималъ я пустоты;
Впослѣдствіи же что будетъ,
Вѣдай ты, святой отецъ,
И эту жизнь и то что впредь.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!
Въ разгулѣ, лѣни, развлеченьяхъ
Не исполнялъ я добрыхъ дѣлъ;
При мысли покаянья
Напрасно развлекаясь, пѣлъ.

Ахъ, ахъ, соизволь спасти, лама мой, лама мой!

Пѣсня эта по составленію приписывается Галсанъ-Цэрэну, брату Мэргэнъ-вана. Рассказываютъ, что будучи вторымъ сыномъ Мэргэнъ-вана, онъ былъ постриженъ отцемъ въ ламы, получилъ хорошее образованіе, конечно въ буддѣйскомъ духѣ, и готовился быть Хамбо-ламою Ноин-гэгэновскаго кита (монастыря). Семнадцати лѣтъ Галсанъ-Цэрэнъ, влюбившись въ дочь сунитскаго вана, отказался отъ хамбо'ской каеэдры въ пользу своего младшаго брата, бывшаго также ламою, а самъ оставилъ духовное званіе и женился на своей возлюбленной. Пѣсня эта была составлена Галсанъ-Цэрэномъ вскорѣ послѣ смерти жены, когда ему было уже около 55 лѣтъ отъ роду. Умеръ Галсанъ-Цэрэнъ въ 1842-мъ году, т. е. въ послѣдній годъ Дао-Гуана.

Пѣсни Өлөтовъ.

Названію Өлөтъ я хочу придать то значеніе, которое придаютъ ему сами монголы, т. е. употребляя его какъ нарицательное имя для всѣхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ поколѣній. Такое значеніе, насколько мнѣ извѣстно, прилагается у насъ къ имени Өлөтэ впервые и хотя вопросъ объ имени Өлөтовъ и Ойратовъ уже неоднократно былъ поднимаемъ европейскими ориенталистами, однако до сего времени онъ все еще не былъ опредѣлительно рѣшенъ въ европейской литературѣ о востокѣ. Такимъ образомъ одни считали эти прозванія за собственные имена отдѣльныхъ поколѣній (Палласъ въ его *Sammlungen historischer Nachrichten* T. I, S. 6; Банзаровъ — *Объ Ойратахъ и Уйгурахъ*, — *Библ. вост. ист.* T. I, стр. 84; Шмидтъ, — *Geschichte der Ost Mongolen*, S. 375; Тимковскій, Клапротъ и др.); другіе принимали ихъ за одно и то же, признавая имя Өлөтъ искаженіемъ, привзошедшимъ въ монгольскую литературу отъ Китайцевъ, которые транскрибировали слово Ойраты какъ «Валатэ, Элютэ» и пр. (О. Палладій). Мнѣ кажется, что разобрать этотъ мракъ, лежащій на имени Ойратовъ и Өлөтовъ, особливо въ древнемъ періодѣ монгольской исторіи, въ настоящее время

положительно не возможно по недостатку исторических данных. Достоверно только одно, что имена Ойратъ и ӖлӖтъ никогда не были собственными именами какихъ либо отдѣльныхъ поколѣній, а были, какъ и теперъ *), нарицательными для нѣсколькихъ частныхъ родовыхъ именъ и за симъ, что Ойраты временъ Чингиса, во все не то, что Ойраты позднѣйшаго времени. Что касается происхожденія имени ӖлӖтовъ по воззрѣнιάмъ собственно монголовъ, то объ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, также не было сообщено еще ни однимъ изъ европейскихъ изслѣдователей монгольской исторіи. Легенда, объясняющая небесное происхожденіе чжунгарскихъ князей и родоначальника ихъ Чороса, рассказанная въ исторіи Батуръ Убуши Тюменя **), въ Монголіи передается нѣсколько иначе и пространнѣе. По послѣдней, малютка Чорось, получившій свое собственное имя отъ формы дупла, въ которомъ онъ лежалъ (цорго), своими воспитателями былъ положенъ въ колыбель (ӱлэгэй) изъ дерева агаръ цзанданъ, а потому и происшедшія отъ него четыре поколѣнія получили прозваніе «ӱлэгэтъ» т. е. «колыбельные». Отставляя въ сторонѣ все это баснословіе, мы принимаемъ только заключеніе монгольскихъ лѣтописей: дүрбән ойрат үлэгэт ясутан эгүн-эцэ эгүсчжүхүй, — «четыре Ойрата принадлежащія къ кости «ӱлэгэтъ» начались отсюда» ***). Такимъ образомъ происхожденіе имени ӖлӖтовъ, какъ фамильнаго прозванія различныхъ родовъ по кости, существо-

*) Въ настоящее время всѣ чжунгарскія поколѣнія, каковы: Торгуты, Хошуты, Хойты и др., въ обыкновенномъ разговорѣ одинаково называютъ себя ӖлӖтами. Въ Кобдо, гдѣ особливо много сходится людей самыхъ различныхъ монгольскихъ поколѣній, бывало спрашиваешь какого либо своего собесѣдника, «Ты кто такой, Халхасъ что ли?» «Нѣтъ, — ӖлӖтъ». «Какого поколѣнія?» — «Хойтъ». Впрочемъ этотъ выводъ объ употребленіи имени ӖлӖтъ можетъ быть подтвержденъ и литературными произведеніями монголовъ. Въ Илэцхэлъ шастрѣ и лѣтописи Эрдэній эрихэ биографіи блѣтскихъ князей весьма часто начинаются слѣдующими словами: энэ хэмэбэсү үгэлэдун хумун Торгутъ (или Хошутъ, Чорось и др.) обоктай, «т. е. это блѣтскій человекъ, принадлежащій къ фамиліи Торгутъ (или Хошутъ, Чорось и др.)».

**) Сказаніе о Дөрбөн Ойратахъ. Перев. Лыткина. Астрах. Губ. Вѣдом. №№ 43—50. 1859 г. и №№ 11—13, 1860 г.

***) Эрдэній эрихэ гл. 33, листъ 46-й.

вало у монголовъ еще въ доисторическую или, если только можно такъ выразиться, до чингисовскую эпоху. Поколѣнія эти считались родственными между собою и конечно въ этомъ значеніи могли называться «ойрат», что значитъ буквально даже не «союзникъ», какъ у насъ обыкновенно переводятъ это слово, а вообще «близкій». Дорчжи Банзаровъ говоритъ, что до Чингиса «Ойраты составляли обыкновенный монгольскій *Илз*, или *Орду*, а не союзъ племень» *); но на это мы имѣемъ замѣтить, что сверхъ вышеупомянутаго преданія Сананъ Сэцэнъ, упоминая впервые объ Ойратахъ въ своей исторіи, не называетъ ихъ отдѣльнымъ поколѣніемъ, а пересчитывая четыре поколѣнія, подводитъ ихъ подъ названіе «Ойратскихъ» **); ясно, что Ойратъ есть единое нарицательное для нѣсколькихъ отдѣльныхъ поколѣній. Правда, что первымъ изъ перечисленныхъ четырехъ ойратскихъ родовъ у него является «үгэлэтъ», но замѣчательно, что это поколѣніе затѣмъ не упоминается рѣшительно нигдѣ во всей его исторіи, тогда какъ всѣ другія выступаютъ въ разныхъ мѣстахъ ея подъ тѣмъ же прозваніемъ ойратскихъ (Багатудъ стр. 152; Хойтъ стр. 208; Кэргудъ стр. 142). Мусульманскіе писатели во все не знаютъ объ имени Олътъ или үгэлэтъ во времена Чингисъ хана; имъ извѣстно только Ойратъ или Уйратъ ***), о которомъ на основаніи сообщаемыхъ ими свѣдѣній трудно сказать было ли оно нарицательнымъ для нѣсколькихъ поколѣній, или собственнымъ именемъ для одного. Съ своей стороны я болѣе склоненъ думать, что оно является у нихъ какъ нарицательное; потому что ни у одного изъ мусульманскихъ историковъ, не встрѣчается именъ выше указанныхъ частныхъ поколѣній, входившихъ въ составъ Ойратовъ, хотя Ойраты фигурируютъ у всѣхъ ихъ: понятная вещь, что всѣ эти частныя поколѣнія были извѣстны мусульманамъ подъ однимъ своимъ общимъ именемъ. Что ка-

*) Библиот. Восточ. Ист., Т. I. «Объ Ойратахъ и Уйгурахъ», стр. 24.

**) *Geschichte der Ost-Mongolen*, s. 57.

***) Baron Desmaison, — *Histoire des Mongols par Aboul-ghasi*, Т. II, p. 46; Библиот. Восточн. Истор., т. I, стр. 45; Сборникъ лѣтописей—Березина, стр. 126.

сается китайскихъ историковъ, то у нихъ *Валатэ*, или *Элотэ* являются въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ XIV и въ началѣ XV вв., т. е. тогда, когда составилъ союзъ чжунгарскихъ племенъ въ противодѣйствіе нападеніямъ монголовъ. О. Такинфъ, на основаніи китайскихъ источниковъ, утверждаетъ, что имя Элотэ, получило свое начало со времени Элотэя: «Князь Элотэй, говоритъ онъ, былъ на столько славенъ въ Монголіи, что по его имени и всему его поколѣнію дано названіе *Элотэ*» *). Но это свѣдѣніе уже положительно не выдерживаетъ ни какой критики. Элотэй есть исковерканное Китайцами имя монгольскаго князя Аруктая, который никогда не принадлежалъ къ Ойратамъ и былъ всегдашнимъ противникомъ ихъ усиленія; ergo давать по нему имя какому либо изъ ойратскихъ племенъ по меньшей мѣрѣ странно; допустить же чтобы собственное поколѣніе Аруктая измѣнило свое имя мы положительно не можемъ, ибо намъ достоверно извѣстно, что по своему происхожденію Аруктай принадлежалъ къ монгольскому поколѣнію Асодъ, которое сохраняло свое имя неизмѣннымъ и послѣ Аруктая и является съ нимъ въ послѣдующей исторіи монголовъ **). Впрочемъ вліяніе Аруктая на имя Олотовъ признается и монголами и именно они говорятъ, что Аруктай переименовалъ бывшее до сего времени слово «*үлэгэт*», въ «*үгэлэт*», т. е. собственно «*өлөт*» ***). Сущности нашего вопроса однако такое измѣненіе не коснулось ни сколько, и имя «*үгэлэт*» осталось такимъ же общимъ для всѣхъ ойратскихъ племенъ до настоящаго времени, какимъ видѣли мы его и вначалѣ въ формѣ «*үлэгэт*», т. е. оно очевидно признается фамильнымъ прозваніемъ чжунгарскихъ родовъ. Илэтхэль Шастра, изданная въ 44 г. правленія Цянь - Луна, перечисляя племена прежнихъ Ойратовъ говоритъ, что въ число ихъ входили: Хошүтъ, Торгүт, Цзүн-гаръ и Хойтъ и всѣ они вмѣстѣ назывались Олөтами (цүм

*) Историч. обзорѣніе Ойратовъ. 13.

***) *Geschichte der Ost-Mongolen* s. 144, 152, 168, 200.

***) Эрдэнийн эрихэ. Гл. 33. Листъ 46.

үгэлэт хэмэн нэрэйтчжүхүй) *). Начиная говорить такимъ образомъ о пѣсняхъ Өлөтовъ, я буду приводить и разбирать по сему пѣсни помянутыхъ, такъ называемыхъ у насъ, чжунгарскихъ или калмыцкихъ племень совокупно.

Өлөты, какъ и Халхаскіе Монголы, въ настоящее время совершенно утратили свою самостоятельность и состоятъ подъ владычествомъ Китая, но это подчиненіе ихъ совершилось почти спустя сто лѣтъ послѣ подданства Халхи. Всматриваясь въ исторію Өлөтовъ, нельзя не видѣть рѣзкаго почти до противоположности различія ихъ отъ Халхасовъ, хотя внѣшнія стороны и условія жизни были у нихъ, по видимому, совершенно одинаковыми. Какъ и всѣ монголы Өлөты всегда вели кочевой образъ жизни и были привязаны къ нему пожалуй даже не столько въ силу естественныхъ условій быта, сколько по своимъ убѣжденіямъ: «доставляетъ удовольствіе, говоритъ Белль, слушать, какъ горюють они о несчастіи тѣхъ людей, которые живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ, и принуждены питаться своими трудами; по ихъ мнѣнію, — это составляетъ самую высшую степень рабства» **). Но будучи завязатыми кочевниками, Өлөты очевидно воспитывались и жили не такъ, какъ воспитывались и жили Халхасы и прежде всего они не были ни такъ беззаботны, ни такъ апатичны. Вся исторія Өлөтовъ, начиная съ конца XIV в., полна извѣстіями объ ихъ воинственныхъ набѣгахъ на сосѣднія племена: подъ свою власть они не только подчиняли Халхасовъ, но простирали свои виды и на Китай, думая о новомъ возсозданіи владѣній и имени Юаньской имперіи. Слава и успѣхи ихъ въ самомъ дѣлѣ были такъ блестящи, что Эсэнъ, какъ извѣстно, принявъ въ 1454 г. ханскій титулъ, уже официально провозгласилъ себя Юаньскимъ императоромъ и въ бумагахъ, отправленной въ этомъ году Китайскому двору, называлъ себя «великимъ Ханомъ, Тяньшэнъ, великой династіи Юань», а годамъ своего правленія далъ

*) Цзарлик йер токтогахсан гадагаду монголь ходонъ аймагудун ван гун гудун илэтхэлъ шастиръ тетр. 81-я. Листъ 4-й.

**) Jean Bell d'Antermony. Voyage de Russie à Pékin. T. I, pag. 58.

прозваніе Тянь-юань. Со смертію Эсэня, по выраженію о. Іакинфа, Ёлты какъ бы усыпають на цѣлые полтора вѣка, т. е. до начала XVII столѣтія, но мнѣ кажется, что въ дѣйствительности они во все не усыпали: ихъ дѣятельность не была только покрываема такою славою и не выражалась въ такихъ обширныхъ предпріятіяхъ какъ это было въ первой половинѣ XV в. Изъ сказаній Минь-ши (328 цзюань; Лѣ-чжуань — 216) оказывается, что Ёлты въ это время вели постоянные набѣги и битвы въ мѣстахъ притяньшанскихъ, доходя на востокъ до Хами; въ монгольскихъ же лѣтописяхъ хотя и въ весьма незначительной степени, но все же сохранились извѣстія о нападеніяхъ ихъ и на Халхасовъ. Все это если и не свидѣтельствуетъ намъ о могуществѣ Ёлтовъ въ этотъ періодъ, то по крайней мѣрѣ ручается за то, что они и теперь не были совершенно бездѣятельны, а напротивъ носили въ себѣ ту-же бодрость, отвагу и жажду къ набѣгамъ. Политическое ничтожество ихъ обуславливалось вѣрнѣе всего отсутствіемъ даровитыхъ личностей предводителей; что же касается народа, то онъ очевидно оставался тѣмъ же могучимъ и дѣятельнымъ. Недальновидность князей могла быть совершенно достаточною причиною, чтобы силы Ёлтовъ бездѣйствовали въ достиженіи своей собственной славы, но это не говорить еще о томъ, чтобы этихъ силъ не было вовсе, или же чтобы они уснули въ совершенномъ бездѣйствіи. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, ибо мы знаемъ, что Ёлты въ этотъ періодъ неоднократно являются то тамъ, то сямъ, въ видѣ наемныхъ войскъ, сражаются и одерживаютъ побѣды. Около 1490 г., по сказанію Минь-ши, въ то время, когда Турфаньцы овладѣли Хами, главный прокуроръ Сюй-цзинь подкупалъ два ёлотскіе рода, чтобы они напоромъ своихъ войскъ удалили враговъ и Ёлты исполнили это дѣло; въ 1518 г. Бу-лю-ванъ разбиваетъ три Турфаньскихъ города, убиваетъ и захватываетъ въ плѣнъ до 10 тыс. человекъ; позднѣе онъ, по требованію Китайцевъ, удаляется со своею ордою на СЗ *)

*) Минь-ши Цзюань. 328.

и конечно не безъ борьбы долженъ былъ онъ пріобрѣтать себѣ новыя кочевья. Еще дальше во второй половинѣ XVI в. сами монголы въ поэмѣ Убаши хунътайчжи выставляютъ общую характеристику ойратскихъ поколѣній въ слѣдующихъ словахъ: «четыре Ойрата подобно ежевымъ игламъ и клыкамъ лютыхъ звѣрей, живутъ сомкнувшись въ четырехугольникъ», это обозначало, что Ойраты всегда дружно готовы были дать битву нападающимъ на нихъ непріятелямъ; частная же характеристика въ той же поэмѣ ойратскихъ владѣтелей можетъ быть для насъ только болѣе полнымъ разъясненіемъ мужества и предпріимчивости какъ этихъ владѣтелей такъ и всего ойратскаго народа *). Съ конца XVI в. у Олѣтовъ снова появляются вожди еще болѣе предпріимчивые и описаніе подвиговъ ихъ снова начинаетъ занимать собою всѣ страницы исторіи. Такимъ образомъ, разсматривая различныя сказанія объ Олѣтахъ, мы не можемъ не признавать какъ основную черту характера этого народа его склонность къ подвижности, борьбѣ и упорному стремленію въ достиженіи своихъ цѣлей. Знаменитый изслѣдователь татарскихъ народностей Палласъ приписываетъ эти же самыя черты калмыкамъ и на основаніи только личнаго знакомства своего съ этимъ народомъ и наблюденій надъ его характеромъ, а потому и считаетъ его лучшимъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ кочевниковъ. «Всѣ тѣ народы, говоритъ онъ, которые ведутъ безпечную кочевую жизнь, по природѣ склонны къ праздности, калмыки же по ихъ ревниво-дѣятельному духу въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы трудолюбивыми» **). Эта бодрость и подвижность, которую одинаково замѣтили у Олѣтовъ и другіе путешественники (Георги-Опис. нар. Ч. III Калм. стр. 9-я) составляетъ основную черту различія ихъ отъ Халхасовъ, а за симъ и конечно на основаніи ея сложилось и все другое, чѣмъ отличается жизнь Олѣтовъ отъ

*) Труды Археолог. Общ. Ч. 6-я, стр. 217. Голстунскій. — Убаши хун-тайчжи, стр. 3—4.

**) Pallas. Reise. T. I, 308.

халхаской. Князья ихъ, будучи такими же подвижными и дѣятельными личностями какъ и самый народъ, ими управляемый, естественно должны были приходиться гораздо болѣе въ соприкосновеніе съ своими данниками, чѣмъ то можемъ предполагать мы у Халхасовъ: ведя по преимуществу лагерьную, боевую жизнь, они невольно должны были сближаться съ народомъ, видѣть свою опору въ его силѣ, а это несомнѣнно побуждало ихъ и заботиться о народѣ и снискивать любовь его. Таковыми они были и дѣйствительно. Белль, сообщающій въ своемъ путешествіи небольшую замѣтку о Чжунгарахъ, выражаетъ отношенія князей ихъ къ своему народу въ такихъ словахъ: «Контайша чрезвычайно заботится о пользахъ своего народа и соблюдаетъ въ отношеніи его такое большое правосудіе, какъ будто бы люди эти были его собственными дѣтьми» *). Съ своей стороны и народъ не могъ быть равнодушенъ къ такимъ правителямъ: онъ былъ преданъ имъ, съ любовію восхвалялъ ихъ подвиги, нераздѣльные съ его собственной славой, хранилъ долго воспоминаніе объ этихъ князьяхъ, потому что дѣянія ихъ были черезъ чуръ важны, чтобы не подѣйствовать на впечатлительную душу Ёлота. Вотъ на чемъ зиждется эпосъ ёлотскихъ поколѣній. Правда, онъ сохранился теперь мало, и, повидимому, гибнетъ годъ отъ года съ невыразимою быстротою, но на это опять таки есть свои причины, которыя мы укажемъ ниже, теперь же для насъ важенъ тотъ фактъ, что у Ёлотовъ, больше чѣмъ у какихъ либо другихъ монгольскихъ племенъ было причинъ къ созданію своего эпоса, а обстоятельства долгое время держали народъ такъ, что онъ не могъ у него забываться. Къ числу такихъ обстоятельствъ мы прежде всего можемъ отнести сравнительно слабое развитіе у Ёлотовъ буддизма. Появившись въ средѣ чжунгарскихъ поколѣній почти одновременно съ принятіемъ его и Халхасами, буддизмъ очевидно овладѣвалъ Ёлотами далеко не съ такою быстротою и силой, какъ ихъ единоплеменными сосѣдями; обусловливалось

*) Jean Bell d'Antermony.—Voyage de Russie à Pékin. T. I, p. 59.

же это конечно какъ характеромъ народа и образомъ его жизни, такъ равно и отношеніемъ къ этой религіи самихъ князей. Недостаточность историческихъ свѣдѣній конечно препятствуетъ намъ выяснитъ себѣ эти отношенія со всею полнотою и ясностію; но мнѣ кажется, что ѳлѳтскіе князья далеко не такъ благоговѣли предъ буддизмомъ и раболѣпствовали предъ указаніями ламъ, какъ то видимъ мы у Халхасовъ. Въ біографіи Зая Пандиты разсказывается между прочимъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1651 г. кѳкэнорскій Далай-хунь-тайчжи, пригласивъ къ себѣ Зая Пандиту, говорилъ ему, чтобы онъ предложилъ хану ввести въ употребленіе составленную имъ письменность; «Ваша правда, отвѣчалъ Зая Пандита, но вѣдь ханъ очень гордъ; приду,—увиджу» *). Это замѣчаніе по словамъ біографіи, ясно выражало недостаточность благоговѣнія въ ханѣ, мы же скажемъ, что какъ изъ этого факта, такъ и изъ другихъ историческихъ сказаній объ отношеніяхъ ѳлѳтскихъ князей къ буддизму явствуетъ, что князья эти, по видимому, заботились о вѣрѣ, сооружали кумиры и храмы, приносили жертвы ламамъ, но они не давали этимъ послѣднимъ такой потачки во вліяніи на народъ, какою пользовались проповѣдники будды въ Халхѣ и едва ли даже дозволяли имъ вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго управленія. Отвѣтъ Зая Пандиты прямо показываетъ намъ, какъ понималъ этотъ лама отношенія къ нему хана и что Зая Пандита, не смотря на все то обаяніе и уваженіе, которое вселилъ онъ къ себѣ въ средѣ Чжунгаровъ, далеко не обо всемъ и не во всякое время могъ являться къ хану съ своими совѣтами. Результатомъ сравнительно слабого развитія буддизма у ѳлѳтовъ въ первое время, прежде всего было то, что они не проникались презрѣніемъ къ окружающему, не разочаровывались жизнью, а напротивъ любили ее, заботились о ея благахъ и хранили воспоминаніе о своихъ лучшихъ временахъ, а слѣдовательно и свои эпическія сказанія. Съ другой стороны этому послѣднему (т. е. храненію эпическихъ сказаній)

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. Л. 26-й.

способствовалъ и самый политическій складъ ихъ жизни. Мы знаемъ, что всѣ знаменитѣйшіе князья Ёлѳовъ всегда преслѣдовали одну главную цѣль — объединенія ёлѳскихъ поколѣній; отсюда естественно вытекаетъ и то, что свои заботы они одинаково простирали не только на свой родовой улусъ, но и на всѣ поколѣнія Ёлѳовъ, а потому и слава ихъ жила не въ одномъ ихъ наслѣдственномъ хошунѣ, а во всемъ ёлѳскомъ народѣ. Естественно, что въ сердцахъ ёлѳскаго народа, хотя отдѣльныя поколѣнія его и враждовали между собою постоянно, все таки не было такого раздѣленія какъ у Халхасовъ; — общеніе народа было здѣсь гораздо большее, оттого Ёлѳъ, куда бы не перекочевалъ онъ изъ своего хошуна, вездѣ находилъ одно и тоже: вездѣ уваженіе и память объ однѣхъ и тѣхъ же славныхъ личностяхъ, вездѣ воспоминаніе объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ и въ той же самой формѣ. Это также способствовало какъ единодушію Ёлѳовъ, такъ равно и сохраненію ихъ эпическихъ сказаній. Изъ этого краткаго очерка не трудно видѣть какъ сильно разнились характеръ Ёлѳовъ и условія ихъ жизни отъ халхаскихъ, да впрочемъ даже не говоря о заключеніяхъ, которыя могутъ быть выведены изъ разсмотрѣнія всей исторіи, единственный фактъ подданства Ёлѳовъ и Халхасовъ Китаю служить неопровержимымъ тому доказательствомъ. Если я сказалъ, что Халхасы въ послѣдніе годы своей *de jure* самостоятельной жизни не обнаруживали ничего кромѣ самоуниженія и какого то необъяснимаго тяготѣнія къ зависимости отъ другихъ, что имъ какъ бы хотѣлось подставлять свою шею подъ ярмо подчиненія, то объ Ёлѳтахъ можно сказать, что они погибли единственно въ силу своего безразсуднаго честолюбія, стремленія къ власти и жажды свободы. Халхасы совершенно упали духомъ и какъ бы уснули для дѣятельности болѣе чѣмъ за полвѣка до подчиненія Китаю, у Ёлѳовъ напротивъ эта неугомонная жажда свободы, движенія и дѣятельности постоянно обнаруживалась и послѣ подданства Китаю, что видно изъ разновременныхъ переходовъ ихъ въ Сибирь, перекочевокъ къ Уралу и берегамъ Волги. Само собою

разумѣтся, что такой народъ долженъ былъ создать поэзію совершенно отличную отъ поэзіи Халхаскихъ Монголовъ и онъ дѣйствительно создалъ ее. Мы видѣли, что Халхасы, всюю душою предавшіеся буддизму, воспѣвали его почти въ каждомъ изъ произведеній своего народнаго творчества; душа Ёлотовъ полна была жаждою брани, славы и роскоши и проявленіе этихъ стимуловъ ихъ жизни и дѣятельности проглядываетъ точно также въ ихъ исторіи, какъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Халхасы, обезсиленные и разоренные войнами Галдана, возвратившись на родину, воспѣваютъ будду, а въ докладѣ къ императору просятъ у него средствъ для возстановленія храмовъ *); Ёлѳтскій Батуръ хунь-тайчжи, потерявъ значительную часть Торгутовъ съ уходомъ Хо-урлѳка въ Сибирь и принятіемъ имъ русскаго подданства, требуетъ отъ Русскихъ подарковъ въ видѣ двухъ плотниковъ, двухъ ружейныхъ мастеровъ, непроницаемаго панцыря, винтовки, шумихи, индѣекъ, свиней и постельныхъ собачекъ **). Въ этихъ различныхъ требованіяхъ выражаются различные характеры и самыхъ народностей и въ тоже время ярко обрисовываются желанія Ёлѳтскаго князя: ему нужно было славы и онъ проситъ себѣ такихъ предметовъ, которые въ самомъ дѣлѣ могли быть названы роскошью въ жизни кочевника и полудикаго полководца. Поэма Чжангаръ служитъ лучшимъ выраженіемъ духа Ёлѳтовъ: походъ и веселая пирушка, — вотъ идеаль Ёлѳтовъ въ періодъ ихъ самостоятельности. Подданство Китаю несомнѣнно имѣло вліяніе на весь строй ихъ духа: прежняя бодрость и самоувѣренность должны были значительно упасть, но они не погибли еще совершенно и до нынѣ. У современныхъ Ёлѳтовъ еще по временамъ слышатся надежды на возвращеніе свободы, хотя можно почти положительно сказать, что всѣ различныя Ёлѳтскія поколѣнія вообще годъ отъ года дѣлаются

*) Эрдэнийн эрихэ. Изд. II. Гл. 42. Л. 63-й.

**) Фишеръ. Сибирская исторія, стр. 454. — Іакинфъ. Историч. Обзор. Ойратовъ, стр. 49.

больше и больше похожими на своих соплеменников — Халхасовъ, а слѣдовательно и годъ отъ года теряютъ шансы на эту свободу. Сынъ неба давно уже принялъ обычную свою мѣру къ смиренію буйной природы этихъ кочевниковъ буддизмомъ и истощеніемъ ихъ матеріальныхъ средствъ: онъ построилъ имъ на свой счетъ нѣсколько обширныхъ монастырей, и, выставляя это зло какъ примѣръ своей заботливости и милостивыхъ благодѣяній, ежегодно собираетъ теперь съ народа дань по два и по три раза. Такимъ образомъ бѣднѣя годъ отъ года и истощаясь больше и больше, Олѣты начинаютъ чувствовать себя неспособными осуществить свое благо на землѣ, а потому невольно переходятъ къ мечтамъ о блаженствѣ на небѣ. Ихъ рассказы и преданія въ настоящее время уже полусмѣшались съ буддійскими бреднями: въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и легендахъ о чжунгарскихъ богатыряхъ такъ и замѣтно наслоеніе новыхъ буддійскихъ понятій и эти послѣднія болѣе и болѣе развиваются и занимаютъ мѣста, оставляя въ сторонѣ жизненную часть этихъ сказаній. Легенда о возсозданіи чжунгарскаго царства, слышанная мною у Волжскихъ Калмыковъ, по которой предводителемъ возставшихъ Олѣтовъ весьма естественно является *потомокъ* Амурсаны, ѣздящій на бѣломъ конѣ (хотя какъ всякій легендарный герой онъ и обладаетъ необыкновенною способностью выѣхать отъ Иртыша, полдневать въ Тюмени, а на ночлегъ пріѣзжать въ Пекинъ), у Уланъ-комскихъ Хойтовъ была рассказана мнѣ совершенно въ другой формѣ. По ней, освобожденіе Чжунгаръ совершается уже самимъ Амурсаною, который, еще живя въ Чжунгаріи, принялъ посвященіе отъ халхаскаго Хүхэнъ-хутухтү, а потому приобрѣлъ «насунай шидди» (т. е. талисманъ безсмертія) и живетъ теперь въ Россіи. Такимъ образомъ въ хойтскую легенду вкрался буддійскій элементъ и привноситъ съ собою въ обыкновенный, баснословный, народный рассказъ ученіе о необычайности свойствъ, даруемыхъ буддизмомъ его послѣдователямъ. Такъ въ настоящее время кажутся мнѣ постепенно угасающими силы Олѣтовъ и весьма вѣроятно, что они переживаютъ теперь именно тотъ періодъ духовнаго состоя-

нія, который переживали Халхасы назадъ тому сотню, или сотни полторы лѣтъ. Ёлты доселѣ еще сохранили у себя пѣсни эпическаго характера съ воспоминаніями о своихъ старыхъ временахъ и герояхъ, но эти пѣсни теперь уже мало встрѣчаютъ себѣ сочувствія въ ихъ душѣ и очевидно не заставляють биться ихъ сердце такъ, какъ билось оно при ихъ звукахъ прежде. Престарѣлый Дѳрбѳтъ, пѣвшій мнѣ пѣсню о Шидарь-ванѣ, рассказывалъ, что въ пору своей юности онъ видѣлъ слезы, катившіяся изъ глазъ стариковъ при пѣніи этой пѣсни; самъ же онъ гораздо больше сочувствовалъ воспѣванію «десяти добродѣтелей и пятнадцати благъ». Наконецъ уже въ Петербургѣ я получилъ возможность произвести сравненіе записанной мною пѣсни о Галдамѣ съ пѣснями о той же личности, записанными Г. Лыткинымъ въ 1860 г. у Волжскихъ Калмыковъ. Оказывается, что переданная мнѣ пѣсня составляетъ частные отрывки изъ трехъ пѣсень, записанныхъ Лыткинымъ: по мѣстамъ она представляетъ новыя строфы, мѣстами же значительно сокращена противъ редакцій пѣсень Лыткина; все это прежде всего свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ старину каждая изъ этихъ пѣсень порознь представляла собою отдѣльное цѣлое; а за тѣмъ убѣждаетъ въ томъ, что Ёлты уже охладѣли къ своему эпосу и скоро забудутъ его точно также, какъ забыли свой Халхасы.

Изъ числа записанныхъ мною у Ёлтовъ эпическихъ пѣсень, пѣсня о Галдамѣ едва ли не самая древнѣйшая по происхожденію, по крайней мѣрѣ Галдама является старѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ личностей, до которыхъ относятся эти пѣсни. Галдама не былъ княземъ — правителемъ улуса, оттого біографію его было бы бесполезно искать въ исторіи ѳлѳтскихъ владѣтельныхъ нойоновъ. Илѣтхаль Шастра изданія Цянь-луна, подробно перечисляющая роды ѳлѳтскихъ князей, упоминаетъ только, что Галдама былъ сыномъ хошоутовскаго Цэцэнъ-хана, родившимся отъ старшей супруги его, бывшей дочерью чжунгарскаго Бѣтурь-хунь-тайчжіа *);

*) Цзарлик йѳр тохтогахсан монгол ходонъ аймагун ванъ гунгудун илѣтхаль шастир.

кромѣ сего мы не имѣемъ отъ Китайцевъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о Галдамѣ и если находимъ указанія на его дѣятельность, то единственно въ ѳлѣтской біографіи Зая Пандиты. Сказанія эти правда весьма не многочисленны и кратки, но и изъ нихъ можно выводить, что Галдама былъ далеко не дюжинною личностію. Первое изъ этихъ сказаній записанное подъ 1652 годомъ повѣствуетъ, что «зимою этого года Цэцэнъ ханъ (т. е. отецъ Галдамы) пришелъ (въ свои кочевья), подчинивъ Бурутовъ, и что въ этомъ походѣ Галдама, имѣя 17-ть лѣтъ отъ роду, закололъ Янгиръ-хана*). Такимъ образомъ мы узнаемъ, что Галдама родился въ 1635 году, уже 17-ти лѣтъ ходилъ въ походы и прославилъ себя молодецкимъ дѣломъ. Изъ послѣдующихъ за симъ сказаній можно выводить, что Галдама былъ не только храбрымъ воиномъ, но и хорошимъ администраторомъ, ибо, не смотря на то что онъ былъ *младшимъ* сыномъ Цэцэнъ-хана, на немъ лежало все управленіе улусомъ въ отсутствіе отца. Такъ подъ 1656-мъ годомъ о Галдамѣ разсказывается, что онъ изъ урочища Кѳкѳ-усун-харà-талà приѣзжалъ вмѣстѣ съ Сономъ Сотай'емъ къ Дайчину (торгоутовскому) въ Аблай-китъ. Тамъ, въ Аблаевомъ-китѣ, они устроили большой пиръ для Зая Пандиты и торгоутовскій Дайчинъ, пригласивъ къ себѣ Күрѣ, возвратился; Галдама также, *выставляя въ причину, что его улусъ остался безъ правителя, скоро уѣхалъ* **). Лѣтомъ 1657 года Галдама является уже не только правителемъ своего улуса, но и совѣтникомъ всей Чжунгаріи. Въ этомъ 1657 году въ Чжунгаріи произошли смуты, и она раздѣлилась на двѣ партіи—восточную и западную; восточную поддерживалъ Аблай, западную — Цэцэнъ-ханъ. Галдама и Аблай прибыли съ своими войсками на р. Эмнэлъ и здѣсь умиротворили возмущившихся ***). Лыткингъ, на основаніи бывшихъ въ рукахъ его «ска-

*) Біографія Зая Пандиты на Калмыц. языкѣ. (По списку, полученному мною изъ бібліотеки проф. К. Ѳ. Голстунскаго). Л. 27-й.

**) Біографія Зая Пандиты на Калмыцкомъ языкѣ. Л. 30-й.

***) Тамъ же. Л. 31-й.

заній объ Ойратахъ» Эмчи Габанъ Шараба говорить, что это возмущеніе было слѣдствіемъ неправильнаго раздѣла земель Батуръ хунь-тайчжіемъ, по которому этотъ князь раздѣлилъ пополамъ свои владѣнія и одну половину отдалъ своему любимому сыну Сэнъкэ, а вторую предоставилъ остальнымъ восьми своимъ сыновьямъ *). Въ началѣ 1-й луны 1658 г. бухарскій воевода Абаду шүкүръ съ 38000 войскомъ прибылъ на р. Таласу. Галдама кочевалъ отдѣльно на границѣ (ойратскихъ земель) и лично собравъ 3000 войска, произвелъ быстрое нападеніе на Бухарцевъ въ урочищѣ Хуланъ-чжилинъ, преслѣдовалъ ихъ до ущелья Кюкъ и убилъ Абаду шүкүра. вмѣстѣ съ симъ онъ взялъ въ плѣнъ Шакъ-хозо, который во главѣ 300 богатырей стоялъ отдѣльнымъ лагеремъ и отсталъ отъ Абаду шүкүра. Этимъ 300 воиновъ Галдама далъ на двухъ по одной лошади и отправилъ ихъ въ Цаганъ балгасу (?) **). 1661 годъ замѣчательнъ былъ для Ойратовъ войною Цэцэнъ хана и Аблай хана: ханы эти враждовали между собою постоянно, но походъ 1661 года былъ почти рѣшителенъ для Аблая: онъ потерпѣлъ тогда полное пораженіе и на совѣтѣ чжунгарскихъ князей ему не только не хотѣли возвращать власти надъ кочевьями, но даже порѣшили было казнить его, или же изгнать изъ ойратскихъ предѣловъ. Галдама, всегда бывший противъ этихъ войнъ отца съ Аблаемъ, и на этомъ совѣтѣ высказался за Аблая. Мнѣніе его было принято и Аблаю была возвращена его власть. Это обстоятельство яснѣе другихъ указываетъ, какъ значительно было слово Галдамы на совѣтѣ Ойратовъ. Другихъ какихъ либо случаевъ изъ общественной дѣятельности Галдамы біографія Зая Пандиты не представляетъ и въ послѣдній разъ упоминаетъ о немъ подъ 1664-мъ годомъ, рассказывая, что Галдама вмѣстѣ съ своею матерью Пунцукъ-Ролма приѣзжалъ въ этомъ году на поклоненіе къ вновь воздвигнутому Зая Пандитою бурхану Майдари, а оттуда заѣзжалъ въ

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

**) Біографія Зая Пандиты. Л. 31-й.

гости къ Цѣкорь-Убаши *). Лыткинъ, записавшій преданія о Галдамѣ, говоритъ, что «къ Галдамѣ собирались сыновья зайсанговъ и защищали его своимъ мечемъ и грудью, дорожа дружбою и одобреніемъ молодаго и храбраго своего нойона Галдамы и наградою матери его, раздававшей куртки и ружья тѣмъ, которые тѣмъ либо отличались». По тѣмъ же преданіямъ Галдама скончался въ 1667 г., будучи отравленъ своею мачихою Удэ-Агась **). Пѣсня, записанная мною, составляетъ похвалу Галдамѣ, при чемъ въ содержаніе ея вошло главнымъ образомъ картинное описаніе свойствъ его какъ богатыря, съ самымъ незначительнымъ указаніемъ на дѣйствительныя его заслуги.

усун-ни экин-дү хоньхолзур ни соилгойтой,
улусуй чини дундү ни галдама мини любчилэтэй,
эркин төрөсөн галдама батура!

гунахан зэрдэги чөдөртөнi дасхасан,
гурбун ойрадийги дайсундунi дасхасан,
эркин төрөсөн галдама мини!

дөнөкөн шаргайги чөдөртөнi дасхасан
дөрбөн ойрадийги дайсундунi дасхасан
эркин төрөсөн галдама мини!

садактай сумуйги сакшүлсәр мордодок,
сайдудьин кбббги дахүлсәр мордодок,
эркин төрөсөн галдама мини!

биятатай урумуйги баргюлсәр мордодок,
бэйглэ цэригүдэн дахүлсәр мордодок,
эркин төрөсөн галдама мини!

такинән чимэгэйги тасартала харбудак,
тахайятай күмүги шубтухан харбудак,
эркин төрөсөн галдама мини!

хулунай чимэгэйги хугуртала харбудак,
хуиктай күмүги шубтухан харбудак,
эркин төрөсөн галдама мини!

*) Биографія Зая Пандиты. I. 36, 37, 53-й.

**) Астрах. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

хабшисан бӯранан сойболой адалй галдама,
хальдисан дайсунй түрүбчи галдама,
эркин төрөсөн галдама минй!

илэкэн газарыйн цакилган галдама,
итэльгэ шүбүнэй шүрэлгэн галдама,
эркин төрөсөн галдама минй!

бүтүкэн газарыйн цакилган галдама
бүргүт шүбүнэй шүрэлгэн галдама
эркин төрөсөн галдама минй!

хадатай газарыйн цакилган галдама
харцага шүбүнэй шүрэлгэн галдама
эркин төрөсөн галдама минй!

цагахан гацзарыйн цакилган галдама,
цакцагай шүбүнэй шүрэлгэн галдама,
эркин төрөсөн галдама минй!

актайнан олонгыйни харгюлсәр мордодок
амарагыин сайни дахулсәр мордодок
эркин төрөсөн галдама минй!

бӯра-ни үкүдэк
ботогор босходок
босхомчжи үга галдама минй!

хас күнъгэй нутук чинй
эзэн үга дүнъгэчжи харакданай
хасақ бурүт хойор чинй
Ыльдэнъ-дэн отбò

эркин төрөсөн галдама минй!

Переводъ.

При истокахъ воды на выстойкѣ его Хонхолцзүрь,
Среди твоего народа въ dospѣхахъ мой Галдама,
Благородный Галдама богатырь!

Приучившій къ путамъ трех-лѣтняго рыжку,
Приучившій къ врагамъ трехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Приучившій къ путамъ четырех-лѣтняго соловоко,
Приучившій къ врагамъ четырехъ Ойратовъ,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потрясая стрѣлами въ колчанѣ,
Уѣзжающій, въ сопутствіи княжескихъ сыновей,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, потряхивая ружьемъ съ фитильнымъ замкомъ,
Уѣзжающій, заставивъ слѣдовать за собою свои войска,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость дикой лошади,
Прострѣливающій насквозь вооруженнаго человѣка,
Благородный Галдама мой!

Стрѣляющій (такъ, что) раздробляется берцовая кость кулана,
Прострѣливающій человѣка, одѣтаго въ панцырь,
Благородный Галдама мой!

Галдама — подобный клыкамъ кусливаго верблюда,
Галдама — собиратель головъ быстро нападающихъ враговъ,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе кречета,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія закрытаго пространства,
Галдама — быстрое нападеніе беркута,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія скалистой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе ястреба,
Благородный Галдама мой!

Галдама — молнія открытой мѣстности,
Галдама — быстрое нападеніе двух-годовалаго орла,
Благородный Галдама мой!

Уѣзжающій, побрякивая подпругами своего мерена,
Уѣзжающій въ сопутствіи благородныхъ изъ друзей,
Благородный Галдама мой!

Умираетъ самецъ верблюдь
Верблюженкомъ возстановляютъ потомство,
Невозстановимый мой Галдама!

Родное кочевье твое Хасъ-күнъгэй
Безъ правителя возбужденнымъ кажется,
Киргизы и Буруты твои
Ушли къ Ыльдэну,
Благородный Галдама мой!

Въ такомъ видѣ передана была мнѣ Уланъ-ком'скими Дѣр-бѣтами пѣсня о Галдамѣ. Сличая ее съ пѣснями, записанными Лыткинымъ у Астраханскихъ Калмыковъ *), я окончательно убѣдился въ томъ, что переданное мнѣ составляетъ сколокъ изъ нѣсколькихъ пѣсенъ, хотя на эту мысль наводила меня и прежде предпоследняя строфа, не вяжущаяся съ предыдущими ни по заключающемуся въ ней смыслу, ни по сопровождающему ее припѣву. Изъ пѣсенъ, записанныхъ Лыткинымъ, вторая по порядку его расположенія составляетъ несомнѣнно отрывокъ представленной мною, но она заключаетъ въ себѣ только первыя четыре строфы и при томъ значительно измѣнена по своей редакціи, что несомнѣнно произошло уже въ позднѣйшее время, при употребленіи. Последняя строфа пѣсни, представляемой мною, какъ оказалось, составляетъ начальный стихъ изъ большой пѣсни, которую народное преданіе влагаетъ въ уста Цэцэнъ-хана, оплакивающаго смерть своего сына. Всѣ эти измѣненія и опущенія какъ нельзя больше свидѣтельствуютъ о томъ, что Олѣты забываютъ свой эпосъ и что въ настоящее время онъ можетъ быть найдемъ у нихъ только въ видѣ перепутанныхъ, неполныхъ и разрозненныхъ частей когда то бывшаго цѣлаго. Въ представленной пѣснѣ эту перепутанность и неполноту не трудно замѣтить и на основаніи расположенія строфъ: такъ, уже характеръ самой пѣсни свидѣтельствуетъ, что 13-я строфа ея стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и что она должна бы собственно послѣдовать за 4-ю, а появилась здѣсь единственно потому, что въ это время ее припомнилъ пѣвецъ, забывъ, можетъ быть, и еще что. Последняя строфа ясно составлена изъ двухъ различныхъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ правильное четверостишіе, что не согласно съ общимъ размѣромъ пѣсни, составленной изъ двустихныхъ строфъ. Наконецъ послѣдній стихъ очевидно не вяжется съ предыдущимъ двустихіемъ и приставленъ къ нему совершенно насильственно.

Вторая пѣсня, которую хочу я представить какъ примѣръ

*) Астрахан. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 46.

эпическихъ пѣсенъ Ёлотовъ, стоила мнѣ значительныхъ трудовъ для опредѣленія личности, къ которой она относится; — это пѣсня о Шадаръ цзянь-цзюнь. Впослѣдствіи, когда личность была опредѣлена, собрать свѣдѣнія о ея жизни и дѣятельности было уже значительно легче: оказалось, что для сего имѣются источники даже и на русскомъ языкѣ, хотя я и не нашелъ возможности пользоваться ими серьезно. Изъ сличенія сказаній о Шадаръ-ванѣ на русскомъ и монгольскомъ языкахъ, оказывается, что въ прозваніи «Шадаръ цзянь-цзюня» нѣтъ собственнаго имени, и что это, какъ можно было предполагать и по самому характеру словъ, только званіе личности, подъ которымъ несомнѣнно извѣстна она была въ народѣ («шадаръ» значитъ собственно «приближенный», а отсюда вошло въ языкъ какъ терминъ званія «придворнаго вельможи»; цзянь-цзюнь, китайское слово — военачальникъ). Въ лѣтописи Эрдэнийн эрихэ подъ 21-мъ годомъ правленія Цянь-луна находимъ записаннымъ слѣдующее обстоятельство: «зимою этого года былъ схваченъ возмущившійся Шадаръ-ванъ Цэнгунъ чжабъ, прозванный хотохойтскимъ» *). Лѣтописецъ замѣчаетъ далѣе, что «Хотохойтъ» было личнымъ прозваніемъ Шадаръ-вана, приводя даже причину, по которой утвердилось за нимъ это имя; но какъ самое замѣчаніе лѣтописца, такъ основаніе, выставляемое имъ, кажутся намъ черезъ чуръ натянутымъ толкованіемъ имени, которое автору хотѣлось истолковать, но которое не могъ онъ объяснить удовлетворительно по незнанію исторіи. Хотохойтъ было названіемъ поколѣнія народа **), раздѣленнаго Маньчжурами на пять хо-

*) Эрдэнийн эрихэ. Гл. 44. Л. 104.

***) Мнѣ кажется, что Хотохойты были однимъ изъ Ёлотскихъ поколѣній и принадлежали къ древнему союзу Ойратовъ. Страна, которую занимали они, — долина къ востоку отъ озера Убса до береговъ Селенги и Орхона. Эту самую мѣстность О. Іоакимъ опредѣляетъ до кочевья народа «Хой-хоръ», подъ которымъ разумѣетъ онъ Уйгуровъ. Объяснить однако появленіе здѣсь Уйгуровъ, обитавшихъ у Тянь-шаня, довольно трудно, и потому «Хой-хоръ» о. Іоакима вѣрнѣе означаетъ Хотохойтовъ. Мы видѣли уже, что Сананъ Сэцэнъ въ числѣ поколѣній перваго ойратскаго союза упоминаетъ поколѣніе

шүновъ; Цэнгунъ чжабъ же былъ правителемъ этихъ хошүновъ по должности, и родственникомъ Цзасакту хана по происхожденію. Въ отличіе отъ прочихъ Цзасакту хановцевъ, управлявшихъ Халхасами, онъ, вѣроятно, и былъ названъ — «Хотохойтскимъ». Будучи родственникомъ Цзасакту хана, Цэнгунъ чжабъ естественно по происхожденію принадлежалъ къ фамиліи Борчжигитъ, общей для всѣхъ халхаскихъ правителей. Управление надъ Хотохойтами онъ наслѣдовалъ отъ отца своего Банди, сына знаменитаго Бубэй бэйлэ, прославившагося въ періодъ войнъ Маньчжуровъ противъ Цэванъ-рабтана, а также и во время возмущеній Урянхаевъ (1716—1729); Бубэй этотъ былъ пріемышемъ Гендуна перваго изъ халхаскихъ ноиновъ, утвержденного правителемъ Хотохойтовъ. Такимъ образомъ Цэнгунъ чжабъ былъ четвертымъ правителемъ Хотохойтовъ изъ Халхасовъ. Получивъ отъ китайскаго императора вмѣстѣ съ чиномъ бэйлэ управление надъ Хотохойтами въ 1738 году, Цэнгунъ чжабъ былъ вскорѣ же назначенъ на видный постъ помощника цзянь-цзюня въ своемъ аймакѣ и съ этого времени можно считать начало его кипучей дѣятельности, представляемой въ китайскихъ исторіяхъ, то исполненною измѣны и коварства, то восхваляемою за успѣхи и покрываемою славой. Получивъ должность помощника цзянь-цзюня, Цэнгунъ чжабъ, казалось, на первыхъ же порахъ не оправдалъ выбора Китайцевъ, будучи замѣченъ въ нерадѣніи и небрежности по исполненію своихъ обязанностей. Уже въ 1744 г., послѣ смотра войскъ, при чемъ обнаружена была неисправность въ вооруженіи отрядовъ, Цэнгунъ чжабъ получилъ отъ императора строгій выговоръ, а въ 1752 году онъ былъ удаленъ отъ должности помощника цзянь-цзюня и изъ чина — бэйлэ пониженъ въ гуны; какъ причины этой немилости было выставлено то, что онъ распустилъ народъ, завелъ на караулахъ торговлю и наконецъ не выдавалъ ламу Чжамцана, котораго требовало отъ него китай-

Хойтъ; въ Алтанъ тобчи несомнѣнно тоже самое поколѣніе встрѣчается уже съ именемъ Хойхатъ, что конечно одно и тоже съ именемъ Хой-хорь. (Алт. Тоб., стр. 160).

ское правительство. Впрочемъ званіе бэйлэ было возвращено Цэнгунь чжабу въ слѣдующемъ же году за усмиреніе Урянхаевъ при Куньгэѣ, а когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ окончательно разбилъ и представилъ Китайцамъ урянхайскаго цзайсана Фун-луна, Цянь-лунь пожаловалъ Цэнгунь чжабу даже высшій чинъ — цзюнь вана и снова назначилъ помощникомъ цзянь-цзюня въ аймакѣ. Въ 1754 году Цэнгунь чжабъ отличился въ битвахъ противъ Даваца и въ этомъ же году былъ сдѣланъ верховнымъ правителемъ урянхайскихъ хошунъ. Въ періодъ этихъ войнъ съ Даваца Цэнгунь чжабъ впервые сошелся съ Амурсаною и, когда цзянь цзюнемъ Баньди былъ сдѣланъ докладъ въ Пекинъ, что Амурсана готовить возмущеніе, Цэнгунь чжабъ извѣстилъ объ этомъ послѣдняго, что и способствовало къ скорѣйшему открытію смутъ Амурсаны. Этотъ поступокъ вѣроломнаго цзянь-цзюня почти всегда былъ выставляемъ китайскимъ правительствомъ въ числѣ первыхъ обвинительныхъ противъ него пунктовъ, хотя главнѣйшею виною его Китайцы несомнѣнно считали возмущеніе Халхасовъ въ 1756 г., выразившееся въ снятіи карауловъ и почтовыхъ станковъ. Въ самомъ дѣлѣ, только узнавъ объ этомъ послѣднемъ злоумышленіи Цэнгунь чжаба, императоръ приказалъ схватить его, при чемъ не были уважены даже ходатайства и заступничество за него ургинскаго хутухты. Не оспоримо, что во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ Цэнгунь чжабомъ руководила одна честолюбивая мысль сбросить съ себя иго Китайцевъ и сдѣлаться самостоятельнымъ владѣтелемъ: съ этою цѣлью онъ заводилъ связи съ князьями, въ которыхъ надѣялся найти себѣ помощниковъ и стараясь казаться другомъ народа, подуцалъ народъ не платить податей Китаю. По всей вѣроятности ему и удалось привязать къ себѣ нѣсколько своихъ данниковъ, потому что, когда китайскій дворъ объявилъ Цэнгунь чжаба мятежникомъ, за него возстали поколѣнія большихъ и малыхъ Хото-хойтовъ, Мингатовъ, Харючиновъ, Тусовъ и Шичжинатовъ, къ нимъ присоединились потомъ 16 поколѣній Урянхайцевъ. Впрочемъ, когда стало извѣстно, что противъ Цэнгунь чжаба выслано большое войско,

послѣдовавшіе за Цэнгунь чжабомъ роды оставили его и онъ одинъ съ своею семьею бѣжалъ къ Чискиту (Шишкиту?) откуда намѣревался бѣжать въ Россію. Не успѣвъ однако переступить русскую границу, Цэнгунь чжабъ былъ схваченъ въ мѣстности Ханга Чжанхакъ, отвезенъ въ Пекинъ и казненъ тамъ 22-го числа 1-й весенней луны 1758 года *). Такова подлинная исторія Цэнгунь чжаба, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Шадарь-вана, или Шадарь цзянь-цзюня. Въ пѣснѣ, составленной про него народомъ, по обычаю, нѣтъ почти никакихъ указаній на его дѣятельность: вся она состоитъ изъ воспѣванія въ общихъ словахъ его мужества и храбрости; но въ этомъ воспѣваніи нельзя не видѣть народной любви къ своему герою, нельзя не слышать голоса сердца, сочувствующаго идеѣ, которую проводилъ Цэнгунь чжабъ и дѣйствіямъ, которыми хотѣлъ онъ достигнуть ея исполненія. Вотъ эта пѣсня:

тэрэ улаин орой дү
мандасан чиги нара-ла
тэрэ бүгүдэйги тэрюлэсэн
шадарь чжанчжинь кӧрӧкӧй.

гунан зэрдэ морийган унусан чиги болбсой
гурбун түмэн цэригүдэн дахулсан чиги болбсой
дөнөн зэрдэ морийган унусан чиги болбсой
дөрбөн түмэн цэригүдэн дахулсан чиги болбсой.

гáриди шубунай зулгага ни
чжибэрийгэн гүйцэчжи нисэнэ
гакцаран тэрюлэт мордосон
шадар чжанчжинь кӧрӧкӧй.

бүргүт шубунай зулгага ни
чжибэрийгэн гүйцэчжи нисэнэ
бүгүдэйги тэрюлэт мордосон
шадар чжанчжинь кӧрӧкӧй.

*) Эрдэнийн эрхэ. Гл. 44. Л. 105-й. — Вань, гунг'уд'ун илэтхэлъ шастиръ.
Т. 61. Л. 12-й.

эл̄ь шубӯнай зулзага̄ ни
чжибэрийгэн гүйцэчжи нисэнэ
обб̄рөн тэрюлэт мордосон
шадар чжанчжин̄ көрөкөй.

харцага̄ шубӯнай зулзага̄ ни
чжибэрийгэн гүйцэчжи нисэнэ
хамуги тэрюлэт мордосон
шадар чжанчжин̄ көрөкөй.

зам̄гийн тосу гаранай
зандан шаргайн тосун-ла
задаин үлэн гаранай,
залу чжанчжингийн ишкирэгэн

халгайн тосун гаранай
хара бордын тосун ла
хара үлэн гаранай,
көрөкөй чжанчжингийн ишкирэгэн

хуйгийн тосун гаранай
хурдун шаргайн тосун-ла
хурайн үлэн гаранай,
хобитай чжанчжингийн ишкирэгэн.

көддөн̄и тосун гаранай
көкө бордын тосун-ла
көбкөр үлэн гаранай,
көрөкөй чжанчжингийн ишкирэгэн.

арудӯни тосун гаранай
арадак шаргайн тосун-ла
аратай үлэн гаранай
аргатай чжанчжингийн ишкирэгэн.

бүггэт мордосон газар-ни
бүсүтэйн табун ула-ла
бүсүлэт мордосон цэрик-ни
гурбун түмэн цэрик-лэ.

үлэн оньгөтэй көкө-ни
бэчжингийн хотоду соилгойтой
үйлэн дэн дашүрэт мордосон
шадар чжанчжинт̄ көрөкөй.

Переводъ.

На вершинѣ той горы
Взошло вѣдь солнце,
Всѣхъ ихъ предводительствовавшій,
Болѣзненный шадаръ цзянь-цзюнь!

О, сядь же на свою трехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою тридцать тысячъ
своего войска,

О, сядь же на свою четырехлѣтнюю, рыжую лошадь,
О, заставь же слѣдовать за собою сорокъ тысячъ
своего войска!

Дѣтеньшъ птицы гариди
Летаетъ, возрадивши крылья,
Отправившійся предводительствовать въ одиночествѣ,
Болѣзненный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеньшъ птицы беркута
Летаетъ, возрадивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣхъ,
Болѣзненный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеньшъ птицы коршуна
Летаетъ, возрадивши крылья,
Отправившійся предводительствовать своими,
Болѣзненный шадаръ цзянь-цзюнь!

Дѣтеньшъ птицы ястреба
Летаетъ, возрадивши крылья,
Отправившійся предводительствовать всѣми,
Болѣзненный шадаръ цзянь-цзюнь!

Поднимается дорожная пыль,
То пыль желто соловой лошади;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ молодаго цзянь-цзюня.

Поднимается дорожная пыль,
То пыль черно сѣрой лошади;
Поднимается черное облако (= туча),
То свистъ милостиваго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль вихря,
То пыль быстрого соловко;
Поднимается дождливое облако,
То свистъ счастливаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль въ степи,
То пыль сине сѣрой лошади;
Поднимается пушистое облако,
То свистъ болѣзнаго цзянь-цзюня.

Поднимается пыль на сѣверной сторонѣ,
То пыль неuka соловко;
Поднимается полосатое облако,
То свистъ хитраго цзянь-цзюня.

Мѣстность, въ которую отправился онъ укрываться,
Пять горъ опоясанныхъ;
Войско, которое отправилось осаждать (его),
Войско тридцати тысячное.

Голубая (лошадь), масти облака
На выстойкѣ въ городѣ Пекинѣ;
Отправившійся, страстно предавшись своимъ дѣламъ,
Болѣзненный шадарь цзянь-цзюнь.

Изъ разсмотрѣнія этой пѣсни оказывается, что въ памяти народной сохранилось въ нѣкоторыхъ подробностяхъ только одно обстоятельство изъ жизни Цэнгунь чжаба — это его гибель и при томъ въ такихъ подробностяхъ, которыя не даетъ намъ ни одинъ изъ китайскихъ и монгольскихъ историческихъ памятниковъ: здѣсь указываются точно мѣста, въ которыхъ укрывался Цэнгунь чжабъ отъ преслѣдованія китайскихъ войскъ, — это Бүсүтэйнь табунъ ѱла, — въ письменности Китайцевъ «Ву тологой». Это послѣднее названіе вѣроятно имѣли въ виду сообщить гг. Бутины, заимствовавшіе свой рассказъ о Цэнгунь чжабѣ несомнѣнно изъ устъ народа, но передававшіе его безъ малѣйшаго знанія исторіи Китая, на что указываетъ ихъ заключеніе о времени возмущеній Цэнгунь чжаба: «событіе это совершилось въ началѣ настоящаго столѣтія, въ послѣдніе годы царствованія

Канси (??)*). Собрание болѣе подробныхъ народныхъ свѣдѣній о Цэнгунь чжабѣ можно находить въ статьѣ Шишмарева о Дархатахъ**), хотя въ собственно научномъ отношеніи она отличается тѣми же качествами, какъ и сказаніе Бутиныхъ.

Вообще эпическія пѣсни Ёлотовъ почти не заключаютъ въ себѣ описаній историческихъ событій; говоря же о своихъ герояхъ они не обрисовываютъ ихъ дѣятельности, а только окружаютъ ихъ такими неопредѣленными и общими чертами богатырей, которыя одинаково приписываются у всѣхъ народовъ какъ мифическимъ, такъ и дѣйствительно существовавшимъ историческимъ личностямъ. Оттого въ эпическихъ пѣсняхъ Ёлотовъ чрезвычайно трудно приуроченіе пѣсни къ извѣстному лицу, особливо вслѣдствіе недостаточности свѣдѣній по исторіи Ёлотовъ вообще. Такимъ образомъ въ томъ же хошунѣ Уланъ ком'скихъ Дорбѣтовъ мною записана была пѣсня о Шуну-батурѣ; пѣсня чрезвычайно распространенная въ народѣ и тѣмъ не менѣе дѣятельность Шуну, время его жизни, мѣстожителство и даже принадлежность тому или другому роду не только для насъ, но и въ самомъ народѣ положительно не извѣстны, характеръ же пѣсни не даетъ ничего, кромѣ обширнаго поля для всякаго рода предположеній.

ханъгай хāни шиль-дү
 наранай гэрэл тусунай
 хаиртай ламайн дэргэдэ
 гэгэнэй шабинар цугларанай.

далбалзасан боротой
 далан цокимо залатай
 дагинан хубилган шуну-ни
 дацанъ дан үлү мөргөдөк.

эрбэльеэсэн боротой
 эмыйгэн цокимо залатай

*) Историч. очеркъ сношеній Русскихъ съ Китаемъ. Иркутскъ. 1871 г., стр. 68.

**) Изв. Сиб. отд. Географ. Общ. Т. II, № 3.

эрбэгэр бичихан шуну-ни
эзэн-дэн үлү золгодок бй.

галүни шильби ганзатай
гашүн көкө тамакитай
галдамайн хубилган шуну-ни
ганчжуртан үлү мөргөдөк.

хонийн шильби ганзатай
хурца көкө тамакитай
хормустайн хубилган шуну-ни
хурул-дан үлү мөргөдөк.

цэни шильби ганзатай
цэль көкө тамакитай
цэригьин нойон шуну-ни
цэцэн-дэн үлү золгодок бй.

тэмэцши үгә газарыйги
шунуйн зэрдэ тэмэцэнэй
таташи үгә нумуйги
шуну гакцаран татанай.

дабаши үгә дабайги
шунуйн зэрдэ дабадак
даруши үгә дайсуныйги
шуну гакцарā дарунай.

кэрэши үгә кэдэрэйги
шунуйн зэрдэ кэдэрэнэ
кэлэши үгә дайсуныйги
шуну гакцарā дарунай.

шургуши үгә бутуйги
шунуин зэрдэ шургунай
шургуши үгә дайсуныйги
шуну гакцаран дарунай.

Переводъ.

На пригорокъ Хангай хана
Падаетъ солнечный лучь;
Окрестъ милостиваго ламы
Собираются ученики гэгэна.

Имѣющій плавно покачивающагося на бѣгу сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что)
ударяетъ лопатку,

Воплощеніе Дакини Шуну
Не кланяется въ своемъ дацанѣ.

Имѣющій озирающагося по сторонамъ сивку,
Съ кистью на шапкѣ, которая (длинна до того, что) уда-
ряетъ ключицу,

Ехидный маленькій Шуну
Не выдается съ своимъ повелителемъ.

Имѣющій трубку изъ гусиной голени,
Имѣющій горькій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Галдамы — Шуну
Не кланяется своему ганчжурю.

Имѣющій трубку изъ овечьей голени,
Имѣющій крѣпкій, зеленый табакъ,
Воплощеніе Хормусты — Шуну
Не кланяется въ своемъ богослуженіи.

Имѣющій трубку изъ лебединой голени,
Имѣющій совершенно зеленый табакъ,
Военачальникъ Шуну
Не выдается съ своими мудрыми.

Въ мѣстности, невозможныя къ ѣздѣ,
Шунуевъ рыжка направляется,
Не натягиваемые луки
Шуну одинъ натягиваетъ.

Непроходимые перевалы
Шунуевъ рыжка переваливаетъ,
Не поборимыхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Непроходимыя тропинки
Шунуевъ рыжка проходитъ,
Несказанныхъ враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Среди непролазныхъ кустовъ
Шунуевъ рыжка проскользаетъ,
Стоящихъ стѣнами враговъ
Шуну одинъ побѣждаетъ.

Сказанія о Шуну, повидимому, распространены въ насто-
щее время у всѣхъ племень, населявшихъ древнюю Чжунгарію,
Радловъ находилъ ихъ какъ у Алтайскихъ Теленгутовъ такъ и
Киргизовъ. По Теленгутской легендѣ Шуну является по проис-
хожденію принадлежащимъ къ Ойратамъ, но къ какому именно изъ
ойратскихъ племень неизвѣстно. Содержаніе легенды слѣдующее:
«Жилъ былъ ойратскій князь Конгодой. У него было двѣ жены; отъ
первой жены родился одинъ сынъ Шүню. Когда эта жена умерла,
Конгодой женился на второй, отъ которой родилось у него три
сына: Амиръ-сана, Тамиръ-сана и Галданъ-Цэрю. Младшіе
братья возненавидѣли Шүню, наклеветали на него передъ отцемъ
и Конгодой, напоивъ своего старшаго сына пьянымъ, столкнулъ
его въ яму, глубиною въ 60 саженой. Черезъ нѣсколько вре-
мени пришли къ Конгодою три человекъ съ желѣзными луками
и сказали ему: «кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы ста-
немъ платить дань; а если Конгодой не можетъ стрѣлять, пусть
онъ платитъ намъ дань. Три сына Конгодоя не могли даже и
поднять этихъ луковъ, они испугались и сказали: «надо взяться
за Шүню!» Поѣхали за Шүню, вытащили его изъ ямы и, под-
крѣпивъ его силы виномъ и кобыльимъ мясомъ, заставили его
стрѣлять. Шүню всадилъ множество стрѣлъ изъ своего лука въ
желѣзный порогъ отца, потомъ спросилъ себѣ принесенные
луки и, натянувъ ихъ всѣ сразу, выстрѣлилъ и сказалъ: «берите
прочъ эту дрянъ и убирайтесь вонъ!» Тогда тѣ три человекъ
ушли и стали платить дань. Не смотря на такую помощь, кото-
рую Шүню оказалъ своей семьѣ и народу, братья по прежнему
ненавидѣли его и хотѣли было отравить его; но, благодаря пре-
достереженіямъ, Шүню избѣжалъ смерти; впрочемъ этотъ но-
вый заговоръ имѣлъ такое сильное вліяніе на Шүню, что онъ
уже не возвращался домой, а перекочевалъ со всѣмъ своимъ
юртомъ *къ дядѣ своему Аюкѣ*. Послѣдній имѣлъ у себя дочь, ко-
торую выдалъ замужъ за Шүню. Когда Аюка сталъ старъ, онъ
сказалъ Шүню: «прими мой народъ, я сталъ уже очень старъ и
не могу управлять какъ слѣдуетъ». Шүню принялъ правленіе

надъ народомъ, но подданные его говорили: «этотъ Шүню негодный человекъ и не можетъ быть нашимъ главою». Шүню, услыхавъ это, бѣжалъ въ Русскую землю и поселился въ этой странѣ *). Такова Теленгутская легенда о Шуну. Къ ней мы можемъ приурочить только два стиха изъ нашей пѣсни: «не натягиваемые луки Шуну одинъ натягиваетъ», и «непоборимыхъ враговъ Шуну одинъ побѣждаетъ». Впрочемъ этотъ второй стихъ болѣе выясняется въ сказаніяхъ Киргизской легенды **). Нахожденіе пѣсни у племенъ древнихъ Ойратовъ конечно можетъ свидѣтельствовать до нѣкоторой степени, что Шуну дѣйствительно принадлежалъ къ ойратскимъ поколѣніямъ; но ни о личности ойратскаго князя Конгодоя, ни о Шуну мы не находимъ рѣшительно ни какихъ положительныхъ свѣдѣній. Что это за Аюка, женившій Шуну на своей дочери и потомъ уступившій ему свои владѣнія, все это вопросы на которые трудно отвѣтить; вѣрно только то, что это не тотъ Аюка, исторію котораго повѣствуютъ намъ какъ ойратскіе, такъ и русскіе памятники; о переходахъ какого либо князя съ именемъ Шуну въ русское подданство намъ также ничего не извѣстно. Считать за тѣмъ Шуну за монголо-ойратскую личность препятствуетъ намъ и самый характеръ пѣсни, потому что въ немъ не трудно замѣтить скорѣе укоризну, униженіе, презрѣніе къ герою, чѣмъ похвалу ему. Восхваляя подвиги Шуну, пѣсня прямо выставляетъ его дурныя стороны: онъ не кланяется въ своемъ дацанѣ, не выдается съ своимъ повелителемъ, не кланяется ганчжуру, не молится при богослуженіи, не выдается съ мудрыми. Ясное дѣло, что народъ признаетъ его измѣнникомъ своимъ обычаямъ, а такимъ не можетъ считать онъ своего роднаго героя, въ тоже время восхваляя его какъ непобѣдимаго богатыря. И такъ намъ кажется, что Шуну едва ли принадлежитъ къ монголо-ойратамъ, а скорѣе какая либо мифическая личность, память о которой сохранилась у всѣхъ древ-

*) Radloff. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd Sibiriens, T. I, 206—207.

**) Ibid. T. III, 367.

не-чжунгарскихъ племенъ и сказанія о которой приняли у каждаго изъ нихъ свой народный отгѣнокъ. Представляемая нами пѣсня о Шуну составляетъ, повидимому, одну изъ послѣднихъ редакцій, когда къ Өлөтамъ уже привился буддизмъ и когда они, подобно Халхасамъ, начали считать главнѣйшею укоризною для человѣка — измѣну буддѣйскимъ религіознымъ обрядамъ и на противъ высшую похвалу для всего земнаго привыкли выражать связью этого земнаго съ буддою. Этотъ характеръ значительно проникъ уже въ пѣсни Өлөтовъ и теперь на многіе чисто житейскіе предметы смотрятъ они какъ на произведеніе неба, привнося сюда по преимуществу понятія о буддѣйскомъ небѣ, заимствованныя изъ легендъ и сказокъ. Такимъ образомъ на пирахъ въ настоящее время Өлөты восхваляютъ свои музыкальные инструменты въ слѣдующей пѣснѣ:

хутуктү ламавар нойот-ба
хурусан бүгүдэн өмөнөсө
гурбун хұрыин аилганаса
наирыин эгәшик баринай.

бишигармайн урулусан
бирю дагинийн барисан
билигыин хұр намай гәчжи
бишанза гәчжи нәрэднэ.

зүдай модор урулусан
зүтэй йонгорор чибхудаласан
зүтэй ирү намай гәчжи
ятага гәчжи нәрэдэнэ.

асаралтү монголийн урулусан
акгаин килгасар чибхудаласан
аилгү сайтай намай гәчжи
йэкэли гәчжи нәрэднэ.

күмүн йәкэтэйн урулусан
күкшин йәкэли намай
гийчин күнъкүнэтэлэ хұрдахуйн цак-ту
күмүн бүгүдэр гайхунай.

хан эзэдыин цұлган-ду
хабутай сурусан уханаран

ханъгинаталà дэлэскүйн цакту
хамук бүүгдэр гайхунай.

дэдү тэнгрин орон-дү
миньган чибхудасутай ябулай
энэ монголын орон-дү
арбан хойор чибхудасутай килцэнэ.

буинтай монголын орон-дү
бурхан номын дэргэдэ
биши кэбтэй байсан надà
үдүльбэр гэжй-гомдол-үгà-ла.

Переводъ.

Предъ хутуктами, ламами и нойонами,
Предъ всѣми собравшимися
Отъ звуковъ трехъ инструментовъ
Приношу я пѣсню пира.

Меня, котораго сдѣлалъ Бишу-гарма,
Котораго держала Бирю дагини,
Вѣщій инструментъ —
Называютъ бишанца.

Меня, который сдѣланъ изъ дерева зүдай (?),
У котораго натянуты струны изъ шумливаго шелка,
Громко-звучнаго, —
Называютъ ятага.

Меня, котораго сдѣлали милостивые монголы,
У котораго натянуты струны изъ конскаго волоса,
Извѣстнаго своимъ благозвучіемъ,
Называютъ — йэкэли.

Когда на мнѣ, которую дѣлало множество людей,
Старушкѣ йэкэли
Гости играютъ съ шумомъ,
Всѣ люди удивляются.

Когда въ собраніи хановъ и князей
Съ полнымъ и опытнымъ умѣньемъ
Звучно ударяютъ по струнамъ
Всѣ удивляются.

Въ царствѣ высокаго неба
Была я тысяче-струнною,
Въ этой монгольской странѣ
Меня дѣлають о двѣнадцати струнахъ.

Въ странѣ добродѣтельныхъ монголовъ
Я, имѣвшая другой видъ
Передъ буддою и священнымъ ученіемъ,
Не тревожусь, почитая (это пребываніе) успо-
коеніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія конечно, что личное исповѣданіе буддизма
Олѣтами, особливо въ послѣднее время, имѣло вліяніе на болѣе
религіозное настроеніе ихъ умовъ вообще; но я приписываю
особенное значеніе въ этомъ случаѣ вліянію на олѣтскую націю
Халхасовъ, потому что изъ разсмотрѣнія народной литературы
Олѣтовъ оказывается, что всѣ народныя пѣсни, носящія на себѣ
религіозный, буддійскій оттѣнокъ, или ясно представляются заим-
ствованными Олѣтами изъ Халхи, или же восхваляютъ Халха-
совъ, рисуютъ ихъ религіозный бытъ, ставятъ ихъ въ образецъ,
однимъ словомъ непременно упоминають о нихъ.

шанъгайн ѓндѣр ѹла-дѹ
шарѹ уланъ цѣцѣк ни
шарѹинъ шачжѹинъ мандасанъ
манѹй ламѹинъ шабинѹр.

худургѹн-дѹнъ зокисанъ
хулѹ галзанъ лѹса ни
хубилганъ-дѹнъ зокирасанъ
манѹй ламѹинъ шабинѹр.

шикширгѹн-дѹнъ зокисанъ
шинъгѹнъ дѣльтѣй цабидѹр ни
ширѣдѹнѹи зокирасанъ
манѹй ламѹинъ шабинѹр.

кѢмѢльдѢргѹн-дѹнъ зокисанъ
кѢкѢ галзанъ лѹса ни
кѢдѢргѹн-дѹнъ зокирасанъ
манѹй ламѹинъ шабинѹр.

бсор-тән зокисан
уту цаган өргө-ни
оркомчжй-дән зокирасан
манай ламайн шабинар.

дундү йэкэ духань-ду
дунь бүрэгэн татанай
дөрбөн хошүн халха ни
эргюль мөргюль тальбинай.

хойту захайн өргө-тү
хоньхө дамаран дэльдэнэ
хорин хошүн халха ни
эргюль мөргюль тальбинай.

өндөр йэкэ сүмэ-дү
өдөрийн табун хурултай
өглигөйн эзэт нойодьин
өльмө шабдан батудбай.

Переводъ

На высокой горѣ Шангайнъ
Желтые и красные цвѣточки;
Распространившіе желтую вѣру
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ пахвей
Саврасый мулъ съ лысиной;
Пристойны для своихъ перерожденій
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своихъ привѣсокъ
Рѣдкогривый игренька;
Пристойны для своей каеэдры
Ученики нашего ламы.

Ловокъ для своего поперся
Голубой мулъ съ лысиной;
Пристойны для своей мантии
Ученики нашего ламы.

Ловка для своего пояса
Длинная, бѣлая юрта;
Пристойны для своего оркимчжи
Ученики нашего ламы.

Въ среднемъ большомъ храмѣ
(Ламы) трубятъ въ свои раковины;
Четыре хошуна Халхасовъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ юртѣ (находящейся у) сѣвернаго края
(Ламы) ударяютъ въ свои колокольчикъ и дамару;
Двадцать халхаскихъ хошуновъ
Исполняютъ хожденія вокругъ и поклоненія.

Въ высококомъ большомъ храмѣ
Имѣется пять служеній въ день;
Утвердились стопы
Милостынедателей и князей.

Въ характерѣ пѣсни очевидно сочувствіе буддизму, но дѣйствующими лицами являются здѣсь не сами Ёлѣты, а извѣстные своею преданностію религіи — Халхасы. Пѣсенъ, посвященныхъ изображенію исполненія какихъ либо религіозныхъ обрядовъ, таинствъ и церемоній одними только Ёлѣтами, повидимому, не имѣется вовсе, равно какъ чужды Ёлѣтамъ и пѣсни, толкующія объ отвлеченныхъ религіозныхъ истинахъ; составленіе такихъ пѣсенъ, кажется, даже и не въ характерѣ Ёлѣтовъ: поэтому то если такого рода пѣсни и слышатся иногда изъ устъ Ёлѣта, то всегда не трудно бываетъ замѣтить, что онѣ привнесены въ жизнь Ёлѣтовъ Халхасами. Лучшимъ указаніемъ сего служитъ конечно самый языкъ этихъ пѣсенъ, всегда сохраняющихъ въ себѣ отгѣнки халхаскаго нарѣчія, а за симъ къ этому же выводу о заимствованіи религіозныхъ пѣсенъ изъ Халхи необходимо должно привести насъ и наблюденіе надъ самою жизнію Ёлѣтовъ. Въ самомъ дѣлѣ буддизмъ еще и до сего времени развился у Ёлѣтовъ чрезвычайно слабо: доселѣ они не имѣютъ у себя ни настоящихъ гэгэновъ, ни хутухтъ; въ монастыряхъ ихъ нѣтъ не только панитскихъ школъ, а даже и вовсе нѣтъ ламскихъ училищъ, — изученіемъ догматики буддизма они не занимаются вовсе, да пожалуй не ищутъ даже и объясненій обрядовой стороны своей религіи; естественно посему, что въ пѣсняхъ Ёлѣтовъ трудно

искать отвлеченностей догматическаго ученія, равно какъ и въ самыхъ Ёлотахъ сочувствія къ подобнаго рода пѣснямъ халхаскимъ. Вотъ почему Ёлоты даже заимствуя пѣсни у Халхасовъ выбираютъ не тѣ изъ нихъ, которыя толкуютъ о догматическихъ отвлеченностяхъ, а напротивъ тѣ, въ которыхъ видна жизнь, въ которыхъ больше земнаго и матеріальнаго, чѣмъ духовнаго и отвлеченнаго, въ которыхъ наконецъ прекрасное является очевиднымъ, а не гадательнымъ и фантастичнымъ. Такимъ образомъ у Ёлотовъ представляются весьма распространенными хвалебныя пѣсни въ честь халхаскихъ городовъ, монастырей, храмовъ, однимъ словомъ хвалебныя пѣсни въ честь предметовъ, поражающихъ душу всякаго кочевника. Какъ новое доказательство реального направленія духа Ёлотовъ замѣчательно за симъ то, что хвала монастырей и храмовъ въ ёлѣтскихъ пѣсняхъ преслѣдуетъ только внѣшнюю, видимую сторону этихъ предметовъ; духовное же значеніе и святыня ихъ, которыя по преимуществу приковываютъ къ себѣ вниманіе Халхасовъ, у Ёлотовъ не вызываютъ почти совершенно никакого сочувствія. Лучшимъ образцомъ этого я могу указать пѣсню, составленную въ честь Урги. Пѣсня эта появилась по первоначально несомнѣнно въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Ургѣ и можетъ быть даже въ самомъ этомъ городѣ; но странно, что я не только не слыхалъ ее въ самой Ургѣ, а даже въ аймакѣ Тѣшѣту хана и едва въ первый разъ могъ записать въ Улясутаѣ; у Ёлотовъ напротивъ эта пѣсня такъ распространена, что ее знаетъ почти каждый малютка. Все это конечно обусловливается сочувствіемъ народа къ предмету пѣсни и къ характеру ея изложенія, а слѣдовательно дѣлается очевиднымъ, что то, что не нравится Халхасамъ, пользуется полнымъ сочувствіемъ у Ёлотовъ. Вотъ эта пѣсня въ ёлѣтской редакціи:

ёндѣр богдѣ-йн арудѣ
 эргѣн тѣлайн кѣбѣдѣ
 сэрѣюн сѣльмѣн дѣнчжидѣ
 манай богдѣйн кѣрѣ ни

күрѣни хорин долон аймак ни
күрѣлэчжи аймаглѣт
хото мандал шинчжитэй
эрѣльзэчжи тунуглѣт
хото бүгүдэсэ майматай
хошү бүгүдэсэ чжисатай
дотоду эзэнэсэ амбаньтай
халха моньгол чжаньчжиньтай
байгулусан духань ни
бату сумбур шиньчжитэй
баса олон хуварак
далай ламаса луньданьтай
дай пин ханаса тамагатай
далай цэцэн шанзотбатай
цэбэр гольшик сыйбуньтай
цэцэн сайхан донир тай
цагьйиги үзэччи зурхайчитай
цазайги шүкү сайдүт-тай
идэр луйн дүтай
экэйн дбрбон уньзат-тай
тойн тормойт лама-тай
дошкисан шумнуйги даручжи
дброту маньйиги өрөшб.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу бурливой Толы,
(Стоящій) въ прохладной и чистой атмосферѣ
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Расположилось (въ немъ) отдѣлами кругомъ,
Онъ имѣеть видъ хото мандала,
Свѣтится пестрѣя.
Въ немъ торговля изо всѣхъ городовъ,
Въ немъ очереди (служебныя) изо всѣхъ хошуновъ,
Въ немъ амбань отъ срединнаго повелителя,
Въ немъ цзянь-цзюнь халхаскихъ монголовъ.
Основанные въ немъ храмы
Имѣють видъ непоколебимой (горы) Сумэръ,

А множество духовныхъ лицъ
Имѣютъ наставленія отъ Далай ламы.
Въ немъ печать отъ императора Дай-пингъ,
Въ немъ шанцзотба — море мудрости,
Въ немъ чистоплотные, опрятные сойбуны,
Въ немъ мудрые, хорошіе дониры,
Въ немъ астрономы, изслѣдующіе время,
Въ немъ вельможи, судящіе о законахъ,
Въ немъ четыре главные унзата,
У которыхъ голосъ какъ у молодыхъ драконовъ;
Въ немъ ламы изъ князей и тайчжіевъ,
Подавивъ злаго демона,
Благословите недостойныхъ насъ!

Въ Халхѣ и именно въ Улясутаѣ пѣсня эта была записана мною въ слѣдующемъ видѣ:

үндүр богдойн арудү
үргүн төлайн хүбөдү
сэрюн цэлымэн дэнчжитэй
манай богдойн хүрв би.
хүрвнэй хорин долон аймак нй
эръльцэчжи харакданай
хотò мандал шинчжитэй
мэльтэцэчжи тунунай
байгулусан дугум ни
батү сумэрийн шинчжитэй
баричжи түрүсэн бэйгэ ни
окторгдй тулумү туятай
түмэн хуварагыйн манца ни
далай мэтү мэлымэлцээт
далай цэцэн шанцзобá-тай
дархан нирба олон-гай
далай мэтү сань-гай.
цэцэн сайхан унцат-гай
цэбэрхэн сайхан лама-гай
идэр лү-йн дүтай
йэхэйн дүрбүн гэскүй тэй
идэр лү-йн дүтай

хурулын хойр бүрчигтэй
барын сүл бариху
батур улан халгачитай
хур бариху хянар-тай
хүлийги мэдэху сайдүт-тай.
цагыйги үцээху цэурхайчи-тай
цацзайги бариху сайт-нар-тай
бир янгтай бариху
билигийн хурдун бичьчи-тэй
мүргүлийн йэхэ асар-тай.
мүнхэ бүсүйн ордн:
дотбуйн оронбсо майматай
ару халхайн цзянь-цзюнь тай
гуруни эпү чжисатай
далан нигэн дугумчитэй
гурбан отогийн харул-тай
энэ дүйги дүласан
хорин цзурган насутай
лубсан-дондок нэрэтэй
эймихэн дүлабай.

Переводъ.

На сѣверной сторонѣ высокой Богдо,
На берегу широкой Толы находится
Имѣющій прохладную и чистую атмосферу
Монастырь нашего святителя.
Монастырскихъ двадцать семь аймаковъ
Виднѣются пестрѣясь,
Они имѣютъ видъ хото мандала
И свѣтятся рябѣя.
Построенные въ немъ (монастырѣ) храмы
Имѣютъ видъ непоколебимой Сумэръ
Воздвигнутый составъ его
Бросаетъ лучи, достигающіе до небесъ;
Чай — трапеза 10 тысячъ ламъ его
Кольшется какъ море.
Въ немъ Шанцзотба море мудрости,
Онъ славенъ множествомъ искусныхъ казначеевъ,

Въ немъ казначейство -- что море;
Въ немъ мудрый, прекрасный умзатъ,
Въ немъ чистоплотные, прекрасные ламы,
Въ немъ четыре великіе гэскуя,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ два хурульные трубача,
Имѣющіе голосъ молодаго дракона;
Въ немъ богатырь, красный привратникъ,
Держащій барсовый хвостъ;
Въ немъ адъютанты, держащіе музыкальные инстру-
менты;

Въ немъ вельможи, знающіе законы;
Въ немъ астрономы, изслѣдующіе время;
Въ немъ сановники, держащіе законы;
Въ немъ мудрые и скорые писцы,
Держащіе кисть и чернильницу;
Въ немъ громадныя мезонины (храмовъ) для поклоненія,
Предметы міра тлѣннаго:
Въ немъ торговля изъ срединнаго царства,
Въ немъ цзянь-цзюнь сѣверной Халхи,
Въ немъ очереди изъ императорскихъ зятъевъ,
Въ немъ семьдесятъ одинъ сторожъ храма,
Въ немъ караулы отъ трехъ родовъ.
Пѣвшій эту пѣсню,
Двадцати шести лѣтній
Лубсанъ Дондокъ по имени
Этакъ-то пропѣлъ.

Разбирая обѣ редакціи этой пѣсни не трудно замѣтить, что халхаская редакція гораздо обширнѣе ѳлѣтской, но за то нельзя не замѣтить и того, что эта халхаская редакція значительно уступаетъ ѳлѣтской въ изящности отдѣлки и въ красотѣ изложенія всей пѣсни вообще, а равно стройности, законченности и цѣльности ея отдѣльныхъ періодовъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствуесть, что ѳлѣты больше интересуются пѣсней, чѣмъ Халхасы. Въ халхаской редакціи наконецъ мы замѣчаемъ странности и по самому смыслу: къ чему напримѣръ приписывается въ ней громозвучный голосъ безмолвствующимъ гэскуямъ и муд-

рость запѣваламъ-умзатамъ? Ясно, что атрибуты этихъ двухъ званий перемѣшаны между собою, и отъ того въ общемъ строѣ рѣчи является несообразность, которую не допускаетъ у себя Ѡлѣтская редакція, съ любовію заботившаяся какъ о внѣшней отдѣлкѣ, такъ и о самомъ содержаніи пѣсни. Халхасы наконецъ не утерпѣли чтобы не сдѣлать и въ этомъ простомъ, картинномъ описаніи особаго дѣленія для предметовъ тлѣннаго, матеріальнаго міра, причисляя сюда — торговлю, какъ заботу о мірскихъ интересахъ, олицетворяя идею о войнѣ въ лицѣ цзянь-цзюня и — высокаго положенія въ свѣтѣ въ лицѣ императорскаго зятя; но за сямъ къ этому же отдѣлу указанія суетныхъ предметовъ тлѣннаго міра они примкнули и сторожей храма. Какимъ образомъ упоминаніе о нихъ занесено въ этотъ отдѣлъ сказать объ этомъ трудно что либо кромѣ того, что Халхасы, какъ не сочувствующіе этой пѣснѣ, не заботились объ ея стройной и логичной цѣльности; Ѡлѣтамъ напротивъ нравилось это полное, картинное изображеніе городской жизни и, хотя по началу они заимствовали его у Халхасовъ, но теперь передаютъ это заимствование лучше самихъ творцевъ оригинала.

Такимъ образомъ изъ сличеній и разбора этой пѣсни оказывается таже самая склонность Халхасовъ къ сужденіямъ и воспѣванію отвлеченности, каковую видѣли мы и въ спеціальномъ изслѣдованіи халхаскихъ пѣсней; далѣе, какъ намъ кажется, представленная пѣсня свидѣтельствуетъ объ отличномъ направленіи духа Ѡлѣтовъ, а вмѣстѣ съ симъ проявленій его — народной литературы. Мы не хотимъ однако сказать этимъ того, чтобы у Ѡлѣтовъ вовсе не было религиозныхъ пѣсней. Шастирь, какъ называютъ Ѡлѣты эти пѣсни, не только существуютъ въ народѣ, но число ихъ можно сказать увеличивается годъ отъ году, по мѣрѣ того какъ буддизмъ болѣе и болѣе проникаетъ въ массу и обращаетъ простолюдиновъ въ ламъ, изучающихъ буддійскіе молитвенники и начинающихъ смотрѣть на все глазами религіи. Но Халхасы уже вполне достигли этого: обыкновенная рѣчь Халхасовъ перемѣшивается съ текстами ихъ молитвъ, какъ

Французскія выраженія въ русскомъ разговорѣ московской салонной барыни; оттого нѣтъ ничего удивительнаго, что изящныя произведенія народнаго творчества Халхасовъ не только постоянно трактуютъ о духовномъ, но и почти сплошь состоятъ изъ книжныхъ выраженій. Олѣты еще далеко не дошли до этого: религіозныя понятія даже въ средѣ ихъ ламства не отдѣлились еще отъ народныхъ суевѣрій; они мало знакомятся съ положительнымъ ученіемъ буддизма, отъ того и самые образы предметовъ духовнаго міра, которые рисуютъ они въ своихъ пѣсняхъ, не носятъ на себѣ черты, придаваемыя имъ религіозными номами, а облекаются въ тѣ формы, которыя придала имъ фантазія народа. Лучшимъ примѣромъ для сего мы представляемъ носящую на себѣ религіозный характеръ пѣсню Ханбо ламы монастыря дѣрбѣтскаго вана, личности, которая уже по своему положенію, казалось, должна быть вышею по своему богословскому образованію въ народѣ.

бурханай шачжин окторгдй
 богдо тэндэсэ нй ѳрошѳтѳгэй,
 буйн кисэн кумѳги
 бурхан тэндэсэни уктунай;
 нуль кисэн кумѳги
 нүцүгүн шүлмүс уктунай,
 күцү йэкэ-тэй арсалан
 күркүрэт тоглочжи наданай;
 күмүнэй күсэл-й ханъгакчи
 лама гурбун эрдэни;
 очир вани бурханыйги
 орой дэрэн шүтүйѳ;
 олон кисэн килинцэдѳн
 улум хойнон гэмшійѳ;
 махагала бурханыйги
 манънай дэрэн шүтүйѳ;
 магаг кисэн килинцэдѳн
 манійган умшичжи цзалбарійя
 зүн найман эрикэйги
 зүкэн мотор-тан татайя;

зурган үзүк манійган
зүрүкэн дунда санайа;
бадма эжитэй күрдүйги
барун гартан барийа
бардат ирэхү дайсуньйги
батурхан ямандага-дэн дадахуйя.

Переводъ.

Буддйской вѣрѣ небесный
Святитель да покровительствуетъ отсюда,
Добродѣтельнаго человѣка
Да встрѣтитъ божество отсюда.
Человѣка, дѣлавшаго грѣхи,
Да встрѣтитъ голый бѣсъ.
Левъ, славный своею большою силою,
Рыча и прыгая, играетъ;
Удовлетворяющія человѣческія пожеланія
Лама и три драгоцѣнности.
Будемъ надѣяться больше всего
На бурхана Очирвани;
Будемъ постепенно раскаяваться
Во множествѣ сдѣланныхъ грѣховъ.
Будемъ преимущественно уповать
На бурхана Махагалу;
Будемъ молиться, читая мани,
О своихъ дѣйствительно сдѣланныхъ грѣхахъ.
Четки изъ ста восьми шариковъ
Будемъ перебирать въ своей лѣвой рукѣ;
О шести слогахъ мани
Будемъ помышлять въ сердцѣ.
Күрдэ съ маковкою бадмы
Будемъ держать въ правой рукѣ;
Быстро приходящаго врага
Заставимъ слѣдовать за богатыремъ Ямандагой.

Вотъ блѣтская религіозная пѣсня и развѣ же возможно сравненіе ея съ представленными нами такими же халхаскими, хотя бы то пѣснею о Дамдинъ дорликѣ, или составленною на пригла-

шеніе ургинскаго хутухты, или наконецъ нравственно-религіозною, приписываемою Мергэнъ вановскому Галсанъ Цэрэну? Конечно нѣтъ; потому что какъ языкъ, такъ и содержаніе тѣхъ пѣсенъ ясно свидѣтельствуютъ о богословской учености творцевъ ихъ: они говорятъ текстами изъ буддійскихъ номовъ, рисуютъ образы, заимствуя черты ихъ изъ религіозной книги, преподаютъ нравственное ученіе, объясняя его рациональныя и догматическія основы. Правда, что и здѣсь предлагаются тѣже нравственные совѣты — дѣлать добро, молиться и читать мани; но эти совѣты говорятся въ самыхъ простыхъ и чуждыхъ книги выраженіяхъ, они очевидно предназначаются дѣйствовать на сердце въ простотѣ, потому что имъ не предпосылается никакихъ отвлеченныхъ толкованій, убѣждающихъ умъ въ суетѣ видимаго міра и возвышенности духовнаго начала. Когда же заходитъ рѣчь объ основахъ для дѣланія добра, то опять таки въ ѳлѳтской пѣснѣ эти основы очевидно берутся не изъ книжныхъ, догматическихъ, богословскихъ разсужденій, а заключаютъ въ себѣ чисто народные представленія, что «человѣка, дѣлавшаго грѣхи, встрѣтитъ оттуда (откуда?) бѣсъ», да еще голый.

Понятно, что если такова пѣсня, составленная представителемъ богословской учености въ народѣ, то намъ не трудно заключить на сколько ученіе буддизма проникло въ народную массу вообще; иначе сказать, не трудно предположить, что преданность буддизму, а еще болѣе основательное изученіе его какъ идеала знаній пока еще очень далеки духовной природѣ ѳлѳтовъ. Дѣйствительно мы можемъ повторить снова, что религіозная пѣсня и до нынѣ рѣдко слышится изъ устъ ѳлѳта простолюдина и большинство пѣсенъ его — это воспѣваніе природы, родныхъ кочевьевъ и роднаго крова, предметовъ домашней жизни и пр. Пѣсни эти по большей части кратки, малосодержательны и однообразны; но за то всѣ они отличаются цѣльностію, и въ то время какъ въ халхаской пѣснѣ за частую не найдешь основной мысли, которая проходила бы чрезъ все произведеніе, въ пѣсняхъ ѳлѳтовъ почти всегда наталкиваешься на одни и тѣже слова, что и

производитъ однообразіе ихъ построенія. Обыкновенный способъ сложенія ѓлѣтской пѣсни это или воспѣваніе одного какого нибудь предмета чрезъ разнообразіе его предикатовъ, или исчисленіе различныхъ предметовъ при единствѣ приписываемаго имъ предиката; иногда дѣло доходитъ даже и до того, что какъ предметъ пѣсни такъ и предикатъ его остаются одни и тѣже, различіе же заключается только въ постановкѣ двухъ-трехъ эпитетовъ. Все это мы видѣли уже отчасти въ примѣрахъ эпическихъ пѣсень, теперь же для образца представляемъ еще одну народную пѣсню позднѣйшаго происхожденія.

алтан аралѣйн амта ни сайхан,
 абуракчи богдѣйн ѓрѣшѣл ни сайхан,
 хабурыйн цагыйн зѣлгѣ ни сайхан,
 хати манънугыйн эрѣ ни сайхан,
 зунай цагыйн зѣлгѣ ни сайхан,
 зулзаган манънугыйн эрѣ ни сайхан,
 зѣчжи бѣху-дѣ зѣлгѣ ни сайхан,
 зѣбчилѣчжи кѣдѣкѣ-дѣ эзѣн-ни сайхан,
 эргичжи бѣху-дѣ эчжи ни сайхан,
 эбэрѣнѣн нѣурыйги ѣзѣкѣ дѣ толи ни сайхан,
 далайн дундуки дабасун ни сайхан,
 дацангыйн дундуки лама ни сайхан,
 нѣурыйн дундуки нугусун ни сайхан,
 нутугыйн дундуки нойот ни сайхан,
 цѣнъгѣлѣр залаху-ду лама ни сайхан,
 цѣриглѣт мордоху-ду нойѣн ни сайхан.

Переводъ.

Хорошъ вкусъ кукурузы,
 Хорошо благословеніе спасительнаго святителя,
 Хорошъ лугъ весенняго времени,
 Хороша пестрота плотной, шелковой матеріи,
 Хорошъ лугъ въ лѣтнюю пору,
 Хороша пестрота нѣжной, шелковой матеріи,
 Хорошъ лугъ для остановки при перевозкѣ тяжестей,
 Хорошъ господинъ для бесѣды при совѣщаніи,

Хороша мать, чтобы пожить (у нея) послѣ долгихъ раз-
ѣздовъ,

Хорошо зеркало, чтобы посмотреть свое лицо,
Хороша соль, находящаяся въ морѣ,
Хороши ламы, живущіе въ монастырѣ,
Хороши утки (плавающія) посреди озера,
Хороши князья, живущіе въ родныхъ кочевьяхъ,
Хорошъ лама, чтобы пригласить его радостно,
Хорошъ князь, чтобы отправляться въ походъ.

Но эта пѣсня, говорятъ Олѣты, очень новая, да при томъ по своему составленію она едва ли и принадлежитъ всецѣло Олѣтамъ, а вѣроятно занесена и передѣлана какимъ нибудь странствующимъ ламою. Къ этому заключенію приводитъ меня съ одной стороны то, что почти совершенно такую же пѣсню повстрѣчалъ я у Забайкальскихъ Бурятъ, а съ другой и то, что при соображеніи характера Олѣтовъ, мнѣ кажется, будто и въ этой пѣснѣ сравнительно много говорится объ отвлеченныхъ предметахъ и религіи: обыкновенно буддѣ посвящается въ олѣтскихъ пѣсняхъ много два, три слова. Идеалы олѣтской жизни, какъ уже было сказано, далеки отъ буддизма, полны жизни мірской, заботами о матеріальномъ благѣ; отъ того и самая жизнь Олѣтовъ дѣятельнѣе, все духовное существо ихъ бодрѣе, они веселѣе смотрятъ на окружающее, находя въ немъ свой покой и свое счастье. Вотъ одинъ изъ свадебныхъ пѣсенныхъ привѣтовъ, рисующихъ идеалы Олѣта: онъ обыкновенно поется невѣстѣ за одною изъ многочисленныхъ чарокъ, выпиваемыхъ на этомъ торжествѣ.

ондѡр ѡэкэ добѡн-ду гэрѡн баричжѡ
ѡргѡн ѡэкэ ширѡк-тѡ элѡн татачжѡ
ѡдѡрѡйн сѡйги ѡнчжилѡчжѡ
сарѡйн сѡйги сакичжѡ
санѡни амѡр
салькѡни токтѡн
сѡйхан амѡр чжиргачжѡ бѡйху дѡ
ѡлѡн ѡвтѡ тѡнѡгѡр чинѡ ѡрѡшѡчжѡ

ōдэн ибтэ нойдт чини өрөшōчжи
буинни өмөнō кōлōн чжййчжи
бурханни өмөнō тологойган баричжи
дэдү йэкэсыйги номорон ханьгачжи
дōроту муги өглигōрōн ханьгачжи
тосун аматай
торгон чирайтай
ōкōн аматай
ōргōн чирайтай байху дү
хан нойдт-ту хаиртай больчжи
хазартай мōрōр шанънүльчжи
эзэн нойдт-тан эльтэй больчжи
эмэльтэй мōрōр шанънүльчжи
эн үгä торгон энънэчжи
экэ захайги хадачжи
тō үгä торгон тōмночжи
тобчи бүчийни хадачжи
хойгүр торосон-дэн
хони хуругун өкчи
өмөнүр торосон-дэн
унугун даган өкчи
тōльгōн таниши үгä байн
төрөлōн таниши үгä өнōр өткōн больчжи
саланни сарбагар
өсөкэйн өргōн
уту насутай
удан чжиргалтай байху дү
орбрāн дүрэн окитай
күнчжилэрэн дүрэн күбүтэй
шаламтай күбүги шачжин-дэн баричжи
шалбур-тай күбүги төрөдōн баричжи
шарā атайги бэчжин-дү хомночжи
шанъхактай актайги бэлэк-тү баричжи
шарā тологойтай иргэйги шүсүн-дү баричжи
хунь дүтай атайги бэчжин-дү хомночжи
хулун чикитэй актайги бэлэк-тү баричжи байху дү
дүтай харā нохойги өдэн дэн хуцүльчжи
дōроту мū күнэр аргасу түлгэчжи
дунду мū күнэр адүган манүльчжи
эркин күнэр малан харүлгачжи

хайкирачжй кӱрӱшй ӱгà бэлчиртэй
хамук-ту кӱсэждэжӱй йэкэ нэрэтэй больчжй
хамугй гэйгӱлӱкчи нара мэтӱ мандачжй
набчй мэтӱ дэлгэрэчжй
насу́н турши чжиргачжй сӱхӱйн бэлэк шингэбӱй.

Переводъ.

Чтобы строить тебѣ свой домъ на высокомъ, большомъ бугрѣ,
Протянуть свою улицу по широкому, большому пригорку,
Проводить хорошее время дня,
Соблюдать хорошее время мѣсяца,
Имѣть спокойствіе духа,
Имѣть тишину вѣтра,
Веселиться хорошенько въ безмятежій; а когда (все это) будетъ,
Чтобы посылали (тебѣ) милости небеса твои сквозь облака,
Чтобы посылали (тебѣ) милости князя твои сквозь двери,
Чтобы направлять (тебѣ) свои ноги предъ добродѣтелью,
Чтобы держать свою голову передъ буддою,
Чтобъ наслаждаться (тебѣ) своимъ ученіемъ высшихъ,
Чтобъ удовлетворять своею милостынею низшихъ,
Имѣть масляный ротъ
Имѣть шелковое лицо,
Имѣть сальный ротъ,
Имѣть широкое лицо; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ быть (тебѣ) въ милости у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадыю съ уздою,
Чтобъ имѣть (тебѣ) дружбу у хановъ и князей,
Побудить ихъ къ награжденію (тебя) лошадыю съ сѣдломъ,
Чтобъ надѣвать на себя шелкъ безъ мѣры,
Чтобъ пришиливать самый высокій воротъ,
Чтобъ надѣвать (тебѣ) шелкъ безъ числа,
Чтобъ прикалывать застѣжки и ленты,
Чтобъ давать овецъ и ягнятъ идущимъ позади,
Чтобъ давать сосунковъ, стригунковъ попадающимъ на встрѣчу,
Чтобъ быть невѣдомо богатою ягнятами,
Чтобъ быть невѣдомо обширною родствомъ,
Развалистою какъ вѣтвь,
Широкою какъ пятка,

Имѣть длинный вѣкъ,
Имѣть долгія радости; а когда (все это) будетъ,
Чтобъ имѣть (тебѣ) полную кровать дѣвочекъ,
Полно одѣяло мальчиковъ,
Чтобъ посвятить тебѣ мальчиковъ, носящихъ шаламъ*), своей
вѣрѣ,
А мальчиковъ, носящихъ штаны**), посвятить своему правленію,
Сѣдлатъ желтаго верблюда въ Пекинъ,
Дарить въ подарокъ мерена съ завивкою на гривѣ,
Давать въ провизію желтоголовыхъ барановъ,
Чтобъ сѣдлатъ верблюда съ лебединымъ голосомъ въ Пекинъ,
Чтобъ дарить тебѣ мереновъ съ куланьими ушами; а когда (все
это) будетъ,
Чтобъ брехала у твоихъ дверей собака съ (звучнымъ) голосомъ,
Собирать тебѣ топливо черезъ низшій, черный людъ,
Стеречь ночью своихъ лошадей черезъ средній черный людъ,
Пасти свой скотъ черезъ важныхъ людей,
Имѣть выгонъ (изъ конца въ конецъ) не достигаемый крикомъ,
Имѣть великое, всѣмъ желанное имя,
Всходить какъ солнце, все освѣщающее,
Распускаться какъ древесный листъ,
Пожеланіе на всю жизнь довольнаго житія — свершилось!

Изложеніе заботъ о такого рода чисто матеріальныхъ бла-
гахъ жизни и пожеланій осуществленія ихъ въ дѣйствительно-
сти находимъ мы не въ однѣхъ только свадебныхъ пѣсняхъ, но и
во всѣхъ тѣхъ, которыя поются на обыкновенныхъ пирушкахъ.
Необходимо предположить отсюда что и интересы, останавли-
вающие на себѣ вниманіе Олѣтовъ, далеки духовнаго міра, воспрѣ-
заемаго Халхасами. Что же касается самыхъ стихотвореній и
пѣсень этого содержанія, то они носятъ у всѣхъ монголовъ во-
обще, а въ томъ числѣ конечно и у Олѣтовъ, особое названіе

*) Т. е. посвященныхъ въ духовное званіе; шаламъ собственно есть на-
званіе одной изъ шапокъ разныхъ формъ, ношеніе которыхъ присвоено ду-
ховнымъ лицамъ.

**) Т. е. оставшихся въ свѣтскомъ званіи, ибо ламы по обрядамъ буд-
дизма не носятъ штановъ, а родъ юбки, называемой банцзаль.

«йёроль» и составляютъ въ количественномъ отношеніи едва ли не самый важный отдѣлъ во всей народной, пѣсенной литературѣ Олоотовъ; распѣваются они обыкновенно передъ всякимъ сидящимъ на пирушкѣ, начиная по старшинству съ ламъ и чиновниковъ. Вотъ одинъ изъ «йёрольей» послѣднимъ:

зэ, буинār учирасан, хан, ван, бэлэ, бэсү, гүн, засак,
 нойот, ламанар мани
 чжилъ ирэкү-дү чжинсән нэмэчжи
 он ирэкү-дү отогон нэмэчжи
 отогб-дуні нүдүн нэмэчжи
 олбок-ни дэлэкэй бүркүчжи
 ободой нн окторгдй тулучжи
 бсор нн хурмусун батү
 олон чжилйн туктүм туньгалак айлатчи байху-дү
 орбтой-дү күликдэл уга
 эбэчитэй-дү бүдүрэл уга
 сумбур йэкэ суртай
 сүрдүмэл йэкэ чжибуланьтай
 килгасүни чинән кир уга
 ондөгони чинән о уга
 кэшик буин цок зали йэсүн күсэль, ирү алдар
 замбутибийн ой цэцэк мэту дэлыгэрэтүгэй.

Переводъ.

Ну, добродѣтельно повстрѣчавшіеся: ханы, ваны, бэйлэ, бэйсэ,
 гуны, правители, господа и ламы наши,
 Да повышаются съ приходомъ года (ваши) шарики,
 Да повышаются съ наступленіемъ лѣта (правленія ваши) перья,
 А на перьяхъ да увеличиваются (по числу) глаза,
 Да покроютъ олбоки (ваши) вселенную,
 Да достигнутъ ободаи (ваши) до неба,
 Да будутъ крѣпки ленты и шишаки,
 Да вѣдаете (вы) прочность и ясность на много лѣтъ, а когда (все
 это) будетъ,
 Да не подпадете (вы въ число) состоящихъ подъ пытками,
 Да не свихнетесь (вы въ число) больныхъ,
 Да будете величественными какъ Сумбуръ,

Да будете блистательно великолѣпными,
Да не будетъ (у васъ) нечистоты ни на волосъ,
Да не будетъ (у васъ) шероховатости (и такой) какъ на яйцѣ,
Да будете (вы) распространяться въ милости, добродѣтели, ве-
личіи, девяти желаемыхъ и громкой славѣ,
Какъ лѣсные цвѣтки вселенной.

Какъ видно китайское правительство сказалось Олѣтамъ че-
резъ чуръ сурово, если даже въ своихъ пѣсняхъ они не преми-
нули сказать своимъ князьямъ пожеланіе объ избѣжаніи отъ
смѣны и пытки. Не естественнымъ ли представляется послѣ
сега постоянный упадокъ нравственныхъ силъ во всемъ народѣ,
для котораго гнеть иноплеменныхъ владѣтелей конечно еще бо-
лѣе чувствителенъ, чѣмъ для частныхъ личностей правителей? И
что за диво послѣ сега если этотъ раздробленный, разъединен-
ный и угнетенный народъ начнетъ въ концѣ концовъ надѣяться
на будду и станеть съ ханжествомъ воспѣвать его?!

Пѣсни Буряты.

Буряты, какъ и племена Халхасовъ въ Сѣверной Монголіи
и Олѣтовъ въ Чжунгаріи, считаютъ у себя нѣсколько различ-
ныхъ и совершенно отдѣльных другъ отъ друга поколѣній. Это
дѣленіе всегда обосновывалось у нихъ главнымъ образомъ на
преданія о происхожденіи и только въ послѣднее время, когда
эти преданія начали мало по малу забываться и смѣшиваться,
Буряты, по примѣру Русскихъ, стали раздѣлять своихъ едино-
племенниковъ на основаніи географическаго положенія ихъ мѣ-
стожительства. Что касается собственно русскихъ, то у насъ
дѣленіе Буряты, кажется, всегда существовало на географиче-
скихъ основахъ и всегда было чрезвычайно обще: мы считали по
большей части три рода Буряты: а) добайкальскихъ, — Буряты-
аборигеновъ по преимуществу; б) забайкальскихъ, т. е. селенгин-
скихъ и хоринскихъ выходцевъ изъ Монголіи, и с) ононскихъ, —

также выходцевъ изъ Монголіи, но болѣе подчинившихся вліянію Тунгусовъ. Впрочемъ каково бы ни было дѣленіе бурятскаго народа, оно не имѣетъ для насъ почти никакого значенія, потому что въ исторіи жизни различныхъ бурятскихъ поколѣній, особливо за послѣдніе два съ половиною вѣка, нельзя видѣть такой разницы какъ напримѣръ въ поколѣніяхъ Олотовъ; и если у послѣднихъ жизнь и судьба Дорбботовъ должна быть разсматриваема совершенно отдѣльно хотя бы то отъ жизни Торгоутовъ, то такое разсмотрѣніе почти совершенно не приложимо въ отношеніи бурятскихъ родовъ, одинаково проводившихъ спокойную, свободную и правильную жизнь съ того времени, какъ только признали они надъ собою главенство Россіи. Съ тѣхъ поръ у нихъ собственно не было ни войнъ, ни народныхъ движеній и если къ южнобайкальскимъ Бурятамъ привзошелъ въ это время буддизмъ, то введеніе и распространеніе его у различныхъ поколѣній происходило такъ постепенно, что Буряты, вѣроятно, незамѣтно и для самихъ себя превратились изъ ярыхъ шаманистовъ въ ревностныхъ поклонниковъ будды. Это мирное, безмятежное и довольное существованіе конечно служитъ главнѣйшею причиною почему у Бурятей мы почти не встрѣчаемъ эпоса, относящагося ко времени владычества надъ ними Россіи и съ другой стороны находимъ множество преданій и эпическихъ твореній, относящихся до временъ, предшествовавшихъ русской власти. Сохраненію этихъ эпическихъ сказаній у Бурятей, какъ и у Олотовъ, способствовало весьма многое: прежде всего напримѣръ Русскіе не переселяли Бурятей съ мѣста на мѣсто, каковую политику вели Китайцы въ отношеніи къ монголамъ; оттого Бурятей естественно никогда не лишены были ни поводовъ, ни времени къ познанію своихъ преданій о какой либо горѣ и мѣстности: каждому молодому поколѣнію всегда могли передавать такія преданія старики, прожившіе весь свой вѣкъ въ этихъ же мѣстахъ и молодое поколѣніе въ свою очередь не могло не интересоваться такими рассказами, потому что оно находило въ нихъ все родное. Русскіе не истощали Бурятей также и своими поборами, или какими либо притѣсненіями; и

оттого въ привольи жизни, Буряту естественно было распѣвать, а не вздыхать какъ Халхасу. Разборъ развитія и существованія эпоса у Бурятъ лучше всего подтверждаетъ ту мысль, что переселенія и отсутствіе политической жизни суть высшіе враги народныхъ эпическихъ сказаній. Въ самомъ дѣлѣ селенгинскіе Буряты, принявшіе русское подданство непосредственно по выходѣ изъ Монголіи и съ того времени начавшіе свою мирную жизнь, совершенно не сохранили у себя эпическихъ пѣсенъ; тогда какъ Хоринцы, по отдѣленіи отъ Халхасовъ болѣе полувѣка прожившіе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя занимаютъ они и теперь и вынесшіе много борьбы и страданій прежде чѣмъ нашли они мирный пріютъ подъ покровительствомъ Россіи, сохранили и доселѣ свои воспоминанія о старинѣ въ народной пѣсенной поэзіи. Этою то поэзіею забайкальскихъ Бурятъ и собственно хоринской старины мы и начнемъ свою рѣчь о пѣсняхъ бурятскихъ, такъ какъ эта поэзія представляется намъ самою древнею, и собранные нами пѣсенные образцы сѣверобайкальскихъ Бурятъ; повидимому, не носятъ въ себѣ ничего ручающагося за ихъ старину.

Прежде однако чѣмъ представлять эпосъ Хоринскихъ Бурятъ, намъ кажется необходимымъ для большей удобопонятности хотя краткое изложеніе исторіи Хоринцевъ по тѣмъ преданіямъ и письменнымъ памятникамъ, которые удалось собрать намъ во время путешествія, тѣмъ болѣе, что въ русской литературѣ до сего времени объ этомъ, кажется, не было сказано ни одного слова.

Въ глубокой древности Хоринцы производятъ себя отъ Туметовъ и говорятъ (положительно безъ всякихъ хронологическихъ указаній), что въ древности правителемъ двумъ Туметскихъ родовъ въ Монголіи былъ Тайчжинъ ноянь, имѣвшій у себя трехъ сыновей. Младшій изъ нихъ прозывался Хоридай Мэргэнъ. Хоридай Мэргэнъ имѣлъ трехъ женъ и отъ первой изъ нихъ — Баргучжинъ говы у него была одна только дочь — Аланъ Гоа; отъ второй жены — Шаралдай родилось пять сыновей: Галцзуть,

Хоацай, Хубдуть, Гучить и Шарайтъ; отъ третьей — Нагатай родилось восемь сыновей: Харагана, Худай, Бодонгуть, Хальбинъ, Цаганъ, Батунай и два умершіе во младенчествѣ, имена которыхъ потому и остались неизвѣстными. Отъ оставшихся въ живыхъ одиннадцати сыновей произошло одиннадцать бурятскихъ родовъ, и какъ отца ихъ называли Хоридаемъ, то поэтому и прозвали всѣхъ ихъ однимъ общимъ именемъ — Хори.

Послѣ сего прошло много поколѣній, когда въ странѣ Баргумонголовъ жилъ солонгутскій Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Женивъ своего сына Дай-хунъ-тайчжія на княжнѣ Бальчжинѣ, онъ получилъ эти одиннадцать хоринскихъ родовъ въ приданое за невѣсткою и съ тѣхъ поръ Хоринцы сдѣлались данниками Дайхунъ-тайчжія. Что касается Бообай-батуръ-бэйлэ-хана, то о немъ рассказываютъ, что онъ собственно не былъ ханомъ и имѣлъ только титулъ бэйлэ. Однажды напелъ онъ въ разсѣлянѣ родника мѣдное ружье съ надписью, изображавшею китайскій іероглифъ «ту». Когда объ этомъ было передано Хѹхэнъ хутухтѣ, послѣдній сказалъ, что это знакъ, что Бообай будетъ ханомъ и съ тѣхъ поръ за нимъ утвердилось имя Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ. Бообай-батуръ-бэйлэ-ханъ былъ уже старикомъ, когда жена его, мать Дай-хунъ-тайчжія, умерла, тѣмъ не менѣе онъ взялъ за себя вторую жену. Молодая мачиха Дай-хунъ-тайчжія, сошедшись съ своимъ пасынкомъ, естественно начала неладить съ невѣсткою своею Бальчжиной; произошелъ раздоръ и Дайхунъ-тайчжи съ своею женою, забравъ людей, находившихся въ ихъ подданствѣ, т. е. одиннадцать родовъ Хоринцевъ, бѣжали со всѣмъ своимъ кочевьемъ на сѣверо-западъ. Это было около 1595 года. Переправившись черезъ Аргунь, они достигли до р. Улирангэ (Урѹлюнъгуй?) и здѣсь поправивъ построенный въ неизвѣстное, старое время и опустѣлый городъ, остановились въ немъ на житье. Мѣсто это они называли Хуанъ-дай. Вскорѣ за тѣмъ пришли за ними послы Бообай-бэйлэ-хана, посланные въ погоню. Дай-хунъ-тайчжи бѣжалъ отъ нихъ снова и началъ кочевать по правому и лѣвому берегамъ р. Онона и по обѣимъ

сторонамъ Кукульбэйскаго хребта. Здѣсь Хоринцы прожили около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ молодая жена Бообай-батурь-бэйлэ-хана не унималась: она провѣдала о мѣстожительствѣ бѣглецовъ и передала о немъ хану. Бообай снова послалъ войска и послѣднія прибывъ къ кочевьямъ Дай-хунь-тайчжія, убили жену его Бальчжину: тѣло ея похоронили у горнаго мыса, находящагося на берегу озера, которое по этому самому получило названіе — Бальчжина; оно находится и до нынѣ при истокахъ р. Туры. Принадлежавшее Бальчжинѣ сѣдло было брошено при подошвѣ горы Адунъ чулѹ, и мѣсто это назвалось Алтанъ эмэлъ, какъ называется оно и до нынѣ. Устрашенные этимъ нападеніемъ Хоринцы не могли дать никакого отпора монголамъ и разбѣжались: одни скрылись въ горахъ, падахъ и лѣсахъ, другіе бѣжали на западъ, а третьи, составлявшіе при томъ большинство, были взяты въ плѣнъ монголами и снова отведены на родину. Тамъ началась для нихъ страдальческая жизнь, полная различныхъ притѣсненій и постоянныхъ подозрѣній въ измѣнѣ, такъ что въ концѣ концовъ эти, возвращенные въ Монголію Хоринцы, спасаясь отъ вновь постигшихъ ихъ со стороны соплеменниковъ гоненій, принуждены были снова бѣжать въ нынѣшніе русскіе предѣлы. Это второе бѣгство совершилось около 1604 года. Возвратившись на старыя кочевья, они нашли у Кукульбэйскаго хребта нѣкоторыхъ изъ своихъ сородичей и нѣсколько времени кочевали съ ними; но скоро спокойствіе ихъ было опять нарушено, потому что ихъ стали грабить и убивать Тунгусы Улятскаго рода. Устрашенные Хоринцы снова искали спасенія въ бѣгствѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ удалились въ Монголію, другіе перекочевали на р.р. Хилокъ, Уду, Ану, Тугнуй и въ окрестности Яровнинскаго хребта, наконецъ третьи ушли на сѣверъ и заняли правый берегъ р. Шилки, а также расселились по обѣимъ сторонамъ р. Нерчи, и дошли до р. Аредья. Здѣсь соединились они съ Тунгусами и вмѣстѣ съ ними занялись звѣроловствомъ. Впрочемъ единство промысла скоро послужило и причиною раздора двухъ народностей. Хоринцы, по словамъ преданій, отли-

чились удалствомъ на одной общей охотѣ, возбудили зависть Тунгусовъ и послѣдніе перебили храбрѣйшихъ изъ хоринскихъ родовъ, въ томъ числѣ и славнаго нойона ихъ Умухэя. Тѣла убитыхъ были похоронены въ двухъ падахъ, которыя потому и до нынѣ носятъ названіе Умухэй (мѣсто на лѣвой сторонѣ р. Нерчи, въ 8-ми верстахъ выше Нерчинска). Хоринцы снова бѣжали и на этотъ разъ избрали своимъ кочевьемъ нынѣшній Верхнеудинскій округъ. Здѣсь услыжавъ, что за ними снова идутъ въ погоню войска изъ Монголіи, они удалились еще далѣе на западъ къ рѣкамъ Итинцѣ и Ходору, а оттуда къ берегамъ оз. Байкала. Въ этихъ мѣстахъ впервые повстрѣчали они Русскихъ, которые, видя наружное сходство новыхъ пришельцевъ съ прежде жившими здѣсь Бурятами, назвали Бурятами и Хоринцевъ. У Байкала Хоринцы прожили нѣсколько лѣтъ, какъ вдругъ неожиданный случай вновь потревожилъ ихъ. Орелъ унесъ игравшаго на степи мальчика. Хоринцы убили орла, но, боясь, что орлы перетаскаютъ у нихъ всѣхъ ребятъ, откочевали опять на старыя мѣста къ рѣкамъ Удѣ, Курбѣ, Анѣ, Худуну, Тугную и Хилку. Такъ блуждая по разнымъ мѣстамъ и не имѣя мощнаго правителя и защитника, Хоринцы начали просить русское правительство о принятіи ихъ въ подданство, почему Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 г. и принялъ ихъ подъ свою мощную руку, причисливъ къ Нерчинскому округу. Съ этого времени Хоринцы начали наслаждаться полнымъ спокойствіемъ: мало по малу они окрѣпли и, по общему обычаю кочевниковъ, начали грабежи и набѣги на сосѣдей, а прежде всего конечно на своихъ старыхъ враговъ — монголовъ. Сами Хоринцы говорятъ при этомъ, что причиною ихъ набѣговъ было единственно желаніе освободить отъ рабства и подчиненія монголамъ своихъ сородичей*), но характеръ сохранившихся отъ этого періода пѣсенъ свидѣтельствуетъ, что это были удалые разбой-

*) Хори буріяд'ун туруйн тэухэ. Л. 3—12 хранится въ моей бібліотекѣ.

ничьи набѣги, основывавшіеся единственно на желаніи мстить и
потѣшить свою удаль.

хошун бүри хошун бүри гөрөгхон
холой бүри холой бүри аилгу
арал бүри арал бүри гөрөгхон
аман бүри аман бүри аилгу
нахигархан нахигархан зэрдэ-дэ
наянхан зэбэ, наянхан зэбэ акгхайя
найман хошун, найман хошун монгол-ду
адамначжи, адамначжи хурүйѣ
хотогорхон хотогорхон зэрдэ-дэ
хоринхан зэбэ, хоринхан зэбэ акгхайя
хоирхан хошун хоирхан хошун монгол-ду
хоролхочжи, хоролхочжи хурүйѣ
хуйгайга зузан ни
хоирлачжи хоирлачжи умүдүйѣ
хорон йэхэтү хорон йэхэтү монгол-ду
хойшилал үгэй хойшилал үгэй хурүйѣ
дүлгайга, дүлгайга гхайхан ни
доторлочжи, доторлочжи умүдүйѣ,
дотор мутай, дотор мутай монгол-ду
добтолочжи добтолочжи оройя
гхадагайга гхадагайга гхайхан ни
гхакгхалзүлат, гхакгхалзүлат умүдүйѣ
гханә мутай, гханә мутай монгол-ду
гхатал үгэй гхатал үгэй оройя.

Переводъ.

Всякаго мыса, всякаго мыса звѣри,
Всякаго горла, всякаго горла голосъ,
Всякаго острова, всякаго острова звѣри,
Всякаго рта, всякаго рта голосъ!

На изворотливаго, изворотливаго рыжку
Навѣсимъ только восемьдесятъ оружій, только восемьдесятъ
оружій,

Къ монголамъ восьми хошуновъ, восьми хошуновъ,
Приѣдемъ прытко, прытко!

На рыжку съ вогнутой спиной, съ вогнутой спиной,
Повѣсимъ только двадцать оружій, только двадцать оружій,
Къ монголамъ только двухъ хошуновъ, только двухъ хошуновъ,
Приѣдемъ, нанося убытки, нанося убытки.

Толстые изъ своихъ панцырей, изъ своихъ панцырей,
Надѣнемъ вдвойную, вдвойную,
Къ монголамъ злѣйшимъ, презлѣйшимъ
Приѣдемъ, не возвращаясь назадъ, не возвращаясь назадъ
(т. е. прямо, сразу).

Красивые изъ своихъ шлемовъ, изъ своихъ шлемовъ,
Надѣнемъ подъ исподъ, подъ исподъ,
Къ монголамъ злосердечнымъ, злосердечнымъ,
Въѣдемъ скокомъ, скокомъ.

Красивые изъ своихъ колчановъ, изъ своихъ колчановъ,
Надѣнемъ растопыривъ, растопыривъ (отъ туги наложен-
ныхъ стрѣлъ),
Къ монголамъ злонамѣреннымъ, злонамѣреннымъ,
Въѣдемъ не мѣшка, не мѣшка*).

Самое содержаніе этой пѣсни не показываетъ ничего дру-
гаго, кромѣ разбойничьяго характера Бурятъ, готовящихся къ
нападенію и крайняго раздраженія ихъ противъ монголовъ. Въ

*) При внимательномъ разсмотрѣніи этой пѣсни мы имѣемъ сказать, что происхожденіе ея можетъ относиться къ періоду отъ 1655 по 1690 годъ и въ этомъ убѣждаетъ насъ названіе «найман хошун монгол». Въ сказанномъ періодѣ это имя было собирательнымъ для обозначенія всѣхъ вообще Халхаскихъ Монголовъ и страны ими занимаемой — Халхи подобно тому, какъ до начала этого періода таковымъ же собирательнымъ было названіе «Халхайн долон хошу», имѣвшее свою основу въ дѣленіи Халхи на семь хошуновъ Харасанца-цзалаир-хунь-тайчжіемъ. Въ 12-е лѣто Шунь-чжи (Эйф-бэр цзасакчи) т. е. въ 1655 г. послѣдовало раздѣленіе Халхи на восемь хошуновъ и на два крыла и съ этого времени утвердилось имя «найман хошу монгол», остававшееся за Халхасами до времени совершеннаго подданства ихъ Китаю. Что касается упоминанія о «двухъ только хошунахъ», то это свидѣтельствуетъ о томъ, что Буряты нападали единственно на пространство, занимаемое нынѣ землями Сэ-цэнъ хановскаго аймака, потому что въ то время земли эти дѣйствительно были раздѣлены на два хошуна: первый — собственно Сэцэнъ-хановскій и второй, правителемъ котораго былъ назначенъ Даньцзинъ-лама. Подробности объ этомъ можно находить въ Лѣтописи Эрдэвийн эрихэ, гл. 42-я, а равно въ Истор. ван. и гун. на монг. яз. Кн. 58-я. Л. 8-й.

порывѣ этого раздраженія они приписываютъ монголамъ злобу, какъ основную черту ихъ характера и эта характеристика со стороны Бурятъ до нѣкоторой степени служить доказательствомъ дѣйствительности тѣхъ первоначальныхъ раздоровъ, которые изложили мы выше, основываясь на преданіяхъ. Такимъ образомъ при помощи устныхъ преданій народа и его пѣсенной поэзіи, для насъ становится яснымъ, что въ первое время своего подданства Россіи Буряты были почти ненавистными врагами Халхасовъ и что это въ свою очередь было естественнымъ результатомъ прежнихъ таковыхъ же отношеній къ нимъ Монголовъ Халхаскихъ. Необходимо думать, что если Буряты, несомнѣнно носившіе въ себѣ эту злобу съ давнихъ временъ, не нападали на Халхасовъ прежде, то это обусловливалось единственно ихъ малосильностію: мы видѣли уже, что они сознавали себя неспособными бороться не только съ монголами, но и съ менѣе могущественными своими врагами — Тунгусами и убѣгали отъ нихъ. Подданство Россіи избавило Бурятъ отъ прежнихъ гоненій, дало имъ мирную жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ способъ окрѣпнуть; почувствовавъ же свои силы, они тотчасъ начали отплачивать своимъ недругамъ за старое тою же монетой. Набѣги ихъ были вѣроятно весьма жестоки, потому что въ пѣсняхъ Халхасы представляются даже *трепещущими* передъ бурятскимъ воиномъ.

ал̄я бор̄ойн таргун-д̄у
айн хол̄о зор̄ійя
сэсэ̄н ханай сэрик-т̄у
харюсаху гэчж̄и юхай би

багл̄ар үнд̄үр модон-д̄у
байг̄ат үнчж̄эт мордойя
арбан табунай нагхун-д̄у
адаклакдан гэчж̄и юхай би

хахюр̄ай үнд̄үр модон-д̄у
хон̄от үнчж̄эт мордойя,
хор̄ин табунай нагхун-д̄у
хорикдан гэчж̄и юхай би

зэрдэйн манай хурдун-дү
зэбэ манай гхэртэнэ
зан сангийн манай хангхинан-ду
зүүн моньгол ташхина

хулайн манай хурдун-дү
хуйк дүлгэ гхэртэнэ
хуйк дүлгийн таршийн-дү
хойту моньгол ташхина.

Переводъ.

Какъ разжирѣеть шаловливый сивка
Предпримемъ походъ далеко;
У Сэцэнъ хановскихъ войскъ
Возможно ли находить сопротивление?!

У высокаго, развилистаго дерева
Побывавъ, подневавъ, мы отправимся;
На пятнадцатомъ году отъ рѣду
Возможно ли быть доведена до конца (= истощанія
силъ)?!

У высокаго, криваго дерева
Переночевавъ, подневавъ, мы отправимся;
На двадцать пятомъ году отъ роду
Возможно ли быть стѣсненнымъ?!

При быстротѣ бѣга моего рыжки
Трясется со звукомъ мое оружіе;
При брякотнѣ моихъ привѣсокъ и бляхъ
Приходятъ въ смятеніе восточные монголы.

При быстротѣ бѣга моего соловко
Трясутся со звукомъ панцырь и шлемъ;
При брякотнѣ панцыря и шлема
Приходятъ въ смятеніе сѣверные монголы.

Этотъ страхъ, приписываемый Халхасамъ отъ одного стука бурятскихъ вооруженій, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Халхасы были по крайней мѣрѣ приводимы въ смущеніе Бурятами; а за симъ онъ позволяеть сдѣлать естественное заклю-

ченіе о силѣ Бурятъ и о быстротѣ, съ которою окрѣпли они подъ владычествомъ Россіи. Мы знаемъ, что Хоринцы вступили въ русское подданство въ 1648 году и что набѣги ихъ на монголовъ прекратились собственно со времени проведенія китайской границы Рагузинскимъ въ 1728 году; всѣ эти пѣсни слѣдовательно относятся именно къ этому періоду. И такъ мы думаемъ, что въ эти восемьдесятъ лѣтъ Буряты поднялись и усилились такъ значительно, что монголы уже не только не казались имъ страшными, а напротивъ представлялись ужасающимися ихъ собственныхъ нападений. Слѣдующая пѣсня показываетъ, что въ концѣ концовъ Хоринскіе Буряты дошли въ своемъ самоувереніи до того, что имъ представлялось даже невозможнымъ потерпѣть пораженіе отъ Халхасовъ.

гхал̄я бор̄ойн таргун-дү
гхар̄айн газар̄ ябултай̄
сэсэн̄ ханай̄ сэрик̄ тү̄
дарухдан̄ гэчжӣ ютай̄ би?!

унугун̄ бор̄ойн таргун-дү
хонохшійн газар̄ ябултай̄
х̄оратү ханай̄ сэрик̄-тү̄
дарухдан̄ гэчжӣ ютай̄ би

уинтү бор̄ойн таргун-дү
онон̄ газар̄ ябултай̄
урдү ханай̄ сэрик̄ тү̄
дарухдан̄ гэчжӣ ютай̄ би

ахтайн̄га таргун-дү
айн̄ холо̄ ябултай̄
ататӯ ханай̄ сэрик̄-тү̄
алахдан̄ гэчжӣ ютай̄ би

гхайн̄ ахтайн̄га таргун-дү
сагай̄ холо̄ ябултай̄
гхан̄а мутай̄ сэрик̄-тү̄
гхошихдан̄ гэчжӣ ютай̄ би

чжор̄о ахтайн̄ таргун-дү
зүн̄ газар̄ ябултай̄

зорик мута̄й сэрик-тӯ
зобохдон гэчжи ютай би
хэдэр ахтайн таргун-ду
холо газар ябултай
хороту гханату сэрик-тӯ
гарухдан гэчжи ютай би.

Переводъ.

Какъ разжирѣеть игривый сивка,
Можно ѣхать на пространство мѣсячной ѣзды;
Войсками Сэцэнъ хана
Какъ быть побѣжденными (т. е. что за предположеніе)?!

Какъ разжирѣеть жеребенокъ сивка,
Можно ѣхать на пространство суточной ѣзды;
Войсками злобнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣеть изворотливый сивка,
Можно ѣхать на пространство далекой ѣзды;
Войсками южнаго хана
Какъ быть побѣжденными?!

Какъ разжирѣеть свой меренъ,
Можно далеко ѣхать въ походъ;
Войсками ненавистнаго хана
Какъ быть побитыми?!

Какъ разжирѣеть свой хорошій меренъ,
Можно ѣхать далеко (= на пространство далекое) по вре-
мени;

Зломыслящими войсками

Какъ можно быть встревоженными?!

Какъ разжирѣеть иноходець меренъ,
Можно ѣхать и на сто ли;
Злонамѣренными войсками
Какъ можно быть удрученными?!

Какъ разжирѣеть ярый меренъ,
Можно ѣхать далекое пространство;
Злонамѣренными войсками
Какъ возможно быть превзойденными?!

О томъ, какъ часто бывали эти набѣги и на какую именно мѣстность они производились, на основаніи пѣсенъ нельзя сдѣлать никакихъ болѣе точныхъ опредѣленій, какъ обозначивъ временемъ для набѣговъ — лѣто и мѣстностію — пространство Сэцэнъ-хановскаго аймака. Принимали участіе въ походахъ, какъ можно думать, и старыя и малыя. Въ предыдущей пѣснѣ мы видѣли уже, что пятнадцатилѣтній Бурятъ не страшится быть уничтоженнымъ монголами; по другому такому же творенію пятидесяти двухъ лѣтній старикъ учитъ храбрости своихъ сотоварищей; все это свидѣтельствуемъ намъ, что, отправляясь въ походъ, Буряты оставляли въ своихъ домахъ только женъ, да людей неспособныхъ держать оружіе. Эти послѣдніе должны были охранять кочевья, воспитывать молодое поколѣніе, заботиться о домашнемъ покоѣ и т. д. и т. д. Какъ люди, живущіе мирною жизнію, они естественно носили въ себѣ только тѣ чувства, которыя вообще способны развиваться въ человѣкѣ при совокупности вліяній на его душу всѣхъ необходимыхъ явленій кочеваго образа жизни и окружающей его степной природы, и которыя потому присущи всѣмъ вообще монгольскимъ племенамъ, таковы: любовь къ членамъ своей семьи и окружающей природѣ. Въ разлукѣ съ своими близкими и въ однообразіи домашней жизни, чувство семейной любви сказывалось для домохѣдовъ конечно еще сильнѣе, оно требовало обнаруженія и находило себѣ также выраженіе въ пѣсняхъ, немногія изъ которыхъ сохранились и до нашихъ временъ.

номохон, номохон борборо
 нумунай хутуль дабаху-ду ямар би
 номохон гхайхан сэчжирэрэ
 ном гхудур шутуху-дү ямар би
 гхэрюнэй үдүр мордочжи,
 сэриггын дундү ороху-ду ямар би
 гхэрюхэн гхайхан сэчжирэрэ
 гхудур ном-ду шутуху-дү ямар би
 халунай үдүр мордочжи
 хамуггын дундү ороху-ду ямар би

халūхан гхайхан сэчжирэрэ
хурул ном шүтүхү-ду ямар би

тугулын ангайма халун-ду
түргайн хийдэмэ гхальхин-ду
аин-да мордогхон ахайга
амурхан мэндүйги-ни дүлагхай би

дэгэлийн нэбтэрэмэ борон-ду
дэбурыйн хийдэмэ гхальхин-ду
аин-да мордогхон ахайга
амурхан мэндүйги-ни дүлагхай би

хониндй хоргомд халун-ду
хормбйн хийдэмэ гхальхин-ду
аин-да мордогхон ахайга
амурхан тэгэрэбэ гэхүйги дүлагхай би

тугулын хэбтэмэ халун-ду
тнооин ангайма гхальхин-ду
аин-да мордогхон ахайга
амурхан тэгэрэбэ гэхүйги дүлагхай би

борольчийн оройгөр чжиргэхши
бусаху шубун хөрөхдй
булгундй дунду найгухши
манай ахай хөрөхдй

тэрэнхийн оройгөр чжиргэхши
тэгэрихү шубун хөрөхдй
түмэнэй дунду найгухши
манай ахай хөрөхдй.

Переводъ.

На мирномъ, мирномъ своемъ сивкѣ
Переѣзжать черезъ переваль Нумунай каково?
Кроткимъ и добрымъ своимъ сердцемъ
Полагаться на священное учение каково?

Отправившись въ прохладный день
Войти въ центръ войска каково?
Разумною и доброю душею
Положиться на священное учение каково?

Отправившись въ жаркій день
Войти въ средину всѣхъ каково?
Пылкимъ и добрымъ сердцемъ
Положиться на священныя собраніе и ученіе каково?

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего брата, отправившагося въ походъ
Въ жарь, отъ котораго зѣваютъ телята,
При вѣтрѣ, (сильномъ) до развѣванія стѣнъ юрты.

Услыхать бы мнѣ о спокойствіи и здоровьи
Своего брата, отправившагося въ походъ
Въ дождь, отъ котораго промокаетъ насквозь платье,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія войлочной крыши юрты.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жарь, отъ котораго стоятъ на одномъ мѣстѣ овцы,
При вѣтрѣ (сильномъ) до развѣванія подола платья.

Услыхать бы мнѣ, что спокойно возвратился
Мой братецъ, отправившійся въ походъ
Въ жарь, отъ котораго ложатся телята,
При вѣтрѣ (сильномъ до того, что) открывается войлокъ, за-
крывающій дымникъ юрты.

Чирикающая по вершинѣ Борольчи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгибающійся среди всѣхъ,
Болѣзный мой братецъ.

Чирикающая по вершинѣ Тэрэнхи,
Болѣзная, возвращающаяся птичка;
Сгибающійся посреди десяти тысячъ,
Болѣзный мой братецъ.

Такимъ образомъ и у Бурятъ встрѣчаемся мы съ тѣмъ же чувствомъ взаимной любви между членами родной семьи, которое видѣли у Халхасовъ и Олотовъ, только здѣсь различныя проявленія этого чувства, особливо при болѣе подробномъ изученіи памятниковъ, рисуются намъ нѣсколько своеобразными въ сравненіи съ обнаруженіями его у другихъ монгольскихъ племенъ; а оттого и самое это чувство любви къ семьѣ и родинѣ представляется намъ у Бурятъ инымъ, и, къ чести ихъ, — бо-

лѣе высокимъ. Любовь къ родинѣ Халхаса и Ёлѳта, какъ мы уже видѣли, выражалась въ томъ, что они были привязаны къ родному крову и не покидали его. Но объясняя эти отношенія любовью, мы однако не можемъ не думать, что въ основѣ ихъ могла лежать и не любовь; что Халхасъ и Ёлѳтъ могли относиться такимъ образомъ къ своей родинѣ лишь потому, что свыкались съ нею и не находили ее ничѣмъ не хуже другихъ, извѣстныхъ имъ мѣстъ, не видя для себя ничего приманчиваго на чужбинѣ. Последнее предположеніе дѣлается еще болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ намъ не безызвѣстно, что Халхасы и Ёлѳты не разъ выдавали своихъ соотечественниковъ Китаю, возбуждали другъ противъ друга распри, эгоистично поживались одинъ на счетъ другаго и развѣ при всемъ этомъ можно назвать любовь ихъ истинною, высокою? Нѣтъ, она не только не была такою, а напротивъ всегда была до нѣкоторой степени своекорыстною; она никогда не была и не могла быть прочною, потому что о бокъ съ нею не стояло въ душѣ другихъ свойствъ, служащихъ основаніемъ для всецѣлой преданности, каковы, самоотверженіе, мужество и твердость духа. Вотъ почему при всей кажущейся силѣ чувства у Халхаса и Ёлѳта постоянно находила свое мѣсто измѣна, лишь только былъ поводъ къ тому чтобы струсить за возможность потери своего интереса. Что касается Бурята, то онъ не былъ трусомъ. Правда, онъ никогда не уступалъ своимъ сородичамъ (т. е. Халхасамъ и Ёлѳтамъ) въ вѣроломствѣ и измѣнахъ, но это только въ отношеніяхъ къ иноплеменникамъ, а никакъ ни въ отношеніяхъ къ роднымъ, — Бурятъ любилъ родину и видѣлъ *свою* славу въ ея довольствѣ и славѣ. Въ набѣгахъ Бурятъ на Халхаскихъ Монголовъ нельзя не видѣть святаго для кочевниковъ обычая мести и, пожалуй, Бурятъ считалъ для себя даже почестью умереть на полѣ этой брани. Намъ кажется, что слѣдующая пѣсня умирающаго бурятскаго воина именно подтверждаетъ эту мысль.

хѳхѳ тѳмѳр гхѳадак нѳ
хѳбшѳйн цзѳмгхѳк болба-ла гѳрѳй

х̄ор̄ох̄ой бага бэй̄ни
х̄үм̄үнэй гацзар-ту хэбтэбэ-лэ гэрэй
хара түмүр гхадак н̄и
хадайн цэмгхэк болба-ла гэрэй
хайратайхан бэй̄ни
хари дайгхун-дү дарукдаба-ла гэрэй
алак эр̄н нүдүн ни
нюлбугхутайга хэбтэбэ-лэ гэрэй
алда хара гэчжигэ ни
гүрүльгэтэйгэ хэбтэбэ-лэ гэрэй
аба-дү минь х̄үнэрэй
арбан табун шархатай-ла гэрэй
эчжи-дү минь х̄үнэрэй
элихэ бөрөм шарцараба-ла гэрэй.

Переводъ.

Скажи, что синій, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ лѣса,
Скажи, что жалкое, маленькое тѣло его
Легло на чужой сторонѣ.

Скажи, что черный, желѣзный колчанъ его
Сдѣлался оружіемъ скалы;
Скажи, что пользовавшееся ласками тѣло его
Было побѣждено чужимъ врагомъ.

Скажи, что прекрасные глаза его
Легли вмѣстѣ со своими слезами;
Скажи, что саженная, черная коса его
Легла вмѣстѣ со своею вилеткою.

Поговори же моему отцу,
Скажи, что имѣлъ я пятнадцать ранъ,
Поговори же моей матери,
Скажи, что растерзались мои печень и почки.

Вотъ завѣщаніе умирающаго Бурята къ отцу и матери: онъ проситъ передать, что умеръ со слезами на глазахъ, — конечно это слезы по родинѣ; что коса его, эта гордость восточнаго человѣка, осталась у него на головѣ, а не позорно отрѣзана не-

пріятелемъ; что онъ умеръ, имѣя пятнадцать ранъ, которыми могутъ гордиться его родители, какъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ, что сынъ ихъ былъ силенъ, и не измѣнялъ, а безстрашно стоялъ за славу и честь родины.

Выше мы уже упомянули вскользь, что эти взаимные грабежи, разбои и нападенія Бурятъ и Халхасовъ продолжались до самаго установленія пограничной черты и сторожевыхъ, пограничныхъ знаковъ, точно опредѣлявшихъ границы Россіи и Китая. Событіе это совершилось въ 1728 г.; но переходы границъ въ то время были такъ обыкновенны, что русскіе подданные Буряты, даже и по заключеніи трактата Саввы Владиславича, продолжали въ простотѣ сердечной совершать свои перекочевки на чужія для насъ земли Монголіи и иногда верстъ за 300 отъ установленной межи русской. Преданіе говоритъ, что въ томъ же 1728 году цзангинъ галцзутскаго рода Чилэтэй перекочевалъ на Кэрулень, но потомъ, когда уже снова возвращался онъ въ русскіе предѣлы, его схватили, передали суду и казнили. Слѣдующая пѣсня по тому же преданію была составлена этимъ цзангиномъ Чилэтэемъ во время производства надъ нимъ слѣдствія по этому дѣлу перебѣга границы.

хүлгэн, хүлгэн харà-ни
 цэ айду цэ
 гүйдэль шингì адали
 гүлмэр бага шилэтэй-ни
 цэ айду цэ
 гхүдал шингì адали
 хайбан, хайбан харà-ни
 цэ айду цэ
 хэдэр шингì адали
 хаирту бахан шилэтэй-ни
 цэ айду цэ
 гхүдал шингì адали
 гунан, гунан харахан
 цэ айду цэ
 гурбун хүл-дү шудуртай

гольшик бага шилэтэй-ни
цэе айду цэе
гурбун дабхур сэрик со
донон, донон харахан
цэе айду цэе
дорбон хуль-дү дуньхэтэй
дурмэхэр бахан шилэтэй-ни
цэе айду цэе
дорбон дабхур сэрик со
хонинайга олон-дү
цэе айду цэе
хотон шибэ ботхолой
хольшир багайн эрхэ-дү
цэе айду цэе
обо хили алхулай
адунайга олон-дү
цэе айду цэе
аога шибэ ботхолой
үб багайн эрхэ-дү
цэе айду цэе
обо хили алхулай
үхэрийнгэ олон-дү
цэе айду цэе
үндүр шибэ ботхолой
үб багайн эрхэ-дү
цэе айду цэе
обо хили алхулай
тэмэнэйгэ олон-дү
цэе айду цэе
тэхши шибэ ботхолой
тэнэк багайн эрхэ-дү
цэе айду цэе
обо хили алхулай.

Переводъ.

Верховый, верховый воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто (бы онъ приготовился въ) бѣгъ

Съ неразвитымъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто — сѣдалище.

Плавно покачивающійся, плавно покачивающійся воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ, какъ будто (пришелъ въ) ярость.
Съ миленькимъ, маленькимъ загривкомъ,
Вотъ какъ вотъ,
Похожъ какъ будто — сѣдалище.

Трехлѣтній, трехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на трехъ ногахъ,
Имѣющій красивый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ, (стоящихъ) въ три ряда.

Четырехлѣтній, четырехлѣтній воронко,
Вотъ какъ вотъ,
Съ путами на четырехъ ногахъ,
Имѣющій щетинистый, маленькій загривокъ,
Вотъ какъ вотъ,
(Находится) въ срединѣ войскъ, (стоящихъ) въ четыре
ряда.

При множествѣ своихъ овецъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я ограду и насыпь,
Подъ вліяніемъ вѣтрянности и молодости
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ лошадей,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я громадную насыпь.
Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешелъ я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ коровъ,
Вотъ какъ вотъ,
Построилъ я высокую насыпь.

Подъ вліяніемъ молодости (малоопытности),
Вотъ какъ вотъ,
Перешель я за границу и (пограничные) знаки.

При множествѣ своихъ верблюдовъ,
Вотъ какъ вотъ,

Построилъ я ровную насыпь.

По глупости и малоопытности,
Вотъ какъ вотъ,

Перешель я за границу и (пограничные) знаки.

Мнѣ кажется, что эта пѣсня представляетъ самое искреннее объясненіе преступника по вопросу о причинахъ перехода границъ и что въ казенномъ за эту вину загибѣ Чилэтѣ все нельзя было видѣть государственнаго измѣнника. Буряты того времени совершенно и не думали о политическихъ границахъ: они кочевали гдѣ кому хотѣлось, не помышляли ни о какомъ раздѣлѣ земель и считали всякую землю, гдѣ пришлось имъ поставить свои юрты — своею. Къ Россіи Буряты не могли не питать добраго чувства, потому что отъ нихъ не далеко еще было то время, когда они блуждали изнуряемые притѣсненіями и голодомъ; они не могли забыть объ этомъ, какъ забыли то настоящіе Буряты, а слѣдовательно и не могли не сознавать, что ихъ благо даровано имъ Россіею. Къ тому же почти въ это самое время Буряты получили новое изъявленіе благоволенія къ нимъ русской власти. Въ 1702 году хоринскій цайсанъ Торачевъ отправилъ по одному выборному въ Москву съ просьбою къ императору Петру I-му объ отводѣ опредѣленныхъ земель Бурятамъ и грамотою отъ 23-го марта 1703 года Петръ утвердилъ за Хоринцами право кочевать по мѣстамъ, находящимся по правому берегу р. Селенги и рѣкамъ: Удѣ, Анѣ, Худуну, Тугную, Курбѣ, Хилку, а равно владѣть всѣми пустопорожними мѣстами, лежащими къ югу отсюда вплоть до монгольской границы. Это посольство было первымъ большимъ посольствомъ Бурятъ въ Россію: оно впервые привезло въ степи свѣдѣнія о Россіи и Буряты послѣ сего съ торжествомъ восхваляли русскаго царя и

его милости. Событіе это также нашло свой отголосокъ въ пѣснѣ,
которая уцѣлѣла въ памяти народа до настоящаго времени.

сагѣн хѣн нэрэтэй
саглаши үгэй буинтай
сагѣн дара эхэйн хубилгѣн
манай эзэн богдò лэ
анъхѣн йэхэ хотон ни
аморлингòй москвѣ би
алтѣн мүнъгүн эрдэнэр
агòй дүрэн баялик лэ
гханагхѣн йэхэ хотон ни
гхѣнт-питирбүрга гэлэй лэ
гхѣраши үгэй байн-тай лэ
гханагдаши үгэй сэсэк-тэй лэ
гададу йэхэ далай дү
гачжилта үгэй ябухчи
гайхамшик йэхэ хүшитэй
ганчжир-ту олон таик-тай лэ
алтѣн дэлэхэй дэгүрэ
үла гол хойр-ту
аюмшик үгэй ябуху
агòй олон сэрйк-тэй лэ
хѣн йэхэ нэрэн ни
хара бүргүт цолотай лэ
хаиртай йэхэ зарлик ни
хамук бүгүдэйн абурал лэ
эзэн йэхэ нэрэн ни
эрѣн бүргүт цолотай лэ
эрхэтү йэхэ зарлик ни
эндэхѣ бүгүдэйн абурал лэ
сэсэн зарлигайга тархадак
сэнѣт йэхэ зурган-тай лэ
шибэ мэтү түйшимэт-тэй лэ
салдат олон хянартай лэ
тонираши үгэй албатутай
тòлоши үгэй санътай лэ
токтон гхѣйхан зарлик-тай лэ
туктү йэхэ богдà лэ.

Переводъ.

Бѣлый царь по имени,
Безграничный по добродѣтели,
Воплощеніе бѣлой Дара эхэ,
Святой повелитель нашъ.

Первый, великій городъ его —
Блаженная Москва,
Золотомъ, серебромъ и драгоценностями
Всесовершенно богатая.

Задуманный великій городъ его,
Говорять, Санкт-Петербургъ,
Неистоцимо богатый,
Полный невообразимыхъ цвѣтовъ.

Во внѣшнемъ, великомъ морѣ
Ходящіе прямо (безъ лавировокъ)
Обладающіе удивительно большой силой
Съ множествомъ палокъ (похожихъ на) ганчжиръ.

Онъ (т. е. бѣлый царь) имѣеть чрезмѣрное множество
войскъ,

Вокругъ всего свѣта
По горамъ и рѣкамъ
Безбоязненно ходящихъ.

Ханское, великое имя его
Имѣеть гербъ чернаго орла;
Милостивое, великое слово его
Служить спасеніемъ всѣхъ.

Государево, великое имя его
Имѣеть гербъ пестраго орла;
Могущественное, великое слово его
Служить спасеніемъ всѣхъ здѣшнихъ.

Онъ имѣеть великую палату — Сенать,
Раздающій мудрыя повелѣнія,
Онъ имѣеть чиновниковъ — что крѣпость,
Онъ имѣеть множество адъютантовъ — солдатъ.

Онъ имѣеть несмѣтное число подданныхъ,
Онъ имѣеть несчетную казну,
Онъ имѣеть непоколебимое, прекрасное слово,
Отличный знаменемъ, великій, святой!

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія преданій и образцовъ древней бурятской пѣсенной литературы оказывается, что Буряты въ періодъ конца XVI и въ XVII вѣкѣ почти ничѣмъ не разнились отъ другихъ монгольскихъ племенъ въ нравственномъ отношеніи. Какъ и всѣ монголы они были робки, когда сознавали за собою слабость и также разбойнически отважны, когда чувствовали свою силу; любовь къ родинѣ и семьѣ руководила почти всѣми ихъ поступками; преданность очагу, съ малолѣтства воспитываемое уваженіе къ родителямъ и вообще къ старшимъ порождали въ нихъ безотчетное почтеніе и страхъ къ своимъ правителямъ, оттого они всегда могли быть беззавѣтно преданными и покорными слугами своего царя. Все это мы видѣли уже у Ойотовъ и если бы до насъ дошло халхаское народное творчество того же времени, то вѣроятно тоже самое можно было бы отнести и ко всѣмъ Халхасамъ. Въ настоящее время мы конечно находимъ весьма мало свидѣтельствъ всего этого въ халхаской народной литературѣ, но безсомнѣнія это только потому, что судьба Халхасовъ и Бурятъ въ теченіе послѣднихъ двухъ съ половиною вѣковъ была буквально противоположна. Буряты, вступивъ въ русское подданство, въ теченіе одного столѣтія успѣли уже отдохнуть и окрѣпнуть. Патеръ Георгій, путешествовавшій по кочевьямъ Бурятъ въ концѣ XVIII в., называетъ ихъ народомъ весьма зажиточнымъ и увѣряетъ, что ему попадались весьма многіе изъ Бурятъ, имѣвшіе по тысячи верблюдовъ, тысячи по четыре лошадей, тысячъ по семи овецъ и рогатаго скота отъ двухъ до трехъ тысячъ головъ*). При такихъ богатствахъ Буряты естественно могли бодро смотрѣть на окружающее и сознавать свои силы. Халхасы напротивъ въ это самое время только истощались подъ владычествомъ Китая, они не могли не видѣть своего постепеннаго паденія и естественно должны были унывать духомъ. Къ тому же Буряты оставались еще шаманистами въ то время, когда буддизмъ уже

*) Georgi, Reise. T. I, 309.

всецѣло овладѣлъ Халхою; а это также было весьма важно, потому что незнакомые съ буддизмомъ Буряты, не знали и того разочарованія въ жизни, которое онъ необходимо вселяетъ своимъ ученіемъ въ души всѣхъ своихъ поклонниковъ. Правда, что впоследствии, когда эта религія привилась къ Бурятамъ, она сдѣлала ихъ самихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ народную литературу до нѣкоторой степени похожею на халхаскую; но уже то самое, что буддизмъ привился къ Бурятамъ впоследствии и что въ періодъ его развитія Буряты только богатѣли по своей матеріальной обстановкѣ, ручалось, что онъ не произведетъ здѣсь того вліянія на души, которое удалось ему произвести у Халхасовъ. Такъ различіе жизненныхъ условій этихъ двухъ единоплеменныхъ народностей необходимо должно было породить къ настоящему времени уже почти совершенное различіе ихъ характеровъ и характера ихъ народной, пѣсенной литературы: пѣсни Халхаса, въ силу постоянно усиливавшагося надъ его жизнью гнета, еще съ конца XVII в. должны были становиться болѣе и болѣе унылы и мрачны; въ пѣсняхъ Буряты, которымъ судьба почти съ того же самаго времени начала только улыбаться, необходимо должны были выражаться жизнь и веселье. Ниже мы увидимъ съ большими подробностями насколько развилось это различіе и какъ выразилось оно во внѣ; но племенное единство съ Халхасами у Буряты даже въ XVIII вѣкѣ было поразительно сильно. Для примѣра мы беремъ уже разсмотрѣнную нами черту любви Халхасовъ къ родному крову. Пѣсни Буряты, преслѣдующія ту же тему, въ полномъ смыслѣ слова не могутъ быть отличены отъ халхаскихъ: единство чувствъ и понятій пѣвцовъ, единство порядка воспѣваемыхъ лицъ, единство образовъ, сравненій и подобій и наконецъ самой формы пѣсенъ бросаются въ глаза даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи. Для доказательства мы представляемъ въ *pendante* халхаской пѣснѣ, записанной подъ № 3, слѣдующую бурятскую:

гхалар ѳндѳр модон-дѳ
гхайхан дѳтай хѳхѳй-лѳ

гхарайн нигэн донъготши
гханā гхэтхиль минн загханам

улаин ундур модон-дү
нарихан дутай хухуйлэ
нагхун-дā нигэ донъготши
ухан гхэтхиль минн загханам

адуга гханагхан морин минн
аргамчжан тюрот инзагаланам
абайган гханагхан хумун ни
аши арган баракданам

ичжилэн гханагхан морин минн
эргэт тюрот инзагаланам
эчжэн гханагхан хумун ни
элихэ бөрөн баракданам.

Переводъ.

На развѣсистомъ, высокомъ деревѣ
Сладко-голосистая кукушка,
Кукуя въ мѣсяцъ разъ,
Утѣшаетъ мои думы.

На высокомъ, горномъ деревѣ
Тонко-голосистая кукушка,
Кукуя разъ въ свой вѣкъ,
Утѣшаетъ мои разумъ, мысль.

Моя лошадь, вспомнившая о своихъ табунахъ,
Ржетъ, ходя вокругъ своей привязи;
Вспомнившій про своего батюшку чловѣкъ
Изнуряется въ своемъ обращеніи и средствахъ.

Моя лошадь, вспомнившая свои родные табуны,
Ржетъ, похаживая вокругъ;
Чловѣкъ, вспомнившій о своей матушкѣ,
Губить свои печень и почки.

Буддизмъ, по сказаніямъ собственныхъ лѣтописей Бурятъ, проникъ къ нимъ не ранѣе 1730-хъ гг., т. е. въ то время, когда онъ уже всецѣло овладѣлъ душами Халхаскихъ Монголовъ. «Около 1730 г., говорится въ лѣтописи Ломбо Цэрэнова, люди селенгинскаго, цонгольскаго рода, по внушенію монголовъ, по-

строили дацанъ въ мѣстности Эрхэ-Бурги и тамъ поклонялись. Въ это же время пришло сюда 50 ламъ изъ Тибета и 100 изъ Монголіи. . . . и началось быстрое распространеніе религіи Будды*) . Другихъ какихъ либо сказаній о первоначальномъ развитіи буддизма у Бурятъ въ лѣтописяхъ, писанныхъ на монгольскомъ языкѣ, мы не находимъ, и самыя подробныя свѣдѣнія о семъ можемъ получить единственно изъ разсмотрѣнія дѣловыхъ бумагъ въ архивахъ различныхъ казенныхъ, присутственныхъ мѣстъ Забайкалья; но за всѣмъ тѣмъ даже и на основаніи этихъ официальныхъ памятниковъ въ настоящее время трудно выяснитъ причины первоначальнаго громаднаго успѣха буддизма у Бурятъ. Правда, что Русскіе въ ту пору совершенно не обращали вниманія на бурятскую жизнь, небрегли ихъ вѣроученіемъ и не думали о распространеніи въ средѣ ихъ евангельской проповѣди; такъ обр. буддизмъ, явившись къ Бурятамъ, можно сказать, не встрѣчалъ себѣ рѣшительно ни какой конкуренціи: но это только отрицательная сторона дѣла, ничего не говорящая о дѣйствительныхъ причинахъ, по которымъ Буряты такъ быстро превратились изъ шаманистовъ въ поклонниковъ Будды. Отыскивая эти причины мы конечно не можемъ предполагать, чтобы Буряты могли видѣть какую либо матеріальную выгоду въ принятіи буддизма; насилій со стороны монголовъ также не было, наконецъ дѣйствовать подражательно Халхасамъ Буряты едва ли могли въ то время, потому что не питали къ нимъ ни уваженія, ни симпатіи; остается признать слѣдовательно духовную силу за самимъ буддизмомъ, а равно ловкость и умѣнье вести дѣло за его проповѣдниками. Отказывать въ этой духовной силѣ буддизму конечно не возможно: его всегдашнимъ достоинствомъ была именно способность удовлетворять не только каждую народность, которая искала для себя болѣе высокихъ религіозныхъ вѣрованій, но и каждую особь этой народности; для этого удовлетворенія онъ имѣлъ у себя всѣ средства и самое ученіе его какъ бы состав-

*) Убаши Дамба Чжалпан Ломбо Цэрэну цзохіяхсан бурят цзон'у тэухэ. Рукопись на бурят. яз., л. 8-й, имѣется въ моей библиотекѣ.

лено было для того, чтобы увлекать за собою не одинъ какой либо классъ людей, а цѣлый народъ; ибо въ полномъ кодексѣ его литературы никогда не было недостатка ни въ увлекательныхъ басняхъ для толпы, ни въ глубокихъ, отвлеченныхъ абстраціяхъ для умовъ мыслящихъ. Такое воздѣйствіе и вліяніе буддизма на человѣчество мы можемъ наблюдать собственно во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ ни появлялся: въ исторіи оно должно быть признано за обыкновенное явленіе и конечно имъ только и можемъ мы объяснить, почему Буряты схватились за буддійскія доктрины съ такою жадностію, что вскорѣ нельзя было и отличить проповѣдниковъ отъ обращенныхъ. Въ короткое время у Бурятъ построилось нѣсколько дацановъ и сами они вошли въ тѣсную духовную связь съ Монголіей и Тибетомъ. Со стороны Монголовъ и Тибетцевъ связь эта выражалась конечно покровительствомъ новообращеннымъ: монгольскій Хѹхэн хутухтѹ далъ торжественное обѣщаніе (йорѡль тальбибай) *) быть всегдашнимъ богомольцемъ и духовнымъ заступникомъ Бурятъ; Буряты въ свою очередь постоянно посѣщали свои буддійскія митрополіи, изучали тамъ буддизмъ и добровольно заимствовали оттуда разнаго рода книги и богослужебныя принадлежности **). Въ подтвержденіе сего можно указать фактъ, что лама Дорджи Цзаягійнъ, бывшій въ 1767 г. въ Москвѣ членомъ учрежденной Екатериною II-ю комиссіи для изданія новаго уложенія, доводилъ до свѣдѣнія императрицы о своемъ путешествіи въ Тибетъ, гдѣ отъ Баньчэнь эрдэни принялъ онъ посвященіе въ санъ гэлюна ***). Почти одновременно съ путешествіемъ Заягійна въ Тибетъ получилъ въ Ургѣ богословское образованіе другой знаменитый бурятскій лама Лубсанъ-чжамбо Ахалтуевъ, бывшій впослѣдствіи настоятелемъ Гусино-озерскаго дацана (построенъ въ 1750 году). Объ этомъ послѣднемъ бурятскія лѣтописи говорятъ, что онъ жилъ въ Ургѣ вмѣстѣ съ 89 своими

*) Тамъ же. Л. 9.

**) Тамъ же. Л. 10, 13, 14.

***) Лама Заягійн уберун домоги айладухсан шастир.

хувараками *). Можно заключать отсюда, какъ сильно развивался въ Забайкальи буддизмъ съ самыхъ первыхъ годовъ своего появленія. Но важнѣе всего то, что у Бурятъ, какъ и въ Халхѣ, буддизмъ очевидно развивался въ равной мѣрѣ какъ со стороны практической, такъ и со стороны научной. Въ противоположность Олѣтамъ, у которыхъ изученіе догматики буддизма не развилось еще серьезно и до настоящаго времени, Буряты съ самаго начала имѣли у себя не только иностранныхъ, но и своихъ собственныхъ ученыхъ богослововъ. Заяевъ возвратился изъ Тибета, получивъ тамъ высшую богословскую ученую степень — хларамбы; нѣсколько позже лѣтописныя сказанія съ восторгомъ повѣствуютъ о состязаніяхъ тибетскаго ламы съ бурятскимъ въ чисановскомъ дацанѣ; еще позже Буряты заводятъ у себя официальную высшую школу цанита въ цугальскомъ дацанѣ. Это послѣднее событіе относится къ 1845 году, но собственно изученіе цанита было гораздо раньше въ дацанахъ цонгольскомъ и Гусино-озерскомъ **). При такомъ положеніи дѣлъ естественно, что результаты вліянія буддизма на духъ народа и народную литературу у Бурятъ должны были имѣть въ своемъ обнаруженіи гораздо болѣе общаго съ результатами воздѣйствія его на Халхасовъ, чѣмъ на Олѣтовъ. Такъ мы и находимъ въ дѣйствительности и если религіозныя пѣсни Олѣтовъ до сего времени, какъ было показано, не отрѣшились еще отъ суевѣрій шаманства и самыхъ просто-народныхъ измышленій, то въ таковыхъ же по содержанію пѣсняхъ бурятскихъ не только не встрѣчаемся мы съ народными воззрѣніями на міръ духовный, а напротивъ какъ и у Халхасовъ наталкиваемся въ нихъ на чисто догматическое ученіе, выражаемое при томъ и книжнымъ, такъ сказать священнымъ слогомъ.

эрхим шинчжи ямандагà
эрдэнийн хүүхэн хутухтү

*) Ломбо Цэрэнү түүхэ. Л. 13.

***) О. Ковалевскій. Отчетъ о командировкѣ въ Монголію. (Рукопись изъ библіотеки проф. Каз. Дух. Акад. В. В. Миротворцева.)

эхэ хамук амитан-ни
эндүрэл үгэй үрүшийб

итэгэл хара махагала
элдэб зуильин хубилганар
альбин шумнүт дайгхун-ни
даруй түргэн хасайла

тангариглачжи шүтүгхэн
даншик хара махагала
табун илагугхан бэйбтү
бихар-чжалбд гунъ-а минн
орсок бүрийн угхун-дү
онотү гхуман тальбят
ургатү шумнүт дайгхун ни
түргэн топрак болгонд

эээн хан зарлик-гэй
эрхим хара пүши би
эндүрэхү үйлэйги
эринчин-гомбд цзахира

бадарагхан гальин дундү
бадма хайнъкирва
баршиг нүгүль түйтхэри
баратала арилга

сөк улан хадан-ду
шүсүн зэрдэ моритай
тумэн альбин тўльхэт-тэй
улан бикчжитэй махагала
дайгхун минн дарухши
дахини ухин тэнгри
гхальтэ йигхүн тэнгри-нэр
хуиглачжи мордона

хасаг тэргэйн арихин-ду
гхохтохуйн андал үгэй би
хара шумнүт дайгхун-ду
дарухдаху-йн аюл үгэй би

ордт тэргэйн арихин-ду
гхохтохуйн андал үгэй би
ургатү шумнүт дайгхун-ду
дарухдахуйн аюл үгэй би

гайтайхан хүмүн нн
галцзү йогацзарийн дүритэй
арилугхан хүмүн нн
арийя-балойн дүритэй

чжиргалтайхан хүмүн нн
мани болган махтагуй
цзоболонтайхан хүмүн нн
дун болган доньгосохтуй.

Переводъ.

(Исполненный) превосходныхъ примѣтъ Ямандага
Драгоценный Хухэнъ хутухта,
Будьте милосерды совершенно
Ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Предметъ вѣры, черный Махагала,
Превращеніями разныхъ родовъ
Тотчасъ, поскорѣй удали
Демоновъ, чертей и враговъ.

Дивный, черный Махагала,
Котораго почитаемъ мы съ молитвой,
Бигаръ Чжалбо Гун'а мой
Имѣющій пять побѣдоносныхъ свойствъ!

Въ воду каждой ложбины
Положивъ свою стрѣлу съ зазубриною,
Онъ мгновенно превращаетъ въ прахъ
Враговъ и демоновъ, снабженныхъ укрюками.

По повелѣнію государя царя
Есть (у насъ) лучшая черная пушка;
Дѣянія заблужденій
Ринсунъ гомбо (ты) исправь.

Среди пламенѣющаго огня (стоящій)
Бадма хаинкирва
Очисти до конца
Препятствія, несчастья и грѣхи.

На красной огненной скалѣ,
На красновато-рыжей лошади,

Съ полчищами десяти тысячъ шимнусовъ
Краснопанцырный Чжамсаранъ.

Подавляющая моихъ враговъ,
Вѣщая дѣвственная тэнгри,
Всѣ вмѣстѣ девять тенгриевъ,
Надѣвши панцыри, отправляются.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ двухъ колесной телѣги,
Я не боюсь, что буду побѣжденъ
Черными демонами, — врагами.

Я не ошибусь (въ томъ), что напьюсь до пьяна
Водкою изъ русской телѣги,
Я не страшусь быть побѣжденнымъ
Врагами демонами, снабженными укрокомъ.

Нечестивый человѣкъ
Имѣетъ видъ бѣсноватаго йогацзари,
Освятившійся человѣкъ
Носитъ видъ Арія-бало.

Блаженные люди
Хвалите, совершая мани;
Страждущіе люди
Кричите, испуская вопли!

Эта пѣсня бурятскихъ ламъ не многимъ уступаетъ халхаской пѣснѣ о Дамдинъ-Дорликѣ: въ ней видимъ мы тоже перечисленіе бурхановъ, тоже изложеніе свойствъ ихъ, заимствованное изъ богослужебныхъ номовъ, даже тотъ самый языкъ и форму изложенія. Можно было бы предположить отсюда, что при одинаковыхъ съ халхаскими условіяхъ существованія буддизма въ русскомъ забайкальи, пѣсни бурятскихъ ламъ были бы совершенно подобны халхаскимъ и содержаніемъ ихъ была бы также отвлеченность и созерцаніе духовнаго міра, которыя воспѣваются и въ Халхѣ; но теперь эти условія далеко нельзя назвать вполне одинаковыми. Буддизмъ у Бурятъ прежде всего бѣднѣ своими святынями: такимъ образомъ Буряты не имѣютъ у себя гэгэновъ и хутухтъ, которые такъ обыкновенны въ Мон-

голіи и Тибетѣ, а это заставляетъ нашихъ поклонниковъ будды съ одной стороны болѣе идеально смотрѣть на этихъ живыхъ божествъ и больше говорить о нихъ, а съ другой совершенно преклоняться предъ обладателями таковыхъ святынь — Монголами и особливо предъ Тибетцами. Халхасы, которые считаютъ въ своей странѣ до восьмидесяти штатныхъ хутухтъ и имѣютъ у себя великаго перерожденца Даранаты, естественно смотрять проще на своихъ богочеловѣковъ, сравнительно рѣже обращаютъ на нихъ свое вниманіе и ведутъ о нихъ свою рѣчь, всецѣло предаваясь размышленіямъ и изученію трактатовъ о невидимомъ, чисто духовномъ мірѣ; отъ того то религіозная поэзія Халхасовъ дышетъ, какъ мы уже видѣли, глубокою отвлеченностію. Для Бурятъ самая страна гэгэновъ составляетъ невидимый міръ; отъ того воспѣваніе этого міра или мѣстопробыванія гэгэновъ, т. е. Монголіи и Тибета, для бурятскихъ ламъ такой же предметъ пѣсни, какъ духовное царство Аганишты для монгольскихъ. Впрочемъ мы сильно ошибемся, если станемъ думать, что этотъ новый предметъ для пѣсенъ, какъ болѣе реальный, дѣлаетъ бурятскую религіозную пѣсенную поэзію нѣсколько болѣе жизненною: на дѣлѣ оказывается, что стремленіе авторовъ ламъ придать побольше значенія своей святынѣ, значительно отнимаетъ у нея это достоинство и форма, въ которой воспѣваютъ они святыни Монголіи и Тибета, дѣлаетъ изъ этихъ странъ не земное, а скорѣе небесное царство вѣрующихъ.

наран-ни гарху зүгэгхэ
 гэгэн туя мандан
 гэгэн бурхан хоир-ту
 үдүр бүри мургүйѣ
 абурал дэдү лама-дү
 алгагхал үгэй шүгүйѣ
 арбан хара нүгүлгийги
 арилгачжи охийя
 арбан саган буинийги
 эхилэчжи абат

абай богдò тэдэн-дү
аятай зогà барийà

баньшинь богдойн гэгэнэгхэ
бошòк луньдан бұлгачжи
бүрин тэгүс бүтэгхэн
брайбун хидьин ордн би

далай ламайн гэгэнэгхэ
даруй луньдан бұлгачжи
дэдү шачжин-ни бүтэгхэн
тэйми гхайхан ордн би

үргүн зүйн хобò-дү
үнэхэр номьин хурьнь-дү
үлэмчжи хуварагүт суглучжи
үйлэйн үрб номлабай

хүмүк улайн хая-ду
хүшитү мургүль хурана
хүрэн ханьгэргэ дэлэтши
хүшитү дү гаргана

үнэхэр номьин хурьнь-дү
олдн хуварагьин дэргэдэ
алгагхал үгэй гхэтхилэр
аморлингбйги бисылгайя

арга билик хоирар
муньхэ бугху-йги ухайя
богдонарьин шашин батутхат
бүгүдэр хамту чжиргайя.

Переводъ.

Со стороны восхода солнца
Разсвѣваются свѣтлые лучи;
Будемъ ежедневно поклоняться
Гэгэну и Буддѣ.

Будемъ непоколебимо уповать
На спасительнаго, высокаго ламу,
Очистимъ и покинемъ
Десять черныхъ грѣховъ.

Положивъ начало и принявъ
Десять бѣлыхъ добродѣтелей,
Принесемъ мирное наслажденіе
Отцамъ святителямъ.

Есть мѣсто монастыря Брайбунъ,
Который построенъ въ совершенствѣ,
Получивъ наставленіе
Отъ святителя Баньчэнъ богдо.

Получая наставленіе непосредственно
Отъ святителя Далай ламы,
Приведшее въ совершенство высокую вѣру,
Такое прекрасное мѣсто,

На берегу широкой Цзу,
Во истинно духовной обители,
Собралось множество хуvaraковъ и
Проповѣдало о воздаяніи за дѣла.

У склона утесистой скалы
Служать они великій мѹргѹль,
Ударяють въ темнобурый барабанъ
И издаютьъ сильныя звуки.

Въ истинно духовной обители,
Предъ множествомъ хуvaraковъ,
Непоколебимою мыслію
Будемъ созерцать мы успокоеніе.

Мудростію и средствами
Проникнемъ мы въ пониманіе тлѣннаго
И, утвердивъ вѣру святителей,
Всѣ вмѣстѣ будемъ веселиться.

А вотъ другая пѣсня, въ которой Буряты воспѣвають Халху:

аруин долон хошун ду
алтан ганчжур цаларна
ая хамук амитан
тэригун дү мургүнэ

шинчжилэнгийн орой-дү
шинэхэн баригхан дасань би
шинчжилэн байчжи бүтэгхэн
шачжамунийн дүри-лэ

оройгагха ни хараху ду
ошир хонхойн дүритэй
улум бйра ни ирэху-дү
улан хүчжийн үнүртэй

тэнгринэгхэ шичжимтэй
тэхши гхайхан дасань би
тэригүн дү мургүчжи
адистиди хүртэйѳ

охторгойгагха шичжимтэй
үчжим гхайхан дасань би
олон бүгүдэр мургүчжи
адистиди хүртэйѳ

хүрин булугыйн эхин-дү
гүрүмтэйхэн дасан-ла
хүхэ улан-ни нэмүрэгхэн
хүхэн хутухтуйн шаби-нар

шара булугыйн эхин дү
шинар гхайту дасан би
шара улан-ни иэмүрэгхэн
шакчжа-тубыин шабинар

найман шикшиктү дасан-ду
наран-ни туя мандана
найман хуль-тү ширэн-дү
зулайн туя бадарана

дүрбэн шикшиктү дасан-дү
дүлүн-ни туя мандана
дүрбэн хуль-тү ширэн-дү
зулайн туя мандана

хулугхүни дундү ни
хунь шубү донъгодона
хуварагыйн дундү ни
дунь бүрѳ донъгинана.

Переводъ.

Въ семи сѣверныхъ кошүнахъ
Переносятъ золотой ганчжуръ;
Ахъ, всѣ одушевленные существа
Поклоняются (ему) головою.

На вершинѣ Шинъчжилэнгійской (горы)
Стоить вновь построенный храмъ,
(Въ немъ) тщательно исполненный
Образъ Шигэмуни.

Какъ согласишь (на него) съ верху,
Онъ имѣеть видъ вачира и колокольчика;
Какъ подходишь (къ нему) по ближе,
(Отъ него) благовоніе красныхъ курительныхъ свѣтъ.

Имѣющій связь съ небомъ,
Ровный и прекрасный храмъ;
Преклонившись головою,
Получимъ благословеніе.

Имѣющій связь съ небомъ,
Просторный, прекрасный храмъ;
Поклонившись всѣмъ множествомъ,
Удостоимся благословенія.

При истокахъ ключа Куринъ
Стоить храмъ, въ которомъ совершаются мо-
лебствія,
Одѣтые въ синій и красный (цвѣтъ)
Ученики Хухэнъ хутухты.

При истокахъ ключа Шара
Есть храмъ, славный своими прекрасными качествами;
Одѣтые въ желтый и красный цвѣтъ
Ученики Шакжа-тубы (= Шигэмуни).

Въ восьми-угольномъ храмѣ
Разсѣивается лучъ солнца;
На восьми ножномъ столѣ
Разсѣивается лучъ лампы.

Въ четырехъ-угольномъ храмѣ,
Разсѣивается свѣтъ паникадила;
На четвероножномъ столикѣ
Разсѣивается свѣтъ лампы.

Въ срединѣ камышей
Кричатъ лебеди;
Въ срединѣ духовныхъ лицъ
Слышны звуки раковины.

Въ такой формѣ воспѣваютъ свои религіозныя митрополіи бурятскіе ламы. Судя по тому, что они сравнительно чаще халхаскаго духовенства посѣщаютъ Тибетъ, и что почти каждый порядочный бурятскій лама считаетъ своею обязанностью побывать во всѣхъ важнѣйшихъ святыхъ мѣстахъ Монголіи, можно было бы ожидать, что въ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеніяхъ ихъ, воспѣвающихъ помянутыя мѣстности, найдется больше жизни: что здѣсь мы повстрѣчаемъ и картинные виды природы описываемыхъ мѣстъ, и подробныя изображенія внѣшности по преимуществу занимающихъ вниманіе ламства святынь, и легендарныя сказанія объ этихъ святыняхъ; но ничего подобнаго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Воспѣвая хвалы Монголіи и Тибету, бурятскіе поэты-монахи очевидно не только не интересуются дѣйствительностію, но даже и бѣгутъ всего того, что имѣетъ сходство съ дѣйствительнымъ, какъ напр. легендарныхъ сказаній. Точнѣе, воспѣвая святыни буддизма въ той или другой странѣ, бурятскіе ламы обращаютъ все свое вниманіе на духовное значеніе этихъ предметовъ, изображаютъ исключительно ихъ мистическую сторону, упоминаютъ только о томъ, въ чемъ проявляется ихъ таинственное значеніе; описаніе же внѣшности этихъ святынь ограничиваютъ едва ли не одною ихъ номенклатурою. При такомъ характерѣ бурятскихъ описательно-религіозныхъ пѣсенъ, естественно, что въ текстѣ ихъ, особливо при сжатости изложенія, является много неудобопонятнаго для обыкновеннаго человѣка; — результатъ же такого образа изложенія понятенъ самъ собою. Пѣсня порождаетъ въ слушателяхъ чувство благоговѣнія, усиливаетъ безотчетное сочувствіе ихъ къ тому загадочному міру, который она воспѣваетъ и съ которымъ душа ихъ сроднилась въ мечтахъ еще со младенчества и заставляетъ бессознательно преклоняться предъ таинственною высотой этого міра. Такимъ образомъ незамѣтно воспитываютъ ламы у Бурятъ религіозное чувство и вселяютъ въ сердца ихъ вѣру въ духовное величіе буддійскихъ святынь въ отдаленныхъ мѣстахъ снѣжнаго царства, или соплеменной Бурятамъ Монголіи. Какъ

представители въ своемъ народѣ этой воспѣваемой религіи, ламы естественно хотятъ выставить и себя по крайней мѣрѣ отраженіемъ того же величія, а отсюда при стремленіи ихъ стать выше народа, возникаетъ желаніе отдѣлиться отъ него именно въ ту сторону, гдѣ блистаетъ это величіе, — въ сторону Халхи. Такъ по крайней мѣрѣ я объясняю себѣ то явленіе, что бурятскіе ламы всѣми силами души стремятся считаться Халхасами и, отвергая отъ себя всякое постороннее вліяніе, презирая все, что могло бы привзойти въ ихъ жизнь со стороны Руси, хотятъ быть похожими только на Халхасовъ *). Явленіе это ярко бросается въ глаза даже при поверхностномъ наблюденіи надъ ламствомъ въ Забайкальской степи: начнемъ хоть съ того, что бурятскій лама считаетъ для себя постыднымъ говорить по русски **) и напротивъ прежде и больше всѣхъ старается объ усвоеніи у себя халхаскихъ особенностей рѣчи; тѣже заботы прилагаетъ онъ и къ перениманію халхаскихъ приемовъ въ обращеніи съ предметами, въ отношеніяхъ съ людьми и вообще во всей внѣшней обстановкѣ; для курьеза пожалуй можно замѣтить, что во всѣхъ бурятскихъ степяхъ никто кромѣ ламъ не носитъ уродливыхъ халхаскихъ, или лучше сказать, китайскихъ сапоговъ и напротивъ всякій лама, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, непремѣнно имѣетъ ихъ;

*) Н. Керцелли. Москов. Университ. Извѣстія. Чт. о Бурятахъ. 1869 г.

**) Нежеланіе считаться знающимъ русскій языкъ у бурятскихъ ламъ въ самомъ дѣлѣ поразительно и они доказываютъ его съ удивительною настойчивостью; для примѣра укажемъ хоть на то, что, кажется ни одинъ бурятскій ханбо лама, хотя и считается онъ чиновникомъ русской службы, не знаетъ русскаго языка. Въ послѣднее время обстоятельство это обратило на себя вниманіе русскаго правительства и отъ ханбо ламъ стали требовать знанія русскаго языка какъ необходимаго условія при утвержденіи въ должности, но что же вышло? Ханбо лама Мархаевъ послушалъ эти требованія, да и вышелъ въ отставку, не думая объ ихъ исполненіи; настоящій ханбо явился также не знающимъ русскаго языка и былъ утвержденъ исправляющимъ должность ханбо ламы не прежде, какъ далъ обѣщаніе выучиться ему; лѣтъ пять по этому случаю былъ онъ исправляющимъ должность, каждый годъ ѣздили къ нему русскіе чиновники освѣдомляться объ его успѣхахъ, да въ концѣ концовъ такъ и утвердили, — лама всетаки настоялъ на своемъ и русскаго языка онъ не знаетъ.

конечно это только для того, чтобы быть болѣе похожимъ на Халхаса. Вообще тяготѣніе къ Халхѣ въ средѣ бурятскаго ламства поразительно. Назвать бурятскаго ламу Халхасомъ, ученикомъ Чжэбцзунъ дамбы, значить доставить ему высшую степень удовольствія, и самъ онъ иначе и не говоритъ въ своей рѣчи какъ «*нашъ халхаскій обычай*», *наши халхаскія убѣжденія* и пр. Но за всѣмъ тѣмъ этимъ ревностнымъ приверженцамъ будды, которые отклоняютъ отъ себя всякое подражаніе своимъ цивилизованнымъ владѣтелямъ и изъ за одной только религіи, ставятъ своимъ идеаломъ жалкаго монгола, нельзя не сознавать предъ своимъ же народомъ, что они все таки не Халхасы, что ихъ духовный владыка — не гэгэнъ, не хутухта, указанный буддійскимъ тайновѣдцемъ, а выбранный простымъ народомъ ханбо-лама. Не считать послѣдняго владыкою вѣры, не превозносить его, — значить унизить весь религіозный строй въ своей странѣ, нанести ударъ себѣ же самимъ; а между тѣмъ согласить этихъ двухъ противоположностей, быть одновременно Халхасомъ и Бурятомъ, конечно не возможно. И вотъ отсюда то вытекаетъ та комичная двойственность, по которой бурятскіе ламы въ настоящее время и хотятъ выставить себя нераздѣльными съ Халхаскими Монголами и въ тоже время во имя народной гордости и человѣческихъ интересовъ должны отстаивать высоту своей отдѣльности отъ нихъ. Вотъ примѣръ этой смѣшной двойственности въ бурятской ламской пѣснѣ:

охторгѳйги гэйгүлүхши
алтан шарà наран би
оршилангѳйги гэйгүлүхши
алдарту шарайн шашин би

бодоньту гхүнѳйги гэйгүлүхши
мүнхэ саган гхарà би
бодоньгѳйги гэйгүлүхши
мүнхэ шарайн шашин би

харангѳйги гэйгүлүхши
гэгэн зулайн туя би

хамүк амитан-ни гэйтүлүхши
богдо зонъхавайн гэгэн би

хара гхальхин-ни халхалахши
хадайн үбүр гэлэй лэ
халха маньйги одоридухши
хамбо лама гэлэй лэ

охторгбйн оргил-дү
олон донъшүр одот би
орон орбро эзэлэгхэн
олон хошүн-ни хан би

хамүк орон-ни эзэлэгхэн
хан импиратор гэлэй лэ
энэ бэйбйги үкгүгхэн
эчжи аба гэлэй лэ

бурхан ном-й шүтүчжи
буинтай гхайхан чжиргайя
бурү цэүб-и шилгачжи
буртак үгэй чжиргайя

шашин ном-й шүтүчжи
гхамү үгэй чжиргайя
гхалагай ябудал-и тэбшичжи
буртак үгэй чжиргайя

ашитү ламайги шүтүчжи
адистид-тунй хүртэйб
ахамат түшимэд-и хүндүлэчжи
аятай гхайхан чжиргайя

ном шашин-ни шүтүчжи
омок үгэй чжиргайя
номохон түльгэн ябучжи
нойн солд хүртэйб

хан ноинан шүтүчжи
хаиртай гхайхан чжиргайя
аба эчжйгэн хүндүлэчжи
ашй-дүн-ни хүртэйб

арга билиги гхурши
андү үгэй ябуйя
эзэн импираторыйн зарлигар
эрхэ йогху дагайя

эрдэм билигй гхурши
эндү үгэй ябуий
үлзэй хутук орошичжи
үргүльчжи гхайхан чжиргай
арга билигй гхурши
андү үгэй ябуий
арбан буин дэлгэрэчжи
ачжик үгэй чжиргайя.

Переводъ.

Освѣщающее небо
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающая матеріальный міръ
Славная, желтая вѣра.

Освѣщающая темную ночь
Вѣчная, блѣдная луна,
Просвѣщающая мракъ (невѣжества)
Вѣчная, желтая вѣра.

Освѣщающій темноту
Лучь свѣтлой лампы,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ святителя Цзонхавы.

Заграждаетъ жестокой вѣтръ
Говорятъ, южный склонъ скалы;
Руководитъ насъ Халхасовъ
Говорятъ, ханбо-лама.

На окружности небесъ
Много билліоновъ звѣздъ;
Правящіе отдѣльными мѣстностями
Ханы множества хошуновъ.

Управляющій всею странюю,
Говорятъ, Государь Императоръ,
Давшіе это существо
Говорятъ, бабушка да матушка.

Уповая на Бога, да на священное ученіе,
Повеселимся хорошо и добродѣтельно;
Различая злое и доброе,
Повеселимся безъ непристойностей.

Упова я на вѣру и священное ученіе,
Повеселимся въ безмятежи;
Отбросивъ худыя дѣянія,
Повеселимся безъ непристойностей.

Упова я на благодѣтельнаго ламу,
Удостоимся его благословенія;
Почитая начальниковъ, чиновниковъ,
Повеселимся мирно, хорошенечко.

Упова я на священное ученіе и вѣру,
Повеселимся безъ гордости;
Поступая кротко и мирно,
Удостоимся княжескаго званія.

Полагаясь на своихъ царя и правителей,
Повеселимся любезно и хорошенечко;
Почитая своихъ родителей,
Удостоимся ихъ благословенія.

Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
По повелѣнію Государя Императора,
Будемъ исполнять законы и постановленія.

Изучивъ разумное и мудрое,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Водворяя счастье и святость,
Будемъ всегда веселиться хорошенечко.

Изучивъ средства и мудрость,
Будемъ дѣйствовать безошибочно;
Распространяя десять добродѣтелей,
Повеселимся безъ сомнѣній.

Едва ли нужно будетъ указывать и выяснять мѣста комичныхъ несообразностей въ этой пѣснѣ; онѣ очевидны каждому и для насъ гораздо болѣе интереснымъ представляется вопросъ о причинахъ, которыми влекутся Буряты къ Халхѣ до такой сильной степени, что и сами хотятъ считать себя Халхасами? Мы положительно не ошибемся если скажемъ, что въ основѣ этого влеченія лежитъ одинъ только буддизмъ. Мирная и покойная жизнь, совершенное довольство и, при неприхотливости требованій, пожалуй даже матеріальный избытокъ въ насущныхъ

потребностяхъ дня, наконецъ попеченія объ общественномъ и экономическомъ благѣ Бурятъ русскаго правительства, все это еще съ давнихъ поръ отучило нашихъ кочевыхъ инородцевъ отъ собственныхъ заботъ о матеріальномъ благосостояніи. Бурятъ не страшится за свою жизнь и свои матеріальныя средства: онъ не ходитъ по стени, роя кореня, и не просиживаетъ цѣлаго дня надъ норомъ тарбагана, какъ это дѣлаетъ Халхасъ, знающій, что безъ этого труда ему придется умереть завтра; въ хорошіе годы всякій Бурятъ имѣетъ у себя молоко и мясо отъ своихъ стадъ, наступитъ голодное время, онъ знаетъ, что русское правительство снабдитъ его хлѣбомъ. О чемъ же заботиться при такой обезпеченности этимъ истинно дѣтямъ природы? Какіе либо высшіе интересы жизни къ нимъ не привились еще не смотря на болѣе чѣмъ 250-лѣтнее пребываніе въ средѣ Русскихъ; а между тѣмъ ихъ духъ также ищетъ жизни, ищетъ дѣятельности. И вотъ на помощь является буддизмъ съ его отвлеченными догматическими теоріями и умосозерцаніями, съ его возвышеннымъ на первый взглядъ нравственнымъ ученіемъ, наконецъ съ его внѣшнею обрядностію и шумными церемоніями. Этими могущественными орудіями буддизмъ способенъ завлечь на свою сторону каждаго: отвлеченныя теоріи его такъ интересны въ изложеніи своихъ подробностей и доказательствъ, что изученію ихъ съ охотою отдають свою жизнь всѣ, ищущіе развитія ума; нравственное ученіе заставляетъ благоговѣть предъ высотой этой религіи и буквально пристращаться къ ней всякаго старца и человѣка, искусившагося въ жизни, потому что тотъ и другой необходимо сочувствуютъ не только самому этому нравственному ученію, но и его философскимъ основамъ; наконецъ молодежь, простолюдины, да и вся вообще легкомысленная толпа увлекается пышными религіозными церемоніями, составляющими почти единственное развлеченіе въ однообразіи ихъ разъединенной кочевой жизни *).

*) Косыгинъ. Очеркъ исторіи христіанства въ Торской степи. Иркутскъ, 1878 г., стр. 42. Иркутскія Епарх. Вѣдом. Кн. апрѣльская, 1868 г., стр. 224 Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten. Thl. II, S. 127.

Понятно, что при этихъ условіяхъ буддизмъ дорогъ Бурятамъ какъ единственный и верховный двигатель ихъ духовной дѣятельности, что потому самому они хранятъ его какъ зѣницу ока и ревнуютъ о его силѣ и развитіи, ибо въ этой силѣ и въ этомъ развитіи видятъ они и залогъ для жизни своего духовнаго существа. Несомнѣнно, что по первоначалу на возбужденіе сочувственнаго отношенія Бурятъ къ буддизму имѣло великое значеніе ламство, которому конечно религія дороже чѣмъ кому либо другому; но теперь, въ силу уже высказанныхъ мною разностороннихъ вліяній буддизма на весь народъ и на каждую особь его, нельзя не предположить, что каждый Бурятъ способенъ ратовать за эту, исповѣдываемую имъ религію, и по своей собственной инициативѣ. За доказательствами справедливости всего сказаннаго намъ далеко ходить не слѣдуетъ. Обратимъ вниманіе на послѣднюю, почти современную намъ жизнь Бурятъ, на усилившіяся въ послѣднее время посольства ихъ въ тѣ города, въ которыхъ сосредоточено верховное управленіе надъ ними и даже въ Петербургъ. Что значатъ всѣ эти посольства? Зачѣмъ пріѣзжаютъ они? О чемъ хлопчатъ? О буддизмѣ и только о буддизмѣ: въ 1854 году они трактуютъ о вновь учрежденныхъ тогда ламскихъ штатахъ; въ 1857 году, желая замаскировать обиліе своего ламства, они ходатайствуютъ о разрѣшеніи носить всѣмъ Бурятамъ красные халаты, которые собственно суть принадлежность ламъ низшихъ степеней; въ 1862 году начинаются толки объ ученіи ламами Цанита; за тѣмъ въ теченіе прошлаго и въ началѣ настоящаго десятилѣтія выступаютъ на сцену ходатайства объ устройствѣ обонвь, о разрѣшеніи служенія цама и пр. и пр. Никакихъ просьбъ объ общественномъ и гражданскомъ устройствѣ, никакихъ заявленій о судебныхъ и административныхъ порядкахъ, какъ будто съ этихъ сторонъ вся жизнь у нихъ такъ совершенна, что не оставляетъ желать по себѣ ничего лучшаго. Не ясно ли отсюда, что Буряты признаютъ свою матеріальную обстановку вполне удовлетворительною для себя и всею душою заботятся только объ одномъ, — это о своемъ буд-

дизмѣ. Дѣйствительно, кажется, нѣтъ и большей радости для Бурятъ какъ какое либо послабленіе буддизму, или содѣйствіе къ разширенію его: устройство новаго дацана, введеніе новаго богослуженія возбуждаетъ во всѣхъ самое высокое чувство духовнаго наслажденія. Вотъ пѣсня, которую воспѣли Буряты при освященіи Агинскаго дацана, построеннаго ими, получивъ на сіе разрѣшеніе отъ русскаго правительства.

үндүр, үндүр улаханà
 үлэмчжй холò хунъгэлэйѢ
 үбүгүн ширэту ламахай-дән
 үдүр бүри мургүйѢ

байн агбйн хоймүр-тү
 бэльтү ұлаин үбүр-тү
 батү саган дасанъ мани
 бандита хамбагха абуралтай

үргүн агбйн хоймүр-тү
 үзүмтү ұлаин үбүр-тү
 үндүр саган дасан мани
 үбүгүн хамбагха абуралтай

гушйн хойр баганатай
 гурбун алтан ганчжиртай
 гольшик саган дасан мани
 гөродыйн зургангха абуралтай

арбан зурган баганатай
 алтан гхайхан ганчжиртай
 алдартай саган дасан мани
 абай ханагха абуралтай

холò бйро алдартай
 хонъхò ошир янцзатай
 хойр алтан ганчжиртай
 хобитай гхайхан дасан би

арбан зүги гэйгүлүхши
 алтан шара наран би
 амитан бүхүн-ни гэйгүлүхши
 мани ламайн гэгэн би

охторгбйги гэйгүлүхши
олон одот хөрөхүй
оршиланги гэйгүлүхши
орон-ни ламà хөрөхүй
харангбйги гэйгүлүхши
гхаран эрдэнийн гэрэл би
хамук амитан-ни гэйгүлүхши
ману ламайн гэгэн би
худурган-дан зохистой
хубилган ногон морь би
хурул ном-дан зохистой
хуварак эрдэни хөрөхүй

Переводъ.

Высокому, высокому, красноватому коню,
Дадимъ выстояться подольше;
Своему старцу, каедральному ламѣ,
Будемъ кланяться каждый день.

На сѣверной сторонѣ богатой агойской (степи),
На южной сторонѣ отлогой горы,
Нашъ прочный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый Бандитою хамбо.

На сѣверной сторонѣ широкой агойской (степи),
На южной сторонѣ горы Уцзюмту (поросшей виноградомъ),
Нашъ высокій, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый старцемъ — хамбо.

Съ тридцатью двумя колоннами,
Съ тремя золотыми ганчжирами,
Нашъ опрятный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый городскимъ управленіемъ.

Съ шестнадцатью колоннами,
Съ золотыми, прекрасными ганчжирами,
Нашъ славный, бѣлый дацанъ,
Покровительствуемый батюшкой царемъ.

Онъ славенъ вдали и вблизи,
Онъ похожъ на колокольчикъ и очиръ,
Онъ имѣетъ два золотыхъ ганчжира,
Судьбою отмѣченный бѣлый дацанъ.

Просвѣщающее десять странъ,
Золотое, желтое солнце,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Освѣщающія небо
Многочисленныя, болѣзныя звѣздочки;
Просвѣщающій матеріальный міръ
Болѣзненный (нашъ), мѣстный лама.

Просвѣщающіе мракъ
Лучи луны драгоцѣнности,
Просвѣщающій всѣхъ одушевленныхъ существъ
Ликъ нашего ламы.

Пригодна для своихъ пахвей
Хубилганъ, зеленая лошадь,
Пригодно для своихъ богослуженій и священнаго ученія
Болѣзное духовенство сокровище.

Такъ воспѣли свой дацанъ Буряты на торжествѣ его освященія, которое, по сказанію лѣтописей, совершалось 130 ламами и на празднованіе котораго, по сказанію тѣхъ же лѣтописей, приглашено было все мѣстное русское и бурятское чиновничество, число же собравшихся простолюдиновъ превышало 5,000 человекъ. Празднество продолжалось два дня: по обычаю устраивались здѣсь конскія скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль изъ лука, задавались обѣды, воспѣвались гимны въ честь событія и присутствующихъ начальниковъ и пр. и пр. Пѣсни, распѣваемые на такого рода официальныхъ празднествахъ у Бурятъ, какъ и у другихъ народовъ, обыкновенно заключаютъ въ себѣ весьма мало чертъ изъ домашняго быта и семейныхъ отношеній; — соотвѣтственно времени и случаю они носятъ въ своемъ содержаніи также официальный характеръ и для насъ являются особенно интересными въ виду того, что въ нихъ мы находимъ характеристику отношеній Бурятъ къ своему начальству. Конечно такія мѣста въ пѣсняхъ весьма кратки, выводы изъ нихъ нужно дѣлать по большей части путемъ наведенія, но иначе вѣдь и бытъ не можетъ съ такими ловкими степными политиками какъ Бу-

ряты. Внимательно слѣдившій за содержаніемъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія замѣтилъ уже тотъ девизъ, который предлагается такимъ политикомъ для достиженія довольства и силы:

«Дѣйствуя кротки и мирно
Удостоимся княжескаго званія».

И Буряты дѣйствительно преслѣдуютъ этотъ девизъ. Льстивость и самоуниженіе предъ силой — основная черта характера каждаго Бурята. Какъ бы ни стоялъ высоко Буряты въ средѣ своего народа, онъ никогда не постыдится своихъ собратій ни въ какомъ самоуниженіи предъ постороннею силой, если только это будетъ служить ему къ достиженію выгоды народной, или даже своей личной. Оттого то на пирушкахъ Буряты русское чиновничество всегда занимаетъ первое мѣсто, хотя въ душѣ Буряты, пожалуй, и далеко не рады его присутствію здѣсь. Уваженіе къ русскому чиновничеству у Буряты только наружное, задушевное же почтеніе, полную преданность и готовность на всякое пожертвованіе они носятъ въ своей душѣ только къ своимъ родовымъ, единоплеменнымъ и главное единовѣрнымъ правителямъ, во главѣ которыхъ стоитъ обыкновенно тайша. Замѣчательно, что тайши, принявшіе христіанство, отталкиваются отъ народа, они становятся въ народномъ понятіи въ ряды русскаго чиновничества и лишаются со стороны народа откровенности и довѣрія. Фактъ этотъ также свидѣтельствуетъ съ одной стороны о силѣ привязанности Буряты къ буддизму, а съ другой о томъ, какія чувства питаютъ Буряты не только къ Русскимъ, но и къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсную связь съ Русскими. Само собою разумѣется, что сказанное мною основывается главнѣйше на личномъ всестороннемъ и тщательномъ наблюденіи надъ жизнію Буряты. Приобрѣтенные мною памятники, свидѣтельствующіе истинность этихъ заключеній, я надѣюсь обнародовать въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени; теперь же, обращаясь къ пѣснямъ, повторю снова, что выраженіе отношеній Буряты къ рус-

скому чиновничеству всегда излагается въ нихъ крайне сжато и коротко.

Вотъ для примѣра пѣсня, пѣтая на томъ же празднованіи освященія Агинскаго дацана.

хүрэн хүрэн зэрдэйгэн
хүмүлдүргэй-ни загхайя
хүгхэлэнтэйхэн уругүт-ту
хүрунгүтэйгэн барийя
хөрбхөй гхайхан танайга
хүндүлэт гхүчжи найралайя

хурдун хурдун зэрдэйгэн
худургуйги-ни загхайя
хотойн түшимэт тандан
хурзайн дэчжи барийя
хүшит гхайт-нар тандан
хобян хичжи барийя

абай эээн ханагха
алтан зарлик хүлчжи
арюон орон-ни бүтэгхэн
ашитү хамбò ламахай

үндүр эээн ханагха
үндүр зарлик хүлчжи
үнэнтү оронни бүтэгхэн
үбүгүн хамбò ламахай

найдан чжудук шүтэнтэй
найман чжабдан хуварактай
нагхун үргүльчжи хуралтай
ютай гхайхан орон би

зүггийн йэхэ шүтэнтэй
зурган ширэнэй ламатай
зориглачжи мүргүльтэй
тэйми гхайхан орон би

аилдар зангтай хүмүндү
хани нүхүр дүтү би
акгхам зангтай хүмүндү
акхарахү хэрүльшин дүтү би

хайр шулү даршибала
хашичжи нэйлэхү бэрхэ би
хайран бэйбэ үхүбэлэ
эргичжи түрүхү бэрхэ би
охторгойгха орогхан
мүндүр юн шүрүн би
үнүшин гахса хүмүндү
нойт ямар шүрүн би
хурдун гэгхэн морин-ни
холо ойро саньтай би
хброту гхэтхиль тэбшибэлэ
холо ойро алдартай би
орохү хорайн гхолонгò
үнэгэ түргэн гачжүрана
олон гханату хүмун-дү
ширай түргэн бүрана
харийн холо гацзарту
мори бэйбэ бэхилэхү
ханилагхан дэдү нүхүр-тү
үнэн үгэйгэн хэлэхү
олон сэсэк ургубала
дэлэхэйн шимэк гэдэк би
олон сэсэт суглабала
түрүйн шимэк гэдэк би
таладүнни уругхан
табун үнэгэйн сэсэк би
та бүгүдэйн омбо
дүн эгэшик баринам-ди

Переводъ.

Изготовимъ поперсье
Для своего темнаго, темнаго рыжки,
Поднесемъ вино вмѣстѣ съ мѣхомъ
Своимъ желанненькимъ сватьямъ,
Повеселимся сидючи, да чествуя
Болѣзньненькихъ и добренькихъ васъ своихъ.

Изготовимъ потфей
Своему быстрому, быстрому рыжкѣ,

Поднесемъ угощеніе изъ трижды перегнаннаго вина
Вамъ городскимъ своимъ чиновникамъ;
Вамъ, своимъ стариннымъ сановникамъ
Положимъ, да поднесемъ свою часть.

Основавшій священное мѣсто,
Дождавшись золотого повелѣнія
Отъ батюшки государя царя,
Благодѣтель ханбо лама.

Основавшій храмъ истины,
Дождавшись высокаго повелѣнія
Отъ высокаго государя царя,
Старець ханбо лама.

Съ кумирами найданъ чжидукъ,
Съ ламами на восьми сѣдалищахъ,
Съ службами непрерывными во весь вѣкъ,
Что это за прекрасное мѣсто?!

Съ большими кумирами Цзу,
Съ шестью каедральными ламами,
Вызывающее на поклоненіе
Такое прекрасное мѣсто!

У кроткаго человѣка
Близки друзья и пріатели;
Отъ иридричиваго человѣка
Не далеки вздорные спорщики.

Камешки гальки если и сжимать,
Трудно, чтобы (они) слѣпившись, соединились;
Жалкое (это) тѣло какъ умереть,
Трудно снова возродиться (ему).

Упавшій съ неба
Какой жестокой градъ?
Для одинокаго сиротки
Какъ жестоки правители?!

Лошадь, провозглашенная быстрою,
Славна близко и далеко,
Какъ бросишь злыя мысли,
(Будешь) славенъ и близко, и далеко.

Радуга отъ продолжительнаго дождя
Быстро теряетъ цвѣтъ,

У челоѣка заботливаго
Лице быстро худѣтъ.

Для далекихъ, чужихъ краевъ
Нужно подкрѣплять себя и лошадь;
Подружившимся, почтеннымъ пріятелямъ
Нужно говорить правдивыя рѣчи.

Какъ выростетъ много цвѣтовъ,
Говорять, — красота вселенной;
Какъ соберется много мудрецовъ,
Говорять, — красота правленія.

Выросли на степи
Цвѣты пяти цвѣтные;
Передъ всѣми вами
Поднесли мы напѣвъ пѣсенный.

Мы привели эту пѣсню какъ одну изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ различіе отношеній Бурятъ къ русскому и къ своему родовому чиновничеству. Характеристика эта собственно выражается только во второй строфѣ, но изъ разсмотрѣнія ея, какъ намъ кажется, вытекаетъ именно то заключеніе, на которое сейчасъ было указано. Къ русскимъ (городскимъ) чиновникамъ Буряты обращаются въ пѣснѣ прежде чѣмъ къ своимъ родовымъ (конечно желая этимъ показать, что считаютъ ихъ выше), на пиру имъ очевидно даютъ первое мѣсто, принимаютъ ихъ за лучшихъ гостей, подносятъ имъ лучшее, три раза перегнанное вино. Но это наружное почтеніе еще не есть свидѣтельство дѣйствительнаго уваженія и преданности; оно ничтожно въ сравненіи съ обращеніемъ Бурятъ къ своимъ стариннымъ родовымъ правителямъ. О послѣднихъ въ пѣснѣ рѣчь какъ будто ведется уже послѣ, ихъ какъ будто отставляютъ на задній планъ, но задушевность отношеній, всецѣлое сознание ихъ главенства надъ массой народа и самая сердечная преданность этой массы лежитъ всетаки на ихъ сторонѣ. Въ пѣснѣ это выражается прежде всего тѣмъ, что пѣвцы не даютъ этимъ своимъ родоуправителямъ какого-то канцелярскаго названія «түшимэль», а величаютъ высокимъ титуломъ «сайтъ», что же касается до угощенія ихъ, то оно

собственно даже и ни какъ не обозначается, ни чѣмъ не ограничивается; — имъ готовъ каждый отдать все что есть, — поднести свою собственную часть. Этими замѣчаніями ограничивается въ пѣснѣ весь трактатъ, свидѣтельствующій о различіи чувствования Бурятъ къ ихъ государственному, иноземному чиновничеству и своимъ родовымъ правителямъ и эта краткость указанія отношеній совершенно въ порядкѣ вещей, потому что, какъ уже было сказано, Буряты всегда говорятъ объ этомъ предметѣ сжато, въ высшей степени сдержанно и дипломатично. Въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи пѣсня эта однако не менѣе интересна. Принадлежа очевидно языку распорядителей пира, она характеризуетъ направленіе духа пожилыхъ Бурятъ, въ которомъ не трудно замѣтить весьма много общаго съ халхаскимъ. Хвала кумировъ, умствованіе, основанное на отвлеченіяхъ изъ практическихъ жизненныхъ примѣровъ, правила нравственности, заимствованныя также изъ жизненной практики, а отчасти изъ воззрѣній и ученій буддизма, которыя проповѣдуютъ ламы, вотъ главнѣйшее содержаніе этой и большинства подобныхъ ей бурятскихъ пѣсней и особливо составленныхъ и распѣваемыхъ людьми, вышедшими изъ юношескаго возраста, когда въ человѣкѣ начинаютъ уже умиротворяться волнующія его въ молодости страсти. Подобно Халхасамъ, Буряты въ пору своего зрѣлаго возраста лучшимъ своимъ времяпровожденіемъ считаютъ бесѣды съ ламами и досугъ свой проводятъ въ чтеніи буддійскихъ религиозныхъ книгъ, о распространеніи которыхъ такъ ревностно заботится тоже самое бурятское ламство. При такихъ условіяхъ понятны причины, по которымъ буддизмъ гораздо глубже пустилъ свои корни въ сердца Бурятъ, чѣмъ это мы видимъ у Олѣтовъ: религія эта сознается здѣсь гораздо яснѣе, существуетъ въ народномъ представленіи гораздо чище отъ всякихъ примѣсей шаманства и суевѣрій другихъ религиозныхъ ученій. Всего лучше превосходство силы буддизма у Бурятъ въ сравненіи съ Олѣтами представляется намъ чрезъ сличеніе пѣсни «арбан зурган гхайхан».

алтан ѹлаин аршан ни гхайхан
 абд эчжин гхургар ни гхайхан
 мунгыун ѹлаин мунгыу ни гхайхан
 мунгхэ йбрӧльийн гхургар ни гхайхан
 зун найман зула ни гхайхан
 зурган йбрӧльийн унъшилга ни гхайхан
 шинггинэн байхши сэлынн ни гхайхан
 шимэктэй яндартай дасань ни гхайхан
 шахин байхши сань гхайхан
 саган сѡхор ном гхайхан
 уругун байхши угхун гхайхан
 унъшичжй байхши ламанар гхайхан
 хурачжй байхши хурул гхайхан
 хурулын дунду хуварагут гхайхан
 зандан модон-най набчигхун гхайхан
 зайту хумунэй йбрӧль гхайхан

Переводъ.

Хороша святая вода золотой горы,
 Хороши наставленія батюшки и матушки,
 Хорошо серебро серебрянной горы,
 Хорошо наставленіе вѣчныхъ йбрӧлей,
 Хороши сто восемь лампадъ,
 Хорошо произношеніе шести благихъ вѣщаній (= мани),
 Хорошъ мягкозвучный цэлыннъ,
 Хорошъ дацанъ съ украшеніями и фундаментомъ,
 Хорошъ цанъ, заливающійся въ звукахъ
 Хороша бѣлопестрая, священная книга,
 Хороша проточная вода,
 Хороши ламы, читающіе (священные книги),
 Хорошо собраніе (духовенства), совершающее службу,
 Хороши духовныя лица среди собранія,
 Хороши листья сандалянаго дерева,
 Хороши предопредѣленія талантливаго человѣка.

Подобную пѣсню съ исчисленіемъ шестнадцати различныхъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ народъ выражаетъ если не свои идеалы, то по крайней мѣрѣ свои задушевные симпатіи,

мы видѣли уже въ сборникѣ ѡлѣтскихъ пѣсенъ; но тамъ большинство перечисляемыхъ предметовъ или всецѣло принадлежитъ жизни матеріальной, или же принадлежа само по себѣ къ области духа, способствуетъ устроению матеріальнаго блага. У Бурятъ напротивъ все хорошее видится только въ буддизмѣ, въ матеріальной же обстановкѣ считается лучшимъ то, въ чемъ болѣе отражаются идеи буддизма, или что прямо имѣетъ отношеніе къ религіи и церкви, составляетъ принадлежность того или другаго, способствуетъ величію вѣры. Такой взглядъ на благо окружающей жизни и такое мѣрило для сужденія о достоинствахъ предметовъ мнѣ кажется болѣе всего свидѣтельствомъ о той силѣ, которую имѣетъ буддизмъ во вліяніи на духовную жизнь и умосозерцаніе Бурятъ. Подобно Халхасамъ они хотятъ удалиться отъ всего матеріальнаго и развиваютъ въ себѣ презрѣніе къ матеріи, а отъ того подъ старость они дѣлаются апатичны къ жизни мирской вообще, видя въ ней препону для жизни духовной и достиженія высшихъ благъ за гробомъ.

талайн ѳндѳр модон-дѳ
 тарбачжѳ шубѳ суглана
 тавар гхѳйѳ гэхѳ-дѳ
 оршилѳнѳги хѳшитѳй

бѳглѳр ѳндѳр модон-дѳ
 бѳргѳт шубѳ суглана
 бѳгѳдѳрѳ гхѳйѳ гэхѳ-дѳ
 оршилѳнѳги хѳшитѳй

хадѳйн ѳндѳр модон-дѳ
 хайлганѳ шубѳ суглана
 хамтѳра гхѳйѳ гэхѳ-дѳ
 оршилѳнѳги хѳшитѳй

ѳргѳль булугѳйѳн ѳхин-дѳ
 ѳлѳ шубѳ суглана
 ѳлихѳрѳ гхѳйѳ гэхѳ-дѳ
 оршилѳнѳги хѳшитѳй

хѳбшѳйн ѳндѳр модон-дѳ
 хѳхѳй шубѳ суглана

хурѣлэт гхүйя гэхү-дү
оршиланыги хүшитэй.

Переводъ.

На высокомъ, степномъ деревѣ
Собираются ястреба;
Въ намѣреніи жить дружно
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На пробковомъ, высокомъ деревѣ
Собираются орлы;
Въ намѣреніи жить всѣмъ вмѣстѣ
(Дѣйствуетъ) сила орчилана.

На высокомъ деревѣ скалы
Собираются степныя чайки;
Въ намѣреніи жить совмѣстно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

При истокахъ бурливаго родника
Собираются коршуны;
Въ намѣреніи жить сердечно
Дѣйствуетъ сила орчилана.

На горномъ высокомъ деревѣ
Собираются кукушки;
Въ намѣреніи жить кружкомъ
Дѣйствуетъ сила орчилана.

Впрочемъ такая апатія не можетъ быть отнесена какъ отличное свойство духа ко всѣмъ Бурятамъ безусловно и бурятская молодежь представляла и представляетъ собою въ этомъ отношеніи почти совершенное исключеніе, — она всегда была полна самыхъ свѣжихъ духовныхъ силъ. Да и могло ли быть иначе? Идеи буддизма и его мрачныя взгляды на окружающее уже по своему характеру должны быть далеки отъ всякаго молодаго, вольнаго, склоннаго къ жизни надеждами, пытливаго и стремящагося къ разгулу духа; сравнительная же малоразвитость и малотребовательность Бурятъ, при условіи избытка въ матеріальной обстановкѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, способны были породить въ ихъ молодыхъ людяхъ довольство, беззаботность и веселье. Эти чувства мы и дѣйствительно видимъ присущими бу-

бурятской молодежи по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ весь бурятскій народъ началъ отдыхать отъ гнета и нужды подъ крыломъ Россіи. Мы видѣли уже какъ въ первое время послѣ подданства Русскимъ у Бурятъ начала проявляться склонность къ разбойническимъ набѣгамъ и съ какою жаждою они предавались ей; впоследствии русскіе ограничили это разбойничество, но духъ военной отваги остался присущъ Бурятамъ еще на долгое время. Сохраненію его много способствовало то обстоятельство, что Русскіе, смиривъ разбойническую отвагу Бурятъ, обязали ихъ правильною военною службою. По сказаніямъ лѣтописи Ломбо Цэрэна *) еще въ 1764 г. бурятскіе роды, по предложенію русскаго правительства, выдѣлили изъ своей среды 2,400 семей, изъ которыхъ впоследствии составилось четыре шестисотенныхъ полка и одинъ пятисотенный. Полки эти до 1811 г. составлялись исключительно изъ Бурятъ и не рѣдко состояли въ непосредственномъ завѣдываніи у однихъ только бурятскихъ ноиновъ. Такимъ образомъ ничто не препятствовало здѣсь воспитываться бурятскому мужеству и своеобразная, дикая бурятская отвага, если и не находила при всѣхъ этихъ условіяхъ и во все это время средствъ высказываться въ борьбѣ съ дѣйствительными врагами, то поддерживалась военными упражненіями, примѣрными сраженіями, официальными смотрами и пр. Пѣсенъ, характеризующихъ духъ бурятской молодежи въ тотъ періодъ, сохранилось теперь не много; впрочемъ одну изъ таковыхъ мнѣ удалось записать среди селенгинскихъ бурятскихъ родовъ.

шaбapтaй-дy удyсэн
шaрa цѣхор мopин лa
шимтyльчжи yргyсэн
эчжи āбa хoйр лa
yлyнyтэй дy yдyсэн
yндyр хyхэ мopин лa
шимтyльчжи yргyсэн
эчжи āбa хoйр лa

*) Ломбо Цэрэну цзохлясан бурят цзон'у тэухэ. Л. 8-й.

шарà голыйн эхйн-дү
шапинай сүмэ ботхайл
шабинарыйгән дагачжй
шашйн ном дән хурайя
цээрдэ манай таргун
цээбэ манай хурца
хула маңай хурдун
хуйк манай шинэхэн
пзүн найман цээбэ дү
пзурган сөтник тэрүтэй
пзурган пол цэрик тү
атаман нойн тэрүтэй.

Переводъ.

Вскормленная во влажныхъ мѣстахъ
Желто-пѣгая лошадь;
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Матушка да батюшка.

Вскормленная въ поемныхъ лугахъ
Высокая, синяя лошадь,
Воспитывавшіе въ поощреніяхъ
Батюшка да матушка.

При истокахъ желтой рѣки
Воздвигнемъ мы храмъ вѣры,
Послѣдуя за шабинарами
Соберемся у вѣры и священнаго ученія.

Жирны наши рыжія (лошади),
Остры наши оружія,
Быстры наши саврасыя (лошади),
Новеньки наши панцыри.

Надъ сто восемью оружіями
Имѣется во главѣ шесть сотниковъ,
Надъ шестью полками солдатъ
Имѣется во главѣ начальникъ — атаманъ.

Выше мы уже видѣли памятники народной поэзіи, которые свидѣтельствовали намъ, что въ первое время существованія

Буряты подъ властію Россіи и въ періодъ набѣговъ ихъ на Монголо-Халхасовъ, отличительною чертою бурятскихъ воиновъ были чувства самоотверженной преданности родному крову, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывались въ ихъ душѣ дерзкое удайство и геройская твердость духа; въ рассматриваемый періодъ образованія бурятскаго иррегулярнаго войска, духъ молодыхъ Буряты несомнѣнно оставался тѣмъ же бодрымъ, буйнымъ и полнымъ порывистой отваги, что такъ ярко проглядываетъ въ сильныхъ, отрывистыхъ фразахъ представленной пѣсни этого времени: «жиренъ нашъ рыжка, остро наше оружіе, новы наши панцыри». Впослѣдствіи самостоятельность отдѣльныхъ бурятскихъ полковъ была, какъ извѣстно, уничтожена и Буряты включены были въ общій строй забайкальскаго казачьяго войска. Эта реформа, подчинивъ свободную дѣятельность бурятскаго воина опредѣленнымъ военнымъ законамъ и правиламъ строевыхъ военныхъ дѣйствій, должна была сильно парализовать духъ самовольной отваги и боевой смѣтливости у Буряты, такимъ образомъ она какъ бы пригнетала силы и благородныя проявленія бурятскаго духа; но взамѣнъ сего она приучала Буряты къ порядку и что самое важное, сближала ихъ съ Русскими. Какъ и вообще вся дѣятельность Русскихъ по отношенію къ Бурятамъ, реформа эта преслѣдовала одну цѣль облагороженія бурятскихъ понятій, сообщенія Бурятамъ высшихъ нравственныхъ принциповъ и гуманныхъ началъ для дѣятельности, а также и ознакомленія ихъ съ болѣе благородными формами, въ которыхъ эта дѣятельность должна проявляться. Каковы результаты этого, обнаруживавшагося въ самыхъ разнообразныхъ формахъ стремленія Русскихъ — возвысить нравственный уровень Буряты, успѣли ли они дѣйствительно внушить бурятской массѣ чувства любви и уваженія къ ближнему, а равно и облагородить ея взгляды на жизнь человѣка вообще — это вопросы, на которые можно находить самые разнорѣчивые отвѣты. Одни говорятъ, что, подъ вліяніемъ Русскихъ, Буряты постоянно и даже быстро идутъ по пути къ нравственному совершенству, а въ отдѣльныхъ фактахъ

основанія Бурятами школъ, устройства больницъ и богадѣлень, сочувственнаго отношенія къ разнаго рода благимъ начинаніямъ правительства, видятъ подтвержденіе своего мнѣнія о духовномъ развитіи Бурягъ *); другіе не только значительно ограничиваютъ этотъ прогрессъ, но даже почти вовсе отрицаютъ его. Щаповъ, напр., описывая Бурягъ, говоритъ, «любовь къ ближнимъ, взаимная помощь, честность и справедливость ограничивается у Бурягъ предѣлами своей одноурусной семейно-родовой общины и не простирается на другихъ». Такъ обр. онъ почти категорически отрицаетъ всякое усовершенствованіе бурятскихъ нравовъ и, выставляя крайнюю эгоистичность поступковъ, не развитость и необлагороженность понятій членовъ бурятской общины, полагаетъ причиною сего единственно недостаточность образовательнаго вліянія Русскихъ **). Нельзя конечно отчасти и не согласиться съ этимъ заявленіемъ, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не сказать, что образовательныя мѣры, предпринимаемыя русскимъ правительствомъ, хотя и въ незначительной степени всетаки достигали свою цѣль. Да и возможно ли быть иначе? Измѣнить строй народной жизни, уничтожить въ народѣ его убѣжденія и привить ему новыя, — дѣло не легкое; оно можетъ быть совершено только вѣками и главное, тогда только и бываетъ вполне успѣшно и прочно, когда совершается послѣдовательно, естественно и безъ насилій. Что касается двухъ противоположныхъ высказанныхъ мнѣній, то они, по моему, оба представляютъ собою крайности. Мнѣ кажется, что до настоящаго времени образовательное вліяніе Россіи ограничивалось почти одною только внѣшностію и по отношенію къ массѣ больше всего сказывалось на молодежи, такъ обр. напр. оно сказывается въ усвоеніи Бурятами русскаго комфорта, внесеніи въ домашнюю обстановку русской изящной мебели и приборовъ, употребленіи блюдь и кушанья по способу русскаго приготовленія и пр. Это — внѣшность; но кто

*) Журн. М. Н. Просв. 1842 г. Отчетъ Министра Н. Просв. Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III, стр. 30.

**) Изв. Сиб. Отд. 1875 г. Т. V, № 3—4.

же не скажетъ, что вмѣстѣ съ принятіемъ нашей внѣшности, къ Бурятамъ естественно прививаются наши понятія, обычаи, мысли, душевныя наклонности и пр. Изыщная обстановка незамѣтно измѣняетъ вкусъ, смягчаетъ и облагороживаетъ нравы. Въ литературѣ это вліяніе Россіи на Бурятъ лучше всего проглядываетъ въ народныхъ пѣсняхъ: своихъ красавицъ Буряты уже не облакаютъ теперь въ овчинныя тулупы, а непременно или въ кумачъ или въ канифасъ, а то и въ шелкъ; вмѣсто деревянныхъ чашекъ являются стаканы, вмѣсто водки угощеніе состоитъ изъ конфетъ, пряниковъ и пр.

үндүр улән-ни угхулуху
үлзэйтүйн булугийн туньгалак
үйфингә нүхүт-тү бэлэглэхү
үзүм сәхарийн амтатай

моньсогдор улән-ни угхулуху
монзонгийн булугийн туньгалак
мүлартай нүхүт-тү бэлэглэхү
москвагийн хампитка амтатай

хатарши улән-ни угхулуху
харги булугийн туньгалак
ханилагхан нүхүт-тү бэлэглэхү
хазанийн хампитка амтатай

бахан улән-ни угхулуху
байцайн булугийн туньгалак
багайингә нүхүт-тү бэлэглэхү
байшингийн хампитка амтатай

эмнэк улән-ни угхулуху
эндәхи булугийн туньгалак
әчжильдүгхән нүхүт-тү бэлэглэхү
эркүгийн хампитка амтатай

шибшигэр улән-ни угхулуху
ширәнъгитү булугийн туньгалак
гхэтхильтэй нүхүт-тү бэлэглэхү
шитгийн хампитка амтатай

Переводъ.

Чтобъ напоить высокаго краснаго (коня)
Чиста (вода) ключа Улзэйтү,
Чтобъ угостить своихъ сверстниковъ друзей
Сладокъ изюмъ да сахаръ.

Чтобъ напоить круглаго (жирнаго) краснаго (коня)
Чиста (вода) Монзонскаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ недовольнымъ друзьямъ
Сладка московская конфетка.

Чтобъ напоить рысисаго краснаго (коня)
Чиста (вода) мелкаго ключа,
Чтобъ поднести подарокъ подружившимся пріателямъ
Сладка казанская конфетка.

Чтобъ напоить маленькаго краснаго (коня)
Чиста (вода) утеснаго ключа,
Чтобъ подарить друзей своего дѣтства
Сладка городская конфетка.

Чтобъ напоить краснаго неука
Чиста (вода) здѣшняго ключа,
Чтобъ подарить свыкшихся друзей
Сладка иркутская конфетка.

Напоить стройнаго, краснаго (коня)
Чиста (вода) пороспаго кустарникомъ ключа,
Подарить своихъ сердечныхъ друзей
Сладка читинская конфетка.

У Халхаскихъ Монголовъ и Олотовъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго: тамъ все угощеніе ограничивается виномъ, степень богатства пира опредѣляется количествомъ и качествомъ выпитаго на немъ вина, дружба, расположеніе и вниманіе доказывается единственно поднесеніемъ чарокъ. Бурятская молодежь какъ видно, сравнительно мало заглядывается на водку, и, соображая выставяемую въ пѣснѣ же причину сего, мы можемъ сказать, что честь поднятія уровня нравовъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ исключительно Русскимъ, ибо они внесли въ жизнь

Бурятъ тотъ продуктъ, который теперь замѣнилъ у нихъ оду-
ряющій человѣка напитокъ. Съ изгнаніемъ водки измѣнились и
понятія о поведеніи гостей. На пирушкахъ Бурятъ являются
играющими главную роль тѣ, которые поразвзянѣе, поживѣе,
больше вертѣлись въ русскомъ обществѣ, больше видали. Пи-
саря, переводчики, учителя бурятскихъ народныхъ школь —
вотъ цвѣтъ и душа бурятскаго общества, безъ нихъ скучна
всякая бесѣда, всякая пирушка.

гурбун сарик яяранà
гунан борò үгэй-б-дà
гунгалцзачжì харакданà
голобагай бишэши үгэй-б-дà
дүрбун сарик яяранà
дөнөн борò үгэй-б-дà
дүрмүлцзэчжì харакданà
дүмэйн бишэши үгэй-б-дà
шинэхэн сарик яяранà
шибшигэр борò үгэй-б-дà
шилгэлцзэчжì харакданà
ширэгүйн бишэши үгэй-б-дà
хацзар ноктò яяранà
хатарши борò үгэй-б-дà
хайбáлцзачжì харакданà
хамбóйн бишэши үгэй-б-дà
гхэргэй борò тоголónъхан-дà
гхэрбэр дольчжит ямбатáйхан-дà
гунан борò тоголónъхан-дà
гуйбур дольчжит ямбатáйхан-дà
хадà дэгүр хэбтэхэр
хадáлáйн шигдöй яху-б-га
добò дэгүр хэбтэхэр
дүгнүйн шигдöй яху-б-га?!

Переводъ.

Блестятъ три кольца (къ которымъ привязываютъ
лошадей),
Вѣрно нѣтъ трехлѣтняго сѣрка;

Кажется (все) пригрустнулось,
Вѣрно нѣтъ писаря головы.

Блестятъ четыре кольца,
Вѣрно нѣтъ четырехлѣтняго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переминаясь,
Вѣрно нѣтъ думскаго писаря.

Блеститъ новое кольцо,
Вѣрно нѣтъ стройнаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переминаясь,
Вѣрно нѣтъ писаря ширетуя.

Блестятъ узда и обротъ,
Вѣрно нѣтъ рысистаго сѣрка;
Кажутся (всѣ) переглядываясь,
Вѣрно нѣтъ писаря ханбо.

Охромѣль чуткій сѣрко,
Въ чести рѣзвая Дольчжить;
Охромѣль трехлѣтній сѣрко,
Въ чести податливая Дольчжить.

Чѣмъ лежать на скалѣ,
За чѣмъ же Хадаласкіе кусты?
Чѣмъ лежать на пригоркѣ,
За чѣмъ же Тугнуйскіе кусты?

Такъ незамѣтно для самага народа измѣняются его привычки и вкусы. Молоденькимъ буряткамъ нравится уже теперь въ молодомъ челоуѣкъ его изворотливость и развязность въ обществѣ, и отъ того бурятскому парню, чтобы быть, какъ говорятъ у насъ, похитителемъ женскихъ сердець, не достаточно только безстрашно ѣздить на неукахъ, какъ то видимъ мы у Олѳтовъ, ему нужно еще быть живымъ и находчивымъ въ бесѣдѣ, пѣть и акомпанировать себѣ на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ. Въ другой пѣснѣ парни прельщаютъ дѣвушекъ ловкостью и нарядностью своихъ костюмовъ; впрочемъ въ этомъ послѣднемъ способѣ нравится для свѣтской молодежи являются еще соперниками ламы, всегда нарядно одѣтые и притомъ беззаботно и богато живущіе. Эти соперники опасны для парней тѣмъ больше, что не одна только нарядность и беззаботная жизнь нравится въ

ламахъ дѣвушкамъ: проповѣдники буддизма подчасъ и вообще то бываютъ ловки въ обращеніи ни чуть не меньше самаго лучшаго бурятскаго кавалера, въ кругу же молодежи они ведутъ себя совсѣмъ иначе чѣмъ со стариками. Проповѣдая послѣднимъ о ничтожествѣ матеріальнаго міра и злѣ, происходящемъ отъ подавленія духа страстями, они въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ забываютъ эту проповѣдь и заводятъ съ ними любовныя шашни.

хүхинэж шуру кэ-дүн-ни
хүхү номин үгэйлэkdэт
хүхэн бахан цэбчжит-тү
хүрэнэй унзат үгэйлэkdэт

хэхинэж шуру кэ-дүн-ни
харэ номин үгэйлэkdэт
харэ улэн цэбчжит-тү
хаиргай унзат үгэйлэkdэт

улэн шуру кэ-дүн-ни
орот номин үгэйлэkdэт
урихан цаньгай цэбчжит-тү
оронэй унзат үгэйлэkdэт

саган дунгхан эрихэ-ни
гхальхйн гхүрб сайбарлат
шисанайн хүрэнэй унзатхан
гханэ зүрүхэн-дү хадатай

улэн торгон дэгэл-ни
уйюдал-ду зохистай
оронэй мани унзатхан
ухан зүрүхэн-дү хадатай.

Переводъ.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ голубаго лазурика;
Цэбчжитѣ, маленькой дѣвочкѣ,
Не достаетъ монастырскаго уставщика.

Брякающимъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ чернаго лазурика;

Смугленькой, розовенькой Цэбчжитѣ
Не достаетъ любезенькаго уставщика.

Краснымъ, коралловымъ привѣскамъ ея
Не достаетъ русскаго лазурина;
Капризенькой Цэбчжитѣ
Не достаетъ здѣшняго уставщика.

Бѣлыя, раковинныя четки его
Блестятъ противъ вѣтра;
Уставщикъ чисановскаго курѣня (монастыря)
Врѣзался въ мысль и сердце.

Красная шелковая шуба его
Ловка на швахъ;
Унцзатикъ (нашей) мѣстности
Врѣзался въ умъ и сердце.

Обиліе у Бурятъ пѣсенъ подобнаго содержанія свидѣтельствуесть о свободѣ отношеній бурятскихъ парней къ дѣвушкамъ, что впрочемъ сообщаютъ намъ и всѣ изслѣдовавшіе бытъ Бурятъ забайкальскаго края *). Въ пѣсняхъ эта сторона жизни открывается еще больше и еще яснѣе становится для насъ, что Буряты далеко не отличаются чистотою нравовъ: до брака дѣвушка любитъ многихъ, еще съ большимъ числомъ парней входитъ въ связь, но глубокая сердечная привязанность двухъ сердець встрѣчается очень рѣдко. По большей части все дѣло ограничивается одною животною любовью, которая, какъ и у Халхасовъ, кажется, не клеймится у Бурятъ особеннымъ презрѣніемъ: — дѣвушка, не стѣсняясь, радостно заявляетъ, что парень придетъ къ ней на ночлегъ.

ᠤᠪᠰᠦᠰᠦ ᠰᠠᠭᠠᠨ ᠬᠠᠯᠲᠠᠷᠬᠠᠨ
ᠤᠳᠡᠨᠢ ᠰᠡᠷᠭᠡ-ᠳᠦ ᠤᠶᠠᠳᠠᠢ
ᠤᠨᠲᠠᠶᠢᠨ ᠭᠣᠯᠣᠪᠠᠭᠠᠢ ᠴᠢᠵᠢᠴᠢᠵᠢᠲᠬᠡᠨ
ᠤᠳᠡᠰᠢᠳᠡ ᠮᠠᠨᠠᠢ ᠳᠦ ᠢᠷᠬᠦ-ᠳᠠ

*) Ж. М. В. Д. 1843 г. Ч. III. Буряты Нерч. края. Лангансъ — Объ иновѣрцахъ обитающихъ въ вост. Сибири; извлечение въ Сиб. Вѣстн. 1824 г. Т. II. Ст. «Буряты или Братскіе». Вѣст. Геогр. Общ. 1858 г. Ч. XXIV, т. II.

хачжү сагән халтархан
хатхумал сэргэ дү уятай
хараганайн голобагай чжикчжитхэн
харанар манай-дү ирэхү-да

хошү сагән халтархан
хойту сэргэ дү уятай
хүшинай голобагай чжикчжитхэн
хоноктан манай дү ирэхү-да

урүл сагән халтархан
уриду сэргэ дү уятай
уридуйн голобагай чжикчжитхэн
оройда манай-дү ирэхү-да

манънал торгон дэгэл-ни
мананъ борбнду шихикдэнэ
мачжи голобагай чжикчжитхэн
манай дү үдэши-дэн ирэхү-да

хүшин торгон дэгэл-ни
хара борбнду шихикдэнэ
хүшинай голобагай чжикчжитхэн
хоноктан манай-дү ирэхү-да

наптар наптар улахан
наран догүр талимарат
намчжийн дөчжинай долгорхан
намайга гэчжи гхүна-л-да

үндүр үндүр улахан
үлэн догүр талимарат
үлэмчжихэн долгорхан
үзэсэй би гэчжи гхүна-л-да.

Переводъ.

Савраска съ бѣлою лысиною на груди
Привязанъ у столба близъ двери,
Чжикчжитка унтайскаго головы
Придетъ къ намъ вечеркомъ.

Савраска съ бѣлыми лысинами по бокамъ
Привязанъ у вкопаннаго столба,
Чжикчжитка хараганаскаго головы
Придетъ къ намъ по сумеркамъ.

Савраска съ бѣлыми лысынами на мордѣ
Привязанъ у задняго столба,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Савраска съ бѣлыми губами
Привязанъ у передняго столба,
Чжикчжитка прежняго головы
Придетъ къ намъ поздно.

Его шуба изъ шелковой ткани
Промокнетъ на туманѣ и дождѣ,
Чжикчжитка головы Мачжи
Придетъ къ намъ вечеромъ.

Старая шелковая шуба его
Промокнетъ на сильномъ дождѣ,
Чжикчжитка стараго головы
Придетъ къ намъ на ночлегъ.

Плавно выступаетъ ниже солнца
Спустившагося и краснаго,
Долгоръ Намцаева Данчжинова
Сидитъ, раздумывая обо мнѣ.

Плавно выступаетъ ниже облака
Высокаго, высокаго и краснаго,
Прелестная Долгоръ
Сидитъ, желая повидѣться.

Такъ поджидаетъ своего дружка бурятская дѣвушка, кото-
рый, пришедши въ домъ ея родныхъ, или прямо остается ноче-
вать у нихъ по праву знакомства, или, если это невозможно,
такъ досужая любовница припрячетъ его куда нибудь въ уго-
локъ, чтобы скрыть отъ посторонняго глаза, пока всѣ не пога-
сятъ огни и не улягутся спать.

алтан мүнхгүн бисылык-ни
арбан хуругунай алин-дуни ба
аля бахан нүхур-ни
арбан тагхулгайн алин-дуни ба?
хоболтай мүнхгүн бисылык-ни
хойр хуругунай алин-дуни ба

хобй-дән ханилагхән нүхүр ни
хорйн тагхулгайн алин-дуни ба?

сагән мүнзгүн бисылык ни
гхалагай хуругунай алин-дуни ба
гхаяхән ханилагхән нүхүр-ни
сәхан гөрнисайн алин-дуни ба?

шинэхэн мүнзгүн бисылык-ни
шигээй хуругунай алин-дуни ба
гхэтхилгйн гакса амарак-ни
шинэхэн гөрнисайн алин-дуни ба?

Переводъ.

Золотой, серебряный перстенецъ ея
На какой изъ десяти пальцевъ (пригоденъ);
Шалунъ, маленькй другъ ея,
Въ которой изъ десяти комнатъ (находится)?

Съ ободками серебряный перстенецъ ея
На который изъ двухъ пальцевъ (приходится);
По счастью своему слюбившйся другъ ея
Въ которой изъ бѣленькихъ горницъ (находится)?

Бѣленькй, серебряный перстенецъ ея
На какой изъ лѣвыхъ (ея) пальцевъ (приходится);
Въ недавнее время слюбившйся другъ ея
Въ которой изъ дальнихъ горницъ (находится)?

Новенькй, серебряный перстенецъ ея
На какой изъ ея мизинцевъ (приходится);
Единственный, сердечный другъ ея
Въ которой изъ новыхъ горницъ (находится)?

При такомъ утѣшительномъ обилии у Бурятъ пѣсень, рисующихъ ихъ бытъ и нравы, мы къ сожалѣнiю въ содержанiи ихъ наталкиваемся и на такой грустный фактъ какъ снохачество, о которомъ почти не знаютъ ни въ Халхѣ, ни въ Чжунгарii. Впрочемъ и сами Буряты признаютъ этотъ поступокъ въ высшей степени неестественнымъ и уродливымъ, относятся къ нему съ отвращенiемъ и ужасомъ, а потому окружаютъ его самою мрачною обстановкой.

талайн чжибар бэрхэ
тахатай ла борд чжидэнэ
танилсагхан нүхүрө мартачжи
танхатай арахийн болоба-гү?

хүндүйн чжибар бэрхэ
хүхшин хүхү чжидэнэ
хөрөхдй нүхүрөн мартачжи
хүхүртэй арахийн болоба-гү?

барун шигдй шāхина
багха гхальхин болху-ни-гү?
басаган шадабал баиртай
балуйн шойдур ирэхү-ни-гү

хүндүйн модон хүхина
хүйтүн гхалхин болху-ни-гү?
хү хэн шадабал баиртай
хүхшин шойдур ирэхү-ни-гү

хара шигдй шāхина
хакшү хүйтүн болху-ни-гү
хаиртайхан шадабал баиртай
хадам шойдур ирэхү-ни-гү?

Переводъ.

Силенъ пронзительный вѣтръ въ степи
Гонить онъ и подкованнаго сѣрко;
(То что) позабыла она о своемълюбившемся другѣ
Сталось ли отъ кувшинной водочки?

Силенъ пронзительный вѣтръ пади,
Гонить онъ стараго, голубаго (коня);
(То, что) забыла она о своемъ болѣзномъ другѣ,
Сталось ли отъ налитой въ мѣху водочки?

Шумить западный кустарникъ,
Опять что ли будетъ вѣтеръ?
Дѣвочка Чидабаль радуется,
Придетъ что ли Чойдуръ Балугевъ?

Шумять деревья въ пади,
Будетъ что ли холодный вѣтеръ?

Дѣвочка Чидабаръ радуется,
Придетъ что ли старикъ Чойдуръ?
Шумить черный кустарникъ,
Будетъ что ли безвѣтряный холодъ?
Любезная Чидабалъ радуется,
Придетъ что ли свекоръ Чойдуръ?

Я оканчиваю этимъ примѣры бытовыхъ пѣсенъ забайкальскихъ Бурятъ, хотя долженъ сказать, что не представилъ въ этомъ отношеніи и десятой части имѣющаго у меня подъ руками матеріала. Но подробный разборъ пѣсенъ могъ бы затянуть это изслѣдованіе весьма надолго, текстъ же вмѣстѣ съ транскрипціею и переводомъ всѣхъ собранныхъ мною пѣсенъ будетъ обнародованъ мною въ печати въ самомъ непродолжительномъ времени, если мнѣ дозволятъ сдѣлать это средства. Въ настоящемъ случаѣ я могу сказать только то, что старался по преимуществу выбирать тѣ изъ записанныхъ мною пѣсенныхъ произведеній, которыя болѣе другихъ извѣстны въ народѣ и при томъ касаются тѣхъ сторонъ жизни народа, которыя онъ всего болѣе любить охранять въ тайнѣ. Я дѣлалъ это съ нарочитою цѣлью дать понять, что если даже объ этихъ сокровенныхъ предметахъ народъ слагаетъ свои пѣсни, то тѣмъ болѣе не будетъ онъ молчать тамъ, гдѣ уста его не сковываются законами приличія и долга, а сердце также глубоко чувствуетъ и потому естественно стремится обнаружить эти чувствованія во внѣ. Дѣйствительно, бытовыхъ пѣсенъ у Бурятъ весьма много и это въ свою очередь есть непреложное свидѣтельство того, что Буряты, не смотря на всѣ усилія ламъ привить къ нимъ отдаляющія духъ отъ мірской жизни идеи буддизма, всетаки влекутся къ этой жизни и беззавѣтно отдаются духомъ совершающимся въ ней событіямъ. Такимъ образомъ мы находимъ у Бурятъ всецѣло сохранившеюся ту жизненность, которая годъ отъ года убываетъ у Олѣтовъ и почти совершенно исчезла у Халхасовъ. Буряты до настоящаго времени еще сохранили у себя и слагаютъ свой эпосъ и почти ни одно изъ выдающихся обстоятельствъ ихъ общественной жизни

не проходить безъ того, чтобы народъ не отозвался на него эпическою пѣснею. Правда, что чуждая волнений жизнь Бурятъ, даетъ весьма мало матеріала для твореній подобнаго рода, но фактъ существованія у Бурятъ эпическихъ пѣсень современнаго намъ происхожденія служить при этомъ только болѣе разительныхъ доказательствомъ чуткости Бурятъ къ жизненнымъ событіямъ и способности ихъ вдохновляться всякимъ обстоятельствомъ, выходящимъ изъ ряда обыденной жизни. Вотъ примѣры бурятскихъ эпическихъ пѣсень, относящихся по происхожденію къ болѣе позднему времени.

дайбангхан саган дүшнигыйн
далайга гатулхуйги үзэ-гү?
даланхан губэрни эзэлэхи
эзэн ханà үзэ-гү?

ангара голын угхун-ни
ахтамхан түргэн урутхалтай
абай хан-да морилагхан
ахай нойн баиртай

хударыйн саган талан-ни
хонгòр гхайхан нутук би
хойту хан-да морилагхан
хорийн нойн баиртай

эркү мучжйги ахалахшийн
эши зарлигар батулугдагхан
эриншин дорчжй нойн-ни
эгэль албатунар-а дошхйн би

олон гхүрүк малүдар
оморхан уршин гхүхши
оройн нойн тайна мань
укгхумхан шүрүн заньтай би

амур гхүгхан албатунар-а
ачжй байдалагханни хохидүлат
абхү идэхүйн гханалар
айюлат хүнөгот цзобогабай

хорийн нойн дампилийн
хурягхан муньгүнэ хоридачжй

хомогай гхэтхилыйн ташийялар
хорийн думэйгэн шатабай

хоньгөр хэрь морин-ни
гарихан эбдэт дутабай
хойр түмэн муньгуйги
хойморлат үбүрлөт дутабай

эээн ханай хулинагха
эдүй бурү үйлэдүгхэн-дэн
эриншин дорчжи дампилийн
эрхэ байдалагха хохидубай-ла

хан гүрун-ни хулинагха
хазагай бурү ябугхан-дэн
хамук ямбунгха хохидат
хатаржинай хүдүльмүрин-дү зарукдабай-ла

энэ мэтүйн ябудальйги
өдө үйгийн залунар
эртэнэгхэ гхэргэйлэчжи гхэрэмчилэт
эндү үгэй ябухтуй та.

Переводъ.

Видѣль ли (ты) переплывающимъ море
Плавно покачивающійся, бѣлый пароходъ?
Видѣль ли (ты) государя, повелителя,
Управляющаго семьюдесятью губерніями?

Вода рѣки Ангары
Имѣеть бурливое, быстрое теченіе;
Отправившійся къ батюшкѣ царю
Радостенъ дядюшка нойонъ.

Кударинская, ровная степь —
Низменное, прекрасное кочевье;
Отправившійся къ сѣверному хану
Радостенъ хоринскій нойонъ.

Утвержденный опредѣленіемъ
Начальствующихъ Иркутскою губерніею,
Нойонъ Ринчинъ Дорчжи
Жестокъ къ простымъ поданнымъ.

Живущій грѣша, да гордясь
Своимъ многочисленнымъ скотомъ,

Верховный нойонъ, тайша нашъ
Рѣзокъ и суровъ по нраву.

Нанося убытки въ средствахъ къ жизни
Мирно жившимъ поданнымъ,
Онъ, съ цѣлью получить да взять,
Замучилъ страдая, да безпокою.

Хоринскій нойонъ Дампиловъ,
Польстившись на собранныя деньги,
По страсти корыстолюбія,
Сжегъ свою хоринскую думу.

Свѣтлогнѣдая лошадь его
Убѣжала, разорвавъ свое кольцо (на уздѣ);
Двадцать тысячъ серебромъ,
Положивъ въ подоль и въ пазуху, убѣжалъ онъ.

Законами хана повелителя
Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ,
Въ силу совершенія такихъ преступленій,
Былъ отрѣшенъ отъ власти и положенія.

Законами государя и государства (онъ)
За совершеніе несправедливыхъ преступленій,
Будучи лишенъ всѣхъ правъ,
Сосланъ былъ въ каторжныя работы.

Остерегаясь и боясь съ раннихъ поръ
Такого рода поступковъ,
Современные молодые люди
Дѣйствуйте справедливо.

Пѣсня эта по составленію относится къ 1849 г., обстоятельствомъ же, послужившимъ поводомъ къ ея составленію, было преступленіе хоринскаго тайши, подробности о жизни и дѣяніяхъ котораго мы находимъ въ лѣтописи Тугултуръ Тобоева. Лѣтопись эта рассказываетъ, что въ 1835 году, по смерти хоринскаго главнаго тайши Чжикчжита Дамба Дугарова, хоринское общество въ выборѣ главнаго тайши раздѣлилось на двѣ партіи: одна сторона выбрала въ главные тайши сына предшественника Дугарова въ должности тайши, — Галсанова, который назывался Ринчинъ Дорчжи Дампиловъ; другая же

партія своего кандидата не представила, но и не соглашалась на выборъ первой. По всей вѣроятности отсутствіе другаго кандидата на должность и было причиною, по которой Ринчинъ Дорджи Дампиловъ былъ вскорѣ же утвержденъ главнымъ тайшею. Неудача въ выборѣ дѣйствительно обнаружилась почти съ перваго раза и въ первые годы. Суровое обращеніе съ народомъ, лихоимство и разнаго рода незаконные поборы такъ возбудили все общество противъ новаго тайши, что оно рѣшилось просить иркутскаго генераль-губернатора произвести слѣдствіе объ его поступкахъ. Провѣдавъ объ этомъ, Ринчинъ Дампиловъ, какъ ловкій политикъ, уѣхалъ въ Петербургъ и, съ засвидѣтельствомъ вѣрноподданническихъ чувствъ, представился императору Николаю I, а въ 1842 г. здѣсь же въ Петербургѣ принялъ святое крещеніе, при чемъ самъ императоръ былъ его воспріемникомъ отъ купели. Такимъ образомъ погасивъ возбужденное противъ него дѣло водою крещенія, Дампиловъ возвратился въ степи не только не наказаннымъ, но еще награжденнымъ (при крещеніи ему былъ пожалованъ чинъ эсаула) и началъ свою прежнюю дѣятельность въ отношеніи къ инородцамъ. Послѣдніе снова возбудили противъ него дѣло, но и по этому дѣлу Дампилову не пришлось понести наказанія, такъ какъ вскорѣ открылось участіе его въ болѣе тяжкомъ преступленіи *). Въ 1848 г., въ ночь на 26-е декабря, сгорѣла хоринская степная дума и подозрѣніе въ поджогѣ пало на тайшу Дампилова. Произведенное слѣдствіе доказало, что тайша Дампиловъ съ крещеными инородцами: Петромъ Мелентьевымъ, Николаемъ Олхоевымъ и Степаномъ Соболевымъ, похитивъ хранившіеся въ хоринской степной думѣ 11,636 р. 45¹/₄ к. ясашнаго сбора и 233 р. 51¹/₄ к. изъ суммъ отъ другихъ сборовъ, сожгли зданіе думы съ цѣлью скрыть слѣды своего преступленія; за симъ по рѣшенію иркутскаго суда Дампиловъ былъ сосланъ на работы въ Россію, а товарищи его въ Нерчинскіе заводы **).

*) Хори Буриядун туруйн тухэ. Л. 37.

**) Дѣло хоринской степной думы по описи № 9, стр. 293.

Еще къ болѣе позднему и ближайшему къ намъ времени по своему происхожденію относится слѣдующая эпическая пѣсня, которая составлена въ честь великаго князя Алексѣя Александровича. Путешествуя по Азіи, Его Высочество въ 1873 году проѣзжалъ чрезъ восточную Сибирь и останавливался въ Агинскомъ дацанѣ Хоринскихъ Бурятъ. Здѣсь при громадномъ стеченіи народа принималъ онъ выборныхъ отъ Хоринцевъ, осматривалъ бурятскіе храмы и ознакомился съ образомъ жизни и бытомъ инородцевъ. Событіе это Буряты воспѣли въ слѣдующихъ словахъ:

аруйн нұрыйн хоймурор
алтан хонъхойн зангинанà
албату-нар-ту заларат ирэгхэн
абай ханай тайчжи-ла

албатү зөн-ни бидэ бэр
анāгійн саган дасан-ду
алтан тугар ухтучжи
амугуланги эричжи гхүгүтбэй

алус гэгэни үзэчжи
албатуйн гхэтхиль ханубай
алтан зарлиги хүлѣчжи
нагхунай чжиргали олбдй

хулугхутү нұрыин хоймурор
хоринхан хонхойн зангинанà
хорй-ду заларат ирэгхэн
хуанъ-тайчжи эрдэни

хорийн зөн-ни бидэ бэр
хүшинай саган дасанъ-ду
хондт байчжи ухтучжи
хутулар ушират гхүгүтбэй

хубилган гэгэн ни үзэчжи
хуталайн гхэтхиль ханубай
хонъгорхан зарлиги хүлѣчжи
хойтуин чжиргали олбдй

шимийн нұрыйн хоймурор
шинэхэн хонъхойн зангинанà

сибири-дү заларат ирэгхэн
сэсэн хуань-тайчжи-ла

сибирійн зон-ни бидэ бэр
шил мурэн-нэй хобб-дү
сэнгэлгэлэр ухтучжи
гхүгүдот байчжи мургубэй

шимэктү гэгэвни үзэчжи
гхэтхиль зүрүхэн ханубай
сэсэн зарлиги хулчжи
гхальтэйн чжиргали олбой.

Переводъ.

По сѣверной сторонѣ сѣвернаго озера
Звенить золотой колокольчикъ,
Пріѣхаль къ своимъ поданнымъ
Принцъ батюшки царя.

Мы, его поданный народъ
Въ бѣломъ Анинскомъ дацанѣ,
Встрѣтили (его) съ золотымъ знаменемъ
И колѣнопреклоненно желали здравія.

Повидавши далекій ликъ,
Удовлетворилось желаніе поданныхъ,
Дождавшись золотого слова,
Получили (мы) блаженство на весь вѣкъ.

По сѣверной сторонѣ поросшаго тростникомъ
озера

Звенять двадцать колокольчиковъ,
Пріѣхаль къ Хоринцамъ
Драгоценный, царственный принцъ.

Мы, хоринскій народъ его,
Въ старинномъ бѣломъ дацанѣ
Переночевавъ, повстрѣчали (его),
И увидавшись, всѣ стали на колѣна.

Повидавши воплощенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе всѣхъ,
Дождавшись любезнаго слова
Получили (мы) блаженство на будущую жизнь.

По сѣверной сторонѣ стекловиднаго озера
Звенить новенькій колокольчикъ,
Пріѣхаль въ Сибирь
Мудрый царственный принцъ.

Мы, его сибирскій народъ,
На берегу стекловидной рѣки
Повстрѣчали (его) съ ликованіемъ и
Стоя на колѣнахъ поклонились.

Повидавши изукрашенный ликъ,
Удовлетворилось желаніе и сердце,
Дождавшись мудраго слова
Получили мы всеобщее блаженство.

Все что было говорено нами о Бурятахъ до сего времени относится почти исключительно до такъ называемыхъ Забайкальскихъ Бурятъ, составляющихъ какъ уже было сказано выше, только одну часть бурятскихъ родовъ; другая часть ихъ поколѣній и при томъ превышающая первую по своей численности, живеть на сѣверной сторонѣ Байкала. Эти послѣдніе Буряты значительно разнятся отъ забайкальскихъ какъ по своему вѣроисповѣданію, такъ и по образу своей жизни, своимъ народнымъ обычаямъ и даже по языку, отличающемуся своею грубостію отъ нарѣчій всѣхъ прочихъ монголовъ. Утверждаютъ, что это нарѣчіе и было поводомъ, почему сѣверо-байкальскіе Буряты получили отъ своихъ соплеменниковъ прозваніе Баргу-Бурятовъ, т. е. грубыхъ, неотесанныхъ Бурятовъ *). Всѣ эти различія побудили меня говорить о Баргу-Бурятахъ отдѣльно, тѣмъ болѣе, что, познакомившись лично съ ихъ бытомъ только въ самой незначительной степени, я и не имѣю о нихъ такого яснаго представленія, какъ о Бурятахъ забайкальскихъ. Баргу-Буряты занимаютъ своими кочевьями пространство отъ впаденія рѣкъ Оки и Ии въ Нижнюю Ангару на западѣ, вплоть до оз. Байкала на востокѣ, а съ юга на сѣверъ тянутся отъ границъ Рос-

*) Землевѣд. Азіи. Риттера. Восточ. Сибирь. Перев. Семенова. Спб. 1879 года, стр. 141—142. — Asia polyglotta, v. S. Klaproth, 276—284.

сін съ Монголоію почти до параллели города Киренска на Левѣ и въ своихъ устныхъ преданіяхъ считаютъ свои роды аборигенами этой мѣстности. Преданій о происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ разсказывается въ народной массѣ весьма много, и хотя всѣ они довольно разнорѣчивы въ своихъ подробностяхъ, однако же всѣ сходятся въ одномъ, именно въ первоначальномъ происхожденіи баргу-бурятскихъ родовъ отъ поколѣній Ойратъ-Бурятъ, обитавшихъ у Байкала еще во времена Чингисъ-хана *). Въ числѣ необнародованныхъ еще у насъ преданій по этому предмету мнѣ удалось узнать слѣдующія.

Однажды шаманка по имени Асуханъ, происходившая отъ племени Ойратъ-Бурятъ, въ то время уже поддававшаяся Чингисъ-хану, шла по берегу Байкала и на берегу озера увидала быка, который мычалъ, извергая изо-рта пѣну. Предположивъ, что это божественный гость, предопредѣленный ей небомъ, она соединилась съ нимъ въ томъ же мѣстѣ и, сдѣлавшись немедленно беременною, родила двухъ сыновей: старшій назвался Бурядай, а младшій Хоридай. Бурядай, однажды, во время охоты взошедши на высокую гору, нашель сидящую на ивѣ дѣвушку и женился на ней. Отъ нея имѣлъ онъ двухъ сыновей, старшій назывался Икиридъ, а младшій Болгодъ. Икиридъ имѣлъ восемь сыновей и родъ, произшедшій отъ нихъ, составилъ поколѣнія многихъ баргу-бурятскихъ фамилій, живущихъ на сѣверной сторонѣ Байкала: Буряты верхоленскіе, балаганскіе, идинскіе, всѣ принадлежатъ къ роду Икирида. Потомки Болгода и Хоридаи живутъ по обѣимъ сторонамъ Байкала, смѣшавшись съ бурятскими выходцами изъ Монголіи. Въ частности же Болгодъ имѣлъ у себя шесть сыновей, въ числѣ потомковъ которыхъ считаются и Кударинскіе Буряты. Вотъ почему въ своихъ шаманскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ они часто поминаютъ быка и дерево иву, а при совершеніи кроплений молокомъ Кударинскіе Буряты поютъ:

*) Geschichte der Ost. Mongolen, S. 75.

бухà нойн абà
будàнъ хатун ибì
хàн ұлаин жодò-ду
заламà нойн

т. е. «государь батюшка — быкъ, государыня матушка — будан; на ивѣ царя горы залама князь».

Что касается Хорида, то о немъ разсказываютъ, что ходя однажды по острову Ольхону, онъ увидалъ какъ слетѣли съ неба три лебедя и, на берегу озера превратившись въ дѣвицъ, стали купаться. Хоридай укралъ одежду одной изъ дѣвицъ, почему она искупавшись и не могла, по примѣру своихъ подругъ, снова превратиться въ лебедя и улетѣть на небо, а должна была остаться человѣкомъ и сдѣлаться женою Хорида. Отъ нея Хоридай прижилъ одиннадцать сыновей, сдѣлавшихся родоначальниками одиннадцати хоринскихъ родовъ. Такъ образомъ Баргу-Буряты производятъ Хоринцевъ и говорятъ, что въ глубокую старину Хоринцы жили вмѣстѣ съ ними и не заходили на востокъ дальше Ольхона, что только потомъ они перешли въ Монголію, занявъ по началу мѣста нынѣшнихъ Урянхаевъ. Отсюда часть Хоринцевъ якобы снова перешла въ Россію, а другая часть, оставшаяся въ Монголіи, составила такъ называемыхъ Баргу-Монголовъ *). Когда Хоридай состарѣлся, продолжаетъ далѣе легенда, жена его попросила у него свое старое платье и, надѣвъ его, снова превратилась въ лебедя и улетѣла на небо. Приношеніемъ жертвъ своей прародительницѣ и объясняютъ Баргу-Буряты происхожденіе обычая, записаннаго Спасскимъ какъ простое шаманское обыкновеніе плескать вверхъ чай и молоко, когда летитъ орелъ или лебедь **). Чудесная сторона этихъ легендъ, конечно измышленная, повторяется на различные манеры въ легендарныхъ сказаніяхъ почти всѣхъ народовъ во-

*) См. выше преданія Хоринцевъ и сказанія лѣтописи Тугултуръ Тобоева.

***) Сибирск. Вѣсти. 1822 г. Ч. I. «Буряты», стр. 67.

стока; таковы легенды о происхождении Маньчжуровъ *), Олотовъ **) и др., но реальная часть этой бурятской сказки носить въ себѣ весьма много правдоподобнаго относительно происхожденія и первоначальнаго мѣстожителства Буряты-Хори и до нѣкоторой степени подтверждается письменными сказаніями Юань-чао-ми-ши ***) и Рашидъ эдина ****). Что касается Баргу-Бурятовъ, о которыхъ начали мы свою рѣчь, то они, оставшись на своихъ мѣстахъ послѣ откочеванія отъ нихъ Хоринцевъ, кажется и до настоящаго времени не предпринимали ни какихъ перекочетовъ; это подтверждается для насъ съ одной стороны тѣмъ, что сами они не сохранили у себя ни какихъ преданій о перемѣнѣ когда либо своего мѣстожителства, а съ другой и еще болѣе тѣмъ, что они сообщаютъ множество легендъ о своихъ смѣнявшихся сосѣдяхъ: такимъ образомъ у нихъ уцѣлѣло въ памяти воспоминаніе о Киргизахъ (Хиргизъ-Хасакъ), какъ народѣ, жившемъ къ югу отъ береговъ Байкала, а равно разсказываются повѣсти о приходѣ Солоновъ, Солонгутовъ, Якутовъ, Сойотовъ, Самоѣдовъ. Саганъ (бѣлыхъ) Торгүтовъ, Татаръ и другихъ народцевъ, живущихъ нынѣ по Ангарѣ, Енисею, Иртышу и Ленѣ.

Русскіе познакомились съ Баргу-Бурятами впервые, кажется, въ 1612 году, а въ 1628 году первые изъ нихъ, живущіе по Окѣ, были обложены ясакомъ. Впрочемъ Буряты сильно сопротивлялись этому подчиненію: уже въ 1629 г. они не хотѣли платить наложенной на нихъ дани, а въ 1635 г. перебили русскихъ казаковъ и разграбили Братскій острогъ, построенный въ 1631 г. съ нарочитою цѣлью, чтобы «Бурята въ послушаніе приведены были». Только тогда, когда съ построеніемъ остроговъ: Канскаго въ 1640 году, Верхоленскаго въ 1641, Удинскаго въ 1648, и Балаганскаго въ 1654, Русскіе окружили Буряты со всѣхъ сторонъ, они должны были подчиниться силѣ и

*) Труды членовъ Россійской духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. I, стр. 27, 195.

**) Эрдэнийн эрихэ. Л. 39.

***) Труды членовъ духов. миссіи въ Пекинѣ. Т. IV, стр. 2.

****) Сборникъ лѣтописей Березина, стр. 86—87.

мало по малу прекратили свои возстанія и набѣги. Съ тѣхъ поръ они наслаждались полнѣйшимъ миромъ, не предпринимая ни какихъ походовъ сами и не испытывая ни чьихъ набѣговъ на свои кочевья. Снисходительность Русскихъ къ образу жизни, который ведутъ Буряты и терпимость ихъ вѣроисповѣданія были конечно главнѣйшими причинами, по которымъ они не были ни тѣмъ смущаемы и во внутренней своей жизни. Такимъ образомъ Баргу-Буряты остались и въ настоящее время почти тѣмъ же, тѣмъ были за два вѣка тому назадъ. Нѣкоторыя частности быта конечно измѣнились подъ вліяніемъ русскихъ административныхъ, юридическихъ и экономическихъ порядковъ, но общій строй домашней жизни, характеръ и понятія народа остались тѣже. Единственнымъ событіемъ, имѣвшимъ вліяніе на самыя основы народныхъ воззрѣній и жизни Баргу-Буряты, представляется пропаганда между ними буддизма забайкальскими ламами въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но эта миссіонерская дѣятельность буддійскихъ монаховъ была вскорѣ же остановлена Русскими и такимъ образомъ Буряты спаслись и отъ этого зла. Впрочемъ какъ ни кратковременно было пребываніе ламъ въ этомъ краѣ, имъ всетаки удалось посѣять сѣмена своего ученія и результатомъ этого было построеніе въ 1834 году Аларскаго дацана, въ числѣ прихожанъ котораго числится въ настоящее время до 8,000 Баргу-Буряты. Эти то прозелиты буддизма и представляютъ своими обычаями и воззрѣніями нѣкоторое исключеніе изъ общей народной массы. Правда, что удаленіе отъ Монголіи и незнакомство Баргу-Буряты съ монгольской письменностію значительно задерживаетъ у нихъ успѣхи буддизма и конечно теперь онъ никогда уже не достигнетъ здѣсь до той силы, и не будетъ имѣть того вліянія на сердца людей, какія удалось пріобрѣсти ему въ забайкальи; но за всѣмъ тѣмъ Баргу-Буряты буддисты и Баргу-Буряты шаманы теперь представляются уже весьма отличными другъ отъ друга. Мы знаемъ напр. что въ прежнее время звѣроловство и охота составляли одно изъ важнѣйшихъ занятій Баргу-Буряты; нынѣ тѣ изъ нихъ,

которые приняли буддизмъ, уже почти совершенно оставили этотъ промыслъ и конечно главнѣйшею причиною этому было запрещеніе ихъ новой религіи убивать животныхъ. Исключительное занятіе скотоводствомъ естественно смягчило нравы Баргу-Бурятъ буддистовъ, приучило ихъ къ большому постоянству, сдѣлало гражданственнѣе, научило уважать духовныя силы выше физическихъ, считать умственное развитіе выше тѣлесной ловкости и пр. Съ другой стороны хотя бы только въ средѣ ученой и болѣе развитой народной массы буддизмъ и непосредственно способствовалъ развитію болѣе облагороженныхъ и возвышенныхъ понятій обо всемъ, начиная съ ученія о Богѣ и служеніи ему и оканчивая нравственнымъ ученіемъ о значеніи человѣка и міра, а равно долженствующихъ быть отношеній къ нимъ. То что большинство Баргу-Бурятъ въ знакомствѣ съ буддизмомъ не пользуется книгою, а только устными наставленіями ламъ, пожалуй даже служить имъ ко благу, потому что они знакомятся главнѣйше съ самыми элементарными, жизненными сторонами буддизма, не касаясь развитія его въ высшихъ формахъ и почти не имѣютъ понятія о буддійскомъ подвижничествѣ, созерцаніяхъ, умерщвленіяхъ плоти и пр. Въ общемъ итогѣ нужно сказать, что Баргу-Буряты знакомятся съ теоріею догматическаго и нравственнаго ученія буддизма еще меньше чѣмъ Олѣты, оттого естественно, что понятія ихъ о предметахъ и истинахъ буддійскаго вѣроученія въ большинствѣ случаевъ не заходятъ дальше тѣхъ внѣшнихъ и пластическихъ формъ, въ которыя воплотилъ буддизмъ свои отвлеченныя идеи и истины. Понятно отсюда, что вся религіозная дѣятельность Баргу-Бурятъ ограничивается однимъ исполненіемъ обрядовъ, высшая преданность буддизму дышетъ у нихъ ханжествомъ, и всѣ религіозныя размышленія не приводятъ ни къ чему другому, какъ къ сентиментальности. Таковы черты характера, составившіяся у Баргу-Бурятъ подъ вліяніемъ буддизма, по естественнымъ же и воспитывающимся жизнью наклонностямъ духа, Баргу-Буряты кажутся ни чѣмъ не разнящимся отъ другихъ монгольскихъ племенъ: таже любовь

къ домашнему очагу, глубочайшая почтительность къ родителямъ и старшимъ, услужливость, радушіе и гостепріимство къ равнымъ себѣ и крайняя сострадательность въ отношеніи къ бѣднымъ членамъ своей общины, вотъ отличительныя и невольно вселяющія къ нимъ симпатію черты Баргу-Бурятъ. Замѣтимъ еще, что сравнительно слабое развитіе буддизма и удаленіе отъ монголовъ порождаетъ у нихъ гораздо больше связи съ Русскими, чѣмъ это находимъ мы въ забайкальи; отъ того эти Баргу-Буряты и казались русскимъ изслѣдователямъ ихъ быта менѣе скрытны и въ самомъ дѣлѣ они искреннѣе и сильнѣе преданны Россіи. Вотъ нѣсколько пѣсенъ Баргу-Бурятъ буддистовъ, свидѣтельствующихъ истинность сказаннаго.

I.

даши үгэй шарà зула
далай ламайн гхүмэ-дү
дабаші үгэй буин хутүк
эсэгэ бурхани урун-дү
хайлаши үгэй шарà зула
хāни манай гхүмэ дү
гханаші үгэй буин хутүк
эсэгэ бурхани урун-дү
эргүши үгэй шарà зула
эжин хāни гхүмэ-дү
үзэши үгэй буин хутүк
эжин бурхани урун-дү.

Переводъ.

Непостижимая желтая лампада
Въ кумирнѣ Далай ламы,
Не нарушаемая добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не растопляемая желтая лампада
Въ храмѣ нашего царя,
Не вообразимыя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца — будды.

Не возносимая желтая лампада
Въ храмѣ государя повелителя,
Невиданныя добродѣтель и святость
Въ царствѣ отца, — будды.

* *
*

II.

арада хүрсэ татахò
алтан хайлур номотой би
алдан үгэй харбохò
абидуйн хубун шoшхи
эбүртэ хүрсэ татахò
мүн'гүн хайлур номотой би
мэйдэн үгэй харбохò
абидуйн хубун шoшхи
хагхада хүрсэ татахò
хатү болот гхумутай би
харю үгэй харбохò
абидуйн хубун шoшхи
улаин шинэн зэн-тэй би
үдэни шинэн гхумутай би
үлиш үгэй харбохò
абидуйн хубун шoшхи

Переводъ.

Натягивающій до заду (поясницы),
Имбющій литой, золотой лукъ,
Стрѣляющій безъ промаха
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій до пазухи,
Имбющій литой, серебряный лукъ,
Стрѣляющій не торопясь,
Шошхи, сынъ Абиды.
Натягивающій въ мѣру,
Имбющій стрѣлу изъ закаленной стали,
Стрѣляющій такъ, что не разгибается (лукъ)
Шошхи, сынъ Абиды.

Имѣющій оконечность стрѣлы величиною съ гору,
Имѣющій стрѣлу величиною съ дверь,
Стрѣляющій несравненно
Шошхи, сынъ Абиды.

* *
*

III.

хара мѡнхѡ тэнгри манай
хайлалашй үгэй наран гэрэлтэй
хамок гхүхши зон манай
дэйдү бурханду мургүлтэй
 хѡхѡ мѡнхѡ тэнгри манай
 хүрэн наран гэрэлтэй
 хүтхѡрѡ гхүхши зон манай
 дэйдү бурханду мургүлтэй
түмүр хѡхѡ тэнгри манай
тѡгѡрѡк наран гэрэлтэй
түдүй гхүхши зон манай
дэйдү бурханду мургүлтэй.

Переводъ.

Наше темное, вѣчное небо
Освѣщается нерастопляемымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Поклоняется высокому буддѣ.

Наше синее, вѣчное небо
Освѣщается темно-краснымъ солнцемъ,
Живущій массою народъ нашъ
Поклоняется высокому буддѣ.

Наше желѣзно-синее небо
Освѣщается круглымъ солнцемъ,
Весь живущій народъ нашъ
Поклоняется высокому буддѣ.

* *
*

IV.

окторгой-и шимэглэхэ
одон мэшин гэлэй лэ
олон зó-йи томирахó
эжин саган хан гэлэй-лэ

гхаридá-йи гэгэйлэхэ
гхарá наран гэлэй лэ
гхáйт зóйи томирахó
эжин саган хан гэлэйлэ

үргүн дэлэхэй-йи үнъгүжүлхэ
ўлан борон гэлэй лэ
үдүй зо-йи томирахó
эжин саган хан гэлэй лэ.

Переводъ.

Украшаютъ небо,
Говорятъ, звѣзды;
Управляетъ множествомъ народа,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Освѣщаетъ скалы, покрытыя лѣсомъ,
Говорятъ, солнце, да луна;
Управляетъ вельможами и народомъ,
Говорятъ, повелитель — бѣлый царь.

Украшаетъ обширную вселенную,
Говорятъ, облака, да дождь;
Управляетъ эстолькимъ народомъ,
Говорятъ, повелитель бѣлый ханъ.

* *
*

V.

хадáйн манáй шулун гэт
хамхарашí үгэй бóхó бí
хан бабáйн хули гэт
сусаралтá үгэй мóнхó бí

улаин манай шулун гэт
үмдэрэлтэ үгэй бөхө би
үбүгэт бабайн хули гэт
сусаралта үгэй мөнхө би

борийн манай шулун гэт
бутаралта үгэй бөхө би
бурхан бабайн хули гэт
бутаралта угэй мөнхө би.

Переводъ.

Говорить о камнѣ нашей скалы, —
Онъ не раздробимо крѣпокъ;
Говорить о законахъ царя батюшки, —
Они неизмѣнно вѣчны.

Говорить о камнѣ нашей горы, —
Онъ не разрушимо крѣпокъ;
Говорить о законахъ старцевъ батюшекъ, —
Они неизмѣнно вѣчны.

Говорить о камнѣ нашей подошвы горы, —
Онъ нераздробимо крѣпокъ;
Говорить о законахъ будды батюшки, —
Они не измѣнно вѣчны.

* *
*

VI.

мөнхө саган төрө манай
мөнхөнгхө бөхөр бүтэгхэй
эдүй байгхан зөн манай
брөртөй гхайхан зугалагхай

хан саган төрө манай
хату болотгха бөхөр бүтэгхэй
хамак байхши зөн манай
амар гхайхан зугалагхай

энхэ саган төрө манай
түмүргхэ бөхөр бүтэгхэй
эдүй байхши зөн манай
эбтэй гхайхан зугалагхай

Переводъ.

Да устроится крѣпче серебра
Вѣчное бѣлое наше правленіе;
Да будетъ веселиться въ довольствѣ и благословеніи
Этакое количество нашего народа.

Да устроится крѣпче твердой стали
Царское, бѣлое наше правленіе;
Да веселится покойно и хорошо
Весь нашъ народъ.

Да устроится крѣпче желѣза
Мирное, бѣлое наше правленіе;
Да веселится въ безмятежии хорошенько
Этакое количество нашего народа.

* *
*

VII.

хара далайн йорбри
харагхай-б гэжи гханана-ль-би
хан бабайн хули-ий
ойлгогхой-б гэжи гханана-ль-би
хөхө далайн йорбри
хүрэгхэй-б гэжи гханана-ль-би
хүхшин бабайн хули-ий
ойлгогхой-б гэжи гханана-ль-би
шара далайн йорбри
шагагхай-б гэжи гханана-ль-би
саган хани хули-ий
ойлгогхой-б гэжи гханана-ль-би.

Переводъ.

Я желалъ бы посмотрѣть
Дно чернаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы царя батюшки.
Я желалъ бы достигнуть
До дна синяго моря;

Я желалъ бы постигнуть
Законы старичковъ-батюшекъ
Я желалъ бы пристально посмотреѣть
На дно желтаго моря;
Я желалъ бы постигнуть
Законы бѣлаго царя.

* *
*

VIII.

угхан дундү харахү-ду
элэгхэн шорой илэрхэй
улат дундү харахү-ду
эрдэмтэй хүүн илэрхэй
харги дундү харахү-ду
хабтагай шулүн илэрхэй
хамак хүүн-дү харахү-ду
нойн хүүн илэрхэй
хулугхун дундү харахү-ду
хүжи шулүн илэрхэй
хүтхүн зон-ду харахү-ду
хүрши хүүн илэрхэй.

Переводъ.

Какъ посмотришь въ воду,
Ясны (для глаза) глина и песокъ;
Какъ посмотришь въ народъ,
Виднѣтся мудрый человекъ.
Какъ посмотришь въ мелкій ключь,
Виднѣются выдающіеся камни;
Какъ посмотришь на весь народъ,
Виднѣтся господинъ.
Какъ посмотришь въ тростникъ,
Видны плоскіе камни;
Какъ посмотришь въ народную массу,
Виденъ человекъ, умѣющій играть на музыкаль-
ныхъ инструментахъ.

* *
*

IX.

сагав шубун ирэнэ ль
шалакдунни гхайхан би
гхайгхи манай хубут гэт
зуга дэйрэ гхайхан би
ногогхон шубун ирэнэ ль
нур дэйрэ гхайхан би
ноягхи манай хубут гэт
наир дэйрэ урахан би
хуху шубун ирэнэ ль
хотхò дэйрэ гхайхан би
хүхшин бабайн хубут гэт
бүгүдэ дэйрэ зугалат.

Переводъ.

Прилетаетъ бѣлая птица, —
Хороша она на своемъ болотѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Хороши они на увеселеніяхъ.
Прилетаетъ утка, —
Хороша она на озерѣ;
Говорить объ юношахъ нашихъ господъ,
Ловки они на пирушкахъ.
Прилетаетъ кукушка, —
Хороша она на зелени;
Говорить объ юношахъ нашихъ старичковъ-господъ,
Веселятся они предъ всѣми (= въ обществѣ).

* *
*

X.

бабай манай эргүхэ дэ
баяри толà эргүнэ
тэрэ гхайхан баяри
òдò югар харюлху-бди
ибй манай эргүхэ-дэ
òрòри толà эргүнэ

тэрэ гхайхан өрөри
өдө югар харюлху бди
аха манай эргүхэ дэ
ахойн тола эргүнэ
тэрэ гхайхан эргүли
өдө югар харюлху бди.

Переводъ.

Когда возвышаетъ нашъ батюшка,
Возвышаетъ ради радости,
Теперь какимъ образомъ оплатимъ мы
Эту прекрасную радость.
Когда возвышаетъ наша матушка,
Возвышаетъ ради благословенія,
Теперь какимъ образомъ оплатимъ мы
Это прекрасное благословеніе.
Когда возвышаетъ нашъ старшій братъ,
Возвышаетъ ради существованія,
Теперь какимъ образомъ оплатимъ мы
Это прекрасное возвышеніе.

Пѣсни Баргу-Бурятъ шаманистовъ носятъ на себѣ совершенно особый характеръ, подобно тому какъ и сами эти Буряты разнятся отъ своихъ соплеменниковъ, принявшихъ буддизмъ. Всѣ ученые и путешественники, наблюдавшіе жизнь Бурятъ и оставившіе намъ описанія ихъ быта, единогласно заявляютъ, что тѣ изъ кочевыхъ бурятскихъ инородцевъ, которые исповѣдуютъ шаманство, гораздо менѣе буддистовъ развиты въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Щаповъ объяснилъ этотъ фактъ даже и физически, выставляя шаманство и его обряды какъ начало, растлѣвающее организмъ Бурятъ и убивающее ихъ умственныя способности *). Само собою разумѣется, что ученый бралъ въ основаніе своихъ заключеній главнымъ образомъ обрядовую сторону шаманства. Предоставляя однако естествоиспы-

*) Бурят. улус. родов. община. Изв. Спб. Отд. Географ. Общ. 1875 г. Т. V, № 3—4.

тателямъ указаніе вліяній шаманскихъ оргій на физическій составъ человѣка, мы скажемъ съ своей стороны, что шаманство какъ религія по самому своему составу никогда не могла имѣть никакого образовательнаго значенія для народа. Содержанія ея составляетъ смѣсь общечеловѣческихъ истинъ съ суевѣріями, которыми обыкновенно бываетъ полна жизнь народовъ, проходящихъ, такъ сказать, періодъ младенческаго состоянія. Изъ сказаній Платона Карпини *) и Рубруквиса **) мы можемъ вывести, что шаманство основною идеею имѣло идею единаго высочайшаго существа; но изъ замѣчаній Іоанна Мандевильскаго можно полагать, что понятіе это не было общенароднымъ. Дорджи Банзаровъ пытался опровергнуть это послѣднее мнѣніе и представилъ намъ довольно подробный, систематическій очеркъ черной вѣры, но едва ли кто изъ знакомыхъ съ современнымъ шаманствомъ у Бурятъ будетъ сомнѣваться въ томъ, что религія эта является у нихъ въ настоящее время совершенно въ другой формѣ, тѣмъ представлена она у Банзарова, да притомъ и едва ли хоть одинъ изъ жрецовъ шаманства знаетъ свое вѣроученіе съ такою отчетливостію въ представленіяхъ, съ какою изложено оно въ монографіи нашего ученаго Бурята. Это предположеніе, что шаманство никогда не могло быть у Бурятъ отчетливо сознаваемымъ вѣроученіемъ, кажется намъ тѣмъ болѣе достовѣрнымъ, что религія эта никогда не имѣла ни своего священнаго кодекса ***) , ни правильной іерархіи ****): всякій жрецъ этой религіи могъ понимать ее иначе, составлять свои правила и толкованія на ея догматы, устанавливать и измѣнять по своему произволу обрядовые законы. Если въ основѣ шаманства дѣйствительно лежало высокое понятіе о высочайшемъ существѣ, которое признавалось творцемъ и правителемъ міра, вѣчнымъ, правосуднымъ,

*) Языковъ. — Собр. путеш. къ Татарамъ. Спб. 1825 г., стр. 83—89

**) Bergeron. — Voyages faits principalement en Asie. Нае. I. 1735. p. 27.

***) Описаніе всѣхъ обитающ. въ Рос. Госуд. народовъ. Спб. 1799. Ч. III, стр. 98.

****) Иркут. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 14.

источникомъ всякаго бытія и распорядителемъ міровыхъ судебъ, то это единое понятіе еще не возвышаетъ шаманство какъ религію. Дѣло въ томъ, что шаманисты почти не развили этого понятія въ своемъ вѣроученіи и совершенно не сдѣлали изъ него практическаго примѣненія къ нравственнымъ требованіямъ чело-вѣка. Так. обр. въ религіозныхъ обрядахъ Бурятъ шаманистовъ въ настоящее время вмѣсто помянутаго высочайшаго существа, является цѣлый сонмъ духовъ добрыхъ и злыхъ, различествующихъ между собою по значенію, по виду, по силѣ, по мѣстонахожденію и пр. Эти то духи и суть главные предметы почитанія и вѣры, потому что имъ приписывается постоянное вліяніе на судьбу чело-вѣка съ самаго начала его жизни и до гроба; высочайшее же существо остается въ сторонѣ, о немъ даже и не говорятъ шаманы. Всѣ религіозные обряды, какіе только существуютъ у шамановъ, совершаются для того, чтобы снискать благоволеніе добрыхъ духовъ или умилоствитъ злыхъ и все это для выгодъ только настоящей жизни. Въ молитвахъ шамановъ и шаманистовъ не видно, чтобы они заботились о своемъ духовномъ существѣ, совершали бы какіе либо очистительные обряды, просили бы чего либо относящагося до спасенія: всѣ молитвы ихъ ограничиваются просьбами о здоровьи, долготѣти, продолженіи потомства, обиліи скота и пр. Лучшимъ образцемъ такой молитвы представляется мнѣ молитва, записанная Ши-фнеромъ въ грамматикѣ Кастрена *):

хуруй, хуруй, хуруй-ла
хуруйлхада билэйлэ хутук кэшик хуруилба
дэлэжилэ байхула тэнъри ноянгха хуруилба
дэлгэжи байхула үльгэнкэни дайдагха
барулажи байхула йэрэн хадгха
йэгхөнхэни саганла эбүгэтгхэ
буху ноян бабая бойногагха (?)
будан хани хатунла иби-й умайгагха

*) Castren's. Versuch einer Burjätischen Sprachlehre. 1857, p. 238—239.

түүни нана билэй-гэ
хуруйлхада билэйлэ нэрэту кундулэ
уту нагхай хуруйлба
удан жарган хуруйлба
тō зусан аргхуйи хуруйлба
тōмбр бүкү амī-ий хуруйлба
кэрэги күсэкүй
кэтэ зайн орхойн хуруйлба
тахали тарāхуй
үлбарн эдэгэкиги хуруйлба
адугай баян болхойн хуруйлба
ащитай үнүр болхойн хуруйлба.
иль хуруй!

Переводъ.

Собирайся, собирайся, собирайся-же
Призывая къ собранію, мы приглашаемъ собраться счастье
и милость!

Призываемъ отъ господина неба, распростершагося,
Отъ пространства — земли, широко раскинувшейся,
Отъ находящихся на западной сторонѣ девяноста царей,
Отъ (существующихъ въ количествѣ) только девяти бѣлыхъ
старцевъ,

Отъ (?) отца нашего Буху нояна,
Отъ утробы матери нашей царицы Будань-хань,
При семь присутствовалъ (здѣсь поминается имя призывае-
маго духа),

При призываніи былъ (такой то духъ) по имени помѣхою;

Призываемъ — долгую жизнь,

Призываемъ — долгое благоденствіе,

Призываемъ — кожу толщиною въ четверть,

Призываемъ — жизнь, крѣпкую какъ желѣзо,

Призываемъ — дѣйствительность жертвоприношенія,

Вступленіе въ счастливую судьбу,

Призываемъ — прогнаніе заразы,

Исцѣленіе болѣзни,

Призываемъ — богатство стадами,

Призываемъ — многочисленное потомство.

Скорѣе соберись!

Представленный образец имѣетъ однако еще форму молитвы безъ сомнѣнія потому, что «кэрэкъ», на которомъ она была произносима, принадлежитъ къ числу общихъ молебствій, совершаемыхъ одинаково всѣми и безъ всякой особенно побудительной причины; но шаманисты заставляютъ еще своихъ шамановъ совершать у себя случайныя жертвоприношенія и, по свидѣтельству Банзарова, количество совершенія ихъ даже превышаетъ количество отправленія жертвоприношеній постоянныхъ *). Поводомъ къ этимъ частнымъ жертвоприношеніямъ можетъ послужить все: начало какого нибудь предпріятія, болѣзнь кого либо изъ членовъ семьи, падежъ скота, упадокъ благосостоянія и проч. **). Отсутствие служебниковъ и незнакомство съ письменностью вообще породило то, что шаманы не имѣютъ у себя опредѣленныхъ молитвъ; а необходимость имѣть молитву въ свою очередь служить причиною того, что шаманы составляютъ на каждое жертвоприношеніе свою молитву уже при самомъ совершеніи обряда. Такъ какъ всякая такая молитва излагается непремѣнно въ стихотворной формѣ, то едва ли можно противорѣчить тому, что главнѣйшее мѣсто въ общей массѣ стихотворныхъ произведеній Баргу-Бурятъ должно принадлежать именно этимъ молитвамъ. Говорить о содержаніи этихъ произведеній весьма трудно и именно въ силу его разнообразія; необходимо сказать только одно, что шаманы не стѣсняются предметомъ рѣчи въ своихъ молитвенныхъ причитаніяхъ и, слушая молитву шамана, невольно приходишь къ заключенію, что человекъ просто говоритъ то, что взбрѣло ему на умъ: на ряду съ призываніемъ и восхваленіемъ божествъ, онъ вводитъ подробный рассказъ о томъ частномъ событіи, которое послужило поводомъ для совершенія жертвоприношенія, а иногда присоединяетъ къ тому еще и упоминаніе обо всемъ, начиная съ картинныхъ видовъ окружающей природы, до частныхъ случаевъ изъ мелкой домашней

*) Ученыя записки Казан. Универ. 1846 г. Кн. III, стр. 113.

***) Иркут. Губ. Вѣд. 1858 г. № 14.

жизни. Вотъ для примѣра пѣснь бурятскаго шамана при совершении имъ обряда «Сага табяху».

арюханай арюхан, арюн сэбэр гэхэдэ, аман дөрбөр шорогò;
айя миннi, айя да!

үнүрхэнэй үнүрхэн, үнүр гхайхан гэхэдэ, үрүгүн дөрбөр шорогò;
айя миннi, айя да!

арбан тайггын модонгхò, арсаин үнүр гханънаба, йброн тайггын модонгхò йогòгой үнүр гханънаба; айя миннi, айя да!

булихай бэйѣ хонгòдò, унтұлхайя болёбò, урұл аман хонгòдò,
утха заян дурдұла; айя миннi, айя да!

хэлэмгэй бэйѣ хонгòдò, хэбтұлхайѣ болёбò, хэлэн аман йөрбò-
лор, хэлэгэ заян дурдұла; айя миннi айя да!

гханà гэхэй-ш гханà би, гхайхан заян дурдà би; хэлэ гэхэй-ш хэлэ би,
хэлэгэ зая дурдà би; айя миннi, айя да!

хэлэнэй торгөр хэлэ угэй-б, хэлэгэйн йогхөр хэлэ-би; урұлай
торгөр хэлэ угэй-б утхайн йогхөр хэлэ-би; айя миннi, айя да!

алядагхан дайда-ла, арюн таян-тараса; алхулагхан дайда-ла
тайлагатай үнүр-тэ; айя миннi, айя да!

мұльхүлэгхэн дайда-ла мұнъгүн таян-тараса; мұнхүрүгхэн
дайда-ла тайлагатай үнүр-тэ; айя миннi, айя да!

тарасая тологой-до, табан галун боложи гүнгүнүжи гхұ-
хыйн, хэнэй нүри хараба; айя миннi, айя да!

арадая тологой-до арбан галун боложи гүнгүнүжи гхұхыйн
хэнэй нүри хараба; айя миннi, айя да!

бндөрөрò гүйдэлтэй саган сэнхэн морин-дò мориндони гар-
тāгха, дүрбэн хара турүгā мултаражи унагхай дүшин саган гхо-
бойò айралдажи унагхай; айя миннi, айя да!

үлүнъгэрэ гүйдэлтэй, шугхун зэрдэ морин-дò морин-дони гар-
тāгха, дүрбэн хара турүгā мултаражи унагхай дүшин саган гхо-
бойò айралдажи унагхай; айя миннi, айя да!

буягаини буйишхи, буйишхин торгон шобхоног шамай гэжи
дурдà би; айя миннi, айя да!

алягайни йэхэдэ, абāхай шаргār дūлэлэй; хөлōхойѣ йэхэдэ,
хошхи шаргār дūлэлэй; айя миннi, айя дā!

зāйдан шаргār дūлэлэй, забуд *) бōдō дūлэлэй, забуданнiн арахи,
шāлан хярāн шāлай-лā оштōборон улай-лā; айя миннi, айя дā!

батū шаргār дūлэлэй, бūхūли хабāk эргūлэй, бūхūли хабā-
гайн арахи-йи, бутūлхэрэн шāлай-лā, бутūлхэтэй архи-дā, бūdүн
бэрхэ шобхонōг шамāй гэжi дурданām; айя миннi, айя дā!

склянкатай архин-дā шадамār бэрхэ шобхонōгѣ шамāй гэжi
дурданām; айя миннi, айя дā!

ухайя ядха-дā, охторгōйдо гаралай-б, одон мэшнiн бололōй-б,
олон зондо гайхūлā-б гайхūлагхан хōрондō, газардажi уналай-б;
айя миннi, айя дā!

шбнōгхōн-дони уналай-б, шулугхуй татан уналай-б; хугхун-
дуннi уналай-б, хорохōй татан уналай-б; айя миннi, айя дā!

харā далай гугшалган, хадарāн загагхан идэлгэн; угхан да-
лай гугшалган, бoли загагхан идэлгэн; айя миннi, айя дā!

хадарāна дуран-дā, хара далай гугшалай-б; хараб захāйн халы-
жi; харā йэхэ гхальхин-дā хагагдажи хōмбрлōй-б; айя миннi, айя да!

харā йэхэ далаяр, хōнжōл хижi хōмбрлōй-б, хабтагайн шулū-
гār дэрэ хижi хōмбрлōй-б айя миннi, айя да!

бoмлō-йō дуран-дā угхан далай гугшалай-б; охторгōйн гхаль-
хиндā оройдожi уналай-б. айя миннi, айя дā!

угхан йэхэ далаяр хōнжōл хижi хōмбрлōй-б; улан йэхэ шу-
лūгār дэрэ хижi хōмбрлōй-б айя миннi айя дā!

· харā йэхэ далая хашалаг дундū хōмбрлōй-б, хангāйн йэхэ
улай хоромōй дундū хōмбрлōй-б; айя миннi, айя дā!

аруйн найман шандагхай, атхулахы ин āха бiй; арāй бага
бэйѣйн уятгахы ин яха бiй; айя миннi айя дā!

эбэрэй дүрбэн шандагхай, эбхүлэхы ин яха бiй, энэ бага бэйѣйн
уятгахы ин яха бiй; айя миннi, айя да!

газагара орожi, гэнэлгэхы ин яха бiй, гэнэн бага бэйѣйн уят-
гахы ин яха бiй; айя миннi, айя дā!

*) Такъ называется у Бурятъ нынѣшнее селеніе Никольское, гдѣ прежде
былъ Николаевскій заводъ, нынѣ уже не существующій.

дотороро орожи, догхолгохо йн яха бий, дуса бага бэййн уя-
тхахы йн яха-бий; айя минн айя да!

бөлөхөй-б шамай гэгхэрэ, бохилгохò йн яха бий; гханагхай-б
шамай гэгхэрэ, гилайгахы йн яха бий; айя минн, айя да!

харангхуй-да хабатай, халун одор залиши, бүрүнхуйдү бү-
дүтэй бүлэн одор залиши айя минн, айя да!

айлайн тал-да айн-да арюн гэртэ залиши, зонбй тал-да зугаши
золтò гэртэ залиши; айя минн айя да!

эвхэхэдэ идэтэй эгэн манда хужартай, уйлахада урамтай, эгэн
манда хужартай; айя минн айя да!

хэлэхэнин хэлэгдэ хэлэгэ зайн мэдүчжи хөрөхөннин хөрөгдö
хули зайн мэдүжи айя минн айя да!

табан шордой зорулаб, татай хонн шорлулаб, хугхар шордой
зорулаб, хуса хуригай шорлулаб айя минн айя да!

нарин голò уруда, намшогхан бүтү хийдэлэ, үрүгүн голò уруда
үбүгхүн бүтү хийдэлэ; айя минн, айя да!

гунжан үнэ гхагхан шнн гушин хотон дүрэгхэй гунтай аши
оргогхон-ш гушин гхадак дүрэгхэй; айя минн, айя да!

дүнтэй үнэ гхагхан шнн, дүшин хотон дүрэгхэй дүнтэй аши
орогхон ш дүшин гхадак бологхой; айя минн, айя да!

дэрэхэни дэгдэ, холдохони хологдò!

Переводъ.

Чистенькое изъ чистенькихъ, коль чистенькое и опрятное,
проскользай по низу рта; ахъ мои ашиньки!

Потомство изъ потомствъ, коль потомство хорошенькое, про-
скользай по низу подбородка; ахъ мои ашиньки!

Отъ деревьевъ десяти лѣсовъ повѣялъ запахъ можжевельника;
отъ деревьевъ девяноста лѣсовъ повѣялъ запахъ вереска; ахъ
мои ашиньки!

Легкомысленное существо при (своей) вѣтрянности лишилось
сна; вслѣдствіе легкости рта губъ, на всегда заставило вспоми-
нать (себя), ахъ мои ашиньки!

Болтливое существо при (своей) вѣтрянности, лишилось (спо-

сѣбности) лежать, чрезъ благожеланія усть языка, на всегда оставило воспоминаніе на словахъ.

Сказаль ты — подумай, я подумаль; вспоминаль я всегда доброе; сказалъ ты — говори, я сказалъ; вспоминаль я всегда въ словахъ; ахъ мои ашиньки!

Не говорилъ я по мягкости языка, говорилъ по законамъ рѣчи; не говорилъ я по мягкости губъ, говорилъ по законамъ смысла; ахъ мои ашиньки!

Мѣстность, на которой (мы) играли, чистая Тялянъ-Тараса; мѣстность, по которой мы шагали, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки!

Мѣстность, по которой (мы) ползали, серебрянная Тялянъ-Тараса; мѣстность, по которой (мы) лазили, (имѣла) запахъ жертвенный; ахъ мои ашиньки!

На вершинѣ Тарасайской появилось пять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки!

На вершинѣ Арадайской появилось десять гусей; какое высмотрѣли они озеро, чтобы сѣсть горкуя? ахъ мои ашиньки!

У способной бѣгать по вершинамъ, изсиня бѣлой лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки!

У способной бѣгать по низовымъ лугамъ, искрасна рыжей лошади, коль будетъ она превзойдена (другою) лошадью, да отвалятся и отпадутъ четыре черныя ея копыта, да искрошатся и выпадутъ сорокъ ея бѣлыхъ зубовъ; ахъ мои ашиньки!

Добродѣтельный изъ добродѣтельныхъ, добродѣтельный, толстый Шопхоногъ я вспомнилъ тебя; ахъ мои ашиньки!

При обилии шаловливости, скакали (мы) на легкихъ саняхъ; при обилии кутежей, скакали мы на парныхъ саняхъ; ахъ мои ашиньки!

Скакали на бѣговыхъ саняхъ, скакали въ верхъ отъ завода; принуждая, заставляя, вливая, пили (мы) штофами заводскую водку; ахъ мои ашиньки!

Скакали на крѣпкихъ саняхъ, переѣздили всѣ кабаки; водку всѣхъ кабаковъ вливали въ себя бутылками. На водкѣ, находящейся въ бутылкѣ, толстый, здоровый Шобхоногъ, я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

На водкѣ налитой въ стклянку, способный, здоровый Шобхоногъ я вспоминаю тебя; ахъ мои ашиньки!

Когда не могъ (уже) пить, я взомель на небо, я сдѣлался созвѣздіемъ обезьяны, я доставилъ удивленіе множеству людей, и, въ то время какъ они удивлялись, я упалъ, ударившись о землю; ахъ мои ашиньки!

Упалъ я на лиственницу, упалъ таща (за собой) паутину; упалъ я на березу, упалъ таща (за собой) червяка; ахъ мои ашиньки!

Черное море — тоня, рыба окунь — пища; водяное море — тоня, рыба омуль — пища; ахъ мои ашиньки!

Любя окуней, неводилъ я черное море; осматривая край большой лодки и будучи задержанъ сильною бурей, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Изъ чернаго великаго моря, сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ плоскихъ камней сдѣлавъ подушку я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Любя омулей, неводилъ я водяное море, при небесномъ вѣтрѣ взобравшись вверхъ я опрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Изъ великаго водянаго моря сдѣлавъ одѣяло, я перепрокинулся, изъ большихъ красныхъ камней сдѣлавъ подушку, я перепрокинулся; ахъ мои ашиньки!

Перепрокинулся я среди утесовъ своего великаго чернаго моря, перепрокинулся я среди подошвы своихъ большихъ лѣсистыхъ горъ; ахъ мои ашиньки!

Задніе восемь сухожилій сжимаются, — какъ быть?! молодое юное тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Четыре грудныхъ сухожилія свертываетъ, — какъ быть?! это маленькое тѣло слабѣетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Вошедши наружу (дома, т. е. въ степь), соболѣзнуется, —

какъ быть; глупое маленькое тѣло слабѣть, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Вошедши внутрь (дома)-трясетъ, — какъ быть; совершенно молодое тѣло ослабѣваетъ, — какъ быть?! ахъ мои ашиньки!

Когда хочу о тебѣ шаманить, (начинаю) суетиться, — какъ быть, когда хочу о тебѣ подумать, заставляю смотрѣть косо (другихъ) какъ быть?! ахъ мои ашиньки?!

Находящій удовольствіе во мракѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ жаркій день, находящій удовольствіе въ темнотѣ, имѣетъ обыкновеніе спать въ теплый день; ахъ мои ашиньки!

При походѣ въ жилыхъ мѣстахъ имѣетъ обыкновеніе спать въ чистомъ домѣ; находящій удовольствіе въ людной мѣстности, имѣетъ обыкновеніе спать въ счастливомъ домѣ; ахъ той ашиньки!

Аппетитно смѣющійся — солонь для насъ простыхъ; искусный въ плачѣ — солонь для насъ простыхъ; ахъ мои ашиньки!

Долженствующее быть сказаннымъ должно быть сказано, я заявлялъ всегда свои слова; долженствующее быть воспрещеннымъ должно быть воспрещено, я заявлялъ всегда законное; ахъ мои ашиньки!

Я выстругалъ пять вертѣловъ, я зажарилъ на вертѣлѣ хорошаго барана; я выстругалъ вертѣлъ изъ березы, я зажарилъ на вертѣлѣ барашка; ахъ мои ашиньки!

Внизъ по узкой рѣкѣ развѣялись листовные кустарники, внизъ по широкой рѣкѣ развѣялись травяные кустики; ахъ мои ашиньки!

Трехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь, да наполнять тридцать хотоновъ (загоновъ), возвращенные тобою потомки въ третьемъ колѣнѣ да составятъ сполна тридцать колчановъ; ахъ мои ашиньки!

Четырехлѣтнія коровы, которыхъ ты доишь, да наполнять сорокъ хотоновъ, возвращенные тобою потомки въ четвертомъ колѣнѣ да составятъ сполна сорокъ колчановъ; ахъ мои ашиньки!

Возвышайся высокое, удаляйся далекое!

Съ совершеніемъ шаманскихъ обрядовъ и жертвоприношеній

у Баргу-Бурятъ соединяются еще обыкновенно и гаданія о будущей судьбѣ, какъ объ этомъ сообщаетъ и Георги *). Свои предсказанія шаманы излагаютъ также всегда въ стихотворной формѣ, при чемъ нельзя не удивляться той способности къ импровизациі, которую они обнаруживаютъ у себя въ этихъ случаяхъ. Содержаніе шаманскихъ ворожебныхъ, или пророческихъ пѣсней вообще также многообразно, какъ многообразны личности для которыхъ производится гаданія и поводы, по которымъ они могутъ гадать, но въ частности каждая изъ ворожебныхъ пѣсней дышетъ однообразіемъ по содержанію, что конечно вызывается и самымъ назначеніемъ произведеній этого рода. Съ виѣшней стороны ворожебныя пѣсни являются, не говоря уже о всегдашней правильной постановкѣ рѣемъ, еще и съ соблюденіемъ нѣкотораго размѣра, что способствуетъ гладкости ихъ стиха. Вотъ примѣръ такой пѣсни :

барун хадайн модон
багагхаң бадайра
уньгү хөхөр уньгүжи
сэсэк хөхөр сэсэглэ

ахай тэнъри абы-ш
бүгә шомпур хэхэ бэлэй-ш
буга гхогд алаху бэлэй-ш
хан-да алба табиху бэлэй-ш
хагхак-та ула үгкү бэлэй-ш

урда хадайн модон
үзүрэгхэн бадайра
уньгү хөхөр уньгүжи
сэсэк хөхөр сэсэглэ

ахай тэнъри абы-ш
бүгә шомпур хэхэ бэлэй-ш
буга гхогд алаху бэлэй-ш
хан-да алба табиху бэлэй-ш
хагхак та ула үгкү бэлэй-ш

*) Описание всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. 1799 г. Спб. ч. III, стр. 115. Иркут. Губ. Вѣд. 1858. № 14.

хойту хадайн модон
гэшүгхэн бадайра
үнүгү хөхөр үнүгүжи
сэсэк хөхөр сэсэглэ

ахай тэнгрий абыш
бүгә шомпур хэхэ бэлэй-ш
буга гхогò алаху бэлэй-ш
хан-да алба табиху бэлэй-ш
хагхак та ула үгкү бэлэй-ш.

Переводъ.

Дерево западной скалы
Распространяйся съ молоду,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками!

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполь,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево южной скалы
Распространяйся съ своего корня;
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполь,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Дерево сѣверной скалы
Распространяйся съ своихъ вѣтвей,
Принявъ синій цвѣтъ,
Цвѣти синими цвѣтками.

Батюшка небо, возми!
Имѣешь ты дѣлать ружейный шомполь,
Имѣешь ты убить самку изюбря,
Имѣешь ты отдать дань царю,
Имѣешь ты выдать подводы казакамъ.

Изъ разсмотрѣнія представленныхъ пѣсенъ, распѣваемыхъ шаманами при совершеніи ихъ религіозныхъ обрядовъ, можно хотя отчасти выводить, какъ долженъ быть высокъ по своимъ основамъ и воздѣйствию на своихъ поклонниковъ шаманизмъ, разсматриваемый въ той формѣ, въ которой является онъ какъ религія, исповѣдуемая Баргу-Бурятами. Не говоря уже о нелѣпостяхъ его догматическаго ученія, представляющаго какую то смѣсь понятій о духовномъ съ самымъ грубымъ матеріализмомъ, и не могущаго ни удовлетворить, ни возбудить серіозную дѣятельность ума, даже нравственное ученіе его очевидно не способно оказывать никакого содѣйствія къ облагороженію человѣческаго духа. Мы знаемъ, что высшіе нравственные идеалы каждой религіи, можемъ находить мы въ ея молитвахъ; изъ разсмотрѣнія же молитвъ шамановъ оказывается, что онѣ, рисуя образцы человѣческой дѣятельности, не переходятъ границу дѣйствительныхъ отношеній человѣка къ окружающему; а потому совершенно не способны отторгнуть духъ отъ мірской суеты, привести его въ умиленіе нравственною высотой представляемыхъ правилъ и примѣровъ и возбудить такимъ образомъ нѣжныя и благородныя чувствованія въ огрубѣломъ сердцѣ. При болѣе строгомъ взглядѣ можно сказать даже, что напротивъ, преслѣдуя ту же обыденную, да притомъ самую чувственную жизнь, эти молитвы дѣйствительно могутъ только растлить внутреннее существо человѣка и, вмѣсто возбужденія его духа къ торжеству надъ чувственными влеченіями, развратить его картинами самаго грубаго сладострастія. Мы видѣли уже съ какимъ увлеченіемъ рисоваль шаманъ въ своей молитвѣ картину своихъ безнравственныхъ кутежей: его разказъ о безобразномъ пьянствѣ и шатаньи по кабакамъ, лучше всего доказываетъ какіе нравственные идеалы жизни проповѣдуютъ шаманы своимъ послѣдователямъ. Естественно вытекаетъ отсюда, что если шаманизмъ и не можетъ быть всецѣло признанъ развращающимъ началомъ для жизни Баргу-Бурятъ, то во всякомъ случаѣ онъ и не служитъ для нихъ ни облагораживающимъ, ни сдерживающимъ началомъ. Нравственная

природа Баргу-Бурята представлена такимъ образомъ исключительно самой себѣ и духовная жизнь его течетъ только подѣ влияніемъ естественно совершающихся событій. Понятно далѣе, что умственный кругозоръ Баргу-Бурятъ; при условіи вліянія на полудикую жизнь ихъ такой религіи, необходимо долженъ быть еще болѣе узокъ, чѣмъ у Бурятъ буддистовъ. По свойственному всему монгольскому племени созерцательному направленію духа, мысль Баргу-Бурята шаманиста иногда наталкивается и на отвлеченные вопросы, стремится къ познанію и уясненію для себя мировыхъ событій, причинъ и законовъ, но конечно никогда не рѣшаетъ своихъ вопросовъ, какъ по недостаточности данныхъ, такъ и потому что не можетъ остановиться на этихъ разсужденіяхъ, будучи не привычна ни къ какимъ глубокимъ, аналитическимъ изслѣдованіямъ. Въ домашней и общественной жизни Баргу-Бурята, какъ и въ жизни вообще всякаго полудикаря, духовная природа котораго не сдерживается ни какою силой, господствуютъ эгоистичныя стремленія, преданность чувственнымъ наслажденіямъ, страхъ и раболѣпное поклоненіе предъ силой и гордое презрѣніе къ слабому. Георги, описывая Баргу-Бурятъ, характеризуетъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «народъ сей предпочитаетъ всему любострастное и бездѣйственное спокойствіе; разумъ его косень и разсужденіе весьма слабое» *). Тоже самое только въ другихъ словахъ повторяютъ всѣ позднѣйшіе изслѣдователи Баргу-Бурятъ и самые сородичи ихъ — Буряты, обитающіе на южной сторонѣ Байкала, желая изобразить сравнительную степень духовно-нравственнаго развитія бурятскихъ поколѣній вообще, представляютъ баргу-бурятскіе роды въ общемъ рисунокѣ плодовиатаго и вѣтвистаго дерева бурятскихъ родовъ, не болѣе какъ въ формѣ безплодныхъ девяти отростковъ этого дерева: шесть изъ этихъ отростковъ покрыты свидѣтельствующею еще о нѣкоторой жизни зеленью, а остальные три, изображая конечную мертвенность, или въ переносномъ значеніи грубость, торчатъ какъ го-

*) Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Рос. госуд. народовъ, ч. IV, стр. 26-я.

лыя, обгорѣлыя сучья *). Весь этотъ низкій уровень развитія ясно отражается и въ баргу-бурятской народной литературѣ, содержаніе которой даже болѣе чѣмъ что либо свидѣтельствуетъ намъ, что основныя проявленія баргу-бурятской жизни суть: безпечность, эгоизмъ и грубая чувственность, доходящая до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Вотъ образцы пѣсенъ Баргу-Бурятъ шаманистовъ:

I.

оббѣль гэжѣ юнин бѣ
ургульжѣ нажѣр байгхан ягàб?!
отѣльхѣ гэжѣ юнин бѣ,
ургульжѣ залу байгхан ягàб?!
намàр гэжѣ юнин бѣ,
намтагай хабàр байгхан ягàб?!
нагхатù гэжѣ юнин бѣ
нагхуда залу байгхан ягàб?!

Переводъ.

Зима, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы было всегда лѣто?!
Старость, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы быть всегда молодымъ?!
Осень, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы была постоянная весна?!
Престарѣлый, — что это такое?
Какъ же (можно) чтобы всю жизнь быть молодымъ?!

* *
*

II.

сáйги бѣ болгхà сагалагѣ
гхáйхан зүрхэр зугалайя
идэни бѣ болгхà идэлэгѣ
инак зүрхэр зугалайя
тамахин бѣ болгхà татаги
танилдажи гхүгàт зугалайя

*) Запис. Сиб. отд. общ., кн. VIII, стр. 124-я.

Переводъ.

Коли есть чай — будемъ пить чай,
Повеселимся добрымъ сердцемъ;
Коли есть пища, поѣдимъ,
Повеселимся товарищескимъ сердцемъ.
Коли есть табакъ, покуримъ,
Повеселимся, сидячи по дружеству.

* *
*

III.

талайн ганса модонгхò
тамагайн модò дарулайя
шинэ гхонин дᠦхэйэгхэ
гхонин зугà дулайя
шибэри захайн модонгхò
шинэ тамага абуйя
шинэ гхонин дᠦхэйэгхэ
гхонин зугà дулайя
гòли захайн модонгхò
гòли тамага абуйя
аля гхальхин дᠦхэйэгхэ
гхонин зугà дулайя

Переводъ.

Изъ одинакого, стеннаго дерева
Вырѣжемъ (кусочекъ) дерева для печати;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на крайнѣ кустарника
Вырѣжемъ новую печать;
Отъ новой, неизвѣстной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.
Изъ дерева (растущаго) на берегу рѣки
Вырѣжемъ стержневую печать;
Отъ рѣзвой, вѣтряной дѣвицы
Послушаемъ новыя радости.

* *
*

IV.

нарату налагай тэнгэри
надату налагай дүүхэй

* *
*

хороту налагай тэнгэри
хуримту налагай дүүхэй

* *
*

үүлэту налагай тэнгэри
уйьту налагай дүүхэй

* *
*

сагхату налагай тэнгэри
сасуту налагай дүүхэй

Переводъ.

Солнечное, веселое небо,
Игривая, веселая дѣвочка.

* *
*

Дожденосное, веселое небо,
Сговоренная, веселая дѣвочка.

* *
*

Облачное, веселое небо,
Сверстница, веселая дѣвочка.

* *
*

Снѣжное, веселое небо,
Ровестница, веселая дѣвочка.

* *
*

V.

хөтблө танигхан онгосò
гарат ошигхон харамтай,
хэлэ зугалагхан дүүхэйн
уйлат ошигхон харамтай.

угхун дэйрэхи онгосò
ургугхат ошигхон харамтай
ушират зугалагхан дүүхэйн
уйярат ошигхон харамтай.

далай дэйрэхн онгосò
далда орогхон харамтай
дасат хэлсэгхэн дүүхэй
уйярат ошигхон харамтай

Переводъ.

Всесторонне знакомая лодочка
Вышла и ушла, — жалко!
Жалко, что плачетъ дѣвица,
Съ которою забавлялись мы въ бесѣдахъ.
Жалко, что ушла внизъ по теченію
Лодка (стоявшая) на водѣ;
Жалко, что крушится дѣвица,
Съ которою забавлялись мы при встрѣчѣ.
Жалко, что скрылась
Лодка, стоявшая на морѣ;
Жалко, что крушится дѣвушка,
Съ которою забавлялись мы по привычкѣ.

* *
*

IV.

турāгха ирэгхэн склянка
тогони архидā идэшэ
томтōй гхэлэй дүүхэй
ахаян өбөртō идэшэ
эжингхэ ирэгхэн склянка
идэни архидā идэшэ
уййлэгхэн дүүхэй
ахая өбөртō идэшэ
хāнгхā ирэгхэн склянка
харā архидā идэшэ
ханй болгхāн дүүхэй
ахая өбөртō идэши.

Переводъ.

Стлянка, привезенная изъ города,
Привыкла къ тогонной водкѣ;

Скромная, миловидная (?) дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

— Стклянка, привезенная отъ повелителя,
Привыкла къ водочкѣ;
Сверстница дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

Стклянка, привезенная отъ хана,
Привыкла къ черной водочкѣ;
Сдѣлавшаяся подругою дѣвочка
Привыкла къ груди своего дружка.

* *
*

VII.

харсагай шубун эрэ
харсагайн тологдой шабарда
ханилагхан дүхэй эрэ
ханъгай хажу шабарда

больжимур шубун эрэ
борин тологдой шабарда
болборто дүхэй эрэ
болсойн хажу шабарда

хольборжи унтахойи
холтои оро сабшарай
хүзэдэжи унтахойи
дүхэйэгхэн өгөрөй

мүхурижи унтахойи
модон оро сабшарай
гхүгүдүжи унтахойи
дүхэйэгхэн өгөрөй

дэлэрэжи униахойи
тэнихир оро сабшарай
дэбэрижи унтахойи
дүхэйэгхэн өгөрөй.

Переводъ.

Птица ястребъ мужескаго пола
Загрязнилась на Харсагайскомъ пригоркѣ;

Слюбившійся малюточка
Загрязнился на отлогѣ Хангая.

Птица жаворонокъ мужескаго пола
Загрязнилась на Бѣринскомъ пригоркѣ;
Малюточка, о которомъ назначенъ срокъ (свадьбы)
Загрязнился на отлогѣ Болсойскихъ горъ.

Чтобы спать поворачиваясь,
Сруби-ка двуспальную кровать;
Чтобы спать обнявшись за шею,
Дай-ка (одну) изъ своихъ малюточекъ.

Чтобы спать свернувшись,
Сруби-ка деревянную кровать;
Чтобы спать, стоя на колѣняхъ,
Дай-ка (одну) изъ твоихъ малюточекъ.

и пр.

Чтобы покончить предпринятый нами литературный обзоръ пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ, мы необходимо должны сказать, что разсматриваемая въ цѣломъ своемъ составѣ поэзія эта никакъ не можетъ быть ограничиваема одними только произведеніями народными, незаключенными въ письменность. Выше уже было говорено, что монголы имѣютъ на своемъ языкѣ довольно обширную литературу; теперь можно добавить, что эта литература обилуетъ у нихъ стихотворными произведеніями ничуть не меньше, чѣмъ и у другихъ литературныхъ народовъ востока. Отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что составлявшія до сего времени предметъ нашей рѣчи устныя произведенія народнаго творчества монголовъ представляютъ собою только одну половину единаго цѣлаго — монгольской пѣсенной поэзіи, другую же половину его должны искать мы въ монгольской литературѣ. Предположеніе это далѣе несомнѣнно должно было бы и переходить въ область дѣйствительнаго факта, если бы монгольская литература по своему характеру походила на литературы другихъ народовъ; но дѣло въ томъ, что почти вся она составляется изъ сочиненій переводныхъ съ различныхъ ино-

странныхъ языковъ и при первомъ взглядѣ на такой своеобразный составъ ея невольно порождается вопросъ, слѣдуетъ ли даже считать пѣсни и стихотворенія, встрѣчающіяся въ литературѣ монгольской, монгольскими произведеніями и должно ли потому разсмотрѣніе ихъ въ трактатѣ о пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ стоять на ряду съ изученіемъ устныхъ произведеній народнаго творчества монголовъ? Вопросъ этотъ однако, кажется мнѣ, едва ли и можетъ быть иначе рѣшенъ, какъ утвердительно; хотя я и самъ не думаю признавать за каждымъ изъ литературныхъ стихотвореній монголовъ достоинство произведенія національнаго. Въ пользу сказаннаго рѣшенія, говорить прежде всего то, что литературныя произведенія каждаго народа (будутъ ли они самостоятельными или переводными, являются ли какъ плодъ, свидѣтельствующій намъ о степени уже достигнутаго народомъ развитія въ какомъ либо духовномъ направленіи, или какъ сѣмя, долженствующее еще возрасти на почвѣ народнаго духа) во всякомъ случаѣ и всегда служатъ въ извѣстной степени самыхъ характеристичнымъ выраженіемъ духовной жизни народа. Это первая причина, по которой литературныя стихотворенія монголовъ должны имѣть несомнѣнное право къ изслѣдованію ихъ на ряду съ произведеніями народными даже въ томъ случаѣ, если бы литература монголовъ была переводною вся ея сполна и слѣдовательно таковыми же были бы и всѣ литературныя стихотворенія монголовъ. А между тѣмъ мы далеко не можемъ сказать этого обо всѣхъ литературныхъ монгольскихъ стихотвореніяхъ: въ общей массѣ монгольской литературы встрѣчаются не только переводныя стихотворенія и пѣсни, но и образцы оригинальнаго монгольскаго творчества, а оттого, отстранивъ отъ себя изслѣдованіе литературы монголовъ съ цѣлью изученія ихъ пѣсенной поэзіи, мы необходимо осудили бы себя и на неполноту знаній по этому предмету. Можетъ показаться, пожалуй, что настоящее заявленіе противорѣчитъ съ тѣмъ, что говорено было на первыхъ порахъ объ отношеніяхъ пѣсенной поэзіи монголовъ къ ихъ литературѣ; но въ объясненіе

сего нужно только замѣтить, что тогда была рѣчь о произведеніяхъ простонародныхъ, безыскусственныхъ, а также объ образцахъ древней народной поэзіи; ни того ни другаго въ букввальномъ смыслѣ въ литературѣ монголовъ дѣйствительно не находится, какъ сейчасъ мы и увидимъ то изъ болѣе подробнаго разбора.

Оригинальныя монгольскія пѣсни вообще находить въ литературѣ монголовъ очень трудно: цѣльныхъ и систематическихъ сборниковъ изъ произведеній этого рода монголы у себя никогда не составляютъ, а обыкновенно пѣсни и стихотворныя произведенія встрѣчаются у нихъ записанными по одиночкѣ гдѣ либо въ срединѣ громадныхъ прозаическихъ сочиненій. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ ихъ въ произведеніяхъ историческихъ, лѣтописяхъ, отдѣльныхъ историческихъ разсказахъ, біографіяхъ частныхъ лицъ; — но и здѣсь пѣсни не составляютъ собою чего либо отдѣльнаго, — онѣ являются разбросанными въ разныхъ мѣстахъ произведенія, послѣдуя за изложеніемъ событій и какъ бы дополняя прозаическій разсказъ о томъ или другомъ фактѣ *). Въ такомъ видѣ мы находимъ пѣсню халхаскаго дарханъ циньвана «түмэни эхи», выписка о составленіи которой изъ лѣтописи Эрдэнийн эрихэ была уже представлена вмѣстѣ съ текстомъ самой пѣсни на стр. 77—78, и это, повторяю, самый обыкновенный способъ, въ которомъ являются у монголовъ пѣсни записанными въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Этого же способа придерживаются очевидно и наши забайкальскіе Буряты, ибо, занося въ свои лѣтописи извѣстіе о проѣздѣ по степямъ В. К. Алексѣя Александровича, они приложили къ этому разсказу и составленную по сему случаю, извѣстную намъ пѣсню. Про твореніе дарханъ циньвана говорятъ, что оно записано также и въ

*) Таково же положеніе въ литературѣ и переводныхъ стихотвореній свѣтскаго содержанія. Примѣръ сего читатели найдутъ въ нашемъ сочиненіи «Города Сѣверной Монголіи» гдѣ въ трактатѣ о монастырѣ Шара Сүмэ стр. 113—115 привели мы стихи, текстъ которыхъ взяли нами изъ лѣтописи Эрдэнийн эрихэ.

біографіи этого князя и это весьма неудивительно, потому что подобный примѣръ записыванія пѣсенъ въ біографіяхъ находимъ мы въ сказаніи объ ургинскихъ хутухтахъ, извѣстномъ подъ именемъ Чжибцун дамба хутухтуйн цѣ-цзы (стр. 13); мнѣ передавали также, что въ біографіи эфу Цэрэна (цинъ-ванъ сайнъ-ноиновскаго аймака) помѣщена пѣсня, составленная въ честь походовъ этого князя на Өлөтовъ при Цянь-лунѣ, однимъ изъ его князьихъ тѣлохранителей. Эта пѣсня начинается словами «үбүр хошұнай арудү» и въ безсвязномъ отрывкѣ, кажется повторяется въ китайскомъ историческомъ сочиненіи «Шэнь-у-цзи»^{*)}; я же записалъ ее сполна со словъ одного изъ монгольскихъ чиновниковъ, который обѣщаль мнѣ доставить и самую біографію эфу Цэрэна, но не исполнилъ своего обѣщанія. Изъ этихъ краткихъ указаній явствуетъ, что пѣсни, появляющіяся въ монгольской литературѣ, носятъ на себѣ главнымъ образомъ эпическій характеръ, хотя нельзя не сказать, что встрѣчаются между ними и произведенія чисто лирическія. По своему мѣстонахожденію тѣ и другія творенія болѣе всего свойственны сочиненіямъ историческимъ, но въ текстѣ ихъ они не имѣютъ другаго значенія какъ вставки съ цѣлью пояснить рассказъ и произвести болѣе сильное впечатлѣніе на читателей и слушателей. Въ біографіяхъ пѣсни способствуютъ выясненію достоинствъ описываемой личности: ибо если пѣсня, относящаяся до героя біографіи, была составлена кѣмъ либо постороннимъ, то она непременно содержитъ въ себѣ картинное описаніе всѣхъ подвиговъ героя; если же напротивъ сама она по своему составленію приписывается герою, то въ этомъ случаѣ служить ни чѣмъ инымъ, какъ доказательствомъ его всесторонняго, высокаго развитія. Въ поясненіе сего нужно замѣтить, что, относясь съ небрежностію и даже презрѣніемъ къ пѣснямъ народнымъ, монголы однако составленіе пѣсенъ и стихотвореній искусственныхъ считаютъ дѣломъ высокой важности и авторамъ ихъ приписывается всегда

^{*)} Шэнь-у-цзи, Цзюань III, отд. Санн. Нонн. айм. Л. 16.

большая ученость. Гдѣ должно искать основы такого высокаго мнѣнія монголовъ о поэтахъ указать положительно трудно: весьма вѣроятно, что здѣсь имѣеть свое примѣненіе тотъ общечеловѣческій законъ, по которому люди вообще дорожатъ всѣмъ тѣмъ, что у нихъ рѣдко, у монголовъ же появленіе какого либо искусственнаго стихотворенія можетъ быть названо дѣйствительно литературнымъ событіемъ, а отдѣльныхъ писателей поэтовъ, стихотворцевъ они не имѣютъ у себя во все, составляя въ этомъ совершенную противоположность съ древними классическими и современными намъ европейскими народами. Обстоятельство это въ свою очередь можетъ служить весьма естественною причиною того, что у монголовъ нѣтъ систематически собранныхъ стихотворныхъ произведеній; ибо, если бы были у нихъ писатели стихотворцы, то произведенія ихъ, безъ сомнѣнія, могли бы также образовать собою цѣлые томы и являться въ видѣ сумбумовъ, какъ мы находимъ то въ монгольской литературѣ по отношенію къ сочиненіямъ прозаическимъ. Мнѣ кажется, что всѣ оригинальныя пѣсни, монголовъ разбросаны въ различныхъ произведеніяхъ ихъ литературы по одиночкѣ именно потому, что и сами онѣ бывали чуть ли ни единственными стихотворными произведеніями ихъ авторовъ и являлись какъ плодъ случайнаго вдохновенія своихъ пѣвцевъ. Въ рукописяхъ правда иногда можно повстрѣчать сборники такихъ пѣсенъ числомъ отъ пяти до десяти, но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сборники, если только можно дать имъ такое имя, попадаютъ только у родовыхъ князей и ихъ приближенныхъ, при чемъ побудительною причиною для составленія и хранения ихъ является, вѣроятно, гораздо больше уваженіе къ личностямъ, воспѣваемымъ пѣснями и составителямъ ихъ, чѣмъ дѣйствительное сочувствіе къ самому тексту пѣсни.

Гораздо больше симпатіи замѣчается у монголовъ, по видимому, къ искусственнымъ пѣснямъ духовнаго содержанія, или же къ написаннымъ на религіозно-поучительныя темы. Образцы этого отдѣла пѣсенной литературы въ рукописяхъ можно находить въ юртѣ почти каждаго монгола, а нѣкоторые изъ нихъ

встрѣчаются даже и въ печатныхъ изданіяхъ отдѣльными брошюрами. Такова напр. пѣсня (собственно не халхаская, а блѣтская по своему происхожденію) приписываемая Цзонхавѣ, изъ которой заимствовали мы большинство примѣровъ въ своемъ трактатѣ о приемахъ стихосложенія у монголовъ и которая распѣвается постоянно на ургинскомъ рынкѣ странствующими бадарчинами (сборщики подаяній на храмы и монастыри). Поучительныя пѣсни самыя распространенныя въ народѣ. По предмету своего содержанія всѣ онѣ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно однообразны, разсматривая и разбирая однѣ и тѣже нравственныя истины, излагая правила и образцы однѣхъ и тѣхъ же добродѣтелей; но по характеру изложенія ихъ можно, пожалуй, раздѣлить на два отдѣла: во 1-хъ нравственно-увѣщательныя и во 2-хъ нравственно-описательныя. Въ первомъ случаѣ поучительныя пѣсни кромѣ отдѣльныхъ указаній видовъ добродѣтели заключаютъ въ себѣ еще и увѣщанія слѣдовать по пути ея; во второмъ — онѣ исключительно занимаются изложеніемъ свойствъ добродѣтели (преслѣдуя подробный разборъ этихъ свойствъ, выясняя частности ученія о нихъ путемъ историческихъ примѣровъ, или буддійскихъ разсказовъ) и могутъ быть названы по преимуществу произведеніями дидактическими. Лучшимъ примѣромъ сему мы находимъ пѣсню, приписываемую гэгэну Тоба, весьма распространенную въ средѣ монголовъ и въ рукописи встрѣчающуюся довольно часто, печатный же экземпляръ ея (изданъ въ курьни Бандида-ламы) мнѣ пришлось видѣть всего только одинъ разъ. Пѣсня эта будетъ представлена мною во второмъ выпускѣ этого сборника, теперь же о ней, какъ и о другихъ произведеніяхъ этого рода, слѣдуетъ сказать, что всѣ они вообще такъ сухи по своему содержанію и въ изложеніи своемъ такъ близки къ прозѣ, что едва могутъ быть названы поэтическими, стихотворными произведеніями. Разбирая истины, занимающія разумъ, онѣ уже по самому своему предмету естественно должны дышать большею или меньшею отвлеченностію; но у монголовъ эта сухая отвлеченность поддерживается еще недостаточностію кар-

тинности въ общемъ изложеніи и отдѣльныхъ словахъ, которая могла бы оживить рѣчь о предлагаемыхъ истинахъ наглядными красотами и вообще представить предметъ разсужденія поучительныхъ пѣсенъ болѣе живописно. Если и встрѣчаются нѣкоторыя изъ этихъ произведеній съ достаточнымъ количествомъ символизма и фигуральности въ короткихъ, пояснительныхъ разсказахъ, то опять таки даже и при этихъ картинахъ главный предметъ рѣчи, т. е. предлагаемыя истины, являются трудными для усвоенія оттого что эти разсказы, служащіе къ уясненію различныхъ видовъ и частей разсматриваемой истины, помѣщаются порознь, отрывками и, по видимому, совершенно безъ всякой логической связи. Наконецъ о пѣсняхъ этого рода нельзя не сказать и того, что онѣ всегда бывають чрезвычайно обширны по своему объему и умолительны по продолжительности, такъ что едва ли не одна только всецѣло преданная буддизму натура монгола способна безъ тягости и, пожалуй, даже съ наслажденіемъ слушать это сухое изложеніе отвлеченныхъ и избыточныхъ нравственныхъ истинъ.

Такимъ образомъ и въ разсмотрѣніи литературныхъ монгольскихъ пѣсенъ мы встрѣчаемся съ тою же склонностью монголовъ размышлять объ отвлеченностяхъ и удаляться отъ дѣйствительной жизни, которую замѣчали и въ пѣсняхъ народныхъ. Поразительное меньшинство литературныхъ пѣсенъ съ свѣтскимъ содержаніемъ предъ тѣми, которые заключаютъ въ себѣ различные трактаты о религіозныхъ и нравственныхъ истинахъ, служить лучшимъ тому доказательствомъ, хотя пожалуй и не единственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая памятники оригинальныхъ монгольскихъ историческихъ сочиненій, мы можемъ думать, что въ болѣе отдаленныя отъ насъ эпохи, когда буддизмъ еще не такъ сильно развился въ Монголіи и не овладѣлъ еще всецѣло умами ея обитателей, желаніе сохранить свою старину съ одной стороны и развитіе письменности съ другой побуждали монголовъ включать въ свою литературу какъ народныя пѣсни такъ и другія стихотворенія старины. Съ развитіемъ буддизма

это желаніе очевидно мало по малу угасало, такъ что современная литература этихъ пѣсень и стихотвореній уже не знаетъ во все и вотъ почему главнымъ образомъ должны были мы сказать, что монголы не хранятъ въ своей письменности образцевъ своей древней поэзіи, считая ихъ, по видимому, недостойными вниманія. Это же самое наблюденіе далѣе побудило насъ признать представляемые Габеленцомъ примѣры изъ Сананъ Сэцэнной лѣтописи не образцами древняго эпоса монголовъ, какими онъ считалъ ихъ *), а жалкими отрывками когда то цѣльныхъ и, можетъ быть обширныхъ твореній, которые нынѣ безъ сомнѣнія уже совершенно для насъ потеряны, благодаря своеобразному вліянію буддизма на умы монголовъ и развившейся у нихъ педантичности. Въ настоящее время, когда есть у насъ большее количество древнихъ историческихъ сочиненій (которые, какъ было сказано выше, составляютъ главную литературную сокровищницу пѣсень и стихотвореній монголовъ), мы можемъ утверждать свое мнѣніе еще болѣе положительно; ибо имѣемъ средства прослѣдить по результатамъ эту постепенно мертвящую всякій порывъ къ дѣйствительной жизни силу буддизма. Возьмемъ для примѣра древнее стихотвореніе, влагаемое историческими легендами монголовъ въ уста Дай-Сэцэна при встрѣчѣ его съ Йэсугэй-багатуромъ, идущимъ прискивать невѣсту своему сыну. Въ древнѣйшемъ историческомъ памятникѣ — Юань-чао (1242 г.) оно состоитъ изъ 14 стиховъ (см. прим. на стр. 320); въ текстѣ Алтанъ тобчи (1604 г.) ихъ уже сохранилось только 8 **), а Сананъ Сэцэнъ (1662 г.) едва удерживаетъ у себя 4 ***); тоже самое постепенное сокращеніе можно замѣчать и въ отношеніи другихъ стихотвореній. Замѣ-

*) Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. K. I S. 20.

**) Алт. Тобчи стр. 10—124. Галсанъ Гамбоевъ раздѣлилъ въ своемъ переводѣ это стихотвореніе на семь стиховъ, но это не вѣрно и при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи текста дѣлается очевиднымъ, что его ошибка произошла отъ составленія изъ двухъ первыхъ стиховъ — одного; слѣдуетъ читать: гоа ѳкид-йэн || касакъ тэргэн-дур сагулгачжу т. е. прекрасныхъ своихъ дѣвицъ || посадивъ въ одноколку.

***) Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen. Absch. 4; 363.

тимъ при этомъ, что новѣйшія историческія сочиненія монголовъ каковы отысканныя мною Эрдэнийн эрихэ перваго и втораго изданія, Алтанъ Тобчи, Хөхө дэбтэр, Шарà тучжи во все не знаютъ этихъ стихотвореній и тѣмъ вполне подтверждаютъ нашу мысль, что монголы въ настоящее время совершенно не заботятся о храненіи образцовъ своей древней поэзіи. Такимъ образомъ дѣлается само собою ясно, что мы не имѣемъ въ литературѣ монголовъ ни одного цѣльнаго памятника ихъ древняго эпоса, съ мало же содержательными и связными отрывками эпическихъ твореній можемъ ознакомиться болѣе полно только чрезъ посредство немногихъ древнѣйшихъ историческихъ произведеній, да и то не монгольскихъ, а собственно монголо-китайскихъ.

Запись другихъ такихъ же краткихъ стихотвореній и пѣсенъ древности, по характеру содержанія болѣе всего подходящихъ къ отдѣлу лирическихъ, можемъ мы предположить съ небольшою достовѣрностію хотя бы то на основаніи единственнаго извѣстнаго намъ стихотворнаго сказанія о Чингисъ-ханѣ, которое носитъ у монголовъ названіе «Чингис богдà-йн йисун үрлүгүт-тү үнүчин хубэгүнү цэцэлэхсэн шастир» *). Разборъ этого произведенія приводитъ насъ къ положительному заключенію, что оно представляетъ собою сочетаніе нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ въ единое цѣлое; сочетаніе позднѣйшее, имѣвшее цѣлью изъ различныхъ, простыхъ и безыскусственныхъ взглядовъ народа на предметъ составить дидактическое разсужденіе о немъ и такимъ образомъ представляетъ попытку монголовъ ближайшей къ намъ эпохи удержать въ своей памяти слова и разсужденія древнихъ, удовлетворяя въ тоже время и личному педантичному направленію своего духа. Сказаніе это еще и до нынѣ распѣвается иногда на пирушкахъ монгольскихъ князей, но его языкъ и обороты рѣчи свидѣтельствуютъ объ его древности, различный же размѣръ стиха въ отдѣльныхъ частяхъ произведенія яснѣе всего под-

*) Произведеніе это въ текстѣ и переводѣ войдетъ въ содержаніе втораго выпуска.

тврждаетъ справедливость нашего предположенія относительно его происхожденія.

Что касается втораго отдѣла литературныхъ пѣсенныхъ стихотвореній, именно стихотвореній переводныхъ съ тибетскаго, то они по происхожденію своему принадлежатъ какъ тибетскимъ, такъ, кажется, и еще больше монгольскимъ авторамъ; потому что монгольскіе ламы въ послѣднее время иначе и вообще-то не пишутъ своихъ сочиненій, какъ излагая ихъ первоначально по тибетски, а потомъ уже, и только по мѣрѣ надобности, переводятъ ихъ на монгольскій языкъ. Содержаніе этихъ стихотвореній исключительно религіозное и относится по преимуществу до нравственно-практическаго ученія буддизма. Такимъ образомъ здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ хвалебныя пѣсни различнымъ божествамъ и святынямъ буддизма, молитвенныя обращенія къ нимъ, просьбы и заклинанія разнаго рода и на всѣ возможные случаи житейскихъ невзгодъ. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ не маловажную роль играютъ и уцѣлѣвшія въ народѣ шаманскія вѣрованія: заклинательныя молитвы и другія обрядовыя пѣсни, не находящія для себя мѣста въ официальныхъ, ламскихъ изданіяхъ, живутъ въ памяти народа именно въ видѣ этихъ стихотвореній. Наконецъ, кромѣ этихъ произведеній, руководящихъ человѣка въ отношеніяхъ его къ божеству, въ такой же стихотворной формѣ представляются и памятники отношеній божества къ людямъ: такъ являются прежде всего пророческія вѣщанія будды и его святителей къ народу; за сямъ еще большее число стихотвореній этого рода содержитъ въ себѣ наставленія, предлагаемыя какъ со стороны святыхъ и «нашедшихъ премудрость» ламъ, хутухтъ и хубилгановъ, такъ и отъ лица различныхъ, одаренныхъ верховною силою звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и наконецъ разнаго рода мифическихъ животныхъ, въ существованіе которыхъ вѣрятъ монголы. Всѣ эти стихотворенія вращаются въ народѣ отдѣльными небольшими брошюрами какъ въ рукописныхъ, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ, собранные же въ одно цѣлое эти краткія творенія составятъ со-

бою едва ли не большую массу, чѣмъ вся монгольская литература, которая была издана въ Пекинѣ и которая какъ у насъ такъ и у монголовъ по преимуществу и разумѣется подѣ именемъ монгольской литературы. Обращаясь къ составу этой послѣдней мы находимъ, что и въ ней запасъ пѣсенныхъ и стихотворныхъ произведеній весьма значителенъ. Почти всѣ богослужебныя и обрядовыя пѣснопѣнія при переводѣ съ тибетскаго были переложены у монголовъ на ихъ языкъ также стихами и потому кромѣ отдѣльныхъ частныхъ молитвъ, изложенныхъ въ стихотворной формѣ духовныхъ пѣсенъ и изданныхъ въ Пекинѣ отдѣльными брошурами, мы встрѣчаемъ въ стихахъ же цѣлые томы буддѣйскихъ служебниковъ и обрядниковъ, принятыхъ ламами какъ руководство при совершеніи различныхъ религіозныхъ требъ (конечно въ тѣхъ только мѣстахъ гдѣ богослуженіе совершается не на тибетскомъ, а на монгольскомъ языкѣ). Такъ называемые рапсалы, составляющіе обыкновенно первую часть буддѣйскихъ молитвенниковъ, всѣ безъ исключенія изложены стихами. По содержанию своему эти духовные гимны въ честь буддъ могутъ быть раздѣлены, да и дѣлятся монголами, на четыре отдѣла: первый изъ нихъ носитъ названіе «Бурхан-ну макталъ»; въ гимнахъ этого рода среди пышныхъ похвалъ, возсылаемыхъ буддамъ, находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу существъ; второй отдѣлъ рапсаловъ, именующійся по тибетски «Харанъгу», а по монгольски «үбэрүн аман-ну бисылгал» есть собственно исповѣданіе вѣры молящагося; третій — заключаетъ въ себѣ молебны и просьбы, обращенныя къ буддамъ и называется по монгольски именно этимъ именемъ — «цалбариль»; наконецъ четвертый — «йороль» содержитъ въ себѣ благочестивыя пожеланія достиженія святости и духовнаго блага на будущее время не только въ этой жизни, но, согласно ученію буддизма о метампсихозѣ, и въ будущихъ перерожденіяхъ. Кромѣ этихъ цѣлыхъ, объемистыхъ томовъ съ духовными пѣснями отдѣльныя стихотворенія встрѣчаются еще разбросанными по частямъ въ различныхъ переводныхъ сочиненіяхъ, особливо же испещрены ими біографіи,

въ которыхъ обыкновенно не только каждая глава заключается стихотвореніемъ, но иногда и къ описаніямъ отдѣльныхъ событій прилагаются тексты стиховъ и пѣсень, воспѣтыхъ въ честь описываемаго героя, или событія современниками его, или же позднѣйшими авторами. Не менѣе рѣдко монгольскіе составители книгъ и переводчики имѣли обыкновеніе прилагать также и свои стихотворенія въ концѣ издаваемыхъ ими сочиненій и переводовъ. Содержаніе этихъ стихотвореній по большей части составляетъ похвала издаваемой книгѣ, источникамъ, на основаніи которыхъ она составлена, авторамъ, написавшимъ эти источники и т. п., за симъ здѣсь же излагаются и обстоятельства перевода или составленія книги, время и мѣсто ея написанія и пр. Представлять здѣсь образцы на всѣ указанные отдѣлы монгольскихъ литературныхъ стихотвореній я не считаю нужнымъ; потому что, не нося въ своемъ содержаніи никакихъ чертъ народнаго быта, произведенія эти, по моему мнѣнію, имѣютъ единственное и исключительное значеніе для ознакомленія съ языкомъ монголовъ. Правда, что религіозныя и обрядовыя пѣсни, взятыя въ общемъ своемъ составѣ, могутъ уяснить своимъ содержаніемъ весьма многое какъ въ изученіи буддизма у монголовъ, такъ и въ пониманіи монгольскихъ религіозныхъ вѣрованій вообще (таковы напр. пѣснопѣнія при поклоненіи огню, небу, сѣверной медвѣдицѣ, жертвоприношеніяхъ обѣ и пр.); но я не думаю чтобы можно было доставить интересъ и пользу разборомъ одного какого либо изъ этихъ произведеній и люди, знакомые съ монгольской литературою, безъ сомнѣнія, согласятся со мною, что подобный разборъ, въ силу своеобразнаго характера монгольскихъ литературныхъ произведеній, совершенно не можетъ способствовать ни къ составленію точнаго и опредѣленнаго понятія о какомъ либо отдѣлѣ литературныхъ стихотвореній, ни послужить руководствомъ для составленія подобныхъ разборовъ въ будущемъ. Основывается все это на томъ, что произведенія монгольской литературы вообще всегда писались и до нынѣ пишутся безъ всякаго плана, ни когда не соблюдали у себя и не держатся опредѣленнаго образа изложенія, а оттого въ своемъ содержаніи не только

не задаются подробнымъ и основательнымъ разсмотрѣніемъ предмета хотя съ одной какой либо стороны, но зачастую и не имѣютъ опредѣленнаго предмета рѣчи: въ похвальныхъ гимнахъ можно найти въ иномъ цѣломъ догматическое разсужденіе, въ другомъ историческій разсказъ, въ третьемъ апологію буддизма, въ четвертомъ, пожалуй, какой нибудь астрономическій, или историко-литературный трактатъ; при томъ одни изъ этихъ гимновъ излагаются въ формѣ дидактической, другіе походятъ на эпосъ, третьи являются въ видѣ идилліи; одни представляютъ чистое и плавное стихотвореніе, у другихъ стихотворная рѣчь какъ бы смѣшивается съ прозой. Само собою разумѣется, что такія поразительныя странности въ содержаніи, когда въ сочиненіи вмѣсто ожидаемой похвалы, — изліянія восторженнаго чувства читатель повстрѣчается съ отвлеченнымъ и сухимъ разсужденіемъ, не могутъ быть находимы въ каждомъ произведеніи и что эти странности могутъ быть замѣчены только при болѣе обширномъ знакомствѣ съ монгольской литературою; но смѣшеніе сочиненіями сторонъ, съ которыхъ предположено разсматривать предметъ такъ обыкновенно, что оно узнается почти при первомъ знакомствѣ съ литературою. Мы говорили на примѣръ, что свои духовныя пѣснопѣнія монголы обыкновенно дѣлаютъ на хвалебныя, просительныя и проч., но такихъ гимновъ, въ которыхъ была бы только хвала, хотя бы они названы были хвалебными, или только просьба, хотя бы они носили названіе мольбы, совершенно не встрѣчается; всѣ указанныя стороны обращенія челоуѣка къ боже-ству всегда перемѣшиваются между собою: въ макталѣ непременно попадаетея и молитва, и исповѣданіе вѣры, и йороль; въ цзалбарил'ѣ въ свою очередь появляется хвала, исповѣданіе вѣры и проч. Для образца мы представляемъ здѣсь коротенькій макталъ У-тай-шань'скимъ горамъ, составленный и изданный въ Пекинѣ отдѣльною брошурою въ 1794 году.

абурал хамук бурхад-ун
айладулгайн мун чинар

ария манцзушири-дор
ашида биширэн мүргүмүй
ом'а-ра-ба-цзан-натай

манцзушири бодотайя
магат-йэр орошихсан
манълай дэдү у-гай-шань
маши хэтүрхэй орон бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

энэ орон-на орошихчи
эрхим сүмэ шитүгэт ба
эбэсүн, модон, чилагут чу
эрхим бурхад-ун хубилган бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

дэгэдү хобитан үцэгүр-тү
дэгэдү энэ агула-ду
дэгэдү эрдэни бэр бүтүхсэн
дэгэдү ордо харши бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

ордо харшийн дотора
ори манцзушири бэр
олан нүхүт сальтэтэй
орошин бодотайя сагун бой
ом'а-ра-ба-цзан-натай

баса шибегут гүрүгэт ба
б'лама гүйлинчийн дүри бэр
байху бурхат олан бой
батуда биширэн цалбарийя
ом'а-ра-ба-цзан-натай

тэймү үчири мэдэгэт
тэнъсэл үгэй цалбарибасу
тэрэ-хү хүсэхсэн шиддиш-и
тэрэ хү даруй үрүшийхү
ом'а-ра-ба-цзан-натай

үрүшийхчи манцзушири
үргүльчжи санан цалбарибасу
үтэлэ мини хилинцэ-йги
үлил үгэй арилга
ом'а-ра-ба-цзан-натай

эртэн-үй үйлэйн эрхэ-бэр
эбэчин гамшиг тэригүтэн
элдэб цэобаланъ болбасу
архим чи бэр арилга
 ом'а-ра-ба-цзан-натай
нисванис-ун эрхэ бэр
нигүль цзүк-тор шинүхчи
нилха ойуту намайги
нигүлэсүн үрүшийъ
 ом'а-ра-ба-цзан-натай
бодонгой түйтхэри арилгагат
бурхану хутуг-и ологат
бусут хамук амитан-и
бурхан болгаху болтогай.

Переводъ.

Непрестанно благоговѣя, покланяюсь
Святителю Маньцзуширю, —
Истинной сущности мудрости
Всѣхъ спасительныхъ буддъ.
 Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Верховная, высокая У-тай-шань,
На которой въ дѣйствительности
Лично обитаетъ Маньцзушири,
Есть величественное мѣсто.
 Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Находящіяся въ этой странѣ
Величественные храмы и кумиры,
Трава, деревья и камни
Суть хубилганы верховныхъ буддъ.
 Ом'а-ра-ба-цзан-натай
На высоко счастливыхъ вершинахъ,
На этой возвышенной горѣ
Находится высокій дворецъ
Полный высокихъ драгоценностей.
 Ом'а-ра-ба-цзан-натай
Въ глубинѣ дворца
Живетъ, лично поселившись,

Молодой Манцзушири

Вмѣстѣ со множествомъ друзей.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Кромѣ того находится много буддъ,
Живущихъ подъ видомъ птицъ, звѣрей,
Ламъ и нищихъ;

Твердо уповая (на нихъ), помолимся.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Зная объ этихъ обстоятельствахъ,
Если усердно помолиться,
Они тотчасъ же благословятъ
Желанною мудростію.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если молиться, постоянно памятуя
О милосердомъ Маньцзушири,
Грубые грѣхи мои
Всесовершенно очисти.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Если, по силѣ прежнихъ дѣяній,
Случатся болѣзни, моръ и прочія
Различныя страданья,
Ты верховный очисти.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Помилосердуй и спаси меня
Младенчествующаго умою;
И силою нисваниса
Влекущагося въ сторону грѣха.

Ом'а-ра-ба-цзан-натай

Очистивъ темноту порока
И давъ возможность пріобрѣсти святости будды,
Всѣхъ другихъ существъ
Содѣлай буддами.

Изложивъ теперь вкратцѣ любимыя темы народной пѣсенной поэзіи каждаго изъ монгольскихъ племенъ и указавъ характеръ и общее содержаніе большинства стихотвореній монгольской литературы, равно какъ представивъ въ примѣрахъ и различіе въ образѣ изложенія каждымъ изъ монгольскихъ племенъ одуше-

вляющихъ его чувствованій, я закончу теперь свой обзоръ указаніемъ тѣхъ общихъ чертъ въ стихотвореніяхъ монголовъ, которыя въ большей или меньшей степени проглядываютъ въ произведеніяхъ каждаго отдѣльнаго племени и потому необходимо составляютъ характеристичныя черты монгольскихъ стихотвореній вообще.

Съ внѣшней стороны самую рѣзкую и ярко бросающуюся въ глаза особенность монгольскихъ стихотвореній составляетъ то отсутствіе простоты въ изложеніи, быстроты и свободы въ выраженіяхъ мысли и чувства, которыя составляютъ отличительныя черты пѣсенныхъ стихотвореній у другихъ народовъ и давно уже почитаются европейцами за основныя достоинства стихотвореній литературныхъ. Коренная причина этой особенности несомнѣнно лежитъ въ томъ, что большинство пѣсенъ и стихотворныхъ произведеній монголовъ не есть результатъ лирическихъ изліяній одушевленнаго какимъ либо чувствомъ пѣвца, а просто плодъ досужей фантазіи нѣкоторыхъ изъ членовъ общей народной толпы. Чуждые поэтическихъ дарованій и не одушевляемое вдохновеніемъ, такіе стихослагатели монголовъ естественно не могутъ отличаться творчествомъ и отъ того они невольно должны прилагать къ составленію стиховъ тѣ самыя правила, которыя относятся и къ произведеніямъ прозаическимъ. Въ этомъ полагаю я источникъ всей той натянутости, которая такъ или иначе проглядываетъ въ каждой пѣснѣ монгола. Яснѣе. Понятія монголовъ о популярныхъ произведеніяхъ вообще, какъ прозаическихъ такъ и стихотворныхъ, можно сказать почти совершенно противоположны нашимъ требованіямъ, по которымъ мы лучшими качествами всякаго сочиненія ставимъ его простоту ясность и живость. По понятіямъ монголовъ только то сочиненіе и достойно популярности, которое блестятъ наборомъ отвлеченныхъ буддійскихъ мыслей и мудрыхъ изрѣченій, облеченныхъ въ напыщенные фразы и высокопарныя выраженія. Естественно отсюда, что и всякая пѣсня, и всякое стихотвореніе, что бы подходить имъ къ народному вкусу и имѣть шансы на распространенность въ народѣ, должны обладать тѣми

же самыми качествами. Справедливость этого взгляда на вкус народа мнѣ кажется тѣмъ болѣе правдивою, что монгольскія пѣсни позднѣйшаго происхожденія именно и отличаются отвлеченностію своего содержанія и надутую изысканностію своего слога. Съ другой стороны извѣстно, что народныя произведенія почти никогда не живутъ въ памяти народа въ той формѣ, въ которой они являются отъ своихъ творцевъ: они постоянно измѣняются, въ устахъ народа, пополняются и улучшаются, т. е. передѣлываются по народному вкусу (ни какой народный пѣвецъ иначе и не представляетъ сдѣланной имъ передѣлки въ старомъ какъ улучшеніемъ); но достаточно будетъ сравнить ѳлѣтскую пѣсню, представленную мною подъ № 10-мъ съ позднѣйшею редакціею ея у Халхасовъ (№ 11), или такое же исправленіе пѣсни № 31 съ болѣе старою редакціею ея подъ № 32-мъ, что бы видѣть въ чемъ состоитъ по понятіямъ монголовъ отдѣлка и обработка сочиненій. Въ исправленныхъ редакціяхъ мы видимъ обыкновенно большую сжатость изложенія, болѣе громкія фразы, большую высокопарность. Необходимо предположить слѣдовательно, что въ этомъ то и представляютъ современные монголы достоинство своихъ твореній и оказывается въ самомъ дѣлѣ, что изъ желанія придать сказанныя достоинства своимъ пѣснямъ они жертвуютъ и гармоніею ихъ стиха, и плавностію ихъ рѣчи, и вѣрностію выраженной въ нихъ мысли и даже, пожалуй, самымъ смысломъ; однимъ словомъ презираютъ все ради того, чтобы блеснуть звучною фразой. Затѣйливая чопорность въ оборотахъ рѣчи, по понятіямъ монголовъ, во первыхъ есть вѣрное ручательство за ученость пѣвца, а во вторыхъ она приводитъ простое народное твореніе къ сходству съ сочиненіями буддійскими. Я уже неоднократно повторялъ, что эти послѣднія сочиненія поставляются монголами за идеалъ литературныхъ произведеній: подражать имъ въ формѣ изложенія, заимствовать изъ нихъ, хотя бы то совершенно безъ нужды и въ ущербъ ясности рѣчи, цѣлыя выраженія и даже отдѣльныя слова, значить, по понятіямъ монголовъ, придать лоскъ рѣчи; отсюда представляется весьма естественнымъ наплывъ въ народныя пѣсни

буддйскихъ терминовъ и отдѣльныхъ иностранныхъ выраженій, встрѣчающихся въ монгольской литературѣ по займствованію съ языковъ индійскаго и тибетскаго. Разсматривая на сколько и какимъ образомъ входятъ эти иностранные элементы монгольской рѣчи въ языкъ стихотвореній и народныхъ пѣсенъ, нельзя не замѣтить, что индійскій элементъ есть болѣе слабый. Цѣльныхъ индійскихъ фразъ, если только исключить тарни (дарани), попадающіяся въ стихотвореніяхъ литературныхъ, а также и въ приближающихся къ нимъ религіозно обрядовыхъ пѣсняхъ, въ монгольскихъ стихахъ не встрѣчается вовсе, — попадаютъ только отдѣльныя индійскія слова. По своему значенію эти послѣднія больше всего относятся къ отдѣлу изображающихъ вѣрованія монголовъ, привнесенныя къ нимъ буддйскою мнѳологіею, а въ фонетическомъ отношеніи являются въ самомъ искаженномъ видѣ. Таковы слова: Загарвадонъ вм. литературнаго Чакраварунъ, — санскр. *Tchakra-vartti*; Галабъ — отъ санскр. *Kalpa*; Бухаръ отъ санскр. *Vihāra*; Галбаравасъ вм. литературнаго — Галбараварсъ отъ санскр. *Kalpa-vikṣa*; Очиръ вм. литературнаго Вачиръ, отъ санскр. *Vadja*; Аршанъ, литературнаго Рапшйанъ отъ санскр. *Rasāyana* и др. Тибетскій элементъ проникъ въ языкъ пѣсенъ — несравненно сильнѣе. Прежде всего здѣсь всецѣло удерживаются всѣ тѣ тибетскія слова, которыя приняты монголами въ ихъ рѣчь какъ разнаго рода научныя термины буддизма, а равно и тѣ, которыя вошли въ составъ монгольскаго языка какъ собственныя и нарицательныя имена для обозначенія духовныхъ лицъ, должностей и предметовъ; таковы, цанить, чжудъ, шанцотба, гэгсуй, дацанъ, цанъ, бумханъ, искаженное отъ бунханъ и др. Фонетически нѣкоторыя изъ тибетскихъ словъ представляются въ языкѣ народныхъ пѣсенъ, какъ и слова индійскія, значительно извращенными: такъ произносимое у монголовъ дуганъ, у бурятъ дугумъ, выговаривается правильно только у Олбовъ какъ тибет. бДу-ханъ; гүрүмъ, литературнаго гуримъ отъ тибет. — сГуримъ и др. Но неговоря объ этихъ словахъ, давно уже привившихся къ монгольской рѣчи, извѣстныхъ всякому и ставшихъ какъ бы

монгольскими, въ пѣсняхъ замѣчаются еще тибетскія слова, почти вовсе не слышащіяся въ обыкновенномъ говорѣ монголовъ и введеніемъ этихъ то словъ, по убѣжденію монголовъ, и придается красота слогу. Такъ напр. мы видѣли употребляемое въ пѣсняхъ тибетское слово Чжанакъ, хотя въ обыкновенной рѣчи монголы всегда замѣняютъ его своимъ роднымъ словомъ — хитатъ; таково же употребленіе слова банцзаль вм. майкъ или маякъ и др. Еще болѣе ярко бросается въ глаза употребленіе въ монгольскихъ народныхъ пѣсняхъ цѣлыхъ тибетскихъ выраженій, значительно затемняющихъ для простаго народа смыслъ самой рѣчи стихотвореній; таковъ напр. стихъ въ одной изъ приведенныхъ мною пѣсенъ

эцигэ баньчэнъ богдайгән
рикдунъ дакбо болху-ду

Тибетское выраженіе «Рикдунъ дакбо» кажется включено здѣсь положительно безъ нужды; оно могло быть замѣненнымъ безъ всякаго ущерба для смысла и плавности рѣчи монгольскими словами «Хан ѱцзѳртѳ» и нахожденіе его въ данномъ стихѣ именно только и возможно объяснить желаніемъ автора щегольнуть своимъ знаніемъ тибетскаго языка. Какъ результатъ этого увлеченія монгольскихъ стихотворцевъ иностранными выраженіями въ рѣчи, въ монгольскихъ пѣсняхъ является множество недостатковъ: однѣ изъ этихъ пѣсенъ носятъ темноту въ выраженіяхъ, отчего далеко не каждый монголь можетъ съ пониманіемъ читать ихъ легко и свободно; другія, имѣя у себя ясный и чистый слогъ, не имѣютъ живости красокъ, потому что предметъ описывается ими не съ природы и въ описаніяхъ его не берутся тѣ качества, которыя могутъ служить къ живѣйшему его изображенію, а напротивъ о немъ говорится въ общихъ отвлеченныхъ формахъ и притомъ о тѣхъ только сторонахъ, которыя извѣстны автору изъ книги. Наконецъ, благодаря тому-же увлеченію стихотворцевъ буддійскою книжною фразой, пѣсни монголовъ въ большинствѣ случаевъ утомительны по своему однообразію, и это

весьма естественно, такъ какъ заимствуя всякаго рода эпитеты, сравненія и картины изъ буддѣйской книги, стихотворцы необходимо ограничиваютъ массу своихъ представлений и своего лексикона; за симъ, вставляя всюду буддѣйскую фразу, они лишаютъ себя возможности говорить о каждомъ предметѣ такъ, какъ должно говорить о немъ, сообразуясь съ его свойствами. Возьмемъ для примѣра хвалебную пѣсню лошади, составленную дарханъ цинь-ван'омъ и мы увидимъ, что монгольскіе поэты о лошадяхъ говорятъ точно также какъ и о гэгэнахъ, употребляютъ тѣже самые обороты рѣчи и чуть не тѣже самыя выраженія.

Все сказанное впрочемъ относится по преимуществу къ пѣснямъ, принадлежащимъ по происхожденію къ болѣе позднѣйшему времени, или же къ подвергшимся большей передѣлкѣ и цензурѣ со стороны ламъ. Процентъ этихъ пѣсенъ въ общемъ составѣ пѣсенной монгольской литературы въ настоящее время весьма великъ, безъ сомнѣнія потому, что къ нему именно и замѣтно теперь влеченіе народныхъ симпатій; но за всѣмъ тѣмъ у каждаго изъ монгольскихъ племенъ уцѣлѣлъ еще и другой родъ народныхъ пѣсенъ, дышащихъ патриархальною простотою и изображающихъ кочевника монгола именно такимъ, какимъ онъ есть по своей природѣ. Въ пѣсняхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, въ совершенную противоположность первымъ замѣтна чрезвычайная живость и близость къ природѣ: здѣсь выступаетъ чистая, стремящаяся ко благу, любвеобильная и сострадательная душа монгола; оттого и въ изложеніи ихъ вмѣсто напыщенныхъ фразъ являются простые, но чрезвычайно ловкіе обороты, множество метафоръ, легко объясняемыхъ изъ понятій монголовъ и чрезвычайно картинно рисующихъ предметъ. Такимъ образомъ смерть, на которую монголы давно уже привыкли смотрѣть какъ на фактъ временнаго разлученія души съ настоящимъ матеріальнымъ міромъ, представляется здѣсь не иначе какъ простымъ уходомъ, — «нагхутан байзыш гэхэрэ, мордохойн яхаб»; она-временное возвращеніе духа въ отчизну изъ короткаго странствованія — жизни въ мірѣ. Харил болосон эчжи мині (№ 14). Такого рода мета-

форы придаютъ не затѣйливую но геніальную живость общему теченію рѣчи. Далѣе той-же живости способствуетъ образность выраженій: Хабутай чжиргал (распухлый, раздѣвшійся, большой). «Суда цаган шүдүтэй» (свободный, открытый, ослабленный). Въ метафорахъ, говорю я, вполне выражается затѣмъ добрая и сострадательная душа кочевника: его любовь по преимуществу сосредоточивается на беззащитномъ и слабомъ, оттого слово бага—малый равносильно въ языкѣ его пѣсни понятію—милый: Хүрхэй бага эчжи манай, (№ 15) «Ал̄я бахан нүхүр-ни», хүхэн бахань Чэбчжит-тү (№№ 54, 58) и др. Нарощеніе флексій, производящихъ имена уменительныя, съ тою же цѣлью придать рѣчи нѣжность и выразить свою любовь и расположеніе къ предмету, такъ-же обыкновенно въ пѣсняхъ монголовъ но особенно преимуществуетъ у Бурятъ, гдѣ уменшительныя встрѣчаются подъ часъ чуть ни въ каждомъ стихѣ: халтархан, харахан, хотогорхан, унцатхан, чжикчжитхен, хүхүхэн, и пр. Въ этихъ пѣсняхъ вполне открывается близость монгола къ природѣ: ему понятенъ языкъ птицъ, звѣрей и даже шумъ растений; онъ одухотворяетъ предметы неодушевленные, и смотритъ на нихъ какъ на существа живыя, придавая имъ тѣ особенности, которыя прямо отличаютъ животныхъ, (цзулцага цэцэкъ). Съ другой стороны онъ воплощаетъ отвлеченныя понятія, смотря на нихъ какъ на подчиненныя тѣмъ же законамъ и условіямъ жизни, которыми подчиненъ онъ самъ (үнүчин мӯ). Не меньше выразительности придаетъ рѣчи въ этихъ пѣсняхъ обиліе эпитетовъ, при чемъ количество это обуславливается не тѣмъ, чтобы какимъ либо избраннымъ предметамъ приписывалось множество различныхъ эпитетовъ: въ пѣсняхъ монголовъ трудно найти даже, чтобы какой либо предметъ имѣлъ три или четыре эпитета; но за то почти ни одинъ предметъ и не остается у нихъ безъ описательныхъ словъ; болѣе часто попадаются въ приложеніи къ понятію о матери слова—«бурал, хайртай»; къ солнцу—алтанъ, шара, улганъ; къ лунѣ—цаганъ, мунъхэ цаган; къ небу—хөхө, хөхө мунъхэ; къ ночи—бодонъту; къ родственникамъ и друзьямъ вообще—

хайртай; къ глазамъ—хара, алак хара, алак арънъ; къ косѣ (волосы)—хара, алда хара; все дурное и несчастное въ природѣ отъѣняется словомъ хара: хара сальхи, хара бага насун, хадун хара архи и пр. Наконецъ многое множество сравненій, подобій и символовъ, которые поэтический духъ пѣвца находитъ какъ для отдѣльныхъ предметовъ, такъ и для сложныхъ дѣйствій завершаетъ способы, при посредствѣ которыхъ придается изобразительность въ монгольскихъ пѣсняхъ. Впрочемъ къ ограниченію этого послѣдняго способа должно замѣтить, что сравненія и уподобленія извѣстны у монголовъ только положительныя, и что отрицательныя сравненія, такъ обыкновенныя въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, въ стихотвореніяхъ монголовъ не встрѣчаются вовсе.

II.

Стихотворство есть искусство изложенія внутреннихъ мыслей и чувствованій человѣка въ изящныхъ и благозвучныхъ формахъ. Эта послѣдняя особенность изысканности во внѣшней формѣ изложенія всегда была признаваема у всѣхъ народовъ необходимымъ условіемъ стихотвореній и отсюда то появилось множество разнообразныхъ способовъ стихосложенія, законы которыхъ зиждутся на индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго изъ многоразличныхъ языковъ и нарѣчій обитателей земнаго шара. У большинства изученныхъ нами народовъ отличительную черту стихотворнаго языка составляетъ его мѣрность; но трудно сказать относится ли это условіе къ стихотвореніямъ всѣхъ народовъ, или оно составляетъ принадлежность только нѣкоторыхъ. Трудно сказать это не только потому, что мы имѣемъ за собою цѣлую массу не изслѣдованнаго и не извѣстнаго, но еще болѣе потому, что и въ самой средѣ изслѣдованнаго нами находится множество стихотвореній, мѣра которыхъ такъ нечувствительна, законы которыхъ такъ беспорядочны и трудны для наблюдений и выводовъ, что мы совершенно не можемъ сказать есть ли опре-

дѣленная мѣрность и какая именно въ нѣкоторыхъ такихъ стихотвореніяхъ.

Начало стихосложенія у монголовъ, безъ сомнѣнія такъ же какъ и у другихъ извѣстныхъ намъ народовъ, относится къ глубокой древности. Древнѣйшій памятникъ монгольской литературы, который имѣемъ мы въ настоящее время и который по времени своего составленія относится къ 1242 году нашего лѣтосчисления, — Юань-чао-ми-ши уже изобилуетъ стихами; но какъ разсмотрѣніе этихъ древнихъ остатковъ творчества монголовъ, такъ и изученіе ихъ новѣйшихъ стихотвореній не даетъ намъ положительно ни какой возможности ни вывести какую либо опредѣленную метрику въ монгольскомъ стихѣ, ни установить правила, на основаніи которыхъ соединяются у монголовъ стихи отдѣльныхъ размѣровъ *). Сами монголы въ извѣстныхъ намъ грамматическихъ и риторическихъ сочиненіяхъ ихъ никогда не писали правилъ своего стихосложенія и единственную замѣтку по этому поводу нашли мы въ терминологическомъ словарѣ «Мэргэт гархуйн орон», излагающемъ вкратцѣ правила переводовъ

*) Чтобы познакомить читателей съ стихосложеніемъ монголовъ время Юань-чао-ми-ши представляемъ здѣсь образчикъ ихъ въ русской транскрипціи; копію же подлиннаго текста сего, изображенную китайскими иероглифами, мы представимъ въ приложеніяхъ къ изслѣдованіямъ о языкѣ пѣсенъ:

ха-ча-р хо-а о-ки-ди
 ха-хань бэ-лу-к-са-на та-но
 ха-са-к тѣ-р-гэнь—ту-р у-но-у-л-чжоу
 ха-ра бу-у-ра ко-л-гэ-чжоу
 ха-та-ра-у-л-чжоу от-чоу
 ха-тунь са-у-ринь ту-р
 хан-ту са-у-лу-му.
 ба у-лус и-р-гэнь у-лу тѣ-мѣ-чэ-т
 ба онъ-гэ са-и-т о-ки-ди-ень о-р-гэ-чжоу
 о-л-чжи-гэ тай тѣ-р-гэнь-ту-р у-но-у-л-чжоу
 о-лэ бу-у-ра ко-л-гэ-чжоу
 э-у-с-кэ-чжоу от-чоу
 унь-ду-р са-у-ринь ту-р
 о-рѣ-э-лѣ-э-тѣ-т са-у-л-хуй ба

прочихъ случаяхъ они требуютъ исполненія принятаго обычая приѣмовать стихи, т. е. согласовать въ звукахъ ихъ начальные слоги *). Впрочемъ, основываясь на этомъ правилѣ, было бы весьма ошибочно думать, что именно такъ не сложны и вообще стихотворные приѣмы монголовъ въ ихъ литературѣ. Я говорилъ уже, что литература монголовъ постоянно бывала заимствованною отъ Тибетцевъ и Китайцевъ и что въ большей или меньшей степени она продолжаетъ быть таковою же и до настоящаго времени. При томъ уваженіи монголовъ къ буквѣ, которое существуетъ у нихъ, какъ и вообще у всякаго малоразвитаго народа, естественно предположить, что въ своихъ переводныхъ сочиненіяхъ они сполна приняли въ свою литературу законы стихосложенія тѣхъ языковъ, съ которыхъ они переводили. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ и въ этомъ то коренится основная причина развитія многочисленныхъ приѣмовъ монгольскаго стихосложенія. Развитие этихъ приѣмовъ и усвоеніе ихъ въ монгольской литературѣ совершалось конечно послѣдовательно и первоначально они введены были можетъ быть даже противъ желанія и обычая ламъ, иначе по крайней мѣрѣ трудно объяснить причину, по которой коммисія переводчиковъ Даньчжура при Цянь-лунѣ сочла своимъ долгомъ рекомендовать дословность переводовъ и возможно полное соблюденіе всѣхъ отгѣнковъ изложенія. Такъ вѣроятно было по первоначалу; но впоследствии монгольскіе ламы, отчасти потому что образецъ всего прекраснаго видѣли они въ Тибетѣ, а отчасти, можетъ быть, и потому что постоянно занимаясь изученіемъ тибетскаго языка уже и сроднились съ особенностями чуждой народу тибетской рѣчи, перенесли и въ свой народный языкъ способности стихосложенія тибетскаго. Такимъ образомъ законы тибетскаго стихосложенія начали фигурировать и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя по своему происхожденію всецѣло принадлежать Монголіи и монголамъ. Но, оставляя пока въ сторонѣ эти сложные приѣмы стихосложенія, относящагося все таки исклю-

*) Мэргэт. гархуйн орон. л. 21.

чительно до литературы, мы займемся прежде всего подробнымъ разсмотрѣніемъ образцевъ народнаго стихосложенія. Въ произведеніяхъ, принадлежащихъ къ этому отдѣлу, сохраняются слѣдующіе приемы:

а) Все стихотвореніе раздѣляется на отдѣльные стихи (бадакъ), первыя слова которыхъ согласуются между собою единозвучіемъ ихъ начальныхъ слоговъ. Напримѣръ:

а) изъ халхаскихъ пѣсень:

ᠠᠭᠠᠷᠠᠰᠠ ᠲᠤᠭᠣᠷᠪᠢᠯ ᠶᠦᠭᠡᠢ ᠠᠭᠠᠷᠠᠰᠠ	тогѳрбил үгэй агараса
ᠲᠣᠳᠤ ᠲᠤᠩᠭᠠᠯᠠᠭ ᠯᠠᠮᠠ ᠮᠢᠨᠢ	тодѳ тунгалак лама минн
ᠲᠣᠯᠢ ᠮᠡᠲᠦ ᠤᠷᠭᠤᠮᠠᠯᠢ	толи мэтү ургумали
ᠲᠣᠨᠢᠯᠭᠠᠭᠠᠵᠢ ᠠᠳᠢᠰᠯᠠ	тонилгачжи адисла

b) изъ чахарскихъ пѣсень:

ᠪᠠᠶᠢ-ᠬᠣᠷ, ᠪᠠᠶᠢ-ᠬᠣᠷ	бай-хѳр, бай-хѳр
ᠬᠡᠵᠢᠨᠢ ᠬᠣ	хэчжини хѳ
ᠪᠠᠶᠢ-ᠴᠠᠢ	бай-чай
ᠭᠣᠯᠢᠶᠢᠨ	голыйн
ᠡᠬᠢᠨᠳᠦᠨᠢ	эхиндүни
ᠪᠠᠶᠢᠳᠠᠬ	байдак
ᠤᠯᠤᠰᠦᠶᠢᠨ	улусыйн
ᠰᠠᠨᠠ-ᠨᠢ	сана-ни
ᠪᠠᠶᠢ-ᠬᠣᠷ	бай-хѳр
ᠴᠠᠮᠠᠶᠢ	чамай
ᠳᠡᠷᠢ	дэрэ
ᠪᠢᠰᠦ	бишү

с) изъ ѳлѳтскихъ пѣсень:

ᠬᠠᠳᠠᠶᠢᠨ	хадайн
ᠴᠢᠨᠢ	чинн
ᠤᠰᠤᠨ-ᠨᠢ	усун-ни
ᠬᠠᠶᠢᠯᠠᠨ	хайлан,
ᠬᠠᠶᠢᠯᠠᠨ	хайлан
ᠤᠷᠤᠰᠤᠨᠠᠶᠢ	урусунай
ᠬᠠᠨᠢᠶᠢᠨ	ханійн
ᠪᠢᠴᠢᠬᠠᠨ	бичихан
ᠴᠠᠮᠠᠳᠠᠨ	чамадан
ᠬᠠᠳᠠᠭᠠᠷᠠᠨ	хадагаран
ᠪᠡᠯᠡᠭᠡᠨ	бэлэгэн
ᠣᠭᠦᠨᠡᠵᠢ	ѳгөнэй.

d) изъ бурятскихъ пѣсень:

ᠬᠠᠳᠠᠲᠠᠶᠢᠬᠠᠨ	хадатайхан
ᠶᠡᠨᠳᠦᠷᠢ	үндүри
ᠳᠠᠪᠠᠬᠣᠶᠢ	дабахойя
ᠬᠠᠵᠠᠷᠲᠦ	хазартү
ᠮᠣᠷᠢᠨᠳᠦ	мориндү
ᠨᠠᠶᠢᠳᠠᠨᠠᠮ	найданам
ᠬᠠᠨᠢᠯᠠᠰᠠᠨ	ханиласан
ᠬᠡᠬᠦᠬᠦᠲ-ᠲᠦ	хүхүт-ту
ᠤᠰᠢᠷᠠᠬᠣᠶᠢ	уширахойя
ᠬᠠᠯᠤᠬᠤᠨ	халүхун
ᠬᠡᠬᠡᠲᠬᠢᠯᠢ-ᠳᠦ	гхэтхиль-дү
ᠨᠠᠶᠢᠳᠠᠨᠠᠮ	найданам

β) Иногда риема обнимаетъ собою не весь первый слогъ, а только входящій въ составъ его начальный согласный звукъ. Напр.:

а) изъ халхаскихъ пѣсень:

ᠬᠤᠷᠠᠴᠢᠵᠢ ᠡᠨᠢ ᠰᠤᠬᠤᠴᠢ ᠮᠠᠨᠠᠢ	хурачжи энэ сүхчи манай
ᠬᠣᠷᠮᠤᠰᠤᠲᠤ ᠲᠡᠩᠭᠢᠷᠢᠨ ᠴᠢᠵᠢᠷᠭᠠᠯ ᠪᠠᠶᠢᠨᠠ	хормуста тэнгрийн чжиргал байна
ᠬᠠᠮᠲᠦ ᠴᠤᠭᠤᠯᠠᠰᠠᠨ ᠣᠯᠨᠠᠶᠢ ᠳᠤᠨᠳᠦ	хамту цугласан олонай дунду
ᠬᠦᠷᠦᠶᠢᠨ ᠠᠶᠢᠯᠭᠤᠰ ᠪᠠᠷᠢᠨᠠ	хүрийн аилгус барина

б) изъ чахарскихъ пѣсень (йоролей):

ᠴᠢᠵᠦᠨ ᠯᠠᠩᠭᠠᠷ ᠣᠯᠶᠠᠵᠢᠵᠢ ᠪᠠᠶᠢᠭᠢ	чжүн лангар ольчжи байги
ᠴᠢᠵᠣᠪᠣᠯᠣᠨ ᠤᠭᠦᠢ ᠮᠡᠨᠳᠦ ᠶᠠᠪᠠᠭᠢ	чжоболон үгэй мэндү ябаги
ᠮᠢᠨᠶᠠᠩ ᠯᠠᠩᠭᠠᠷ ᠣᠯᠶᠠᠵᠢᠵᠢ ᠪᠠᠶᠢᠭᠢ	миньган лангар ольчжи байги
ᠮᠠᠨᠴᠦᠵᠦᠰᠢᠷᠢ ᠪᠦᠷᠬᠠᠨ ᠪᠦᠷᠬᠢᠰᠢᠭᠢ	манцзушри бурхан өршöги

в) изъ öлөтскихъ пѣсень:

ᠪᠤᠬᠠᠨ ᠰᠠᠴᠢᠵᠢᠨᠠᠶᠢ ᠭᠡᠷᠢᠯ	бухан шачжинай гэрэл
ᠪᠦᠮ ᠨᠠᠷᠠᠨ ᠮᠡᠲᠦ ᠮᠠᠨᠳᠠᠴᠢᠵᠢ	бум наран мэту мандачжи
ᠪᠣᠭᠳᠦ ᠬᠠᠨᠠᠶᠢ ᠲᠦᠷᠦᠨᠢ	богдо ханай төрö-ни
ᠪᠠᠷᠦᠨ ᠬᠠᠳᠤ ᠮᠡᠲᠦ ᠪᠠᠲᠤᠳᠠᠴᠢᠵᠢ	барун хадà мэту батудачжи

д) изъ бурятскихъ пѣсень:

ᠬᠠᠬᠠᠷᠠᠯᠬᠠᠨ-ᠨᠠ ᠤᠨᠤᠴᠢᠵᠢ,	гхяралхан-на унучжи,
ᠬᠠᠬᠠᠯᠡᠨᠶᠡᠭᠢᠨ ᠨᠠᠳᠤᠮ-ᠳᠤ ᠣᠰᠢᠶᠢ	гхэлэнгэйин нэдум-ду ошйя
ᠬᠠᠬᠠᠲᠢᠬᠢᠯᠢᠶᠢᠨ ᠨᠦᠬᠦᠳᠡᠨ ᠤᠵᠡᠴᠢᠵᠢ	гхэтхильийн нүхүдэн үзэчжи
ᠬᠠᠬᠠᠶᠢᠨᠢ ᠬᠠᠶᠢᠨᠢ ᠮᠡᠳᠦᠴᠢᠵᠢᠮᠢ.	гханяни гхайни мэдүчжим.

γ) Какъ гласныя буквы такъ и согласныя въ стихотвореніяхъ имѣютъ значеніе чисто звуковое и въ составленіи стиховъ монголы не обращаютъ вниманія на различіе знаковъ, употребляемыхъ въ письменности иногда для выраженія положительно однихъ и тѣхъ же звуковъ въ языкѣ, а иногда для болѣе точнаго изображенія отгѣнковъ одного и того же звука. На этомъ основаніи гласные звуки о и у и согласные к, з, ж, различаемые въ правописаніи монголовъ отдѣльными знаками для твердыхъ и мягкихъ звуковъ ихъ, въ стихотвореніяхъ принимаются безразлично; такъ что изображаемые знаками для твердыхъ гласныхъ

о и у и согласныхъ к, г, х считаются римами для таковыхъ же звуковъ мягкихъ, хотя послѣдніе и имѣютъ свое особое начертаніе. Напр.:

а) изъ халхаской пѣсни:

ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ

үдүтү шубунай дэбэлгэн-дү
үндүр юнай даба би
өбөрөн шинчжихү хүмүн-дү
орчилань юнай холд би

б) изъ чахарскихъ пѣсень:

ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ

улан янцу дурдангар
үгүльчи эсэт насайяда
уругуйн прэхэсэ өмөнө
урульйги чини унусуйя да

в) изъ öлөтской пѣсни:

ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ

утухан сүльтэй улан минн
үдэйгэн кэмэлэчжй цэмшинэй
учиртай бахан эчжй минн
улум хойно-ни санакданай.

д) изъ бурятской пѣсни:

ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ

үхэрийн олан-дү
үндүр шибэ ботхолой
үйё багайн эрхэ-дү
обд хили алхулай

или въ примѣръ безразличія мягкихъ и твердыхъ согласныхъ:

а) изъ халхаской пѣсни:

ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ
ᠮᠣᠨᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ ᠬᠤᠨᠠᠨᠢ

гурбун цагыйги мэдэхчи
гурбун улан нюдүтэй
гүбчин шумнусыйги дарухчи
гэгэн цаган сойдтой.

b) изъ чахарскихъ пѣсень (йоролей):

ᠬᠡᠷᠢᠭᠡ ᠭᠠᠴᠢᠵᠢᠷ ᠴᠠᠢ ᠠᠷᠪᠢᠨᠲᠠᠢ	хүрᠡ гачжир чай арбинтай
ᠬᠡᠳᠦ ᠭᠠᠴᠢᠵᠢᠷ ᠮᠠᠯ ᠠᠷᠪᠢᠨᠲᠠᠢ	хүдᠦ гачжир мал арбинтай
ᠬᠠ ᠶᠠᠪᠤᠪᠠᠴᠢᠭᠢ ᠬᠢᠶ ᠮᠣᠷᠢᠲᠠᠢ	ха ябубачиги хий моритай
ᠬᠡᠰᠡᠰᠡᠨ ᠰᠠᠨᠠ ᠴᠢᠨᠢ ᠭᠦᠢᠴᠡᠲᠦᠭᠡᠢ	хүсэсэн сана чини гүйцэтүгэй

c) изъ өлөтскихъ пѣсень:

ᠭᠠᠷᠭᠢᠯᠳᠠᠰᠠᠨ ᠠᠬᠲᠠ ᠨᠢ	гаргылдасан актá-ни
ᠭᠠᠴᠵᠠᠷᠠᠨ ᠰᠠᠨᠠᠰᠠᠨ ᠪᠢ	гацзаран санасан би
ᠭᠠᠯᠡᠷᠠᠯᠳᠤᠰᠠᠨ ᠬᠠᠨᠠᠷ ᠨᠢ	галурулдусан канар-ни
ᠭᠡᠭᠡᠮᠰᠡᠬᠡ ᠲᠠᠨᠢᠶᠢᠭᠠᠨ ᠰᠠᠨᠠᠰᠠᠨ ᠪᠢ	гэгэмсэк таныйган санасан би

d) изъ бурятскихъ пѣсень:

ᠭᠦᠯᠯᠢᠶᠢᠨ ᠮᠣᠳᠦ ᠬᠡᠳᠦᠯᠭᠡᠬᠢᠰᠢ	гүлшійн модò хүдүлгэхши
ᠬᠡᠬᠦ ᠰᠤᠪᠤᠨ ᠭᠡᠯᠡᠢ-ᠯᠡ	хүхᠦ шубун гэлэй-лэ
ᠬᠡᠮᠤᠨ ᠵᠢᠨ-ᠢ ᠬᠡᠳᠦᠯᠭᠡᠬᠢᠰᠢ	хүмүн збн-и хүдүлгэхши
ᠬᠠᠳᠤᠨ ᠬᠠᠷᠠ ᠠᠷᠬᠢ ᠪᠢ.	хадун харá архи би.

Вообще народныя пѣсни всецѣло основываютъ свои приемы на законахъ произношенія словъ и совершенно не имѣютъ въ виду того выговора ихъ, который навязываетъ монгольской рѣчи литературное правописание. На этомъ основаніи въ народныхъ стихотвореніяхъ можно встрѣтить на ряду съ словами, начинающимися съ короткой гласной, слова, начинающіяся съ долгой, которыя, какъ можетъ казаться по внѣшнему виду начертанія и всецѣлому произношенію ихъ, не имѣютъ ни какого сходства и созвучія между собою: приема получится только тогда, когда слово будетъ произнесено согласно живому выговору въ языкѣ народа. Это замѣчаніе распространяется не на одни только слова, начинающіяся съ долгихъ гласныхъ, но одинаково относится и ко всѣмъ тѣмъ, которые начинаясь короткими гласными звуками, измѣняютъ ихъ литературное произношеніе по законамъ ассими-

с) изъ ѳлѳтскихъ пѳсенъ:

ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳндѳр ѳлаин оргил дѳгурѳсѳ
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳлѳн цасу бударат
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳбуль-дѳн кѳйтѳн болху гѳм-манн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳсѳсѳн дулѳхан нутук-тѳн хари- най бн.

d) изъ бурятскихъ пѳсенъ:

ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	улѳн шарѳ нѳран нн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	окторгѳй-ду туяраᠲ
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳчжим дѳлѳнѳтѳй бурхан-дѳн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	олѳн цзула барийѳ

Какъ примѳръ рнѳмованнѳ короткихъ гласныхъ согласно про-
нзошеннѳ ихъ въ живѳмъ языкѳ народа, а не изображеннѳ въ
пнсьменности, можно указать на слѳдующнѳ образцы:

a) изъ халхаскихъ пѳсенъ:

ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳбѳтбѳчнги цзѳбоху ѳгѳй
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳхѳнѳ гѳчжн гѳмшнху ѳгѳй
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳнѳн сѳтхнлн барнхчн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	унѳрѳ сѳйхан чжнргалтѳй бн

b) изъ чахарскихъ пѳсенъ (ѳролей):

ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳдѳр бѳгѳдѳ олчжн бѳйгн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳбѳчнн хѳчнн угѳй мѳндѳ ѳбагн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	олѳсѳн дѳрѳсѳ нн олчжн бѳйгн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	олѳн дѳшѳн мѳндачжн бѳйгн.

с) изъ бурятскихъ пѳсенъ:

ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳндѳр эзѳн хѳнѳгха
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳнѳхѳр зарлнк хѳлѳчжн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳнѳнтѳ орон-нн бѳтѳгхѳн
ᠮᠣᠩᠳᠣᠷ᠎ᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨ	ѳбѳгѳн хѳмбѳ ламахѳй.

Наконецъ риѣмованіе иностранныхъ словъ не по письменному ихъ произношенію, а по выговору народа, видимъ въ слѣдующей строфѣ бурятской пѣсни:

ᠣᠷᠢᠶ᠎ᠠ ᠭᠣᠰᠤ ᠬᠠᠷᠠᠬᠤ-ᠳᠤ ᠮᠢᠨᠢ	оройгосо хараху-ду мині
ᠣᠰᠢᠷ ᠬᠣᠨᠬᠤᠳᠠᠢ ᠳᠦᠷᠢᠲᠡᠢ	ошир хонххдйн дүритэй
ᠤᠯᠠᠮ ᠪᠢᠷᠠ ᠨᠢ ᠢᠷᠬᠤᠰᠤ ᠳᠦ ᠮᠢᠨᠢ	улам ойра ни ирэху дү мині
ᠤᠯᠠᠨ ᠬᠦᠵᠢᠵᠢᠨ ᠶᠨᠦᠷ-ᠲᠡᠢ.	улан хүчжйн үнүр-тэй.

или еще — примѣръ, взятый мною изъ халхаскаго народнаго стихотворенія, носящаго названіе «Орчилань-эцэ уйтху нэрэту сургал»:

ᠴᠢᠵᠠᠭᠠᠷᠪᠠᠳᠣᠨ ᠬᠠᠨ ᠢᠷᠡᠮᠦᠢ	цзагарвадн хан ирэмүй
ᠴᠢᠮᠪᠦᠳᠢᠪᠢ ᠡᠵᠢᠵᠡᠯᠡᠲ	цзамбутиби эцэлэт
ᠴᠢᠪᠣᠳᠣᠯᠦᠭᠢᠢ ᠨᠢ ᠠᠷᠢᠯᠭᠠᠮᠦᠢ.	цвоболонгый ни арилгамуй.

Такъ какъ всѣ племена, говоряція различными нарѣчіями монгольскаго языка, составляютъ свои стихотворенія по этому общему закону — основывать риѣму на созвучіи словъ въ произношеніи народа, то еще большее уклоненіе отъ литературной правильности правописанія и произношенія словъ, составляющихъ риѣму, замѣчается въ народныхъ стихотвореніяхъ отдѣльныхъ монгольскихъ племенъ. Хоринскіе Бурята напр., по особенноти своего нарѣчія, произносятъ монгольскій звукъ *и* какъ *с* и *ч* какъ *ш*; на этомъ основаніи и въ стихотвореніяхъ ихъ слова, начинающіяся съ звука *и*, служатъ риѣмою къ словамъ, начинающимся съ *с* и имѣющія въ началѣ согласную *ч* принимаются за однозвучныя съ начинающимися звукомъ — *ш*. Напр.:

ᠰᠡᠷᠢᠶ᠎ᠠᠢ ᠳᠤᠨᠳᠤ ᠣᠷᠬᠤᠰᠤ ᠳᠤ ᠶᠠᠮᠠᠷ ᠪᠢ	сэрюнэй үдүр мордочжи
ᠰᠡᠷᠢᠶ᠎ᠠᠢ ᠳᠤᠨᠳᠤ ᠣᠷᠬᠤᠰᠤ ᠳᠤ ᠶᠠᠮᠠᠷ ᠪᠢ	«сэригыйн дунду ороху ду ямар би
ᠰᠡᠷᠢᠶ᠎ᠠᠢ ᠳᠤᠨᠳᠤ ᠣᠷᠬᠤᠰᠤ ᠳᠤ ᠶᠠᠮᠠᠷ ᠪᠢ	сэрюхэн сайхан сэчжирэрэ
ᠰᠡᠳᠦᠷ ᠨᠣᠮ-ᠳᠤ ᠰᠦᠳᠦᠬᠤᠰᠤ ᠳᠤ ᠶᠠᠮᠠᠷ ᠪᠢ	судур ном-ду шүтүху дү ямар би

Какъ образецъ второй особенности языка, по которой звукъ является гармонирующимъ и представляемъ слѣдующую строфу:

ᠮᠠᠷᠠᠨᠠᠭᠤ ᠪᠤᠯᠤᠭᠠᠢ ᠡᠬᠢᠨᠳᠦ
ᠰᠢᠨᠴᠢᠵᠢᠯᠡᠨ ᠪᠠᠶᠢᠴᠢᠵᠢ ᠪᠦᠳᠦᠭᠡᠰᠢᠨ
ᠰᠢᠭᠡᠮᠦᠨᠢᠶᠢᠨ ᠳᠦᠷᠢᠯᠡ

шарà булугай эхин-дү
шанар сайту дасанг би
шинчжилэн байчжи бүтэсэн
шигэмүнийн дүри лэ

Отъ разсмотрѣнія состава рѣомъ монгольскихъ народныхъ стихотвореній перейдемъ теперь къ способамъ расположенія ихъ въ строфахъ. Въ представленныхъ примѣрахъ мы уже могли наблюдать эти способы хотя и не въ достаточной полнотѣ и ясности; а потому скажемъ, что монгольскіе стихотворцы любятъ рѣомовать и по большей части рѣомуютъ цѣлыя строфы въ своихъ стихотвореніяхъ однимъ начальнымъ звукомъ, — этотъ, самый обыкновенный способъ расположенія рѣомъ болѣе всего и видѣли мы въ представленныхъ примѣрахъ. Кроме же сего рѣомы чередуются иногда въ различныхъ порядкахъ, а именно:

а) соединяютъ въ строфѣ непосредственно два стиха одною буквою, и два стиха другою. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсень:

ᠭᠠᠶᠢᠬᠠᠮᠰᠢᠬᠢᠭᠲᠤ ᠪᠣᠭᠳᠣᠶᠭᠠᠨ
ᠭᠠᠬᠤᠴᠠ ᠶᠡᠨᠡᠨ ᠰᠡᠲᠬᠢᠯᠡᠷ
ᠰᠠᠯᠠᠯᠲᠠ ᠶᠦᠭᠡᠢ ᠳᠠᠭᠠᠮᠨᠠᠶᠢ
ᠰᠠᠨᠠ ᠠᠮᠦᠷ ᠴᠢᠵᠢᠷᠭᠠᠶᠢᠶᠠ

гайхамшикту богдойган
гахца үнэн сэтхилэр
салалта үгэй дагамнай
санā амур чжиргайя

изъ чахарскихъ пѣсень:

ᠪᠣᠭᠳᠣᠶᠢᠨ ᠣᠷᠢᠨᠳᠦ ᠶᠡᠯᠵᠢᠵᠢᠨᠠ ᠭᠡᠴᠢᠵᠢ
ᠪᠠᠶᠢᠨ ᠶᠦ᠋ᠷᠦᠯᠲᠦᠶᠢ
ᠠᠯᠤᠰᠤ ᠨᠤᠲᠤᠭᠤᠨᠠᠶᠢ ᠪᠣᠯᠪᠠᠴᠢᠭᠢᠭᠢ
ᠠᠨᠭᠠᠬᠠᠶᠢᠨ ᠶᠦ᠋ᠷᠦᠯᠲᠦᠶᠢ

богдойн орон-дү үлжинā гэчжи
байн йөрöltöй
алус нутук-тай болбачиги
ангхайн йөрöltöй

изъ ѓлѳтскихъ пѣсенъ:

ᠠᠨᠠ ᠵᠢᠨᠠ / ᠲᠠᠳᠤᠪᠠᠳᠤ	энэ цагыйн цѳб-тѳни
ᠠᠨᠠᠳᠤ ᠪᠢᠨᠠᠨ / ᠤᠯᠠᠮᠠᠷ	эйми ламар учират
ᠠᠨᠠᠳᠤ ᠵᠢᠨᠠ / ᠠᠷᠢᠯᠢᠶᠠᠵᠢ	сат зэткэр арилъчи
ᠠᠨᠠᠳᠤ / ᠮᠣᠷᠳᠣᠨ ᠮᠣᠷᠭᠣᠢᠪᠢ	сайхан тᠦндᠦ мѳргѳйᠢ

изъ бурятскихъ пѣсенъ:

ᠲᠤᠭᠤᠯᠢᠶᠢᠨ ᠠᠨᠲᠦᠭᠠᠶᠢᠮᠠ	тугулыйн анᠲᠦᠭᠠᠶᠢᠮᠠ
ᠬᠠᠯᠤᠨ ᠳᠤ	халᠤн-ду
ᠲᠦᠷᠭᠠᠶᠢᠨ ᠬᠡᠶᠰᠡᠮᠡ	тᠦргᠠᠶᠢн хэйсэмэ
ᠰᠠᠯᠬᠢᠨ-ᠳᠤ	сальхйн-ду
ᠠᠶᠢᠨ-ᠳᠠ	аин-дᠠ
ᠮᠣᠷᠳᠣᠨ ᠠᠬᠠᠶᠢᠭᠠ	мордосон ахайгᠠ
ᠠᠮᠤᠷᠬᠠᠨ ᠮᠡᠨᠳᠦᠶᠢᠭᠢ-ᠨᠢ	амурхан мэндᠦйги-ни
ᠳᠦᠯᠠᠰᠠᠶᠢ ᠪᠢ.	дᠦлᠠсᠠй би.

б) чередуютъ риѳмы перемѣшивая ихъ одна другою. Напримѣръ:

а) изъ халхаскихъ пѣсенъ:

ᠲᠤᠨᠭᠠᠯᠠᠭ ᠬᠥᠬᠦ	тунᠭᠠᠯᠠᠭ хѳхᠦ
ᠬᠣᠰᠤᠨ	охторгᠣй
ᠬᠣᠰᠤᠨ	хᠣб хᠣсун
ᠪᠠᠶᠲᠠᠯᠠ	байталᠠ
ᠲᠤᠨᠤᠮᠠᠯ	тулумᠠᠯ
ᠴᠠᠭᠠᠨ	цаган
ᠶᠦᠯᠡᠨ-ᠨᠢ	ᠶᠦлэн-ни
ᠬᠡᠨ	хэн
ᠬᠠᠨᠠᠰᠠ	ханᠠса
ᠴᠣᠭᠴᠠᠯᠠᠪᠠᠶᠢ.	цокцалабай.

б) изъ чахарскихъ пѣсенъ (йоролей):

ᠨᠠᠰᠤᠨ ᠨᠠᠰᠤᠨ-ᠳᠠᠨ	насᠤн насᠤн-дᠠн
ᠴᠢᠵᠢᠷᠠᠴᠢᠵᠢ	чжирачжᠢ
ᠶᠠᠪᠠ	яба
ᠶᠦᠷᠡ	ᠶᠦрᠡ
ᠠᠴᠢᠯᠠᠷᠠᠨ	ачилᠠран
ᠰᠠᠶᠢᠬᠠᠨ	сайхан
ᠨᠦᠴᠢᠵᠢ	нᠦчжᠢ
ᠨᠠᠷᠠᠨ	нарᠠн
ᠲᠠᠨᠶᠭᠢᠷᠢ	тᠠнᠶᠭᠢрᠢ
ᠶᠦᠷᠤᠰᠢᠭᠦᠬᠳᠡ	ᠶᠦрушᠢᠭᠦᠬᠳᠡ
ᠤᠯᠢᠶᠠᠵᠢ	ᠤльчжᠢ
ᠬᠤᠲᠦᠭ	хутᠦᠭ
ᠣᠷᠣᠰᠢᠭᠠᠶᠢ	орошигᠠй

в) изъ ѓлѳтскихъ пѣсенъ:

ᠭᠠᠲᠤᠶᠢᠨ	гатуйн
ᠴᠢᠨᠢ	чиннᠢ
ᠶᠦᠯᠡᠨ	ᠶᠦлэн
ᠰᠢᠶᠢ	снᠠй
ᠮᠠᠷᠠᠬᠤ	марᠠкᠤ
ᠪᠠ-ᠳᠠᠨ	ба-дᠠн
ᠶᠦᠵᠦᠮᠤ	ᠶᠦзᠦмᠤ
ᠮᠡᠰᠡᠭᠡ	мᠡсᠡᠭᠡ

d) изъ бурятскихъ пѣсенъ:

ᠠᠯᠠᠨ ᠵᠡᠴᠡᠭ ᠤᠷᠭᠤᠪᠠᠯᠠ	олон цэцэк ургубала
ᠳᠡᠯᠡᠬᠡᠶᠢᠨ ᠰᠢᠮᠡᠭ ᠭᠡᠳᠡᠭ ᠪᠢ	дэлэхэйн шимэк гэдэк би
ᠠᠯᠠᠨ ᠰᠡᠰᠡᠲ ᠴᠤᠭᠢᠪᠠᠯᠠ	олон сасэт цуглабала
ᠲᠦᠷᠦᠢᠨ ᠰᠢᠮᠡᠭ ᠭᠡᠳᠡᠭ ᠪᠢ	түрүйн шимэк гэдэк би

в) соединяють на ряду два средние стиха подъ одною риемою, начальному же стиху даютъ созвучіе съ конечнымъ. Напр.:

изъ халхаскихъ пѣсенъ:

ᠪᠠᠳᠮᠠ-ᠭᠠᠷᠪᠠ ᠨᠣᠶᠢᠨᠲᠠᠢ	бадма-гарва ноинтай
ᠳᠤᠪᠴᠢᠨ-ᠳᠣᠷᠴᠢᠵᠢ ᠲᠦᠰᠢᠮᠡᠯᠡᠲᠡᠢ	дубчин-дорчжи түшимэльтэй
ᠳᠠᠰᠢ ᠪᠠᠯᠴᠢᠭᠠᠪ ᠨᠦᠬᠦᠷᠲᠡᠢ	даши балчжаб нүхүртэй
ᠪᠦᠭᠦᠳᠡ ᠬᠠᠮᠲᠦ ᠴᠢᠵᠢᠷᠭᠠᠶᠢ.	бүгүдэ хамту чжиргайя.

изъ бурятскихъ пѣсенъ:

ᠴᠢᠵᠠᠬᠠᠶᠢᠨ ᠶᠨᠳᠦᠷ ᠮᠣᠳᠣᠨ-ᠳᠦ	цзахайн үндүр модон-дү
ᠨᠠᠷᠠᠨᠠᠢ ᠭᠡᠷᠡᠯᠡ ᠮᠠᠨᠳᠠᠨᠠ	наранай гэрэль мандан
ᠨᠠᠶᠢᠮᠠᠨ ᠬᠦᠯᠡᠲᠡᠢ ᠰᠢᠷᠢᠶᠢᠨ-ᠳᠦ	найман хультэй ширён-дү
ᠴᠢᠵᠤᠯᠠᠶᠢᠨ ᠭᠡᠷᠡᠯᠡ ᠪᠠᠳᠠᠷᠠᠨᠠ.	цулайн гэрэль бадаран.

Въ заключеніе трактата о риемахъ нужно замѣтить, что единственно только въ силу того, что монголы болѣе всего любятъ соединять строфы стиховъ одною буквою, можно встрѣчать у нихъ стихотворенія, написанныя по одному риему; въ большинствѣ же случаевъ стихотворенія ихъ никогда не послѣдуютъ одному какому либо принятому расположенію риемъ въ стихахъ. Иначе сказать, монгольскіе стихотворцы никогда не стѣсняются измѣнять въ своихъ стихотвореніяхъ способъ расположенія риемъ, принятый ими въ первой строфѣ: они ищутъ одну строфу по одному способу, другую по другому, третью по третьему и т. д. Вотъ для примѣра нѣсколько строфъ изъ бурятской пѣсни:

ᠨᠢᠯᠡᠮᠡ ᠭᠡᠰᠢ ᠴᠢᠭᠠᠭᠬᠡᠬᠡᠬᠢᠭᠢᠨ
 ᠬᠡᠬᠡᠯᠡᠨᠢᠭᠦᠭᠡ-ᠳᠦ᠋ᠢ᠋ᠨ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ
 ᠬᠢᠯᠢ ᠳᠠᠭᠬᠠᠨ ᠴᠢᠭᠠᠨᠭᠢᠭᠢᠨ,
 ᠬᠬᠠᠶᠢᠲᠤ ᠭᠡᠴᠢᠭᠢᠨ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ
 ᠲᠠᠷᠭᠤᠨ ᠭᠡᠰᠢ ᠴᠢᠭᠠᠭᠬᠡᠬᠡᠬᠢᠭᠢᠨ
 ᠬᠠᠷᠠ ᠳᠠᠯᠠᠶᠢ-ᠳᠤ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ
 ᠬᠠᠷᠦᠯ ᠳᠠᠭᠬᠠᠨ ᠵᠠᠨᠵᠢᠭᠢᠭᠢᠨ
 ᠲᠦᠰᠢᠮᠡᠮᠡᠯᠤ ᠭᠡᠴᠢᠭᠢᠨ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ
 ᠬᠦᠬᠢᠷᠢᠨ ᠪᠠᠶᠢᠬᠢᠰᠢ ᠬᠤᠪᠰᠢᠶᠢ-ᠭᠠᠨ
 ᠬᠦᠲᠦᠯᠢᠲᠡᠶᠢ ᠭᠡᠴᠢᠭᠢᠨ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ
 ᠬᠦᠯᠡᠨ ᠬᠦᠬᠦᠰᠢᠨ ᠨᠦᠬᠦᠳᠡᠨ
 ᠬᠦᠨᠳᠦᠲᠡᠶᠢ ᠭᠡᠴᠢᠭᠢᠨ ᠪᠣᠳᠣᠶᠢᠨ ᠶᠢᠨ

хилэмэ гэши цзагагхуйги
 гхэлэнъгэ-дүй бодойя
 хили дэгхан цзангийги,
 гхайт гэчжи бодойя
 таргун гэши загагхуйги
 хара далай-ду бодойя
 харул дэгхан занъгийги
 түшимэль гэчжи бодойя
 хүхирэн байхши хубшй-ган
 хүтүлитэй гэчжи бодойя
 хүлэн гхүхши нүхүдэн
 хундүтэй гэчжи бодойя.

Какъ видно изъ этого примѣра всѣ три строфы, рядомъ стоящія въ стихотвореніи, представляютъ собою три отдѣльные приема расположенія риомъ; въ первой строфѣ мы видимъ перемѣжающееся попарное соединеніе поэтическихъ строкъ риомами; во второй — риомы поэтическихъ строкъ представляются соединенными въ срединѣ; третья строфа имѣетъ у себя всѣ четыре стиха соединенными однимъ слогомъ. Эта непослѣдовательность не составляетъ даже и исключительнаго свойства стихотвореній народныхъ, но всецѣло имѣетъ свое мѣсто и въ литературныхъ произведеніяхъ монголовъ: наблюдать это мы можемъ въ любомъ йорблѣ, макталѣ и цалбарилѣ, написанныхъ въ стихотворной формѣ.

Пѣсни и стихотворенія монголовъ, подобно и европейскимъ произведеніямъ этого рода, дѣлятся на строфы (шүлүкь), которыя по большей части составляются изъ четырехъ отдѣльныхъ стиховъ (бадакъ). Образцы сего мы уже достаточно видѣли въ представленныхъ примѣрахъ, которые всѣ представляли собою строфы, состоящія изъ четверостишія. Впрочемъ иногда строфы заключаютъ въ себѣ и пять стиховъ, а иногда и шесть, при чемъ то и другое количество одинаково замѣчается какъ въ народныхъ

стихотворныхъ произведеніяхъ, такъ равно встрѣчается и въ ли-
тературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ. Напр.:

a) изъ народной халхаской пѣсни:

Агагунд Агагунд Агагунд ол тунд г тунд
 Агагунд ол Агагунд Агагунд тунд
 Агагундунд тунд ол тунд
 Агагунд тунд Агагунд тунд
 Агагунд ол Агагунд Агагундунд
 Агагунд тунд Агагунд тунд г

b) изъ бурятской пѣсни:

Агагундунд ол тунд тунд
 Агагундунд тунд тунд ол тундунд тунд
 Агагунд тундунд тунд тунд тунд
 Агагунд ол тунд тунд тундунд тундунд
 Агагундунд тундунд тундунд
 Агагундундунд Агагундунд тунд Агагундунд тундунд

c) изъ біографіи Цзонхавы:

тунд тундунд тундунд тундунд ол тунд тундунд тундунд
 тунд тунд ол тунд тунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд
 тунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд
 тунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд
 тунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд
 тунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд
 тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд тундунд

Болѣ шести стиховъ въ строфѣ бываетъ рѣдко и по боль-
шей части строфы такой величины встрѣчаются тогда, когда въ
стихотвореніе вводятся припѣвы, которые поставляются обык-
новенно или за шестымъ или за восьмымъ стихомъ. Въ послед-

немъ случаѣ будетъ однако едва ли не вѣрнѣе предположить, что припѣвъ повторяется черезъ двѣ строфы, или черезъ два четверостишія и не считать одну строфу состоящею изъ восьми стиховъ. Къ этому положенію приводитъ насъ съ одной стороны то соображеніе, что эти восемь стиховъ никогда не соединяются одною риемою и гармонія ихъ начальныхъ звуковъ дѣлится по большей части на два четверостишія, съ другой весьма часто можно встрѣтить, что припѣвы эти, слѣдующіе во всей пѣснѣ за восьмистишіемъ, въ началѣ или въ концѣ стихотворенія заключаютъ собою строфы, состоящія только изъ четверостишій. Въ примѣръ такихъ строкъ изъ восьми стиховъ представляемъ слѣдующую:

ᠲᠠᠵᠤᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ
 ᠲᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ
 ᠠᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ ᠠᠵᠤᠨ

Законы тибетскаго стихосложенія, усвоенные монголами и привзошедшіе въ монгольскую литературу, отличаются большею требовательностію искусства. По первоначалу они безъ сомнѣнія были гораздо болѣе трудны для монголовъ къ выполненію чѣмъ ихъ собственныя правила стихотворства, но за то они принесли съ собою болѣе изысканныя приемы, и сдѣлали рѣчь монгольскихъ литературныхъ стихотвореній гораздо болѣе витіеватою и гибкою, чѣмъ видимъ мы ее въ сочиненіяхъ прозаическихъ, или въ образцахъ народной поэзіи. Отсутствіе всякихъ изслѣдованій о законахъ тибетскаго стихосложенія не позволяетъ мнѣ ничего сказать о томъ, въ какой степени воспользовались ими монголы, т. е.

с) Подобнымъ образомъ употребляютъ попарное соединеніе одинаковыхъ словъ въ каждомъ отдѣльномъ бадакѣ; при томъ соединеніе это можетъ быть весьма разнообразно по своему положенію въ общемъ составѣ стиха: оно можетъ занимать мѣсто иногда въ началѣ, иногда въ срединѣ, а иногда и въ концѣ. Напр. въ началѣ:

ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ

ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Какъ можно замѣтить въ этомъ послѣднемъ четверостишіи кромѣ соблюденія принятаго отъ тибетцевъ приема попарнаго соединенія двухъ одинаковыхъ словъ соблюдается еще и основной приемъ монгольскаго стихосложенія рیمовать рѣчь начальнымъ звукомъ каждаго стиха. Подобное обоюдное согласованіе приемовъ тибетскаго и монгольскаго стихосложенія находимъ и въ слѣдующемъ стихѣ, гдѣ попарное сочетаніе одинаковыхъ словъ полагается въ концѣ:

ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Замѣчаются и еще особые приемы парнаго соединенія словъ, но которыми иногда во всемъ стихотвореніи отдѣльные стихи, изъ которыхъ составлены его строфы, оканчиваются одними и тѣми же словами.

Наконецъ вѣнцемъ попарнаго соединенія строфъ въ стихахъ является приѣмъ, по которому каждый стихъ строфы раздѣленный по лапамъ одинаково читается съ начала и съ конца. Напр.:

ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠪᠠᠷᠠ ᠰᠤ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠰᠤ ᠪᠠᠷᠠ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ

Приѣмъ этотъ практикуется не только по отношенію отдѣльныхъ стиховъ, но и цѣлыхъ строфъ. Яснѣе сказать, существуютъ такого рода строфы, въ которыхъ первый стихъ состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ словъ, которыя составляютъ и второй стихъ, только въ этомъ послѣднемъ они должны быть прочитаны на оборотъ. Напр.:

ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠪᠠᠷᠠ ᠰᠤ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ
ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ
ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ
ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ

Такого рода ухищренные приѣмы встрѣчаются однако въ переводахъ довольно рѣдко, безъ сомнѣнія потому что они трудны для выполненія; гораздо чаще въ переводныхъ стихахъ литературы монгольской соблюдается основной законъ монгольской риѣмы, т. е. соединеніе начальныхъ звуковъ первыхъ словъ стиха будутъ ли эти звуки гласными или согласными, какъ на это я уже указывалъ въ нѣкоторыхъ предыдущихъ примѣрахъ. Однако при внимательномъ разсмотрѣніи стихотвореній, составленныхъ по сказанному приѣму, оказываются и въ этомъ случаѣ нѣкоторыя особенности, не встрѣчаемыя въ образцахъ монгольскаго народнаго стихотворства. Такъ въ нѣкоторыхъ изъ литературныхъ стихотвореній, при соединеніи всѣхъ стиховъ одной строфы единствомъ начальной согласной въ то же время поставляютъ за правило не повторять слѣдующихъ за этою согласною гласныхъ звуковъ, но послѣдовательно измѣнять ихъ въ каждомъ стихѣ строфы, Напр.:

ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ
ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠠᠮᠤᠮᠤᠨᠢ

ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Риѣма этой строфы составляется согласнымъ звукомъ «т» единымъ для начала каждаго стиха, но, какъ сказано уже выше, стихотворецъ задался цѣлюю разнообразить соединяющіеся съ этимъ — *t* гласные звуки, оттого начальный слогъ въ первомъ стихѣ этой строфы его стихотворенія есть *tэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ти* въ четвертомъ — *то*. Послѣдовательность гласныхъ при выполнении этого риѣма бываетъ весьма разнообразна, и опредѣленнаго азбучнаго порядка ихъ, стихотворцы не держатся, кажется, никогда; что же касается положенія слоговъ, составляющихъ такого рода риѣму, то его можно встрѣчать въ различныхъ стихотвореніяхъ какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стиховъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ стихахъ по большей части соблюдается въ началѣ монгольской законъ стихосложенія, основывающійся на единозвучіи начальныхъ слоговъ, а въ концѣ исполняется сказанный тибетскій риѣмъ единства согласныхъ послѣдняго слога; при не повторяемости въ разныхъ стихахъ той же строфы входящихъ въ составъ этихъ слоговъ гласныхъ. Напр.:

ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ

Конечные слоги въ стихахъ этой строфы суть: въ первомъ — *tэ*, во второмъ — *та*, въ третьемъ — *ти* въ четвертомъ — *то*.

Этотъ послѣдній риѣмъ созвучія согласныхъ въ концѣ стиховъ встрѣчается однако чрезвычайно рѣдко, потому что монгольскіе стихотворцы главное вниманіе обращаютъ на риѣму первоначальнаго слога въ стихѣ и около этого начальнаго слога группируются по преимуществу всѣ особенности ихъ стихосложенія. Такъ, обращая вниманіе на особенности этихъ первыхъ слоговъ и отношеніе ихъ къ послѣдующимъ слогамъ стиховъ, мы замѣ-

тили и еще одинъ пріемъ, по которому стихотворцы, удерживая разнообразіе гласныхъ звуковъ перваго слога въ стихахъ, иногда берутъ еще на себя задачу провести эту начальную гласную перваго слога въ стихѣ по начальнымъ слогамъ всѣхъ словъ входящихъ въ составъ этого стиха. Напр.:

ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ
 ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠ

При такой ухищренности законовъ стихосложенія составители стихотвореній у монголовъ естественно должны были для удовлетворенія ихъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ изворотамъ рѣчи и мы дѣйствительно замѣчаемъ весьма многое противорѣчащее истинной чистотѣ, точности и ясности языка даже въ произведеніяхъ народнаго творчества. Еще въ большемъ количествѣ такого рода поэтическія волности выступаютъ въ литературныхъ стихотвореніяхъ монголовъ и въ стихахъ переведенныхъ съ тибетскаго. Соблюденіе чуждыхъ языку законовъ рѣчи заставляютъ здѣсь переводчиковъ прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ для удовлетворенія требованіямъ рѣчи и внѣшнихъ красотъ изложенія. Съ этою цѣлью они мѣшаютъ здѣсь разговорныя выраженія съ литературными, употребляютъ всякаго рода провинциализмы на-равнѣ съ формами рѣчи, принятыми исключительно въ языкѣ книжномъ, наконецъ навязываютъ въ предложеніе слова и формы совершенно произвольно въ ущербъ правильному и плавному теченію рѣчи и ясности ея смысла. Примѣры всего этого мы безъ труда можемъ видѣть въ представленныхъ уже образцахъ и для своихъ указаній возьмемъ двѣ строфы, нзъ которыхъ въ одной указывается способъ соединенія стиховъ единствомъ согласной начальнаго слова при различіи слѣдующихъ за нею гласныхъ, а во второй представляется образецъ того, какъ гласная начальнаго слова перваго стиха проводится по всѣмъ начальнымъ слогамъ словъ, входящихъ въ составъ этого

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
5	4	ଭିକ୍ଷୁ	ଭିକ୍ଷୁ
—	5	ଭିକ୍ଷୁମାନ	ଭିକ୍ଷୁମାନ
7	10	ଠି	ଠି
—	11	ଧର୍ମାତ୍ମା	ଧର୍ମାତ୍ମା
13	11	ମତ୍ତ	ମତ୍ତ
14	8	ମତ୍ତ	ମତ୍ତ
20	9	ମତ୍ତ	ମତ୍ତ
21	12	ମତ୍ତ	ମତ୍ତ
23	7	ସଂସାର	ସଂସାର
24	7	କର୍ମକାଣ୍ଡ	କର୍ମକାଣ୍ଡ
32	8	ଭିକ୍ଷୁମାନ	ଭିକ୍ଷୁମାନ
64	15	хоярѧн	хоирѧн
80	10	буддинскихъ	буддйскихъ
182	36	развалистою	развилистою
328	5	ଭିକ୍ଷୁମାନ	ଭିକ୍ଷୁମାନ
330	21	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
337	16	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
338	30	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
339	12	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
—	24	ମତ୍ତ	ମତ୍ତ
340	2	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
343	6	ମତ୍ତମାନ	ମତ୍ତମାନ
—	8	ମତ୍ତମାନମାନ	ମତ୍ତମାନମାନ
—	9	ମତ୍ତମାନମାନମାନ	ମତ୍ତମାନମାନମାନ

~~JUL 22 '51 H~~

